

ОЛЬГА
ЛАРИОНОВА

ВЕНЦЕНОСНЫЙ
КРЭГ

ОЛЬГА
ЛАРИОНОВА

ВЕНЦЕНОСНЫЙ
КРЭГ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
«ДАЛЕКАЯ РАДУГА»

Светлана Герцева

Сергей Бережной

Николай Науменко

Андрей Чертков

Николай Ютанов

Серия основана в 1996 году

Ольга
Ларионова

ВЕНЦЕНОСНЫЙ КРЭГ

АСТ

Москва

Terra Fantastica

Санкт-Петербург

ББК 84(2Рос-Рус)6

Л 25

УДК 882

Серия основана в 1996 году

**Иллюстрации
Яны Ашмаиной**

**В оформлении обложки
использована работа Луиса Ройо.
Публикуется с разрешения художника
и его агентов Norma Editorial S. A.
и Александра Корженевского.**

Все права защищены. Ни одна из частей настоящего издания и все издание в целом не могут быть воспроизведены, сохранены на печатных формах или любым другим способом обращены в иную форму хранения информации: электронным, механическим, фотокопировальным и другими, без предварительного согласования с издателями.

Л 8820000000

**ISBN 5-7921-0067-5
ISBN 5-88196-662-7 (АСТ)**

© Текст. О. Ларионова, 1996
© Иллюстрации. Я. Ашмаиной, 1996
© Дизайн книги. А. Нечаев, 1996
© Послесловие. С. Паншин, 1996
© Обложка. Luis Royo, 1983
© АСТ, 1996

™ TERRA FANTASTICA

ЧАКРА КЕНТАВРА

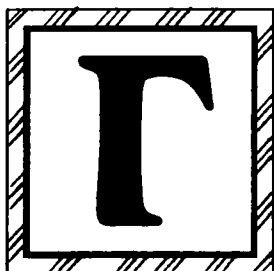
(ЭСКИЗ КОМПОЗИЦИИ № 413)

ДОЧЬ ДЖАСПЕРА

Часть первая

I. ТРЕТИЙ В ИГРЕ — РОК

Голос возник в анфиладе вечерних покоев. Он еще не звучал, незванный и неминуемый, а сторожевые выюнки, свисавшие со стрельчатых прохладных арок филигранных комнат, следующих друг за другом, как составленные в ряд шкатулки, уже уловили присутствие постороннего и пугливо свернули свои паутинные стебельки в упругие спиральки. Нездешние цветы и травы, чеканные накладки стен и потолков... Здесь все оставалось так же, как было при жизни Тариты-Мур — властной и одинокой хозяйки этих покоев, любившей проводить предзакатные часы нелегких раздумий в уединенной тиши своего зимнего сада.

Теперь он, эрл Асмур, ее сын, владетельный ленник короля всегда зеленого и когда-то счастливого Джаспера, был полновластным и единоличным хозяином всего необозримого в своей протяженности замка, и только сервы, позвякивая членистыми манипуляторами, исчезали при его приближении; но, кроме всей этой безликой полупресмы-

кающейся армии, ни единой тени не возникало в древних прадедовских стенах.

Впрочем, в былые времена здесь появлялась скользкая светлая тень, но он гнал от себя это воспоминание, ибо в настоящем этому уже не было места...

Внезапно воздух в комнате уплотнился и затрепетал — верный признак того, что здесь возникло неосязаемое.

— Мой слух принадлежит тебе, вошедший без зова! — проговорил Асмур, нарочито сдержанно, пряча природное высокомерие, — кем бы ни оказался его невидимый собеседник, он заведомо ниже по роду и титулу; но раз уж этого разговора не избежать, то надо хотя бы постараться побыстрее его закончить, а сдержанность — сестра краткости.

— Эрл Асмур... — Высокий юношеский голос зазвучал и сорвался. Голос, чересчур звонкий для комнаты-шкатулки. — Высокородный эрл, как велит нам закон предков, мы собрались у наших летучих кораблей; нас девять, и у каждого из нас на перчатке тот, кто ждет выполнения Уговора.

Юноша говорил учтиво, и главное — сегодня он имел право говорить без вызова. Потому что десятым кораблем должен стать именно корабль Асмур. Ему — вести армаду, им — подчиняться. Тот, кто говорил сейчас с ним, был самым юным, хотя на все время похода эти девять становились равными друг другу. Но право докладывать командору о готовности отряда по многовековой традиции предоставлялось младшему.

Традиции, обычаи, клятвы... Скоро на Джаспере их станет больше, чем самих обитателей. Асмур устало откинулся на спинку узенького материнского кресла, так что черноперый крэг, задремавший было на его плечах, недовольно щелкнул клювом. Лицо владетельного эрла приобрело то внешне безмятежное выражение, которое не соответствовало мучительному состоянию его души, обуреваемой горестными заботами — от мелких житейских неурядиц до скорбных и безнадежных дум о судьбах всего Джаспера.

— Назови себя! — велел он невидимому собеседнику ровным и спокойным тоном, в который против его воли проникла излишняя суровость.

Разумеется, он мог пригласить юношу сюда, это дозволялось ритуалом выполнения Уговора и в последние годы стало даже чем-то вроде традиции хорошего тона, но Асмур, последний из равнопрестольного рода Муров, мог позволить себе нарушить скороспелый обычай, чтобы в этот последний вечер на Джаспере еще несколько часов побыть одному.

Завтра они будут вместе, и это надолго.

Но этот вечер он проведет так, как угодно ему.

Недаром мона Сэниа, опуская ресницы, печально говорила ему: «У тебя душа крэга...»

— Благородный эрл, я седьмой сын владетельного Эля, и мое полное имя — Гаррэль.

Странно, в голосе седьмого сына могло бы звучать и поболее гордости, если даже не спесь. Ведь именно младшему, ненаследному, — и честь, и почет. Так повелось с Черных Времен. Тем не менее в его интонациях проскальзывало нечто, напоминавшее приниженность и уязвленность, ставшие привычкой. Отчего бы?

А может, у него...

Асмур резко оборвал течение собственных мыслей. Веяние новых традиций чуть ли не обязывало его предложить Гаррэлю явиться лично в замок Муров, и тогда сразу стало бы ясно, что там неладно у младшего отпрыска многодетного рода Элей. Он этой традиции не последовал — значит, нечего и гадать. Завтра все само собой прояснится. Завтра.

— Завтра, — проговорил он надменно, как и подобает командору, — мы отправимся в путь в то время, которое укажет нам предначертание. Обратимся же к нему, не мешкая, чтобы те, кто хочет что-либо завещать ближним своим, могли это сделать заблаговременно.

Голос Асмуров был ровен и властен — да, ему самому не придется оставлять завещания, он одинок, как крэг, и вряд ли Гаррэль и те, кто окружает его на пустынной

стоянке звездных кораблей, не знают этого. Он — последний в роду, и все-таки каждый из его дружины горд и счастлив тем, что его поведет сам владетельный Асмур.

Он резко поднялся, оттолкнувшись от подлокотников резного кресла, и от этого движения тусклые серебряные когти, привычно замкнувшиеся на его запястьях, стиснулись еще крепче — крэг давно привык к стремительности движений своего хозяина. Наклоняясь под каждой аркой, чтобы свисавшими с потолка выюнками не потревожить остроклювую голову, лежащую на его белых волосах, точно пепельный капюшон, он прошел всю анфиладу, залитую закатным светом, и остановился перед маленьким домашним алтарем из чернокости, внутри которого хранилась ониксовая фигурка священного крэга. Он возложил на фигурку правую ладонь, и тут же в основании алтаря словно сам собой раскрылся тайник, откуда с мелодичным звоном выдвинулся неприметный до той поры ящичек.

Асмур подвигал кистью руки, ослабляя жесткую хватку когтей, и вынул из ящичка небольшую, но тяжелую колоду карт. Ему показалось, что при этом его крэг начал часто дышать. «Что за чушь», — сказал он себе. Крэги вообще не дышат, это знает даже ребенок.

Он долго тасовал карты, хотя ему было глубоко безразлично, как пойдет игра. Наконец решился и перевернул колоду нижней картой вверх.

Темно-лиловый контур Ползучего Грифона смотрел на него.

Темно-лиловый. Почти черный.

Он задержал выдох, выравнивая дыхание. А ведь трусом он не был.

— Козыри — ночные, — проговорил он совершенно естественным тоном.

Голос Гаррэля, неслышимо сопровождавший его через все покои сюда, к тайнику, тоже ничем себя не выдал — ни вздоха, ни возгласа. А ведь ночные козыри не только предписывают час вылета — они еще и предсказывают то, что кто-то из них не вернется из этого похода. Кто-то. Если — не все.

— Держи! — велел Асмур, швыряя карту в *ничто*, которое он определил на уровне окна.

Он никогда не задумывался над тем, что же представляет собой это самое загадочное *ничто*. Вероятно, абсолютная пустота, гораздо более пустая, чем межзвездный вакуум. Столь же непостижима была переброска реальных предметов через эту самую пустоту. Понимания никакого здесь и не требовалось, этому просто учили в раннем детстве: нужно представить себе прозрачную вертикальную плоскость, за которой начинается это самое бесконечное *ничто*. Оно чуждо реальному миру Джаспера и мгновенно выталкивает обратно любое постороннее тело, но, как когда-то выяснилось, вовсе не обязательно в ту же самую точку, откуда было оно послано. Достаточно мысленно увидеть — только со всей четкостью, до мельчайших деталей — то место, куда адресуешь свою вещь, и она окажется там в тот же миг.

В далекой юности Асмур пытался найти объяснение этому в старинных книгах, напечатанных еще до Черных Времен — когда существовали институты, университеты, исследовательские лаборатории... Он нашел множество непонятных слов: гиперпространственная трансгрессия, континуум субизмерений, имманентная телекинетика. Смысл их был утерян безвозвратно, и ему пришлось отказаться от своих поисков и продолжать бездумно пользоваться чудесной способностью посылать в любое место — хоть на другую планету! — любую вещь, или человека, или самого себя. Или только голос.

Сегодня это были карты, которые он посылал к Звездной пристани.

Белый глянцеви́тый прямоугольник, испещренный почти черным крапом, долетел до оконной рамы и исчез, словно растаял, — это значило, что там, у своих кораблей, Гаррэль протянул руку в *ничто* и принял переданное. Вторую карту Асмур положил перед собой. Он приблизил воображаемую границу, чтобы не терять лишнего времени, и следующую карту швырнул без предупреждения — она пропала, едва отделившись от его руки. Молодец маль-

чишка, перехватывает по едва уловимому шелесту и не промахивается. А ведь это еще самый младший из его звездной дружины. Асмур сдал всю колоду, и игра началась. Он не следил за тем, какие карты выпадали ему, и теперь, разом раскрыв многолепестковый веер, он почти с изумлением обнаружил у себя на руках чуть ли не всю темно-лиловую козырную масть.

Забавно, в кои веки ему повезло, и надо же — именно в этой игре, где не бывает выигравшего. Потому что играют они не вдвоем с Гаррэлем, а втроем, и третий партнер — это судьба. И чем бы ни закончился кон, выигрывает только она.

Созвездия Вселенной — вот какой рисунок несли на себе глянцевые негнущиеся прямоугольники, последняя выигравшая карта должна была означить цель их путешествия.

— Твой ход, — поторопил эрл.

В сгущавшемся полумраке блеснула вылетевшая из *ничто* карта — она опустилась точно на черепаховый столик, едва-едва возвышавшийся над полом. Карта была не сильной — Прялка Судьбы, да и масть была оранжевой, дневной, прямо противоположной ночным козырям.

— Колесо Златопрялки? Хм... Бью Собачьей Колесницей.

Так. Оба созвездия вышли из игры, и хорошо — они лежали слишком близко к галактическому ядру, там просто нечего было делать. Кто же выберет себе приют в таком жарком месте?

— Болотный Серв и Кометный Гад! — Он подбросил две голубые вечерние карты, но они не исчезли, а, наоборот, удвоились — Гаррэль скинул, и даже не в масть. Владетельный эрл недоверчиво приподнял бровь: все выходило слишком уж гладко, как по писаному, — из игры изымались либо чересчур опасные, либо совсем убогие, заштатные созвездия, на которые постыдился бы лететь и отщепенец с позорным пестрым крестом.

Судьба прикидывалась простушкой, и ее надо было испытать.

Теперь за ним было два хода подряд, и он выкинул одну за другой самые грозные, роковые карты с символами чудовищно неуравновешенных звезд и рушащихся созвездий. К его удивлению, Гаррэль наскреб маленьких козырей, и страшные карты тоже вышли из игры.

Судьба строила из себя дурочку. Такое обычно плохо кончалось.

Настал черед юноши, и совершенно неожиданно для противника он выбросил сразу целую семерку карт — знаменитый Материнский Сад. И как это Асмур не сообразил, что у него самого на руках ни одного созвездия, входящего в легендарную плеяду?

И вдруг его охватил высокомерный гнев. Он совершенно забыл об этой семерке, мечте звездоплавателей, но они-то там, у своих кораблей, все видели с самого начала и ликовали, предвкушая блистательный финал игры с таким сокровищем, выпавшим самому юному из них! Да, Материнский Сад практически непобедим, теперь придется скидывать что попало, а семерка останется в игре с самого верха — таковы уж древние правила. Можно было только изумляться тому, что при всей своей неуязвимости Материнский Сад, который, вероятно, уже не один раз собирался в чьих-то счастливых руках — да должен был собираться согласно законам вероятности! — эта беспригрышная семерка на деле не выиграла ни разу. Ведь если бы это случилось, то по тем же правилам победившая карта должна была навеки исчезнуть из магической колоды, непостижимым образом заменившись другим созвездием.

Семерка превратилась бы в шестерку, затем — в пятерку... Но этого не происходило. Старинные легенды говорили о счастливицах, которые находились на волосок от удачи, и все-таки за полтора десятка веков ни одна карта Материнского Сада не досталась никому в награду, продолжая дразнить своей недоступностью. Чудеса? Не иначе.

Впрочем, стоило ли удивляться странной неприкосновенности волшебной семерки карт, когда в магической игре

с судьбой существовало и без того достаточно чудес? Вот, например, исчезновение выигравшей карты — каким образом они пропадают сразу во всех колодах Джаспера? И как, каким чудом обозначение звездной системы, куда кто-то уже направил свой путь, заменяется на символ совсем другого созвездия, снова одинакового во всех колодах? На этот вопрос никто ответить не мог. Так предписывал Древний Закон, родившийся одновременно с Уговором.

Тайны магических колод, однако, волновали только мальчишек вроде Гаррэля. Закаленные мужи, каким был Асмур из рода Муров, не снисходят до копания в происхождении сил, движущих их судьбой. К силе магического закона присовокупить собственную мощь и разум — вот в чем доблесть и честь. А не в сомнении.

Семь карт нежнейшей утренней масти, перламутрово мерцающая, лежали перед ним. Почему же до сих пор никто из славных командоров не позволил выиграть ни одной из них?

Да потому, что это — тихие, благополучные созвездия, и ни одно из них не потребует доблести и не принесет славы. Ищущему битвы покой ни к чему.

Командор произвел секундный смотр грозному строю темно-лилового козырного войска и безжалостно изничтожил каждую из пленительных утренних картинок. И то, что после этого осталось у него на руках, было по странной случайности также одним семейством, и он мог предъявить эти ужасающие карты всей пятеркой, что он и сделал незамедлительно:

— Безухая Русалка, Могильный Гриф, Трижды Распятый, Тлеющая Мумия... и Костлявый Кентавр!

Почему карты расположились именно в такой последовательности? Объяснить это он бы не смог.

Ему не нужно было переноситься туда, к застывшим в предстартовой готовности кораблям, — он и так до мельчайших подробностей представлял себе эту девятку юношей, сидящих тесным кружком на остывающем камне Звездной пристани, и последние лучи заходящего солнца

золотят брошенные его рукой зловещие карты. И верхний из этих прямоугольников с траурными символами созвездий — карта, именуемая Костлявый Кентавр.

Он, эрл Асмур, не желал и не добивался такой цели. Судьба.

— Гаррэль, седьмой сын Эля! — проговорил Асмур, как того требовал древний ритуал. — Возвести остальным, что согласно предначертанию нам выпала ночь и на ее исходе мы отправляемся в путь... Цель — перед тобою.

Предначертание не оставило им ни дня, ни утра.

— Слушаю, могучий эрл! — прозвучал в ответ юношеский голос. И исчез.

Асмур снова был один в своем древнем исполинском замке.

II. НЕ ВСЕ, ЧТО СВЕТЛОЕ, — СВЕТ, НЕ ВСЕ, ЧТО ТЕМНОЕ, — ТЬМА

Он стоял перед черной чашей, в которой уже едва угадывались контуры крылатого существа. Вечер был на исходе — собственно, он уже и не в счет. Значит, остается всего одна ночь, да и то не полная. И мона Сэния, с которой он не успеет проститься. Судьба.

Он опоясался мечом, взвесил на ладони тяжесть полевого десинтора. Стоило ли его брать? На вечернем пути он вряд ли понадобится, но Асмур отнюдь не был уверен, что сумеет (или захочет) вернуться к полуночи в родительский замок. Он накинул бархатный плащ, по рассеянности упустив из виду, что закаленный боевой крэг нежностей не терпел. Когда Асмур застегнул на плече драгоценный аграф, крэг поочередно разжал когти, вытянул крылья из-под мягких складок материи и снова старательно уложил их поверх плаща, прикрыв руки и плечи хозяина и ощутило замкнув серебряные когти на его запястьях. Пепельные тугие перья были почти неотличимы от темно-серого бархата плаща и камзола, и зоркая легкая

голова с серебристым султаном укрывала белые волосы эрла, точно живой капюшон.

Крэг нервно подрагивал, укладывая еще плотнее перо к перу, — предчувствовал ночную дорогу. Разговор Асмур с Гаррэлем он слышал — но вот угадывал ли он мысли человека?

Почти три десятка лет провели они вместе — Асмур и его крэг, но ответа на этот вопрос мудрый эрл так и не знал. Он спустился на первый этаж по витой лесенке, выточенной из целого ствола душистого дерева. Семейная легенда гласила, что основание ее прикрывает вход в заклётое подземелье, тянущееся под всем континентом. Проверить это было невозможно — несколько веков назад прапрапрадед Асмур посадил на этом месте дерево, а когда ствол достиг требуемой толщины, искусные сервы обрубали ветви, выточили резные ступеньки и перильца, укрепили их чеканными накладками и подпорками.

А потом вокруг лесенки возвели еще одну замковую башню. И не потому ли, что в неистлевших еще корнях цепко хранилась древняя тайна, эту лесенку, ведущую в вечерние покои, так любила его мать?..

Он в последний раз коснулся душистых перилец и шагнул в малую переднюю, дверь из которой вела на конюшенный двор. Пара сервов-чистильщиков, возившихся с его сапогами (из которых правый всегда был почищен добросовестнее, чем левый), приветствовала хозяина неяркой вспышкой голубых нагрудных фонарей — было известно, что эрл Асмур, сам предельно молчаливый, шума и возгласов не любил. Но вот третий серв, совершенно определенно валявший дурака в непопуганном ему месте, попытался незаметно ускользнуть за порог, никоим образом не поприветствовав хозяина. Скверно, десинтор остался в гадальной, придется за ним возвращаться, а это дурная примета.

Мысль эта была бесстрастна и не окрашена ни гневом, ни даже раздражением. Он легко взбежал обратно, нашел оружие и, отпихнув услужливых близнецов, бросившихся к нему с сапогами, тяжелым ударом ноги распахнул дверь.

Третий серв улепетывал, перекатываясь на кривых ножках, и если бы не косой свет первой луны, которая уже успела взойти, Асмур наверняка упустил бы беглеца. Но длинная тень мела двор, выдавая бегущего, и шипящий всхлип десинторного разряда отразился от зубчатых щербатых стен.

Серв вспыхнул, как пустая канистра, и размазался маслянистым пятном по известковым плитам. Крэг брезгливо поежился, и Асмуру передалось это движение.

— Все правильно, дружище, — негромко проговорил он, — когда надолго оставляешь дом, в нем все должно быть в порядке.

Теперь — дорога. Разумеется, он мог бы перенестись к цели своего вечернего путешествия так же естественно и мгновенно, как на исходе ночи они вдсятером отправятся к зловещим звездам Костлявого Кентавра. Но он желал проститься с Джаспером, прекрасным и пустеющим Джаспером, который он не променял бы и на все семь сказочных созвездий Материнского Сада, и прощанье его состояло в том, чтобы омыть лицо серебристым лунным воздухом и наполнить каждую клеточку тела памятью запахов и отзвуков, переливов света и тяжести.

И когда кто-то из тех, кто последует за ним, утратит хотя бы крупицу собственной памяти — долг его, командора Асмур, поделиться с ним, ибо клад воспоминаний — единственное из сокровищ, которое нельзя уменьшить, отдавая часть его ближнему.

Он подтянул отвороты походных сапог, сдернул с единорожьей головы, прибитой над входом, плетенную из змеиных жил нагайку и послал в сгущающуюся темноту гортанный, никаким сочетанием букв не передаваемый звук — родовой клич Муров. И тотчас в ответ раздалось высокое, нетерпеливое ржание — видно, конь застоялся и, угадывая дальние сборы своего хозяина, страшился, что его с собой не возьмут.

— Ко мне! — крикнул Асмур, чтобы доставить ему удовольствие услышать хозяйский приказ, а конь уже вылетал из конюшни, расправляя крылья и играя блеском вороной чешуи.

Бесконечно длинным, грациозным прыжком преодолел он расстояние от конюшенной башни до порога замка и опустил перед своим господином, подогнув передние ноги и одновременно складывая боевую чешую, которая не позволила бы никому постороннему не то что оседлать его, а даже приблизиться к нему. Краем глаза Асмур отметил, что при этом движении конь таки ухитрился задеть отточенными, как бритва, защитными чешуйками левое крыло крэга. Показалось или они действительно не ладили? Во всяком случае, если и показалось, то не в первый раз.

Крэг флегматично поднял крыло, расчесал когтем султан над теменным глазом и так же спокойно, игнорируя агрессивный выпад со стороны коня, скользнул атласным опереньем по рукаву камзола и снова замер в своей обычной зоркой неподвижности.

— Ты мне побалууй — оставлю в самом тесном закуте, — пообещал Асмур, и конь испуганно захлопал глазными заслонками. Окрик был риторическим — ему в любом случае пришлось бы взять коня с собой, а последний просто не смел, не мог, да что там говорить — генетически был не способен не повиноваться хозяину, так как вел свою родословную от рыцарских коней основателя рода Муров. Вероятно, надо было попросту приказать ему вспылать к крэгу безмерным дружелюбием.

Но почему-то Асмур, не в первый раз озадаченный взаимоотношениями между конем и крэгом, такого приказа не отдал. Нахмурившись, он наклонился и стянул узлами пряди стремянной шерсти, выбивающейся из-под крупных пластин чешуи. Вдел сапог в волосяную петлю, одним толчком очутился в седельном гнезде. Все это мерно и неторопливо, как и подобает владельческому эрлу. Не говоря уже о том, что, может статься, сиделся на коня этот эрл в последний раз.

Ведь козыри — ночные...

Конь, игриво изгибая шею, расправлял крылья, подставляя их голубому лунному свету. Делал это он, несомненно, в пику крэгу, который по сравнению с конем казался куцым птенцом.

— Но-но, — примирительно сказал Асмур, похлопывая коня жесткой перчаткой и одновременно проводя подбородком по тугим перьям, укрывавшим наплечники камзола. — Поедем шагом.

Это относилось к обоим, но Асмур поймал себя на том, что он вроде бы извиняется перед крэгом за недружелюбие коня. Да, неплохо было бы перед походом до конца выяснить их взаимоотношения, да жаль — эта мысль несколько запоздала. Оба они ему преданны, но, видят древние боги, до чего же по-разному!

Конь предан, потому что он — конь, это у него в крови.

Крэг предан, потому что он верен Уговору — то есть самому себе.

Или всем крэгам? ,

Он тронул коня коленями, тот гордо пересек двор, миновал величественный донжон, и копыта его мерно зацокали по ночной дороге, брызжа тусклыми искрами. Замок с игольчатыми шпилями, кружевными виадуками дамских мостков, по которым некому уже было гулять, с шатрами конюшен и опалово-лунными бассейнами сиреников, с глухими коробками заброшенных казарм и призрачными решетками чутких до одушевленности радаров медленно отступал назад, в темноту, в прошлое и, возможно, в небытие.

Ведь козыри — ночные!

Солнце, послав в вышину традиционный зеленый луч, уступило турмалиновую чашу небосвода веренице лун, и они окрашивали узкие поля кормового бесцветника, окаймляющие дорогу, в печальные опаловые полутона. За лугами следовали однообразные коробчатые корпуса нефтеперегонного комбината — фамильный лен Муров, еще в глубокой древности, до Уговора, пожалованный королем Джаспера старейшему из их рода. С тех пор из поколения в поколение все Муры становились химиками по наследственному образованию, оставаясь в душе и по призванию воинами, и очередной король подтверждал ленное право Муров, хотя с каждым веком это славное семейство становилось все малочисленнее.

Когда умер отец Асмур, у его вдовы остался один малолетний сын, и никто не предложил ей ни руки, ни поддержки. Восемнадцать лет правила Тарита-Мур замком, заводами и сервами, все это время безвыездно находясь вдвоем с сыном в громадных, чуть ли не самых обширных на Джаспере ленных землях. Едва сын достиг совершеннолетия, прослушав весь универсум, положенный будущим химикам, и сразившись на турнире в честь одиннадцатилетия ненаследной принцессы Сэниа, как она с облегчением передала ему все управление, теща себя мечтой о возрождении семейного счастья... Но надежда на женитьбу сына и появление внуков, которым хотела посвятить себя владительная Тарита-Мур, не оправдалась. Что произошло там, на турнире, когда ее сын одного за другим сразил мечом, десинтором и голыми руками трех не виданных по мощи боевых сервов? Упоенная доблестью сына, она смотрела на него и только на него...

А смотреть-то нужно было на принцессу.

Она допросила всех сервов, сопровождавших их на турнир, допросила с пристрастием, посекундно воспроизводя зрительную и эмоциональную память каждого из них. Нет, ничего не произошло между ее сыном и своенравной принцессой, да и что могло произойти в тот день, когда девочке минуло одиннадцать лет?

Но с тех пор он не поднял глаз ни на одну красавицу Джаспера, и когда мона Сэниа достигла совершеннолетия, Тарита-Мур нисколько не удивилась, ее сын тайно попросил у короля руки его дочери.

И еще меньше удивилась она, когда Асмур получил отказ.

Слишком обширны были ленные владения Муров; случись что с Асмуrom — управление всеми заводами легло бы на принцев, которые и без того, как подобало королевской семье, осуществляли координацию экономики всего Джаспера; да и самой моне Сэниа пришлось бы взяться за ум и за химию, а о ней поговаривали, что Ее Своенравию ничего не было мило, кроме столь несвойственных нежному телу военных утех да бессмысленных

многодневных скачек от владения к владению, где на тысячи миль не встретишь человека, а лишь поля, да чистые родники, да реденькие заводы, да суетящиеся сервы, собирающие на осенних безветренных склонах небогатый урожай. Станный нрав был у принцессы, ничего не скажешь, и слава древним богам, что была она младшей, а не наследной.

Знала ли юная царственная причудница о сватовстве Асмуре? Тарита-Мур была слишком горда, чтобы спрашивать о подробностях, когда отказано в главном. Было, конечно, одно место, где знали все и обо всех, и она, как любой житель Джаспера, должна была время от времени там появляться, и этим местом был королевский дворец.

Действительно, несколько раз в году вся родовая знать собиралась здесь, в городе-дворце, — несколько десятков тысяч людей, и это было все совершеннолетнее население Джаспера, ибо, кроме знати, никто и не выжил тогда, в страшную эпоху Черных Времен. Теперь они собирались, чтобы вершить судьбы своей планеты, и вершили, кто как мог, — одни, избранные, в Большом Диване, подле координационного экономического совета, состоящего из короля и принцев; другие поблизости, в бесчисленных галереях, раздумных бассейнах и потаенных кабинетах для различных консультативных комиссий. То, о чем говорилось в этом сердце джасперианской политики, как правило, оставалось для непосвященных тайной.

Далее, за кабинетами мудрецов, фосфорическими огнями теплились залы эстетов, где мерцала музыка, творились древние молитвенные ритуалы или еретические камлания — по моде и по заказу; там не решали судеб, там скептически комментировали решения.

Еще далее искрилось бальное веселье, где не интересовались политикой и не изощрялись в скептицизме, а попросту пренебрегали и тем и другим; это был живой пояс, обрамлявший старческое ядро, — здесь просто упивались жизнью... Как у кого получалось.

А за шумными чертогами начинались королевские сады, где стыдливая зелень тянулась ввысь, заслоняя тех, кто

искал уединения, и нередко можно было увидеть двух крэгов, грудь к груди взмывающих в вечернее небо, крыло к крылу, клюв к клюву, — много ли надо крэгам, которые сами не ищут себе пару, а довольствуются выбором своих хозяев!

Но не только любовь заполняла вечерние королевские сады — те, кому она была недоступна или не нужна, наполняли лабиринты аллей и гнезда беседок свежайшими сплетнями. Естественно, венчали всё сплетни о королевском доме, но, судя по их монотонности, принцесса Сэниа ни в чем не изменила своих привычек, независимо от того, знала она или не знала о сватовстве Асмура.

Так собирались они не чаще шести раз в год — владетельная элита Джаспера, все ее человеческое население, тающее год от года. Шелестели бархатные наряды, над головками модниц изящно приподнимали свои клювы крэги, усыпанные флюоресцирующей пудрой; и, расходясь к полуночи, гости гадали, о чем же шла речь сегодня в святая святых — Большом Диване. И никто, даже высокоумудрая Тарита, не мог бы предположить, что и там занимались самым обычным делом — сплетничали о принцессе Сэниа.

Впрочем, ни у кого ни в Диване, ни в аллеях вечерних садов не было повода толковать о чем-либо, кроме ее неумеренных скачек и отнюдь не женских упражнений с рапирой.

Это Асмура устраивало. Он был спокоен: никто сейчас не станет судачить о том, что он отправился в путь, так и не простившись с моной Сэниа.

III. БЕРЕГИСЬ, АЛХИМИК!

Четвертая луна поднялась над горизонтом, когда плантации бесцветника, раскинувшиеся влево и вправо насколько видел глаз, вдруг оборвались, уступая место естественному лугу. Шелестящие купы деревьев заставляли коня настороженно вздергивать голову и косить мерцаю-

щим глазом на хозяина. Но тот молчал, бросив поводья и скрестив прикрытые перьями руки. Дремал и крэг, или так только казалось коню — ведь крэги никогда не спят. Близкая зарница сполоснула небо химерическим бликом, и тогда над дорогой нависло полукружье кладбищенской арки.

Конь задержал шаг, ударил копытом в серебряный порог — раздался удар гонга, отозвавшийся эхом многозвучного перезвона там, за аркой.

— Тебе что, впервой?.. — сурово проговорил Асмур, ножнами меча проводя по конской чешуе. — Трогай, уже полночь...

Конь всхрапнул, подбадривая самого себя, и вступил под свод стрельчатой арки.

Узкая аллея, прямая как лунный луч, пролежала между двумя рядами безыскусных стел и пирамид. Это были древние захоронения, и люди, покоящиеся тут, далеко не все носили славное имя Муров. Вот силуэты памятников потянулись вверх, их венчали шары, короны, звезды; раскидистые, как деревья, они указывали на захоронение целого рода — пышное, горделивое...

И вдруг все оборвалось.

Несколько десятков убогих могил — на них не стояло даже имени, потому что случалось — в одну яму сваливали несколько безвестных тел. Страшная пора Черных Времен, когда тысячи трупов тлели непогребенными, а те, кто удостоился общей могилы, не нашли никого, кто мог бы выцарапать на простой доске несколько корявых знаков... Да и не на каждом холмике лежал камень. Иногда это были просто безымянные насыпи, но они чтились в семье, потому что, согласно преданиям, здесь уже тогда хоронили одних только Муров. Остальные, не принадлежавшие к элите планеты, были обречены лежать где-то в полях, где кости их быстро истлевали, или на заводских дворах, откуда бездумные сервы-могильщики стаскивали их, как обыкновенную падаль, в печи для мусора.

Асмур горько вздохнул, хотя вряд ли смог бы точно определить причину этой горечи: нелюдимый и одинокий,

он не мог всерьез сожалеть о тех временах, когда на Джаспере — тогда еще веселом Джаспере — людей было так много, что они, даже не собираясь вместе по специальному королевскому приказу, могли видеть друг друга и говорить друг с другом.

Крэг издал тоже что-то подобное вздоху, и Асмур понял охватившее его чувство (если крэги вообще способны чувствовать): убогие земляные холмы уступили место башенным надгробьям. Может быть, глядя на эти причудливые островерхие теремки, пепельный крэг впервые реально представил себе, как и он когда-нибудь влетит в такой вот одинокий домик-усыпальницу, чтобы ждать выполнения Уговора? Асмур многое дал бы сейчас за то, чтобы посмотреть в глаза своему крэгу и прочитать там ответ — боится тот смертного часа своего хозяина или ждет его?

Но своему крэгу в глаза не взглянешь, а зеркал эти загадочные существа не терпят.

Дорожка стала шире, и все полуночные луны поочередно заглядывали в сквозные окна пустых надгробных теремов. Наконец конь переступил через белую пену мелколилейника, выплеснувшегося на плиты дороги, фыркнул и, не ожидая приказа, остановился. Это было последнее надгробье справа от кладбищенской дороги Муров, и недавно возведенная стрельчатая часовенка над ним не была пуста, как остальные.

Эрл Асмур, словно очнувшись, достал из седельной сумы кожаную рукавицу и натянул ее на левую руку, осторожно сдвинув цепкие когти собственного крэга немножко повыше. Не сходя с седла, склонил голову и почтительно произнес:

— Друг и поводырь моей матери, крэг Тариты-Мур! Я, ее сын, пришел, чтобы выполнить Уговор!

И тотчас же зашелестел водопад ломких перьев, и палево-белый от старости крэг выскользнул из надгробной часовенки, сделал полный круг над пустынным кладбищем, словно прощаясь с этими местами, и опустился на левую руку эрла, обтянутую перчаткой.

Асмур знал, что там, возле летучих кораблей, на Звездной пристани, девять осиротевших крэгов сидят на руках у юношей, объединившихся, чтобы выполнить Уговор, много сотен лет назад заключенный между людьми и крэгами.

Девять крылатых существ терпеливо ждут своего часа; крэг Тариты-Мур — десятый и последний. Они служили своим хозяевам всю жизнь, подчас долгую и нелегкую; и все они до единого были верны той немислимой верностью крэгов, которая сама по себе — загадка; и вот настало время сыновьям расплатиться за отцов и матерей. И плату крэги признают только одну: полное, немислимое одиночество.

Один на целой планете. Эту планету надо было найти — и подарить.

Заботливо проверив, удобно ли седому крэгу на жесткой перчатке, Асмур дернул повод и повернул коня, объезжая материнское надгробье, — и вдруг до его слуха донесся топот. Кто-то мчался во весь опор и был уже совсем близко — гром копыт не прилетел издалека, а возник прямо тут, на кладбище, где-то возле земляных безымянных холмов.

Значит, тот, кто догонял Асмур, прекрасно знал, где его искать. Эрл приподнял брови, удивляясь легкости и нервному ритму приближающегося топота и одновременно опуская правую руку на рукоять меча. Серв не скакал бы на коне, а законы Джаспера запрещают поднимать десинтор на человека. И все-таки...

Он осторожно пересадил Тарита-крэга с левой руки на круп коня. Нет на Джаспере человека, который посягнул бы на неприкосновенность хотя бы одного перышка крэга, — но случай, но полуночная тьма... Впрочем, настоящей темноты здесь не было — вот и сейчас вечерняя луна уже скрылась, зато две ослепительно белых и одна медовая освещали стройный ряд надгробий с какой-то неестественной, зловещей четкостью.

Козыри — ночные, поэтому луны должны быть за него. И уж если они высвечивают кого-то с такой безжалост-

ностью — то это, разумеется, враг. Он вытащил свой меч уже наполовину, когда розовато-сиреневый конь, словно сказочная аметистовая птица, стелющаяся над самой землей, вылетел из-за надгробья Тариты-Мур и, осаженный опытной рукой, взвился на дыбы. Искристая грива мешалась с целым каскадом таких же шелковистых, разбрасывающих заревые блики, перьев; разглядеть всадника, чью голову и руки укрывал этот убор длинноперого фламинго, было совершенно невозможно, но Асмuru и не нужно было глядеть.

Только у одного человека на Джаспере был такой конь и такой крэг. Вороной заржал, призывно и просительно, и двинулся навстречу аметистовой кобыле. Асмур рванул было поводья — и понял, что это осталось только мыслью, но не действием: не послушались руки. Вороной захрапел и поймал зубами прядь гривы, налетевшей на него сиреневым ореолом, и в тот же миг легкие руки, укутанные невесомыми перьями, обвились вокруг шеи Асмura, и тело, охлажденное встречным ветром, напоенное полевыми ночными запахами, прильнуло к нему, и он почувствовал, как цепкие когти на его запястьях разжимаются, привычный, неотделимый от него капюшон соскальзывает с волос — и мир вокруг в тот же миг погас, и он уже не видел, как два крэга, пепельный и аметистовый, прижавшись друг к другу и превратившись в одну серо-сиреневую птицу, взмыли в ночную тишину, мелко трепеща сомкнутыми напряженными крыльями.

— Без меня... улететь без меня... — пробивался сквозь эту темноту срывающийся, ломкий от горечи голос, и звуки его запутывались в его волосах, покрывали бархатистым щекочущим налетом его лицо, — без меня, без меня, без меня!..

Он срывал с себя эти нежные душистые руки, на прикосновение которых он не имел права, но тут же возникали губы — терпкие, своевольные, без конца твердящие одни и те же слова, смысл которых был бы жалок, если бы их произносил кто-нибудь другой; и еще успевали они жаркой и влажной чертой повторить каждый изгиб его бровей,

губ, подбородка, навеки запечатляя в памяти контур его лица.

Но и ее губы не принадлежали ему.

— Ты сошла с ума, Сэниа, ты сошла с ума... — бормотал он потерянно и отталкивал ее, но его слова ровным счетом ничего не значили, потому что она лежала у него на руках, и ощупью он спустился с седла, держа ее так бережно, словно мог пролить; и, коснувшись сапогом земли, он уже не помнил ни о долге, ни о чести — остались только прикосновения к ее лицу, и он отыскивал губами ее ресницы, и они опускались — колкие соленые лучики, прикрывавшие ненужные в такие минуты глаза; мир сузился до касаний и шепота, до рвущегося остановиться дыхания, и только одному не было места в этом мире любви — зрению.

Потому что крэги, слившись в одно, парили в звездной вышине, а с самых Черных Времен без крэга человек от рождения слеп, как крот.

— Мы оба сошли с ума, Сэниа, — шептал Асмур, опускаясь на колени в густую траву, и кони взметнули ввысь свои крылья, воздвигая над ними живой пепельно-розовый шатер.

И в этот миг прозвучал голос:

— Берегись, Алхимик!

IV. СОЮЗ С ЗАВЕЩАНИЕМ

Голос мог принадлежать только Леснику — единственному его другу, попечителю королевских садов. Сэниа, услышав предостерегающий крик, еще сильнее прижалась к Асмuru, словно прикрывая его своим телом, и он с удивлением почувствовал у ее бедра компактную кобуру портативного десинтора.

— Крэг! Асмур-крэг! — крикнул он, беспомощный в своей непроглядной незрячести.

— Нет, нет, — зашептала Сэниа, — пока я с тобой, они ничего не смогут сделать...

Значит, она догадалась, о ком предупреждал Лесник. Асмур схватил девушку в охапку и вытянул вперед руку — теплая конская чешуя тотчас же придвинулась к его ладони. Он ошупью перебросил гибкое тело через седло, и тут же шелестящая масса перьев невесомо обрушилась на него сверху; мир крутом вспыхнул мерцающим лунным светом — глаза крэга стали его глазами. Он увидел мону Сэниа, вздернувшую поводья его вороного; черные волосы, выбившиеся из-под сиреневого перьевого покрывала, метались по гриве, и конь не противился ей, прижав чешую, хотя до сих пор никто, кроме Асмур, не мог даже приблизиться к неукротимому животному, признававшему только одного хозяина.

В другой руке принцессы мертвенно поблескивало грозное и запретное оружие, разящее молниями, а сразу же за ней, влитые в седла, высились три ее старших брата.

Асмур стремительно обернулся, обнажая лезвие дозволенного в таких случаях меча, — остальные шесть принцев стояли у него за спиной. Надо же, явились все!

Он сам мог мгновенно исчезнуть, бежать к своим кораблям, и он успел бы это сделать прежде, чем кольцо разъяренных царственных братьев сомкнется, — но здесь была его мона Сэниа...

Нет, не его.

И тем не менее он готов был скрестить оружие с любым, кто посмел бы ему об этом сказать. Он принял отказ от короля, но не позволил бы повторить его даже принцу.

— Мой меч не привык ждать, — проговорил он хрипло и высокомерно; и словно в ответ на его слова палево-серый крэг, прошелестев бессильными крыльями, опустился на меч, цепко обхватив его когтями. Теперь Асмур не мог воспользоваться этим оружием.

— Буду стрелять! — крикнула мона Сэниа. — И я не промахнусь, вы меня знаете!

Братья ее знали. Асмур — тоже.

И тут материнский крэг встряхнул головой, так что седой венчик поднялся над нею, точно рыцарский плюмаж, и издал уккоризненный клекот. Это подействовало эффек-

тивнее, чем угроза Ее Своеправия — действительно, трудно было найти проступок страшнее, чем поднять смертоносное оружие на человека.

Но ранить крэга — пусть даже нечаянно — это было самым позорным, несмываемым грехом.

Принцы осадили коней.

— Эрл Асмур, — прокричал один из тех, кто стоял за спиной моны Сэниа, кажется, самый старший, — ты знаешь, что исполняющий Уговор неприкосновенен, и как бы мы ни чувствовали себя оскорбленными, не нам, принцам крови, нарушать законы Джаспера. Поэтому мы разрешаем тебе удалиться. Полночь миновала, а предначертание указало тебе начать путь до рассвета. Ступай с миром, но помни: если, вернувшись, ты приблизишься к нашей сестре ближе чем на расстояние взгляда и голоса — мы будем драться так, как велит фамильная честь: без крэгов, вслепую, на звон шпаги.

— Я не менее вашего чту Уговор и законы Джаспера, — тяжело переводя дыхание, проговорил эрл Асмур, который задыхался от бешенства, — и тем не менее помните, высокородные принцы, что, выполнив свой долг перед крэгом моей матери, я вернусь и скрещу шпагу или кинжал, рапиру или меч по выбору с любым из вас, независимо от того, удостоит ли снова меня принцесса Сэниа слова или взгляда!

— А теперь слушайте меня! — разнесся над ночными полями звенящий голос моны Сэниа. — В отличие от вас, я плюю на Уговор и на все законы Джаспера оптом, кроме того единственного, который позволяет королевским дочерям по собственной воле выбирать себе мужа. Вы не хотите брать на себя обузу его ленных владений, которыми вам бы пришлось управлять в случае нашей смерти, — хороши братцы! Что ж, в таком случае вы мне больше не родня. Я отрекаюсь от королевской крови. Асмур! — Она нагнулась с седла и положила ему на плечо маленькую руку, опушенную аметистовыми перьями. — Ты забыл о старинном обычае — заключать брак вместе с завещанием. Тогда на них, на этих каплунов, жиреющих в Диване, в случае,

если ты не вернешься, не ляжет никаких обязательств. Ну!..

Он с тоской поглядел в ее лицо — узкое страстное лицо, обрамленное черными прядями, выбивающимися из-под фламинговой шапочки; когда-то он любил это лицо, эту девочку, не сводившую с него очарованных глаз на ее первом турнире... Но видят древние боги, как он устал от ее сумасшедшего нрава! Пусть она права и у него душа крэга, но он уже ничего не желает, кроме покоя — если не для тела, то хотя бы для души и чести! И сейчас, когда она завладела, между прочим, его конем, встала между ним и исполнением Уговора — он вдруг отчетливо понял, что гораздо сильнее любил бы ее... в воспоминании.

— Мона Сэниа, — проговорил он как можно мягче, — высокородная мона, вы разгневаны на братьев и отреклись от родства с ними, но вы забыли о своем отце!

Звук его голоса, исполненного чарующего благородства, произвел не примиряющее, как он рассчитывал, а прямо противоположное действие — от любви и горя Сэниа окончательно потеряла голову:

— Асмур, я ничего не повторяю дважды! Ты сейчас же наречешь меня своей женой, или... — Она оглянулась, пытаясь найти что-нибудь такое, чем можно было бы напугать самого Асмур.

Видят древние боги, это было чертовски трудно! Ибо напугать бесстрашного эрла могла разве что такая угроза, которая еще ни разу не прозвучала под небом Джаспера. Но и принцесса была не из пугливых: она медленно подняла руку с маленьким десинтором до уровня своего лба. И рука ее не дрожала.

— Асмур, — сказала она очень просто, — если ты этого не сделаешь, я УБЬЮ КРЭГА. Своего крэга.

Он рванулся к ней, пытаясь перехватить руку, но она оказалась проворнее — вскочив на седло ногами, она вытянулась во весь рост и теперь стояла на спине его вороного, освещенная тремя лунами, с рукой, поднятой ко лбу.

Принцев как ветром сдуло с седел — все разом очутились на земле, а один, самый младший, отвернулся и

прижался лицом к гриве своего коня. Не было еще такого на Джаспере за все полторы тысячи лет действия Уговора, чтобы кто-нибудь поднял руку на своего крэга.

На себя — бывало.

Но принцесса Сэниа грозила невиданным.

— Тарита-крэг, поводырь моей матери! — прорычал Асмур голосом, которому больше бы пристало проклятье, чем брачная клятва. — Перед тобой, старейшим из всех собравшихся здесь крэгов, я, эрл Асмур, последний из рода Муров (это были единственные слова, которые он произнес с удовольствием), беру в жены мону Сэниа, ненаследную принцессу, отрекшуюся от королевской крови, и буду ей мужем до своего смертного часа, а если ее дни продлятся дольше моих, то завещаю ее со всеми владениями тому... тому, кто после моей смерти первый коснется губами ее лба. Я поклялся.

— Я, Сэниа-Мур, принимаю твое завещание, муж мой, как и все, на что будет воля твоя, потому что, кроме тебя, меня не коснется никто. Я поклялась.

«Надолго ли хватит этой кротости?» — подумал Асмур.

Сэниа тоненько свистнула вместо традиционного свадебного поцелуя, и ее колдовская кобылка, разыгрывавшая пугливость за каким-то надгробьем, грациозно приблизилась к вороному, изгибая шею. Девушка спрыгнула со своего несколько необычного пьедестала прямо в седло, небрежно кинула десинтор в кобуру и, не оборачиваясь, медленно двинулась вперед, в бездорожье дурманных полей, над которыми вставала бирюзовая утренняя луна, не оставляя им с Асмуrom ни минуты ночи.

Принцесса, пусть даже отрекшаяся от родства с королевским домом, не могла прощаться с возлюбленным при постороннем.

У. ПРИСТАНЬ ЗВЕЗДНЫХ РАЗЛУК

Девять всадников стояли, держа коней под уздцы, и десять кораблей расположились причудливой пентаграм-

мой чуть поодаль. Седые отцовские крѣги замерли, вцепившись в гривы коней, словно сами были всадниками; они долго ждали, эти поводыри незрячих людей, ждали целую человеческую жизнь, и теперь, согласно древнему Уговору, от путешествия к желанной цели — полному и бесконечному одиночеству — их отделяла всего одна ночь. Это были несоизмеримые отрезки — ночь и вечность, и мудрость старых крѣгов не позволяла им проявлять нетерпение.

Другое дело — звездная дружина Асмурса. Они ждали его нетерпеливо, эти новички, эти вчерашние мальчишки, собравшиеся в кружок над рассыпанными картами, всполошенные недобрым предзнаменованием. Голубая луна прошла уже треть своего пути, когда воздух наконец всколыхнулся, как бывает всегда, когда человек проходит через *ничто*, но вместо одного — командора — они увидели двоих: держась за его стремя, рядом с эрлом Асмуром шла сама мона Сэниа, и ее черные спутанные волосы мешались с гривой бешеного вороного коня, к которому не смели приблизиться даже смельчаки — скакун одинокого эрла, не раздумывая, бил крылом или сдирал кожу вздыбленной чешуей.

Асмур вступил в круг своих спутников, внимательно всматриваясь в каждое лицо, хотя на первый взгляд ни одно из них не показалось ему знакомым. Может, встречал на приемах в королевских садах — скорее всего, встречал. Но не запомнил.

Остался ли он доволен этим стремительным импровизированным смотром? Пока это было неясно. Зато девять юношей, и без того готовые слепо повиноваться каждому его кивку, — они, несомненно, узнали его сразу и теперь стояли, не шелохнувшись, глядя на своего командора с восхищением и гордостью, граничащими с обожанием: ведь это, оказывается, был не только прославленный эрл, но и жених самой принцессы, на которую пылкая молодежь не смела и глаз-то поднять!

А мона Сэниа, теперь уже Сэниа-Мур, покорно шла у его стремени и остановилась, когда остановился он, и прекрасное лицо ее было залито слезами, которых она не

стыдилась. Асмур, словно не замечая ее присутствия, проговорил негромко и сдержанно:

— Назовите имена.

Он знал титулы и полные имена всех, кто пойдет с ним, заранее, знал и род, и специальность, но сейчас ему нужно было другое — как звать их в бою, когда дорога каждая доля секунды, и они это поняли, хотя их командор с самого начала нарушал традиции: такое знакомство должно было состояться уже на корабле. Но они были счастливы, что их боевые имена услышит сама принцесса Сэниа.

— Эрм, — представился самый старший.

Асмур недолго задержал на нем взгляд — это был уже не раз выступавший на турнирах Эрромиорг из рода северных танов Оргов, которые владеют по ленному праву всеми залежами полиметаллических руд, которые нужно добывать из-под вечного льда. Запомнить нетрудно — светло-серый крэг с красным хохолком. Чем-то напоминает дятла.

— Сорк. — Такой же крэг, но без хохолка. Скромность любого украшает.

— Дуз. — Тропические плантации, большей частью уже заброшенные. Чемпион каких-то тихих игр. Вишневый крэг.

Это была старшая тройка, и видимых изъянов он не обнаружил ни у людей, ни у их поводырей. Кто дальше?..

— Скюз... — Так, неженка. И крэг ослепительно голубой, как незабудка.

«Ну, этот у меня до самого возвращения в скафандре просидит», — подумал Асмур.

— Флейж! — А у этого изумрудно-зеленый крэг с оранжевым хохлом и оконечностями перьев.

— Борб. — Коренастый смуглый крепыш с коричневым скромным крэгом. Что там за ним числится? Да не так уж мало: производство аннигиляционных зарядов для всей планеты.

Этот последний примирил его со всей тройкой. Оставались младшие. На них надо было смотреть позорче.

— Ких. — Этот — южанин, семья владеет чуть ли не миллионом сервов-ткачей. Крэг темно-синий с белым клювом. Неплохо.

— Пы. — По лицу не скажешь, что ума — палата, зато силач невероятный. А крэги у них с Кихом совершенно одинаковые.

— Гэль...

Асмур небрежно скользнул взглядом по самому младшему, и вдруг глаза его против воли прищурились, брови сошлись. Как он не заметил этого с самого начала?

Пестрый крэг!!!

— Заводите коней на корабли и устраивайте старых крэгов, — негромко, даже с излишним спокойствием проговорил он. — Мы идем к Серье Кентавра, самой яркой звезде выпавшего нам созвездия. Готовьтесь, ее планеты таят в себе опасности, достойные истинных воинов!

Еще секунду все смотрели вверх, на сияющую бледно-золотую крапинку, расположенную между Ухом Кентавра и его Уздой, почти отсюда невидимыми; затем девять шпак блеснули в лунном свете, отдавая принцессе прощальный салют, и разномастные кони зацокали по выщербленному бетону к светлым громадам кораблей. Для того чтобы пройти через *ничто*, недостаточно воспользоваться картой или расчетами — нужно обязательно зримо представить себе ту точку, в которой ты хочешь очутиться. Слабо мерцающие створки люков разомкнулись, люди и кони исчезли внутри этих коконов, и теперь снова могло показаться, что это — просто гигантские матовые фонари, вроде тех, что прячутся в глухой зелени королевских садов.

И только тогда эрл Асмур спрыгнул с коня и обернулся к своей жене. Они стояли друг против друга, почти одного роста, и если мона Сэниа из всех сил сдерживалась, чтобы не выдать при посторонних своих чувств, то Асмур не находил даже слов. Душа его была пустой, словно собственный родовой замок. От юношеского пыла, с которым он поднял глаза на королевскую ложу много лет назад, не осталось ничего, кроме преданности, и Асмур сознавал,

что это его беда, а не его вина: Джаспер медленно умирал, и первое, чему суждено было исчезнуть в этом гаснущем мире, была любовь.

Он печально смотрел на жену. Знает ли она, что козыри, которые им выпали накануне похода, — ночные? Так вот, если кому-то и не следует сюда возвращаться, то это именно ему.

Они ничего не сказали друг другу, он только коснулся губами ее лба, словно напоминая о завещании. Потом круто повернулся и пошел к центральному кораблю, который как будто вырастал при его приближении. Желтый, как тыква, шар дал трещину, она разошлась ровно настолько, чтобы провести коня, осторожно прижимавшего к себе сложенные крылья. Затем стенки снова сомкнулись и разом потеряли свою матовость. Теперь сквозь них Сэниа отчетливо видела коня, разлегшегося на ковре, устилавшем пол центрального помещения. Асмур, словно забыв, что принцесса все еще видит его, отстегнул плащ и перевязь и осторожно, чтобы не повредить ни одного перышка своего крэга, облачился в мягкий полускафандр, отливающий лиловым, — все так спокойно и деловито, о древние боги, так спокойно и деловито! Теперь это был уже не ее Асмур, одинокий непобедимый эрл, у которого она сама, своей королевской волей встала на пути — вот захотела, и встала, явилась однажды в полуночном замковом саду, а потом еще в фехтовальном зале и в книгохранилище... Он никогда не позволял себе даже коснуться края ее платья, и если бы не его внезапный отлет, она никогда не решилась бы сама сказать ему: «Возьми меня в жены!»

Ну вот она и сказала, и потеряла семью, и не приобрела ровным счетом ничего. Она с горечью и изумлением смотрела на безликий непрозрачный скафандр, укрывающий сразу и человека, и слившегося с ним крэга, и он напоминал ей осьминога, медлительного и бесчувственного...

Желтые непрозрачные тени наполнили на корабль со всех сторон и сомкнулись, так что ей уже ничего не было видно — малые корабли слились с центральным, образуя одно исполинское соцветие, теперь это был словно кусок

пчелиных сот, неразделимый, монолитный. Старшие братья, обучая ее обязательному искусству проходить через *ничто*, не раз говорили, что одинокому кораблю, как и одному человеку, чрезвычайно трудно добраться даже до ближайшей звезды; слив же корабли воедино в один ячеистый диск и объединив волю людей, можно достигнуть даже самых отдаленных уголков Вселенной...

Исполинские соты начали вибрировать, размываться; желтый вихрь опоясал их, с непереносимым свистом буравя пространство. Сэниа почувствовала, что нежная головка ее крѳга отделилась от волос и запрокинулась назад, терзаемая пронзительным звуком, и на несколько секунд девушка потеряла способность видеть; когда же вой оборвался и прохладный невесомый капюшон снова лег на ее голову, возвращая ясность взгляда, медовый вихрь беззвучно крутился над пустыми плитами, словно на месте догоревшего костра.

Что-то голубело под ногами в лучах последней луны; мона Сэниа нагнулась — это была магическая карта, последняя в игре, зловещий Костлявый Кентавр, начертанный темно-лиловой тушью, предрекающей смерть.

VI. СЕРЬГА КЕНТАВРА

Чужое солнце было тусклым и раздражающе агрессивным: ни с того ни с сего оно взрывалось сатанинскими протуберанцами, и тогда голубые яростные пятна, вращаясь и стекая к полюсам, источали смертоносные потоки лучей, от которых с трудом защищали уже не стены единого ячеистого корабля, а мощная психотронная броня, которую порой приходилось держать по несколько часов подряд, ни на миг не ослабляя напряжения воли. И если бы не железная выдержка командора, еще неизвестно, кто из юнцов вернулся бы из этого похода целым и невредимым.

В этом походе никто из них не слышал ни слова одобрения от своего предводителя — только приказы, да и те

чаще всего отдавались жестом. Одиноким эрл и всегда был немногословен, а после первой же битвы, из которой никто не чаял вырваться живым, они привыкли повиноваться кивку или движению руки так же молниеносно, как и слову.

Тяжелее всего приходилось Гаррэлю, юноше с пестрым крэгом. Он с самого начала рвался вперед, чтобы доказать свое право на равенство с остальными. Пестрый крэг — это пестрый крэг, никто не спросит, отчего так и по чьей вине погиб крылатый поводырь, дорожке которого ничего нет у человека. Все знают, что ничьей вины тут нет — только беда: по собственной воле ни у одного из жителя Джаспера не поднимется рука на крэга, ни на своего, ни на чужого. И страшно это — даже на несколько дней остаться слепым. Но, видно, крэги как-то общаются между собой — как правило, не проходит и ночи, а к несчастному уже прилетает чей-то чужой крылатый посланец, чтобы оставить драгоценное яйцо. Вскоре из него вылупится птенец-подкидыш, который обязательно будет крапчат, как пестрый боб. И люди, не в силах побороть в себе многовековые предрассудки, всегда будут относиться к хозяину этого подкидыша как к парии — с молчаливым сожалением и не очень скрываемой брезгливостью.

Так было, так будет.

Никто не спросил Гаррэля, когда он остался без крэга, но не было минуты, чтобы настороженный юноша не ждал этого вопроса, и бросался первым в любое опасное дело, лишь бы доказать, что он не хуже других. Замечал ли это командор? Естественно, замечал; но он ни разу не одернул юношу, а, наоборот, начал посылать его туда, куда тот рвался со всем пылом юности.

По обычаю, самый младший первым имел право предложить родительскому крэгу выбор планеты, на которой он, поводырь без хозяина, пожелал бы остаться в полном одиночестве. У Серьги Кентавра планет было семь, но только четыре достались легко, без боя. По случайности (или в силу недоброго предзнаменования) первая же из них — самая зеленая, самая теплая, красавица с двумя

лунами — была заселена чудовищами, давшими название всему созвездию.

Об этой планете лучше было совсем не вспоминать, и тем не менее вспоминали все, и постоянно... А было так: звездный переход оказался удачным. Единый порыв, объединивший юношей вокруг их предводителя, спаял намертво их корабли и не позволил ни одному отстать или сместиться в сторону, как это иногда бывало в случайно подобравшейся дружине, где люди не связаны единой волей. Здесь же единый корабль — макрокорабль, или попросту мак — прошел сквозь *ничто* и вынырнул так близко от неведомой земли, что теперь она лежала перед ними на черном атласе межзвездной пустоты, как опаловый амулет.

— Младшему везет, — заметил кто-то из старших дружинников, — кажется, Дуз.

— Значит, судьба благосклонна ко всем нам, — сурово отпарировал эрл Асмур, и все поняли: насмешек над младшим не будет.

Как только единый корабль завис над поверхностью жемчужно-голубой планеты, командор пригласил всех к себе. Его корабль представлял сейчас сердцевину мака и был центром управления и кают-компанией одновременно. Одна часть просторной полусферы была отделена для крылатого коня, другую занимал алтарный шатер, предназначенный для Тарита-крэга. И все-таки места оставалось предостаточно — хоть устраивай королевский прием.

Малые корабли дружинников, окружившие середину мака, образовали кольцевую анфиладу со сквозными переходами, где каждый мог беспрепятственно навестить своего соседа. Лишь в центральное помещение можно было попасть только по зову Асмурса, и нарушить запрет командора не решился бы никто — даже в том случае, если бы ему грозила смерть.

Сейчас он собрал их в первый раз и первыми же своими словами преподал урок рыцарства.

У эрла Асмурса иначе и быть не могло.

Они разглядывали первую планету, которую им предстояло посетить, если младший из них получит согласие отцов-

ского крэга навсегда остаться здесь. Впрочем, в случае его отказа любой из старых крэгов мог взять эту землю себе. Мало-помалу мрачное настроение, навеянное зловещими козырями в их игре с судьбой, уступало место юношеской восторженности: вот оно, поле первого испытания, для чего они с пеленок учились владеть оружием и конем — искусство, почти не нужное на самом Джаспере. Опасности — прекрасно! Неожиданности — что ж, чем больше, тем интереснее! Битвы — так ведь их поведет сам эрл Асмур! Они стояли вокруг своего предводителя, расстегнув, но не сняв скафандры, — прежде всего их заботила безопасность крэга, это ведь первая заповедь джасперянина.

Гаррэль держал на жесткой рукавице седую поджарую птицу, и они пристально глядели себе под ноги, где сквозь круглый иллюминатор нижнего обзора была видна чуть прикрытая облаками планета, спутница Серьги Кентавра.

— Говори, Гэлы! — ободряющим тоном произнес командор.

— Поводырь моего отца! — срывающимся от волнения голосом начал Гаррэль. — Ты служил ему от рождения до смерти, как и следует по Уговору между людьми и крэгами, верно и неустанно, как и подобает благородному крэгу. И теперь я, его сын, в награду за службу предлагаю тебе эту планету, если только ты сочтешь ее достойной себя, и готов выполнить любые твои желания.

Асмур кивнул — отменно было сказано — и раскрыл лежащий на консоли пудовый фолиант «Звездных Анналов», составленный полторы тысячи лет назад, когда вольные, многочисленные и главное — еще зрячие джасперяне появлялись в самых отдаленных уголках Галактики, обследуя Вселенную.

— Первая планета Серьги Кентавра, — прочел он, стараясь выговаривать слова как можно четче, — была открыта тысячу шестьсот десять лет назад, в эпоху свободных странствий. Пригодна для обитания как людей, так и крэгов. Животные, населяющие ее, миролюбивы, птиц не имеется, немногочисленное стадо кентавров беззлобно, наличие разумных существ гипотетично.

Крылатое существо, сидевшее на перчатке, перегнувшись вперед, казалось, не слышало обращенных к нему слов. Понять крэга было можно — если человек вообще способен понять крэга, — ведь ему предстоит провести здесь всю оставшуюся жизнь, и никто не представляет себе, насколько это долго. Наверное, по сравнению с человеческой жизнью срок этот показался бы вечностью. И все это время крэг будет совершенно один: согласно Уговору, ни один житель Джаспера не смеет ступить на планету, уже занятую крэгом.

Так что тут имело смысл долго выбирать: ошибка была бы непоправимой.

Вот крэг и думал. Свесив сивую тупоклювую голову, он пристально вглядывался в единственный громадный остров, выступающий из зеленовато-синего океана. Что его смущало? Если упоминание о племени дикарей, которое вроде бы было обнаружено еще до наступления Черных Времен — полторы тысячи лет назад, как это записано в «Анналах», то он отказался бы сразу и бесповоротно — ведь крэги не терпят присутствия на подаренной планете разумных существ. На то они и крэги, этим сказано все.

Но крэги любят точность, а данные «Анналов» еще требовали проверки. Во всяком случае, не следовало забывать, что джасперяне порой принимали за дикарей крупных обезьян, строивших причудливые гнезда. Бывало.

Может быть — кентавры? Эти загадочные твари упоминались в «Анналах» только однажды, да и то так невразумительно, что и эти сведения вызывали сомнения.

Так что крэг размышлял, и правильно делал.

Дружинники, почувствовав себя вольно, вполголоса переговаривались, обсуждая достоинства планеты.

— Хорошенькое соседство! — фыркнул Флейж, носком сапога указывая на громадный грязевой вулкан, плюющийся сернистым пеплом.

— Вонючка, — убежденно изрек Скюз.

Асмур не обрывал их болтовни, потому что знал: для крэга мнение человека решительно ничего не значит. А вулкан действительно поганый, и не один, похоже, а целая

компания — несколько десятков квадратных километров грязи и вони. Как тут не закапризничать...

Сивый крэг вскинул голову, глаза его жадно попрыгивали, словно разгорающиеся угольки.

— Уничтожить! — раздался скрипучий, механический голос.

Немногие на своем веку слышали голос крэга, и он поразил их настолько, что смысл сказанного отступил на второй план — главное было то, что загадочное молчаливое существо снизошло наконец до разговора с людьми.

Видя их замешательство, крэг приподнял крыло и чисто человеческим жестом указал на зачехленный пульт аннигиляционного десинтора дальнего боя, к которому в этом полете еще ни разу не притрагивались. По каюте метнулся ветер, поднятый движением белесой кисеи реденького оперения, и этого было достаточно, чтобы все разом вернулись к действию.

— Вы слышали приказ? — воскликнул Гаррэль, и Асмур почувствовал, что даже он сам не в силах разом побороть оцепенения, вызванного звуками нечеловеческого голоса.

— Спокойно, мой мальчик, — проговорил он. — Приказываю здесь только я. Крэги же лишь высказывают пожелания. — Это было сказано с истинно королевской гордостью, и каждый почему-то вспомнил принцессу Сэниа, шедшую у его стремени.

Все, кроме Асмур.

— Прошу всех вернуться в каюты, — продолжал командор. — На следующем витке начинаем аннигиляционную атаку. Борб, ты мне поможешь. Дальнейшие действия будут диктоваться результатами атаки. Пока все.

Скупой приказ означал: а остальные обеспечивают психогенную защиту и, если будет нужно, — перемещение корабля.

В полете вообще больше подразумевалось, чем говорилось.

Опалово-желтый диск макрокорабля цепко завис над смердящим вулканом, на десятки километров разливаю-

щем свои неаппетитные потоки. Да, зрелище омерзительное — и на такой дивной планете! Борб, которому ничего не надо было объяснять — профессия аннигиляторщиков была у него в роду, — колдовал с пультом, временами задавая необходимые вопросы, которые командор понимал с полуслова:

— Накроем одним?..

— Ненадежно. Пусти по спирали бегущий заряд.

Борб изогнул бровь — ай да командор, даром что нефтехимик по наследственной специальности. И в этом разбирается. Заряд запускался с максимальной скоростью, чтобы следующая спираль закрутилась прежде, чем до нее дойдет ударная волна от предыдущей.

— От середины?..

— Нет. По опоясывающей и к центру.

Это было тотальное уничтожение. Не прошло и нескольких минут, как обреченную гряду плюющихся дымом холмов окольцевала огненная черта, — заряд, распространяющий смерть, двигался так стремительно, что сверху показалось, будто кольцо возникло разом. Не успел раскаленный вал подняться во всю свою устрашающую высоту, как новый виток убийственной спирали вспух внутри него, а затем и третий, и так все ближе к центру; а наружные валы, разрастаясь вширь, уже сшиблись, уничтожая все, что было в промежутке между ними.

Сивый крэг, распластавшись на полу командорской каюты, наблюдал за тем, как целый район превращается в огненное месиво; теперь, когда его каприз был выполнен, оставалось только ждать, пока расплавленная масса остынет и пыль осядет вниз. Но для этого не обязательно было болтаться в воздухе.

— Всем приготовиться! — разнеслась по малым каютам общая команда. — Садимся на прибрежное плато, у серых скал.

Этот безлесый островок совершенно гладкой поверхности Асмур присмотрел заранее. Каменистая равнина простиралась километров на триста и круто обрывалась к океану, не расцвеченная ни единым живым пятнышком

озерца или оазиса. Только в самом центре виднелось что-то вроде хаотически набросанных треугольных камней, ого-раживающих пятачок земли, на котором едва-едва разместилось бы два корабля.

Но Асмур этого было достаточно.

По его сигналу мак произвел свой обычный переход через *ничто*, и в следующую секунду он уже стоял на потрескавшейся почве незнакомой планеты.

— Дуз, Флейж и Ких — на вахте, остальные — со мной!

Застегивая скафандр, Асмур обернулся на седого крэга — тот тяжело поднялся с прозрачного пола и взлетел на пульт огневой защиты, примостившись на каком-то верньере. Глаза закрыты пленкой, крылья обвисли... Словно не для него затеяна вся эта кутерьма.

Командор прошел через каюту Гэля и первым выпрыгнул на прогретую близким солнцем землю. Следом вывалилась шестерка дружинников. Некоторое время все стояли, настороженно озираясь и прислушиваясь. Место это было хорошо тем, что сюда не подобрешься незамеченным — до леса никак не меньше ста километров по гладкой, как лысина, пустыне.

Но ведь кто-то мог притаиться и здесь, в серых конусах. Вблизи их уже трудно было спутать со скалами или просто камнями — это были пирамиды, сложенные из плоских кирпичей, высотой в три-четыре человеческих роста, определенно рукотворные, о чем говорили узкие оконца, прорезавшие глухие серые стены почти у самой вершины — бойницы, да и только.

Разведчики, не теряя друг друга из виду, осторожно обошли все полтора десятка маленьких пирамид. Ни малейших проявлений жизни, не говоря уже о разуме. Ни змей, ни даже насекомых. Омертвление, длящееся веками.

— Гэль, загляни внутрь этого конуса, — распорядился командор. — В случае опасности отступай сразу на корабль.

Неровность кладки позволила юноше в одно мгновение очутиться наверху — природная ловкость компенсировала

неудобства скафандра. Направив узкий луч фонарика в щербатое отверстие, Гаррэль заглянул внутрь строения и разочарованно покачал головой:

— Пусто! Помещение небольшое, всюду только пыль.

Следовало ожидать. Если это захоронения, то они много веков назад разграблены. А затем бесследно исчезли потомки как тех, кто здесь покоем, так и тех, кто их грабил.

— Загляни в другую!

И снова Гэль, проворный, как белочка, вскарабкался по наружной стене и прижался синеватой поверхностью скафандра к щели:

— Никого, командор.

— Влезь-ка на самую большую.

Через несколько секунд он был и там. Вспышка фонарика...

— Командор!!!

Древняя кладка крошилась под тяжелым сапогом, и тем не менее Асмур очутился наверху едва ли не быстрее, чем его юный дружинник. Тот посторонился, давая ему место у оконной щели. Луч фонарика скользнул по стене, пробежал по полу...

Внизу были кости. Вне всякого сомнения — человеческие. Конусообразное помещение было завалено ими, словно людей сюда набили, как патронов в обойму. Кстати, входа нигде не было видно — вероятно, укрывшиеся здесь замуровались изнутри. А на стенах... Асмур провел лучом по стене, и ему, прославленному бойцу, стало не по себе.

Набросанные углем контуры были смазаны и недорисованы, но художник, потративший последние минуты своей жизни на то, чтобы оставить после себя разгадку происшедшей трагедии, и не мог тратить время на детали. Главное — смысл происходящего, а он стал ясен после нескольких секунд знакомства с этими зловещими фресками. Оскаленная длинная морда с клыками гиены и лошадиной гривой... Нет, это был нарисован не конь — кентавр! Вот он разбивает копытом голову лежащего у его

ног старца. Это преувеличение, мозг не может выбрызгиваться таким фонтаном, но это — символ бесчеловечности, перед которым разум бессилен. Или вот — кентавр держит в зубах новорожденного ребенка, готовый швырнуть его в горящую хижину... Кентавр на полном скаку, волочащий за волосы женщину... Древние боги, совсем джасперянка! И еще — два вздыбленных чудовища раздирают человека надвое. И кровь, кровь, кровь...

Асмур отвел глаза, чтобы подавить невольный приступ тошноты. Затем подвинулся на уступе и заглянул в соседнее окошечко, в которое был виден край другой стены.

Там был всего один рисунок, набросанный прерывистыми, неуверенными штрихами — вероятно, последнее, на что хватило сил у гибнущего человека. Это был развалившийся сытый зверь с окровавленной мордой, и над его головой как символ желанного возмездия был очерчен крылатый меч.

Асмур спрыгнул вниз.

— Вахтенных сюда, — проговорил он негромко. — Пусть посмотрят все...

VII. ФА НОЭ?

Еще одно стадо кентавров закидали отравленными шашками. Крылатые кони, теряя высоту и запрокидывая головы, рвались прочь от клубов ядовитого дыма, но всадники удерживали их возле места засады, чтобы не дать никому вырваться из смертоносного кольца. Два или три крупных монстра попытались-таки уйти в чащу, но Гэль и Скюз, оказавшийся непревзойденным стрелком, настигли их. Это были те самые короткохвостые самцы, которые вчера пытались захватить Флейжа. Каждый день дружинники докладывали своему командору, что предгорье полностью очищено от хищных тварей, но стоило кому-то с наступлением темноты зазеваться, как следовал стремительный бросок из лесных зарослей, и цепкие когти ухватывали добычу.

Вот это обстоятельство чрезвычайно изумляло Асмур: если уж кентавр мог подобраться к человеку, особенно лежащему, то почему он не пытался убить врага первым же ударом копыта? Зачем было тащить добычу в чашу? Обычай? Но обычаи бывают у разумных существ, а не у таких вот плотоядных. Они вряд ли открыли бы подземную пещеру, где укрывалось целое стадо, если бы Гэль, понадеявшись на крепость своего скафандра, не позволил себя похитить и протащить до самого убежища.

Еще три дня они потратили на то, чтобы удостовериться в полной своей победе над омерзительными хищниками — в первый попалась пара однолеток, пытавшихся нырнуть в озеро, но разряды десинтора достали их и там. Два других дня пропали даром. Кони, застоявшиеся во время перелета и теперь утомленные бесконечным кружением над лесистыми холмами, с каждым днем повиновались все хуже и хуже — видно, здешний корм плохо на них действовал. Они тощали на глазах, отворачивались от родниковой воды. Асмур встревоженно гладил своего вороного по холодной чешуе, в который раз жалея, что способность говорить присуща не коням, а крэгам. Было ясно — нужно возвращаться к кораблю, надежно укрытому между серыми пирамидами, и дать животным несколько дней отдыха и вдоволь душистого джасперианского сена. Он уже хотел скомандовать возвращение на стоянку, как вдруг в кустах что-то захрустело. Асмур обернулся, выхватывая оружие, — по сухому лиловому мху прямо на него полз кентавр.

Он был очень стар, и задние ноги его, похоже, были парализованы, но он, отталкиваясь руками и передними копытами, сделал еще несколько конвульсивных движений, стараясь дотянуться до ног человека. Наверное, он уже ничего не способен был сделать, но в глазах его сверкала бешеная злоба, спутанные белые волосы, переходящие в гриву, извивались и приподнимались навстречу врагу, последние кривые зубы обнажились в бессильной попытке дотянуться до возжеленной плоти, а частое дыхание срывало с изъязвленных губ клочья пены. Дыхание

было скверным — похоже, старая тварь страдала четырехсторонней пневмонией.

Дряхлость всегда вызывает невольное сочувствие, даже когда перед тобой пещерный медведь или крокодил-людоед. Асмур медленно переводил калибратор своего десинтора на максимальную мощность, втайне надеясь, что чрезмерное напряжение оборвет жизнь чудовища раньше, чем придется стрелять. Но кентавр остановился, тряхнул головой, так что седые космы откинулись назад, и вдруг до людского слуха долетели мягкие, укоризненные звуки, абсолютно не совместимые с образом алчущего крови животного:

— Фааа ноэ?..

Может быть, это был случайный вздох, всхлип, парадоксальное сочетание звуков, дополненное горестной интонацией и поэтому показавшееся осмысленным? Ведь и собака может выть жалобно! Но чем бы это ни было, оно так ударило по напряженным нервам, что пальцы сами собой нажали на спусковой крючок.

Асмур, сдерживая невольное подергивание лица, отвернулся и пошел прочь, оставив позади дымящуюся, опаленную яму; конь ожидал его так тихо, что хозяин, привыкший к его дружелюбному пофыркиванию, должен был поднять глаза и поискать своего вороного в быстро надвигающихся сумерках.

Вороной стоял, прижавшись головой к стволу дерева, и из глаз его текли крупные слезы.

— К кораблю! — крикнул Асмур...

Ночь, мягкая и полнолунная, текла над маленькими пирамидами, и металлические немерцающие шарики непривычно близких планет повисли, казалось, над самым маком. Командор глядел в небо, опершись левым плечом о шершавую стенку пирамиды-усыпальницы. Он только что велел своим дружинникам еще раз подняться к оконной щели и еще и еще смотреть на отомщенные только сейчас кости, на крылатый меч — символ справедливости.

И все-таки он не знал, как поведет завтра этих людей, доверявших ему, как богу.

Потому что он сам теперь не верил себе.

— Асмур-крэг, — прошептал он в отчаянии, — ты, к которому я ни разу не обратился в своих собственных горестях и заботах, — скажи мне сейчас: они разумны?

Крэг разом поднял перья, не расцепляя когтей, встряхнулся и скрипучим голосом произнес:

— Не более чем... попугай.

Он говорил очень медленно и с какой-то неестественной правильностью выговаривал каждый звук — еще бы, ведь крэги так редко снисходили до разговора с людьми, что иной джасперянин умирал, так и не услышав их голоса. Но в эту минуту Асмур забыл о нелюдимости и высокомерии своего необычного собеседника:

— Но если это так, то разве помешают они, эти бескрылые и неразумные существа, мудрому старому крэгу, который будет парить высоко в небесах? Зачем же уничтожать остальных кентавров?

Крэг молчал, пощелкивая клювом, словно ожидал, что человек сам ответит на свой вопрос. Но Асмур молчал.

— Ты... не взвесил... всего. — Паузы стал еще продолжительнее, а голос — неприятнее. — Когда-нибудь... сюда могут... прилететь разумные существа... с другой звезды. Незащищенные. И что... их встретит?

Асмур почувствовал, что его обдало жаром стыда. Как мальчишку. И поделом. Он искал слова и не находил их.

И в третий раз прозвучал механический голос.

— Крэги... мудры, — заключил Асмур-крэг, как бы ставя точку не только на этом разговоре, но и на тех последующих, которых, как он надеется, человек больше не затеет.

Эрл стиснул зубы. Планета должна быть очищена от скверны хищничества, и он сам закончит начатое, хотя бы потому, что иначе придется пересказывать всей дружине этот разговор.

А так он пойдет один... Хотя нет, пожалуй, одному не справиться.

— Гаррэлы! — позвал он.

Стенка мака раздвинулась, и юноша в одном плаще и без скафандра прыгнул на холодный камень:

— Ты звал меня, командор? — Вероятно, он не был уверен, что это ему не приснилось, ведь молчаливый эрл, скупой на разговоры, почему-то назвал его полным именем, а не боевым.

— Да, Гаррэль. Мы задержались на планете, а ведь это — только первая. Завтра нужно кончать нашу охоту. На западе и востоке леса спускаются до самого океана — настолько густые, что кентаврам там делать нечего. Значит, остается крайний север, долина оврагов. Там будет трудно. В заросших оврагах легко укрыться. Ты ведь был вчера в разведке?

— Да, могучий эрл, но эти последние кентавры не думают укрываться. Это совсем особая стая, их не меньше трех сотен, и все — взрослые, сильные самцы. Они собираются на берегу, возле старой дороги, и когда мы с Флейжем пролетали над ними, они мчались вдоль самой воды, пока не увязли в болоте.

— Удирали?

— Нет, преследовали.

— Прекрасно! Гэль, помнишь место, где старая дорога, петляя между оврагами, доходит до озера с красной водой? Это видно только сверху, когда летишь на крылатом коне, но вдоль озера отходит другая дорога — к развалинам древнего храма. Она изрядно заросла, но пройти там можно. Тем более когда глядишь под ноги, а не по сторонам...

— Не понимаю, командор...

— Сейчас поймешь. Ты сам сказал, что они гнались за тобой, надеясь, что ты рано или поздно спустишься на землю. Ну, так это сделаю я. Да еще велю своему вороному прихрамывать, как тетерка, уводящая лисицу от гнезда. Они бросятся за мной, и я поведу их к заброшенному храму. Для бешеных жеребцов — это час, от силы — полтора. И постараюсь не давать им умерить свой энтузиазм...

— А почему не я, мудрый эрл?

— У тебя своя задача, мой мальчик. Помнишь площадку перед храмом, которая сверху кажется этакой лужайкой для фей?

Гаррэль кивнул, напряженно вглядываясь в лицо командора и стараясь не пропустить ни единого слова.

— Так вот, это не лужайка. Это — мост, широкий мост. И под ним — не овраг, а настоящая пропасть. Завтра, в тот час, когда я выйду навстречу стае, ты полетишь к храму и этот мост разрушишь. Но — бесшумно!

— Я понимаю, крылатый конь перенесет вас...

— Проще, мой мальчик, гораздо проще. Я прыгнул бы в эту пропасть и на обыкновенной козе — ведь в тот момент, когда мы повиснем над бездной, я закончу свою роль и просто уйду в *ничто* и вернусь на корабль вместе с конем. На долю дружины останется только не упустить тех, кто отстанет или рассеется по овражистым склонам.

Юноша смотрел на командора такими сияющими, влюбленными глазами, что тот невольно улыбнулся.

— Ступай отдыхай. Как только последний монстр будет истреблен, крэг твоего отца получит эту планету.

Гаррэль поклонился, не тратя слов.

Асмур проводил его взглядом. Этот мальчик получит возможность вернуться домой с гордо поднятой головой, не стыдясь больше собственного пестрого крэга. Все будет прекрасно, вот только...

Что — только? Что тебе не по душе, благородный эрл? Что тебя мучит, холодное сердце?

«Фа ноз, — ответил он себе. — Фа ноз».

VIII. ХРАМ И ПРОПАСТЬ

Дорога поднялась на край обрыва, и он обрадовался, что с нижней петли серпантина его увидят даже самые последние. Ну, скоро и финиш. А то этот постоянный грохот за спиной порядком поднадоел, да и коня все время приходится сдерживать, чтобы несвоевременно не взмыл в небо. Чуть подальше дорога вольется в ровное и довольно

широкое ущелье, там можно будет до предела раззадорить преследователей, выжав из них максимальную скорость и в то же время не позволив заглянуть вперед, где им уготован такой сюрприз...

Он послал голос вперед, к стенам храма:

— Гэль, все готово?

— Да, мой командор!

— Возвращайся к дружине. Как только первые покажутся вниз, перекройте дорогу назад и не давайте никому уйти.

— Будет выполнено, могучий эрл!

Жеребцы, наседавшие сзади, тревожно заржали, словно почуяв появление второго врага.

— Хэ-хэй! — крикнул эрл, концентрируя на себе их внимание. — За мной, если вы не трусы!

Ржанье и гортанные крики превратились в неистовый шквал. Каменистая дорога легла впереди, как стрела, и в конце ее засветилась утренним светом известняковая стена полуразрушенного храма, которая, казалось, заперала это ущелье, превращая его в тупик. Кентаврам, несомненно, эти места хорошо известны — следы это выдают; теперь они гонят вперед незадачливого чужака, как обычные волки загоняют на обрыв оленя, движимые охотничьим инстинктом, а не разумом; но один чужак знает, что впереди их ожидает не широкий мост, на котором его собираются припереть к храмовой стене и окружить, — нет, впереди только пропасть, в которую оборвется ущелье, и будет поздно тормозить на самом краю, да и задние не дадут — слишком могуч напор и круто взят разбег.

Все ближе белая стена, сейчас из зияющего впереди проема пахнет холодом, и в этой бешеной скачке кентавры, обладающие несомненной чуткостью, не успеют ничего заподозрить. Асмур положил руку на гриву коня, дружески потрепал ее:

— Я с тобой, вороной, ничего не бойся, прыгай смело, но без моей команды крылья не расправляй, что бы ни случилось!

Но конь словно не узнавал хозяйского голоса, искаженного скафандром, и крылья его сами собой расправлялись, готовые поднять его вместе со всадником над предательской пустотой, подстерегающей впереди...

— Не смей!!! — крикнул Асмур, потому что преследователи, увидев взлетающего коня, могли понять всю бесцельность дальнейшей погони и в последний момент остановиться.

Он рванул застежку скафандра и, глотнув с наслаждением свежего летящего навстречу воздуха, прижался губами к теплomu уху коня:

— Вперед! — И конь прыгнул.

И в тот же миг, выпрямляясь в седле, Асмур увидел, как распахнулась неразличимая доселе дверь в стене, отдаленной от него провалом пропасти; седой кентавр, двойник вчерашнего, только весь в сверкающих браслетах, лентах и крапчатой татуировке, на долю секунды застыл в дверном проеме, а потом с гортанным криком метнул в падающего Асмур короткую бронзовую стрелу, напоминающую арбалетный болт. Жгучая, ядовитая боль впиалась в горло, в узкую щель расстегнутого скафандра, парализуя тело, туманя рассудок и все дальше отодвигая зыбкую, существующую только в воображении границу реального мира — и того неведомого, которое называлось простым словом «*ничто*», ибо было слишком сложно для понимания; Асмур падал вместе с конем, и сверху, раскидывая копыта и путаясь в собственных гривах, валились обезумевшие от ужаса кентавры. Он должен был уйти в *ничто* — и не исчезал, словно намеренно стремился разбиться об острые камни на дне пропасти или быть задавленным этой лавиной, рушащейся на него сверху...

И все это видел Гаррэль.

Почему он не выполнил приказа и не вернулся к дружине после того, как разрушил мост? Ответ был чересчур прост: виновно было обыкновенное мальчишеское любопытство. То, что затеял эрл Асмур — непобедимый командор Асмур, предмет рыцарского поклонения всей дружины, — просто не могло, не смело остаться никем не уви-

денным; такие подвиги и создавали легенды, проходящие через поколения и века.

Но, кроме него самого, увидеть было некому, некому было бы и потом рассказать.

Он вернется к дружине, — сказал себе юноша; вернется, но — чуточку позднее. И он спрыгнул с коня, взял его под уздцы и осторожно поднялся на скалу, ограничивающую роковое ущелье. Могучий эрл и следом за ним — вся эта копытная свора промчатся вниз, так что никто ничего не заметит. Гаррэль перегнулся через обломок скалы, чтобы поподробнее все рассмотреть, но он не успел приготовиться, как все уже было кончено за одно мгновение — закованный в естественную броню вороной промелькнул, как ураган, и следом за ним в клубах пыли — распаленные преследователи, и юноша с невольной гордостью проводил глазами последний прыжок крылатого коня, как вдруг напротив, точно привидение, возник разукрашенный кентавр, и мелькнуло бронзовое оружие, и вот уже вороной падал, скрежеща по камню крыльями, которым негде было развернуться во весь размах, и не происходило главного — эрл Асмур почему-то не уходил в *ничто*, а продолжал падать в ледяную черноту расщелины, и Гаррэль вдруг понял, что командор ранен и просто не в силах совершить этот переход — и юноша не раздумывал ни единой доли секунды.

Оттолкнувшись от уступа, он прыгнул вниз, представив себе зыбкую грань перехода и сразу же за ней — близкое дно пропасти так, что командор вместе со всеми кентаврами был у него над головой; в следующий миг он уже был там и падал, но лететь ему оставалось совсем немного и главное — недолго, и сверху на него уже рушился обезумевший от страха конь с бесчувственным всадником, и Гаррэль, коснувшись гривы вороного, последним усилием воли захлестнул себя, Асмурса и коня в единый волевой кокон и послал все это в спасительную пустоту, доступную только джасперяину, и дальше, через нее — на ковер командорской каюты.

Юноше не хватило сотой доли секунды — донные камни ущелья полоснули по скафандру, но сверхпрочная ткань выдержала; зато не прикрытые защитной пленкой штаны и сапоги донесли до корабля лишь в виде реликтовых лоскутьев. Почесывая ссадины, он осторожно приподнялся — прямо перед ним, занимая всю середину центрального помещения, распластался крылатый конь, судорожно вздымающий бока и заходящийся хрипом; командор неподвижно лежал по ту сторону конской туши, и его пепельный крэг, осторожно вытягивая крылья из-под лиловой ткани, выбирался из расстегнутого скафандра. Наконец это ему удалось, он взлетел на спинку командорского кресла и встряхнулся — кровавые брызги полетели по каюте.

— Асмур-крэг, ты ранен? — крикнул юноша, инстинктивно порываясь прийти на помощь сначала поводырю, а затем уже — человеку.

Крылатое существо еще раз брезгливо встряхнулось и отвернуло голову в сторону, не устаивая Гаррэля ответом. Ну и ладно. Самое время заняться командором. Он оперся о бок коня, намереваясь без околичностей перебраться прямо через это естественное заграждение, но вороной, почуяв руку чужака, тут же вздыбил отточенные пластинки чешуй, так что юноша едва-едва успел отдернуть ладонь.

— Фу ты, пропасть... — пробормотал Гаррэль и побрел в обход, опираясь о стены каюты, потому что известный своим норовом вороной мог еще и лягнуть в избытке благодарности; но когда он добрался наконец до окровавленного тела командора, то застыл в нерешительности — короткая бронзовая стрела торчала из горла, и он, будучи даже неопытным воином, прекрасно понимал, что значит тронуть ее.

Между тем Асмур медленно открыл глаза, упершись невидящим взглядом в потолок. Гаррэль в отчаянии обернулся к пепельному крэгу, но тот и не подумал вернуться к своему хозяину. Понимал ли эрл, что находится уже в безопасности, в собственном корабле? Или мысли его были далеко?

— Мой командор... — прошептал юноша.

По тому, как мгновенно исказилось залитое кровью лицо, Гаррэль понял, что тот прекрасно представлял себе и где он, и что с ним; одного предводитель звездной дружины не мог даже вообразить себе: что кто-то из подчиненных посмеет без его позволения проникнуть в его каюту.

— Ты... — прохрипел он, — не в бою?..

Красная струйка побежала у него из уголка рта.

— Пока... хоть один... — Больше он говорить не мог, но рука в лиловой перчатке поднялась и твердым жестом показала Гаррэлю — «уходи»!

— Повинуюсь, великий эрл! — проговорил юноша сквозь стиснутые зубы.

Командор, как всегда, был прав — его место там, где восемь крылатых всадников, паря над лесом, зорко высматривали отставших хищников, готовые не зная ни сна, ни отдыха до последней минуты их кровавой охоты...

И длилась она еще два дня.

Когда же на исходе второго дня оранжевое солнце, истекая неистовыми протуберанцами, клонилось к притихшему океану, истомленные кони в последний раз облетели зеленый остров с его лесами и пирамидами, оврагами и руинами храмов. Мелкое зверье копошилось в траве, ужи и ящерицы ловили последнее тепло уходящего дня, но ни одного чудовища не оставалось больше на планете, принадлежащей созвездию, где от кентавров осталось одно название. Длинные вечерние тени от летящих коней перечеркивали необозримый кратер, оставленный аннигиляционным взрывом на месте семейства вулканов; если бы не спиральная борозда, усыпанная пеплом — след движения заряда, — то этот кратер легко можно было бы принять за след падения крупного метеорита; теперь же непосвященный встал бы в тупик, пытаясь объяснить это чудо природы, — разве что осталось предположить, что здесь когда-то прилегла отдохнуть улитка с диаметром раковины в несколько десятков километров.

— Пора возвращаться, — усталым голосом проговорил Эрромиорг из рода Оргов, старший дружинник.

Жалея коней, они образовали единый кокон и перенесли в одно мгновение к подножию серых пирамид. Спешились, не решаясь войти внутрь корабля. Гаррэль ловил на себе невольные взгляды — после того, что он рассказал своим товарищам о трагическом завершении случая с ловушкой, все почему-то ждали от него новых сведений о командоре. Да он и сам ждал, ждал напряженно, каждую минуту — какого-нибудь шепота, призыва, может быть, даже слов прощания...

Ничего не было.

Вот и сейчас смотрели на него, а вовсе не на старшего, и юноша, сжав губы, помотал головой — он согласился бы умереть, чем услышать «как ты посмел...».

Кони, изогнув шеи, склонились над редкими травинками, пробивающимися в трещинах между плоских камней, но ни один не коснулся губами тощей зелени. «Дурной знак, — прошептал Скюз, знаток примет и предзнаменований, — дурной знак...»

И словно в ответ на его слова матово-желтая, точно человеческая кожа, стенка мака треснула, образовавшийся проем распахнулся, как будто раздвинутый руками на полный размах, от плеча до плеча, и, чуть не задев дружинников, оттуда вылетел редкоперый белесый крэг, которого Гаррэль, отправляясь на охоту, оставил под защитой корабельных стен. Древние боги! Дружный крик раздался под вечерним небом, куда подымался, не издав ни одного прощального звука и даже не оглянувшись, седой крэг. Но не его согласию на отвоеванную у монстров планету радовались юноши — стена раздвинулась, а произойти это могло только тогда, когда человек посылает приказ-импульс. А человек внутри корабля был только один.

Значит, он был жив!

Гремя подковками походных сапог и сбрасывая на бегу клейкую пленку скафандров, они вбежали внутрь, в галерею окружных малых кают, и замерли, положив ладони на выпуклую стенку центрального помещения. Стена была непрозрачна.

— Командор, — негромко проговорил Гаррэль, посылая свой голос туда, в самое сердце мака. — Крэг моего отца принял эту планету...

Что значило, хотя и было недосказано: «Следовательно, нам пора уходить».

Он ждал в ответ голоса, но вместо этого стена под его ладонями начала светлеть, приобретая дымчатую прозрачность топаза, и командорская каюта, блекло мерцающая отсветами настоящей свечи, открылась их взорам.

Конь по-прежнему занимал всю середину помещения, расправив израненные, но уже смазанные бальзамом крылья, а возле него, в откидном кресле, полулежал эрл Асмур — готовый к походу, в застегнутом поясном скафандре. Раскрытый том «Звездных Анналов» покоился на ковре возле самого кресла.

Рука в темно-лиловой перчатке поднялась в повелительном жесте, призывающем к вниманию, а затем опустилась вниз, коснувшись раскрытой страницы. Двух мнений быть не могло: командор указывал на схему, изображавшую созвездие Кентавра. Под указующим пальцем скрылась красная точка — следующая планета этого рыжего светила, за свою золотистость названного Серьгой.

IX. МИРЫ ДЛЯ КРЭГОВ

Следующие четыре планеты были к ним благосклонны. Почти одинаково прохладные, покрытые причудливой растительностью, но не обремененные даже намеком на зарождающийся разум, они, казалось, были специально созданы для тихого уединения, и еще четыре крэга покинули мак, по своему обыкновению даже не попрощавшись.

Командор поправлялся. Сначала его вороной выходил на прогулки один — пощипать бледно-розовую травку или выкупаться в пенящемся бесчисленными пузырьками озере; но на последней планете Серьги он вывел своего коня сам — впрочем, как всегда настороженный, готовый к любой неожиданности, ни на секунду не расстегивающий

скафандра. Молодежь тихонечко хмурилась — похоже, что пора безрассудной удали ограничилась всего-навсего одной охотой.

Серьга Кентавра была исчерпана, приходилось перебираться к следующей звезде этого созвездия, и ближайшей оказалась Уздечка. Правда, у нее обнаружилась всего одна спутница, да и то весьма сомнительная — острые, как сталактиты, частые пики, подножия которых обросли розовой мимозой. Из этих пушистых зарослей выскальзывали покрытые радужным опереньем питоны; они обвивались вокруг каменных столбов и, цепляясь за мельчайшие неровности, поднимались до самого верха — видимо, исключительно ради собственного удовольствия, так как охотиться на крутом пике было не за кем. Достигнув верхушки, они свивались в упругие кольца и бросались вниз, на зонтичные кроны деревьев. Люди, плавно кружа на своих крылатых конях, никак не могли оторваться от захватывающего зрелища, но старого крэга, которому предназначалась эта планета, переливы красок на пернатых гадах в восторг не привели. Он облюбовал себе несколько острых пиков и потребовал выжечь лес до самого горизонта, дабы копошение пресмыкающихся не тревожило его покоя.

Пожелание крэга — закон, и дружинники было ринулись за портативными огнеметами, когда властный жест эрла Асмур остановил их.

Он уже по-прежнему сидел в седле, но до сих пор никто не услышал ни единого слова, которое вырвалось бы из его изуродованного горла. Не сказал ничего он и сейчас, а просто спустился к маку, приземлившись на опушке, и вскоре вынес оттуда две седельные сумки, набитые дымовыми шашками. Это оказалось веселым делом — гнать пернатых змеев и непернатое зверье из обреченного леса, и приунывшие было дружинники натешились всласть, с гиканьем и свистом гоняясь между ощерившихся каменных пиков, облюбованных крэгом. До самого захода солнца звездная дружина на деле постигала истину, что бескровные подвиги веселее и достойнее кровавых.

Когда же солнце село и быстро спустившаяся темнота сделала дальнейший гон бессмысленным — да, собственно, гнать-то уже было некого, — только тогда лес запылал. Черно-алое море огня, из которого выступали редкие торчки скал, разливалось все шире и шире, то взрываясь снопом искр, то покрываясь змеяющимися струями дыма. Таким образом приказ крэга был уже выполнен, и дальше следить было не за чем, но оторваться от величественного зрелища было просто невозможно, и крылатые всадники парили в ночном небе, то уходя к волнистым облакам, то спускаясь так низко, как только могли выносить опаляющий жар их кони, опьяненные этой огненной скачкой.

И вдруг... Все случилось слишком быстро, чтобы кто-нибудь смог вмешаться, — хотя и вмешиваться-то было не во что; но на одном из таких виражей вороной конь Асмур, направленный властной рукой своего седока, резко пошел вниз и вдруг камнем упал в дымный, еще не успевший вспыхнуть куст.

Дружный вопль ужаса пронесся над пылающим лесом, и все девять оставшихся всадников тут же повернули коней, чтобы броситься следом, но вороной уже взлетал, подрагивая опаленными крыльями, и, сделав над пожарищем последний круг, направился к стоянке мака.

Когда не успевшие оправиться от этого потрясения дружинники опустили на стоянку, Асмур как ни в чем не бывало сидел возле маленького водопада, и вороной подставлял под его искрящиеся от лунного света струи свои многострадальные крылья.

Никто не посмел задать ни одного вопроса — да в этом и не было необходимости: командор был волен поступать как ему вздумается. Тем более что юноши поняли, какая причуда толкнула в огонь их предводителя: рядом с ним на черных камнях лежал ворох радужных перьев. Мона Сэниа... Ради нее любой из них пошел бы и не на такое безрасеудство.

И этот поступок их командора, вырвавшего из моря огня сказочный подарок для своей невесты, возвел их отношение к нему в ранг поклонения.

Но оказалось, что это — только начало. Бес удалства вселился в воинственного эрла, да и планеты, как на грех, все оказывались с изъяном, и приходилось прикладывать немало трудов и смекалки, чтобы удовлетворить и капризы крэгов, которым всегда что-нибудь мешало, и... неожиданные причуды командора.

Возле Уздечки больше не было планет — пришлось отправляться к дальним звездам, Седлу и Крестцу. Ближе, правда, располагалось одно солнышко — в «Анналах» оно носило интригующее название «Чакра Кентавра», поскольку на старинном рисунке, изображавшем Кентавра, это светило размещалось как раз в середине лба, между глазами. Кому-то из молодых дружинников пришло на ум безобидное прозвище — Звездочка-Во-Лбу.

Но странное дело — за полторы тысячи лет побывать здесь было некому, и тем не менее название этого солнца было перечеркнуто жирным крестом, а на полях страницы угрожающе значилось: «Звездные волки!»

Командор не нуждался ни в советах, ни в одобрении — он попросту оставил Звездочку-Во-Лбу в стороне и пошел прямо на Крестец.

Оставалось еще четыре крэга — из них больше всего опасений внушал отцовский поводырь Дуза — привыкший к тропической жаре, он отказывался от одной планеты за другой, предоставляя свою очередь тем, кто был не столь теплолюбив. Целая цепочка планет голубоватого мерцающего Крестца тоже не обещала быть жаркой, к тому же большинство было просто газовыми гигантами. Одна, правда, даже напомнила звездным скитальцам их родной Джаспер, но на дневной стороне, постоянно обращенной к светилу, самое удобное для обитания место было занято какой-то доисторической башней, очевидно сооруженной космическими пришельцами с других планет.

Башня не помешала бы крэгу и даже, наоборот, служила бы ему превосходным насестом, если бы не одно обстоятельство: уходя своей вершиной в грозовые облака, она служила превосходным коллектором для собирания атмосферного электричества, и время от времени с венча-

ющего ее шара срывалась мощнейшая молния, бившая во что попало, — и, естественно, даже почти бессмертному крэгу отнюдь не улыбалось попасть под испепеляющий разряд.

Но пожелания крэга — закон, а ему возжелалось стереть злополучную башню с лица планеты. Сделать это было бы чрезвычайно легко, если только не соваться туда, где на желтом песке виднелось множество стеклянистых пятен от ударов супермолний. Но Асмуре словно манили к себе эти границы реальной опасности; вот он приблизился к мертвой зоне, отсчитывая интервал между молниями по ударам собственного сердца, но в последний миг четкий контур его фигуры размылся и исчез — эрл предусмотрительно ушел в *ничто*.

И в ту же секунду громовой удар потряс воздух, и на том месте, где только что виднелся темно-лиловый силуэт, ослепительный столб огня врезался в землю.

Молодежь, не смея приблизиться без зова, замерла в недоумении. Асмуре достаточно было, ничем не рискуя, точными движениями направить зарядные пашки к самому подножию башни, перебросив их через *ничто*, как в свое время — магические игральные карты.

Но ему, казалось, нравилось искушать судьбу, и, точно рассчитав момент относительной безопасности, командор появлялся в самом опасном месте — у подножия башни; возникая всего на какую-то долю секунды, там обрисовывалась и тут же исчезала гибкая проворная фигура в темном полускафандре, умело размещавшая заряды возле башенных опор. Да, он умел сочетать удаль с осторожностью, их командор, и вскоре все было сделано. Дрогнула земля, и десять коней разом заржали, пригибая головы, а башня, изламываясь и прочерчивая в грозовом небе медленную дугу, уже падала, рассыпаясь ржавым прахом.

И седьмой крэг умчался к дымящимся руинам, покинув корабль.

Осталось трое.

Нужно было перебираться на следующую планету, но Асмур и здесь помедлил — вернулся на то место, где его

чуть было не испепелил сокрушительный разряд, и набрал в горсть мелких стекловидных осколков — память о грозной игре.

И — еще один перелет.

Четвертая Крестцовая была более чем прохладна и, как того боялись все дружинники, снова не удовлетворила теплолюбивого Дузова крэга. Зато Сорк получил от командора простейший приказ — спустить воду из горного озера, расположенного в самой середине причудливо изогнутого полуострова. Что-то трепыхалось в его глубинах, изредка показываясь на поверхности, безобразное и неповоротливое.

Взорвать перемычку, отделявшую озеро от морского залива, было делом нескольких минут; вода устремилась в новоявленное русло, постепенно обнажая покрытые тиной откосы. Когда же ее осталось не более чем в человеческий рост, в ней панически забились головастые сине-зеленые твари. Кружа над постепенно понижающейся поверхностью воды, Асмур всматривался в глубину мелеющего озера, словно пытаясь понять, чем же не угодили очередному претенденту на собственную планету эти безгласые туши, с которыми во все оставшиеся годы крэгу не придется ни разу столкнуться, с позволения сказать, лицом к лицу? Крэги никогда не проявляли бессмысленной жестокости, и, возможно, снизойди они до переговоров с людьми — можно было бы договориться до более милосердного варианта.

Но дискуссии с крэгами исключались, и оставалось лишь положиться на собственную находчивость, которая смогла бы облегчить судьбу ни в чем не повинных обитателей озера.

Многие из них были крупнее джасперианского коня; бесформенная голова с необъятной круглой пастью и пучком гибких усов над нею переходила в конусообразное тело, окаймленное двумя полотнищами плавников. Водяное чудище напоминало помесь гигантского бычка со скатом, и было в этих неповоротливых тушах что-то бесконечно безобидное и жалкое. С другим командором и сами

юноши, возможно, устроили бы сейчас охоту на иноземных тварей, — то ли от азарта, воспитанного многочисленными турнирами, то ли из стремления как можно скорее закончить затянувшийся поход и вернуться наконец на желанный Джаспер. Но здесь все они одновременно почувствовали жалость к этим беспомощным существам, обреченным на бессмысленную гибель.

Командор взмахнул плащом и широким жестом указал туда, где уступы гор спускались к морю. Но юноши уже поняли, они улавливали каждую мысль своего предводителя даже не с полуслова, а с полужелания; и когда он, снизившись до самой воды, привстал на стремянах и, оттолкнувшись от шеи коня, перескочил на хребет неповоротливому земноводному, все последовали его примеру, и десять черных лоснящихся тварей вместе с людьми на их спинах растаяли, уйдя в *ничто*, словно их и не было, чтобы через долю секунды очутиться уже в морской безбрежной стихии, где они были надежно укрыты от зоркого взгляда крэга.

Это была добрая охота, и дружинники, мокрые с головы до ног, состязались друг с другом в скорости, а воды в бывшем озере уже совсем не осталось, и к последним страдальцам пришлось брести по колено в тине, и началось новое состязание — погоня за детенышами, которые старались зарыться в ил, но тут в дело вмешались и кони, зараженные порывом людей, и их чуткий нюх и сильные копыта помогли откопать несколько десятков препотешных головастика; когда же последний был спасен, все, не дожидаясь приказа, ринулись в воду — смывать грязь и тину, которая делала их похожими на водяных духов, и только эрл Асмур, первым окунувшийся в воду, не снимая, как всегда, скафандра, стоял теперь на страже, зорко оглядывая берег и небо с прибрежного утеса. Да, если подумать, странный получался поход... Как будто бы и битвы были, и опасности, и трудности — и в то же время всех не покидало какое-то упоение подвигами, всегда добрыми; перелетами, всегда удачными; забавами, всегда благородными. Судьба была благосклонна к ним, слов-

но позабыв о зловещих ночных козырях. И была во всем этом какая-то ненасытность, неуголенность, как будто нужно было натешиться на всю жизнь, которая больше никогда не будет ни такой радостной, ни такой беззаботной, ибо самую тяжкую долю всегда нес на себе их командор. Вот и сейчас: они плещутся, гоняясь за морскими жирными угрями, а он застыл, как изваяние, на прибрежной скале, и белый гибкий ус спасенного чудовища намотан на лиловую перчатку. И в этом была какая-то странность: не было планеты, с которой благородный эрл не унес бы подарка для своей царственной супруги, какой бы дорогой ценой этот сувенир ни доставался.

И в то же время не похоже было, что он спешит вернуться на Джаспер...

Мокрые и счастливые, уносящие в волосах кристаллики соли и на губах — морской ветер, юноши вскакивали на коней и возвращались на корабль. Последним покинул берег эрл Асмур, сквозь темное лицевое стекло скафандра проследивший полет ширококрылой птицы, брезгливо сторонящейся кромки воды, словно угадывая там, в глубине, бесшумное скольжение спасенных чудищ.

Перелет оказался счастливым: планета, на которую они опустились, прожаренная солнцем и окутанная плотными сернистыми газами, не позволила бы людям сделать ни единого вдоха — но тем не менее привередливый крэг, за которого так боялся Дуз, благосклонно кивнул в знак согласия и навсегда покинул мак, напустив в Дузову каюту нестерпимой вони. Да, неисповедимы причуды крэгов... Но теперь остался только один — поводырь матери командора, Тариты-Мур. И последняя звезда созвездия — Седло Кентавра.

Х. ЗВЕЗДОЧКА-ВО-ЛБУ

У Седла было только три планеты, и две из них пришлось обойти стороной: они были густо заселены какими-то разумными существами. Может быть, в чьей-то

душе и шевельнулось завистливое воспоминание о тех далеких временах, когда люди Джаспера свободно путешествовали по необозримым звездным просторам, исследуя чужие миры и радуясь даже отдаленному намеку на разум... Теперь для этого не было ни времени, ни людей. Исполнить сыновний долг — и скоренько возвращаться домой, где и без того слишком много забот. Зеленый Джаспер, который когда-то называли веселым Джаспером, не мог позволить своим сыновьям покидать отчий кров надолго.

Поэтому высадились прямо на третью планету, молчаливую, с жиденькой атмосферой и громадной, дымной впадиной, где чадили естественные выходы горючего газа. Здесь, похоже, жизнь и не думала зарождаться, тем не менее крэг, поднесенный к краю этого древнего метеоритного кратера — самого теплого уголка планеты — брезгливо отвернулся и скрежещущим голосом, каким говорят с людьми крэги (никто не слышал, чтобы они переговаривались между собой) произнес:

— Камни.

Все недоуменно переглянулись: камни как камни. Крэг вроде бы не отказывался от планеты, но что значили его слова — камни следует убрать? Уничтожить? Вышвырнуть в космос?

Асмур бережно отнес материнского поводыря обратно на корабль и осторожно спустился в дымную долину. Здесь, на порядочной глубине, кислорода хватало, чтобы поддерживать горение естественных факелов, но чтобы жить... Как правило, крэги не терпели только живых существ. Почему же тогда Тарита-крэг невзлюбил какие-то мертвые камни? Они попадались то тут, то там, и во всей долине их насчитывалось около сотни, но их на удивление правильная прямоугольная форма наводила на мысль, что это — огромные кристаллы. Асмур провел по поверхности одного — под слоем пыли действительно блестела изумрудно-зеленая грань исполинского берилла. Следующий отливал лиловато-сиреневым аметистом, а чуть дальше чернел турмалин. Чем они пришили не по душе крэгу?

Но вопрос был праздным: пожелание крэга — закон. Взмахом руки командор созвал дружину, и все вместе они попытались поднять или сдвинуть с места самый скромный из этих кристаллов — поставленный на малую грань, он достал бы Гаррэлю до груди.

Однако камень не сдвинулся с места.

Рукояткой десинтора Асмур попытался отбить уголок — камень был неуязвим. Острие кинжала о него тупилось, плазменный разряд не оставил на поверхности никакого следа.

Дружинники переглянулись. Борб пожал плечами и отправился на мак за переносным аннигилятором, а настойчивый эрл тем временем перепробовал на зеленом кристалле все возможные калибровки своего десинтора. Борб, волоча на загривке тяжелый агрегат, уже возвращался от корабля, как вдруг до командора донесся его изумленный крик:

— Древние боги! Они же движутся!..

И действительно — сиреневый каменный брус медленно приближался к Асмuru, словно его толкала невидимая сила. Эрл сделал знак звездным дружинникам, и они расступились. Теперь в тишине, нарушаемой только потрескиванием пламени, отчетливо был слышен скрип песка — два камня, зеленый и лиловый, ползли навстречу друг другу, наращивая скорость, а между ними стоял Асмур.

— Берегись! — крикнул Гаррэль, но командор опередил его предостережение и, оттолкнувшись от сухой почвы, резко отпрыгнул в сторону — в тот же миг раздался оглушающий грохот, и радуга мельчайших осколков взметнулась над тем местом, где две монолитные глыбы столкнулись с такой силой, что обе рассыпались на куски.

— Эрл Асмур!..

Еще два камня сшиблись с орудийным грохотом, и снова Асмур, даже не оглянувшись, а повинувшись какому-то инстинкту, успел отскочить. А слева и справа, набирая скорость, двигалась новая пара нападающих — теперь уже можно было отступать в сторону без паники, потому что

глыбы подчинялись простейшим правилам игры: во-первых, приходили в движение только те, между которыми оказывался непрощеный пришелец; а во-вторых, ползли они только по прямой, переходя в стремительное скольжение только тогда, когда между ними оставалось не более шести шагов.

Эрл нетерпеливо махнул рукой — всем отойти как можно дальше, чтобы люди или ползучий дым не помешали ему вовремя заметить надвигающуюся опасность. Быстро темнело, и красноватые блики естественных факелов, отражаясь в бесчисленных осколках уже разбитых камней, рассыпали кругом мириады разноцветных искр, придавая этой странной игре вид экзотического представления. Теперь Асмур сам выбирал себе нападающих, становясь между wybranными кристаллами и хладнокровно наблюдая, как они с тупой размеренностью набирают мощь для смертельного удара, не предполагая в противнике большей проворности, чем имели сами. И, недоступные воздействию человеческого оружия, погибали, разрушая сами себя...

Грохот и снопы каменных брызг прекратились внезапно — оглянувшись по сторонам, Асмур вдруг с удивлением увидел, что в долине не осталось ни одного целого камня. Мелкие осколки, по которым нельзя судить о строении загадочных монолитов... Вот и еще одна загадка чужого мира осталась неразгаданной... Он медленно пошел к кораблю, нагибаясь и подбирая сверкающую самоцветную мелочь, и Гаррэль, с мучительной тревогой глядевший ему вслед, мог бы прозакладывать голову, что с каждым шагом командор все неохотнее подымается по склону.

Он не хотел возвращаться на Джаспер!

Эрл Асмур добрался до края кратера, где мерцающей нездешней громадой высился их девятигранный мак. Не оглядываясь, открыл раздвижной люк и исчез внутри. Его спутники, не шевелясь, следили за его движениями — то ли всем передалось настроение Гаррэля, то ли они сами что-то почувствовали...

— Пусть он простится с Тарита-крэгом, — прошептал Эрм.

Они ждали, глядя в безлунное небо, — белое крылатое существо, как бы быстро оно ни поднялось, не могло остаться незамеченным. Но время шло, а крэг не появлялся. От дыма и напряженного взглядывания в темноту глаза начали слезиться, что-то мелькало и чудилось — как будто над кораблем расправило крылья нечто темное и бесплотное, как сама ночь. Если бы в этом дымном аду могли водиться птицы, они решили бы, что видят сумеречного грифа; если бы этот мир населяли неведомые твари, то можно было бы угадать очертания гигантской летучей мыши. Если бы по этой скудной каменистой почве ступала до них нога джасперянина, то они решили бы, что в беззвездной ночи взвился стремительный черный крэг.

Но здесь не было ни грифов, ни крэгов. Дальнейшее ожидание становилось бесполезным, и все, движимые странным предчувствием, заторопились к маку.

Стенки центрального помещения были медово-прозрачны, и в кресле, уронив на пол толстую книгу «Анналов», полулежал эрл Асмур — совсем как в тот вечер, когда они вернулись после охоты на кентавров. Сколько с тех пор утекло времени, сколько чужих миров они повидали — и за все эти дни они не слышали от своего командора ни единого слова.

Страшная догадка перехватила дыхание, и Гаррэль понял, почему прославленный воин не торопится домой: он потерял дар речи!

Но в этот миг, опровергая его непрошеную догадку, эрл Асмур поднял голову, как всегда защищенную непрозрачной пленкой скафандра, и рука в темно-лиловой перчатке инстинктивно, как от боли, сжала горло:

— Тарита-крэг не согласен, — слышался очень тихий, хриплый до неузнаваемости голос.

Рука в перчатке опустилась и легла на книгу, указывая на ту самую звезду, которую они обошли стороной — запретную Чакру Кентавра.

Ту самую, которую кто-то любовно назвал Звездочкой-Во-Лбу.

К ней подходили неторопливо, заранее отметая неподходящие планеты, а таких было большинство: или чересчур жаркие, или слишком большие, а одна, к прискорбию, была заселена достаточно развитыми гуманоидами, чьи города гроздьями огней расцветчивали ночную сторону. Оставалась четвертая планета, такая же каменистая и безлесая, с разреженной стылой атмосферой; она напоминала ту, от которой Тарита-крэг уже один раз отказался. Командор подвесил мак в безвоздушном пространстве, давая крэгу возможность полюбоваться на вакантное обиталище со стороны. Дружинники, уже насмотревшиеся на самые разнообразные миры и вблизи, и издали, бесцельно слонялись по соседским каютам, готовые к возвращению домой — и всеми силами скрывавшие эту готовность: и только Скюз, меткий стрелок, разглядывал не планету, а млечный поток чужих светил, словно высматривая себе подходящую цель.

— Командор! — внезапно разнесся по всем отсекам мака его голос. — Мы кого-то догоняем!

Перепрыгнув через коня, по своему обыкновению разлегшегося посреди каюты, Асмур кинулся в малую каюту, откуда донесся призыв. Стена, которую Скюз почти всегда держал в состоянии кристальной прозрачности, была обращена не на красновато-бурую поверхность планеты, а в черноту межзвездного пространства, и оттуда, как бы рождаясь на глазах, медленно всплывал какой-то причудливый объект, который в первый миг все приняли за живое существо, потому что на нем отчетливо виднелись многочисленные шипы, хвосты и глаза. Загадочное нечто было лишь немногим менее их собственного мака, и, когда оно разинуло круглую пасть, Скюз чуть было не метнулся к пульту аннигиляционной пушки, но вовремя удержался, потому что приказа приготовиться к атаке не последовало.

Командор молча наблюдал.

И тут из черного круглого зева того, что было все-таки не чудовищем, а только гнездом, медленно выползли два существа. Покрытые странной белесой шерстью, отливающей металлом, каждый с единственным красновато-фосфорическим глазом, они мерно покачивались возле своего

жилища, сцепившись голыми хвостами, словно купались в черной ледяной пустоте. Мертвящей жутью веяло от этих циклопов, и непонятно было, что же внушает такой ужас — волчье мерцание глаза, настороженное шевеление смертоносных клешней или чуткий, подрагивающий хобот, готовый, казалось, мгновенно высосать кровь из своей добычи.

Каждый почувствовал, что перья на его крэге встают дыбом.

И в этот миг за спиной прозвучал властный голос Тарита-крэга:

— Звездные волки! Уничтожьте их!

Дружина разом отпрянула от окна, готовая ринуться выполнять столь естественный приказ, но поднятая рука командора остановила их.

Эрл Асмур, как и в первый раз, невольно поднес руку к горлу, и голос его прозвучал еще тише, но за немощью звуков стояла такая несокрушимая воля и столь укоренившаяся привычка повелевать, что не было на корабле ни единого человека, который посмел бы послушаться могущественного эрла, когда он произнес:

— Захватить живыми.

Тарита-крэг, которому перечили впервые в жизни, возмущенно захлопал крыльями и взлетел к потолку командорской каюты, словно готов был покинуть мак прямо сейчас, а потом, гневно щелкая когтями, с которых сыпалась шелуха, ринулся к себе в алтарный шатер. Если бы вся дружина не была занята поспешным натягиванием скафандров, может быть, кто-нибудь и заметил бы, что крэг словно хочет сказать что-то — и не решается.

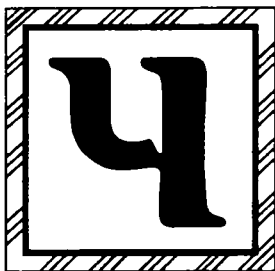
Один только Гаррэль вдруг на миг остановился, но его товарищи, уже одетые и застегнутые наглухо, торопливо выметывались из мака навстречу неведомым и отвратительным хищникам, и он заторопился им вслед, не подозревая о том, что с этой минуты круто меняется судьба не только командора со всем экипажем, но и всего Джаспера.

СЫНОВЬЯ ЧАКРЫ

Часть вторая,
которая уже начинается,
хотя первая часть еще не закончилась

I. ЕСЛИ ПОСМОТРЕТЬ С ДРУГОЙ СТОРОНЫ

то-то тяжелое шлепнулось рядом на пол, послышался скрежет, потом на долю мгновения как будто раздвинулся театральный занавес, и в проеме означилась медовая желтизна, в которой плавало изваяние дракона; что-то мелькнуло, но слишком поспешно, чтобы в нем можно было распознать человека или животное.

И занавес сомкнулся.

Навалилась абсолютная темнота.

Юхан лежал еще несколько минут, потом осторожно, стараясь производить как можно меньше шума, перевалился со спины на бок и включил нагрудный фонарь. Огляделся.

Полукруглая стена, переходящая в потолок, а с другой стороны — крупноячеистая решетка, превращающая этот сегмент каюты в темницу. И на полу — второе тело в скафандре, лицом вниз. Юхан подполз, приподнял неподвижное тело за плечи, легонько встряхнул. В шлемофоне послышалось сдержанное мычание.

— Юрг! — позвал он шепотом. — Юрген!

Глаза под прозрачным щитком приоткрылись, и Юхан поспешно выключил фонарь.

— Больно, Юрик? — спросил он участливо.

Вместо ответа тот, кого он называл Юргеном, сел и тоже включил свой фонарь.

— Перебьюсь, — ответил он, морщась. — Драться в гостях при погашенной иллюминации — дело дохлое.

— Было бы с кем, — вздохнул Юхан. — Впрочем, тут что-то нам п-подкинули...

— Где? — насторожился Юрген, шаря световым лучом по полу. — Не оказалось бы взрывчаткой!

В световом круге заискрился морозным инеем какой-то кирпич. Две головы в шлемах разом нагнулись над ним — это был здоровый брус хорошо замороженного мяса.

— Бред какой-то, — оценил ситуацию Юрген. — Не трбгай, Юхан, вдруг это человечина... Перейдем-ка к интерьеру.

Решетка из прозрачных прутьев в палец толщиной была явно раздвижной, но никакие усилия не позволили сдвинуть ее ни на сантиметр. В крупные ячей прошла бы рука, но для этого нужно было снять скафандр. К тому же никакого замка с той стороны видно не было. Зато справа, возле стены, к решетке была прикреплена поилка, наполовину наполненная прозрачайшей водой, а над поилкой виднелась дверца — по-видимому, отсюда и был заброшен мороженный деликатес. И чем дольше они глядели на откидную дверцу, небрежно закрученную проволокой, тем больше приходили в недоумение.

Дверца была не больше форточки, но мало-мальски тренированный человек мог пролезть в нее без особого труда.

— А э-эти с приветом, — пробормотал Юхан, как всегда, от волнения впадая в удвоение гласных. — Замуровали, называется!

Юрген посмотрел на часы:

— Так. Запас кислорода — на три часа. Из них два пятнадцать уже прошли. Я снимаю скафандр. Ты — только по моей команде.

- Это почему же?..
- Потому, что я — командир космической станции!
- Так где та станция...

Гражданин Финляндии, полковник военно-воздушных сил Юхан Туурсвалу, был человеком дисциплинированным, но обожал флегматично препираться, опровергая легенду о немногословности скандинавов. Это у него сочеталось органично.

Сейчас возражать дальше не имело смысла, потому что командир уже расстегнул скафандр.

Снял шлем.

— Дышится, — сказал он удивленно. — А ну подсади...

Оставшись в тренировочном костюме и толстых шерстяных носках, он двигался непринужденно и бесшумно и детскую задачку с форточкой легко мог бы решить и без помощи бортинженера. Очутившись по ту сторону решетки, он осторожно подкрался к занавеске, приоткрыл щелку и заглянул в слабо освещенное помещение. Несколько секунд он стоял, окаменев от изумления, потом тихо повернулся и махнул рукой — разоблачайся, мол, и поживее!

Юхан, настороженно наблюдавший за каждым его движением, мог бы поклясться, что на лбу командира выступили крошечные капельки пота. Он в один миг скинул скафандр, подтянулся на руках и с обезьяньей гибкостью, не утерянной к тридцати семи годам, выскользнул наружу и встал плечом к плечу со своим командиром.

Юрген осторожно повернул голову и посмотрел на своего бортинженера с надеждой: может быть, его самого обманывали глаза и все открывшееся им — плод воображения? Но у Юхана тоже медленно отвисала челюсть — значит, не чудилось.

Мало того, что у противоположной стены спал, прикрыв морду крылом, иссиня-черный дракон; но на фоне этой темной громады на пестрых подушках, небрежно брошенных прямо на ковер, мирно почивало самое пленительное создание, какое только могло возникнуть в воображении земного мужчины.

— Сатана перкеле! — прошептал Юхан, истощивая этим весь свой арсенал крепких выражений.

Он силился описать свои чувства в менее сильных словосочетаниях и — не мог: впервые в жизни у него буквально отнялся язык. Собственно говоря, ничего удивительного, если учесть всю вереницу свалившихся на них приключений: работали себе на околomarсианской станции, вышли по графику в открытый космос, и на тебе — навалились какие-то космические пираты, повязали по рукам и ногам, придушили малость, затащили, надо полагать, в свое разбойничье логово, а тут...

Чтобы все-таки как-то выразить свое отношение к увиденному, Юхан перешел на язык жестов и, закатив глаза, красноречиво поднял большой палец, что, по-видимому, должно было означать: «Если сия особа — предводительница пиратов, то я — руками и ногами за космический разбой!»

Командир марсианской орбитальной станции «Фобос-23» летчик-космонавт Юрий Брагин, ценитель женской красоты и человек стремительных решений, что тоже в нем органично сочеталось, показал в ответ два пальца и выразительно пожал плечами, что должно было означать: «Вот уж не ожидал от отца двоих детей!» — а затем повернул большой палец книзу, что со времен функционирования Колизея ничего хорошего не предвещало.

Сейчас же это означало одно: берем заложника.

Но не успели они сделать и одного шага, как сверху, из-под потолка, на них обрушилось что-то ослепительно лиловое, бьющее мягкими крыльями и уже нацеливающееся изящным клювом прямо в лицо. Обычного человека такое нападение довело бы до шокового состояния, но реакция натренированного космолетчика сработала прежде, чем разум смог оценить всю несостоятельность подобной атаки, и огромная блистательно-аметистовая птица через секунду уже самым непочтительным образом была зажата у Юхана под мышкой. Теперь инициатива бортинженера оказалась в какой-то степени скованной, потому что правой рукой приходилось удерживать трепыхавше-

гося фламинго, и Юрген, опасаясь, что эта пусть даже почти бесшумная возня может несвоевременно разбудить хозяйку дома, ринулся вперед, одним броском перекрывая несколько метров, потому что после ее пробуждения счет идет уже на доли секунды. Дракон выпростал из-под крыла лошадиную голову и возмущенно топнул копытом; лицо спящей дрогнуло, и она, не открывая глаз, легко подалась вперед, отталкиваясь от подушки и гораздо быстрее, чем мог предполагать землянин, нашарив эфес лежащей рядом шпаги, — но в следующий миг Юрген одной рукой уж крепко держал ее за плечи, а другой зажимал рот:

— Pardon, — пробормотал он машинально.

При звуках его голоса она вздрогнула и замерла, но в этой неподвижности не было притворства затаившегося животного, — нет, так замирают, когда напряженно ждут новых звуков, стараясь не пропустить их; у него возникло достаточно нелепое предположение — может быть, в довершение всей невероятности происходящего, она еще и понимает его?

— Thank you, — шепнул он, едва шевеля губами, чтобы показать, что он благодарен ей за отказ от сопротивления, — и тут же услышал серебряный звон: шпага выпала из разжавшейся руки и скользнула на пол; на всякий случай он инстинктивно подхватил оружие, опустив ее руки, — и тут же они легко метнулись к его лицу, и он почувствовал беглое прикосновение ее пальцев, как это делают слепые, но в этих движениях не было любопытства, нет, здесь сочетались неуверенность и страсть, жадность и благоговение... И лицо ее, узкое смуглое лицо с закрытыми глазами — оно было обморочно напряжено, и только губы под его левой рукой, зажимающей рот, непрестанно шевелились, как будто она быстро-быстро повторяла одно и то же; он даже напрягся, стараясь уловить это слово, — и вдруг с безмерным удивлением понял, что она целует его ладонь.

Его рука дрогнула и опустилась, и в тот же миг ее губы очутились возле самого его лица, едва ощутимо касаясь

его, они жарким и влажным контуром очерчивали каждую его линию, безошибочно угадывая и изгиб бровей, и легкую горбинку носа, и по мере этого узнавания медленно раскрывались глаза — огромные, сияющие, гиацинтово-лиловые, как чароит, и неподвижно глядящие в одну точку, как у слепорожденных...

— Асмур... — рождалось, как заклинание, возле самого его лица. — Асмур... Асмур...

Он не знал, приветствие ли это или имя, земной или неземной язык звучит сейчас перед ним, но инстинктивно чувствовал одно: происходит какая-то ошибка, горькая и жестокая, и он — ее виновник. Ему нужно было как-то вмешаться, но он понимал, что это будет все равно что ударить по этому прекрасному слепому лицу.

— Асмур! — вдруг крикнула она с нетерпеливым отчаянием, и ее пальцы с неженской силой вдруг рванули ворот его костюма, так что брызнули во все стороны звенья молнии, и черные волосы скользнули по его груди — замерев, она слушала, как бьется его сердце...

И в тот же миг сиреневая птица, воспользовавшись полным ошеломлением Юхана, вырвалась у него из-под мышки и, самоотверженно ринувшись к своей хозяйке, точным движением спикировала ей прямо на плечи, прикрыв голову и руки девушки пушистым фламинговым покрывалом. Сияющие глаза, обрамленные розовым опереньем, мгновенно ставшие зрячими, жадно ищущими, вскинулись на Юргена, и за какую-то секунду только что счастливое лицо исказилось целой гаммой совершенно противоположных чувств; они не чередовались, сменяя друг друга, а наслаивались — отвращение, разочарование, смертельный ужас; эмоциональный взрыв, который мог быть порожден только безумием, оказался настолько силен, что сменился даже не беспамятством, а каким-то окаменением — на руках у Юргена лежал сведенный ужасом манекен.

— Да помоги же мне, Юх! — в полной растерянности крикнул командир, подготовленный к любым экстремальным ситуациям, кроме подобной.

— Попо-моему, — пробормотал Юхан, начавший удвигать не только гласные, но и согласные, — у мадемуазель температура...

Юрген наклонился над девушкой и сделал то, что было в данный момент самым естественным, — дотронулся губами до ее лба.

Тем не менее она вздрогнула, как от удара электрического тока.

— Точно, — с некоторым облегчением сказал командир. — Под сорок. И сделай милость, убери этого розового гуся...

— Пошел, пошел. — Юхан взял крылатое существо за шкурку, собираясь вторично проявить по отношению к нему полнейшую непочтительность. — Тут не до тебя — видишь, человек болен!

«Гусь» вскинул голову и хрипло, но членораздельно прокричал какое-то слово.

— Попугай!... — разочарованно пробормотал Юхан. — Юрг, берегись!

Стены комнаты как будто лопнули сразу в девяти местах, и в этих разом распахнувшихся отверстиях показались люди, вооруженные самым разнохарактерным оружием — от рапир до пистолетов, весьма напоминающих лазерные. И у каждого из них на плечах, положив клюв на голову, сидела диковинная птица. Изумление, ужас, восторг — самые противоречивые чувства отразились на их лицах, заставив землян заподозрить, что и эти девять тоже безумны; но смятение это было столь велико, что, пожалуй, для его причин одного появления здесь экипажа марсианской орбитальной станции «Фобос-23» было мало-вато.

Наконец восемь юношей, соскочив на ковер, благоговейно приблизились к смуглой леди и, преклонив колена, замерли в самой почтительной позе, не обращая на землян ни малейшего внимания; и только девятый, самый юный, носивший на плечах что-то пестрое, напоминавшее курочку-рябу, ни секунды не раздумывая, бросился на Юргена с обнаженной шпагой.

Попытка была предпринята с явно негодными средствами — экс-чемпион военно-воздушной академии по фехтованию, Юрий Брагин несколькими незамысловатыми приемами выбил оружие из рук юнца, а Юхан, экс-чемпион начальной школы по примитивным уличным дракам, поставил ему подножку.

Следующего претендента не нашлось. И вообще окружающим было явно не до землян — здесь и без них происходило что-то из ряда вон выходящее, граничащее с абсолютно невероятным. Несомненно было только одно: виновницей общего ошеломления была именно она, смуглая дама.

(Здесь кончается первая часть, хотя вторая уже давно началась.)

II. СЭНИА-ЮРГ

Она открыла глаза, медленно обвела взглядом колено-преклоненных воинов звездной дружины — явились-таки без спроса! Впрочем, теперь все равно. Подошел к концу славный поход, и последняя, запретная звезда Костлявого Кентавра оказалась для них счастливой — Тарита-крэг согласился остаться на четвертой планете, и седые крылья унесли его в беспредельность красноватых сухих равнин. Сыновний долг был исполнен. Джаспер ждал. Надо было возвращаться. Она перебрала все возможные причины, которые позволили бы ей задержаться вдали от родины, и не нашла ни одной убедительной. С каждой планеты она брала малую дань — что-нибудь на память, и даже с последней проклятой кем-то звезды ее корабль унес ни мало ни много — пару страшных звездных волков, о которых умалчивали даже легенды.

Они совершили последний перелет — назад, к зеленому Джасперу, и теперь их мак медленно плыл возле родной планеты, готовый опуститься на серые, иссеченные временем плиты Звездной пристани. Она позволила своей дружине — а на самом деле, конечно, себе, и

только себе — последнюю задержку якобы для того, чтобы привести себя в надлежащий вид перед возвращением под отчий кров; она хотела отпустить их, так и не раскрыв тайны, но в горестных мыслях забылась и задремала, чтобы проснуться, почувствовав прикосновение любимых рук.

Если бы не крик ее крэга, никто из дружинников не посмел бы ворваться в ее покои и увидеть то, что она хотела сохранить в тайне. Но — не получилось, и она одна в этом виновата. Неженское это дело — водить дружину в поход, потому что хватает сил и на тяготы, и на подвиги, и даже на постоянный, пусть священный, но все-таки обман; но вот устоять, когда вдруг забрезжит перед тобой иллюзорное, как будто навсегда потерянное счастье — это не по женским силам...

Одним из тех жестов, которым никто и никогда не смел перечить, она отвела поддерживающие ее руки и медленно запахнулась в бархатный плащ, служивший ей одеялом. Поднялась во весь рост. Девять пар глаз смотрели на нее снизу как на воплощение всех древних богов, вместе взятых.

— Наш совместный путь закончен, — проговорила она своим обычным полновзвучным голосом. — Под нами Джаспер. Сейчас мы спустимся, и вы покинете корабль, бывший вашим домом. Все это время вы с честью несли имя дружины Асмур, и я ничем не могу отблагодарить вас за это. Единственное, что я смогу сделать для вас, — это ответить, если вы спросите. Спрашивайте!

С минуту стояла напряженная тишина — каждый хотел спросить, и никто не решался. Наконец поднялся с колен Скюз, лучший стрелок дружины.

— Ответь нам, принцесса Сэниа...

— Я больше не принцесса, — прервала его мона Сэниа. — Я стала женой эрла Асмур и порвала родство с королевским домом Джаспера.

— Ответь нам, принцесса, — почтительно повторил Скюз, несравненный стрелок, — где эрл Асмур, наш предводитель?

— В земле Серьги Кентавра, первой планеты, на которую вы опустились, — ответила мона Сэниа недрогнувшим голосом. — Рана, нанесенная ему стрелой кентавра, была смертельна, и я приняла его последний вздох.

Принцессы дома Джаспера не оплакивают своих мужей при посторонних, и на прекрасном смуглом лице не дрогнула ни единая черта.

— Разреши спросить тебя, принцесса Сэниа, — выступил Дуз, хозяин фиолетового крэга, — где в таком случае крэг твоего супруга?

— В огненной долине Седла Кентавра, — отвечала она. — Тарита-крэг отказался от этой планеты ради него, и он покинул наш корабль незаметно... Или нет?

Смутное туманное облачко, уносящееся в огненную долину, — да, кое-кто припомнил его, но теперь это не имело уже никакого значения.

— Благородная принцесса, — спросил Эрм, старший из дружинников, — это твой супруг передал тебе право командовать нами от своего имени?

— Нет, — сказала она, хотя никто и никогда не смог бы уже подтвердить или опровергнуть правдивость ее слов. — Я сделала это по своей воле. Когда я появилась на вашем корабле, мой супруг... Его уже не было в живых.

— Тогда зачем ты это сделала, принцесса Сэниа?

— А вот на это я тебе не отвечу, Эрромиорг из рода Оргов.

Наступила зловещая тишина, прерываемая только могучим дыханием крылатого коня. Она стояла перед ними, принцесса, несмотря ни на что, и ее воля была выше всех законов и обычаев, и даже звездные волки, эти омерзительные чудовища, от которых они все невольно отводили глаза, чтобы не встретиться с ними взглядом, послушно стояли у нее за спиной с оружием в цепких лапах; один держал клинок Гаррэля, а другой — шпагу самой принцессы.

Видно, и на то была воля судьбы!

И вдруг простодушный Пы, от которого никогда нельзя было ожидать дельного слова, осмелился заговорить о том,

что мучило сейчас каждого из девятих, с обожанием глядевших на прекрасную принцессу:

— Так ежели... э-э-э... позволено будет спросить тебя, милостивая принцесса... потому как твой высокий супруг... э-э-э... да будет счастлив и покоен его крэг в долине огненной... заключил с тобою брак с завещанием... кх-м... так теперь, значит...

Он не смел произнести своего дерзкого вопроса, но все невольно подались вперед, как никогда пристально и, наверное, неучтиво впиваясь взглядами в лицо моны Сэниа, потому что кому-то ведь завещал могучий эрл эту прекраснейшую из женщин Джаспера, и у каждого теплилась надежда, что предводитель звездного отряда в первую очередь должен был подумать о своих товарищах.

Мона Сэниа подняла руку, останавливая речь смущенного юноши, которая с каждым словом становилась все бессвязнее. Странная улыбка скользнула по ее губам — дьявольская гордость, надменное сознание безграничной власти над этими людьми и упоение собственным смирением... Чего только не было в этой улыбке!

— Тебе я отвечу, доблестный Пы, мощь и сила дружины Асмур, — медленно проговорила принцесса. — По завещанию могучего эрла, вашего предводителя и моего первого супруга, моим мужем стал тот, кто первым коснулся губами моего лба. Я не знаю его имени, но вот он — перед вами!

Она обернулась и величественным жестом опустила прекрасную руку на волосатое плечо чудовища, державшего ее шпагу.

И как ни велико было оцепенение ужаса, охватившего всех джасперян при этом сообщении, в следующий миг восемь шпаг разом взвились в воздух, чтобы освободить свою повелительницу, и только безоружный Гаррэль, по-прежнему сидевший на полу, закрыл лицо руками, чтобы никто не видел невольных слез отчаяния, брызнувших из его глаз.

— Стойте! — крикнула мона Сэниа, но в ту же секунду оба звездных волка довольно бесцеремонно отшвырнули

ее назад и встали плечом к плечу, готовые драться против всей дружины за свою драгоценную добычу. Еще бы! Волки волками, а разбирались...

Но мона Сэниа, которой тоже нельзя было отказать ни в силе, ни в мужестве, раздвинула своих страшных защитников и встала между ними.

— Благородные сыны Джаспера, — произнесла она насмешливо, — или вы забыли обычаи своей родины? Вы хотите оставить меня вдовой прежде, чем мой настоящий супруг завещает меня в жены кому-нибудь... хотя бы из вас?

Оружие вернулось в ножны прежде, чем она успела договорить; теперь все взгляды устремились на того, кого и в самом горячечном бреду ни один из них не додумался бы предназначить в мужа прекрасной принцессе, но, видимо, предначертание судило иначе. Недаром их поход начался с черных козырей.

Звездный волк, умело сжимавший в своей лапе драгоценный эфес, не мог не заметить внезапного внимания, обращенного к нему. Глаза, прищуренные гневом и отвращением, скользили по его ногам, подымались до пояса — и останавливались, не в силах преодолеть необъяснимого ужаса перед пленником; по сжатым губам и рукам, стиснутым в бессильном гневе, он не мог догадаться, чего же от него хотят; но мона Сэниа снова положила руку ему на плечо и, царственным жестом указывая на всех присутствующих, проговорила:

— Ты должен выбрать одного из них. Если, конечно, не предпочтешь своего друга... или брата.

Он внимательно посмотрел на нее, потом перевел взгляд на друга или брата, как сказала мона Сэниа. Похоже, что-то он все-таки понимал. Потом, видя, что от него ожидают однозначного и недвусмысленного поступка, он наклонился и протянул лапу юному Гаррэллю, помогая ему подняться с ковра.

Гаррэль машинально оперся на протянутую лапу и вздрогнул: это была теплая, сильная человеческая рука. Дружелюбная рука. И уж совершенно непонятно что тво-

рящая рука: мало того, что она поставила его, самого юного и, что там ни говори, — отверженного — рядом с принцессой, тем самым определяя выбор и передавая ему эстафету ритуального завещания; эта рука поднялась и ласково погладила пестрые перышки его проклятого крэга!

Все отшатнулись — узнать о том, что прекраснейшая женщина Джаспера стала супругой чудовища, было предельно здравым рассудком; но присутствовать при том, как эту красавицу, мечту всех юношей королевства, завещают человеку с пестрым крэгом, — это было уже выше всяких сил.

— Нет! — крикнул пылкий Флейж. — Лучше нам всем погибнуть, лучше разбить корабль о поверхность Джаспера, чем допустить такой позор!

— Принцесса, — встал рядом с ней рассудительный Борб, — мы повинемся тебе, и не из верности королевскому дому, а из рыцарской преданности и готовности служить прекраснейшей даме королевства. Но ты вспомни о древних обычаях, а по ним ты не можешь стать женой этого... этого неведомого и страшного существа: ведь у него самого нет крэга!

— И этого вопроса я ждала, благородный Борб! Да, я сочеталась браком с великим эрлом Асмуром... хотя никогда не была его настоящей женой. И теперь я никогда не стану женой этого пришельца, хотя по обряду буду считаться его верной супругой. Так что и ты прав, пылкий Флейж, неотразимая шпага: лучше бы мне не возвращаться на родную планету, где у меня нет дома и не будет семьи. Но и разбить наш корабль я не могу, да и вам не позволю: с нами — наши крэги.

И снова все замерли, охваченные бесконечной скорбью и сочувствием к несчастной принцессе, за которую каждый из них отдал бы жизнь — и даже этим ни на йоту не смог бы помочь.

— Прекраснейшая из принцесс, — проговорил Ких дрожащим голосом, — наши сердца разрываются...

А вот это было уже лишнее.

— К дьяволу! — крикнула мона Сэниа, так что все крэги, подняв перья дыбом, казалось, готовы были сорваться со своих мест. — Я дозволила вам любопытство, но не жалость! Довольно. Все по местам! Мы спускаемся на нашу планету.

Все, пятясь, отступили, — ни один не позволил себе повернуться к принцессе спиной. Вселяющие ужас пришельцы с недоумением поглядывали на окружающих, ни на йоту не понимая, что происходит. И только когда стены командорской каюты расступились, чтобы пропустить звездных дружинников, тот, кто теперь был наречен супругом принцессы, громко и насмешливо произнес три слова на незнакомом языке.

И все джасперяне, включая мону Сэниа, вздрогнули: это был глубокий, звучный голос эрла Асмур.

— Вниз!!! — вне себя крикнула мона Сэниа.

И снова у всех дрогнули сердца: она не сказала — домой.

Стены сомкнулись, каюта опустела. И только тут принцесса, недаром носившая прозвище Ее Своенравие, дала волю обуревавшим ее чувствам: выхватив из лап чудовища свою шпагу, она одним ударом рассекла узорчатую подушку, из которой полезли клочки сиреневого меха, а заодно и ни в чем не повинный ковер. Следующими жертвами царственной руки были алтарный шатер, где столько дней провел Тарита-крэг, и тяжелый занавес, отделявший дальний угол с загоном для крылатого коня.

И тогда вороной, укоризненно фыркнув, двинулся на середину комнаты и, нисколько не опасаясь взмахов яростного оружия, не страшного для его чешуи, с бесконечной кротостью, какой нельзя было и ожидать от боевого коня, прижался лбом к груди девушки.

Она отшвырнула шпагу и обхватила руками гордую, точеную голову верного животного. И вдруг странная мысль поразила ее:

— Вороной, — проговорила она, заглядывая поочередно в золотые косящие глаза, — конь мой, почему ты не дал мне знать, когда ко мне приближался враг?

Вороной мотнул головой, распустил одно крыло и легким, но на редкость энергичным движением шлепнул аметистового крэга по хохолку.

— Не смей!.. — вырвалось у моны Сэниа — и тут же она осеклась под выразительным, укоризненным взглядом коня.

Значить этот взгляд мог только одно: что стоят какие-то враги по сравнению с тем, кто сидит у тебя на шее?

Конь медленно вернулся в свой угол, повалился на уцелевший клочок ковра и задрал копыта.

Вот это да! Она никогда не задумывалась над взаимоотношениями между крылатыми конями и крэгами, и вдруг эта в высшей степени непостижимая сцена, да еще при посторонних... Она оглянулась, отыскивая взглядом пришельцев, и тут же поняла, что тем было уж никак не до внутренних неурядиц джасперян: распластавшись на полу, они прильнули к круглому иллюминатору нижнего обзора, в котором, медленно приближаясь, плыл зеленый Джаспер. Ну да, их ведь захватили возле четвертой планеты Чакры Кентавра, или Звездочки-Во-Лбу. А всех этих мгновенных переходов, когда все дружинники единым усилием воли опускали мак на поверхность красной планеты, чтобы выпустить Тарита-крэга, а затем вернулись сюда, в окрестности родного светила, — таких тонкостей эти грубые существа, к тому же заключенные в темную клетку, попросту не заметили.

Пол под ногами едва уловимо качнулся, и иллюминатор тут же ослеп, затянувшись чернотой — повинуясь ее приказу, мак замер на бетонных плитах Звездной гавани. Послышался легкий скрежет — это кораблики дружинников расползались в разные стороны, и большой командорский корабль остался в одиночестве. Мак, безукоризненно прошедший все звездные переходы, распался. Конь заржал тоскливо и нетерпеливо. Она подошла к стене, мысленно приказала ей раствориться — и запах терпкой джасперианской травы хлынул в открывшийся широкий проем.

— Ты свободен, вороной, — грустно проговорила мона Сэниа. — Благодарю тебя.

Конь одним прыжком вымахнул наружу и начал подыматься в небо, заслоняя расправленными крыльями вечернее солнце.

«Юрг»! — послышался за спиной настороженный голос того, второго, который, по-видимому, был братом ее неожиданно обретенного супруга.

Надо было как-то с ними объясняться, и мона Сэниа обернулась к ним. Придется разговаривать с ними, как с детьми. Привыкнут. А его, значит, зовут Юрг. Ну, Юрг так Юрг.

— Владелецный супруг мой, и ты, мой брат. — Она сделала над собой усилие и склонила голову, увенчанную аметистовым хохолком, будто маленькой короной из перьев. — Проследуйте за мной в замок, который с этой поры принадлежит вам.

Она сделала широкий жест, приглашая их выйти, но они настороженно переглянулись и с сомнением покачали головами — покидать корабль они явно не собирались. Не привыкшая к неповиновению, она нахмурилась — и в это время дробный цокот копыт заставил ее выглянуть наружу.

К ее кораблю приближался всадник, ведущий за собой двух верховых коней, к седлам которых были подвешены какие-то странные ящики в толстых чехлах. Он подскакал ближе, и мона Сэниа с удивлением узнала в нем Гаррэля.

Он поклонился и спрыгнул с коня.

— Если высокородная принцесса позволит, то я осмелюсь напомнить, что происхожу из древнего рода Элей, королевских знахарей, — торопливо проговорил он, боясь, что она его остановит. — В числе прочих болезней, насылаемых предначертанием, иногда встречается такая, при которой человек полностью теряет память, забывая и свой язык, и свою землю. На этот случай у нас имеется переносной прибор — мнемодатчик... да вот он, тут и аккумуляторы, хотя можно было бы подключить и к корабельным... если, конечно, принцессе угодно.

— Гэль, ты умница! — Сэниа даже захлопала в ладоши. — Если это так же просто, как школьная магическая шапка, то давай, попробуем немедленно!

Теперь, когда не нужно было играть роль сурового предводителя звездной дружины и не было повода вспоминать о собственном высоком происхождении, она разом превратилась в босоногую девчонку и, как была, в одном плаще, наброшенном на длинную рубашку, стрелой вылетела на бетонные плиты пристани и принялась расстегивать пряжки на седельных ремнях, яростно тряся рукой, когда ломался ноготь. Наконец все было вынута, и они вдвоем с Гэлем снова чуть ли не бегом потащили на корабль и странный мягкий шлем с присосками и отводами, и всякие регулирующие устройства, стабилизаторы, аккумуляторы — короче, все то, что население Джаспера, исключая знахарей, коротко именovalo магической бутафорией. В восторге от такого простого решения проблемы общения они так радостно нахлобучили шлем на голову новоявленному супругу принцессы, что тот даже не успел возразить.

Гаррэль, похоже, был седьмым, но не последним по уму сыном тана-знахаря. Его обращение с редким прибором было умелым и безошибочным — объект эксперимента не успел ни испугаться, ни скинуть с себя магическую шапку, как колени его подогнулись и через секунду он уже спал, по-детски свернувшись на ковре калачиком. Теперь, когда глаза его были закрыты, а лицо безмятежно, непостижимое сходство с эрлом Асмуrom стало так велико, что Гаррэль на какое-то время забыл о своих обязанностях и только ошеломленно переводил взгляд со спящего пришельца на мону Сэниа и обратно. Колдовство? Предначертание?

Спящий что-то забормотал.

— Больше нельзя, — сказал Гаррэль, быстро выключая свой прибор. — Иначе — перегрузка.

Глаза пришельца открылись — странные глаза, необычного на Джаспере голубого цвета: это было единственным, что резко отличало его от первого супруга принцессы.

— Где мы? — спросил он по-джаспериански, с удивлением вслушиваясь в каждое произносимое слово. — Ах да — зеленая Яшма... Я хотел сказать: как далеко мы от...

Он поднял руку и выразительно постучал себя по лбу, что, вероятно, должно было означать — от Звездочки-Во-Лбу. Гаррэль и Сэниа заметили, что он еще немного путается в словах — во всяком случае, Джаспер он назвал на своем языке. Его брат, с безмерным удивлением прислушивавшийся к этой незнакомой ему речи, был теперь последним, кто до сих пор еще ничего не понимал.

— Займись им, Гаррэль, искусный знахарь! — проговорила мона Сэниа, невольно возвращаясь к царственному тону, потому что каждый раз, когда она поднимала глаза на своего нового супруга, ее охватывала невольная дрожь, и она всеми силами старалась это скрыть. — А тебе, владетельный эрл, я могу только указать место твоей звезды на наших картах, потому что от любой точки Вселенной мы находимся одинаково далеко — на расстоянии одного мгновенного перехода через *ничто*.

Она с трудом подняла толстенный том «Звездных Аналов» и раскрыла первую страницу, где было изображено небо.

— Джаспер! — проговорила она с невыразимой гордостью. — А это — твоя звезда.

— С ума сойти, — пробормотал нареченный эрл. — Это же разные рукава Галактики! У вас хоть существует понятие «световой год»?

Она подняла брови, вслушиваясь в непонятное и нелепое сочетание слов. Потом быстро перевернула несколько страниц, нашла отдельно изображенное созвездие Костлявого Кентавра.

— Зачем — год? — удивилась она. — Один миг — и ты здесь.

Обломанный аметистовый ноготок указывал на родную звезду пришельцев, и принцесса с невольной грустью отметила, какая радость осветила лицо ее супруга, которое уже не казалось ей волчьей мордой.

— Юх, — крикнул он, — Юх, оказывается, еще не все потеряно...

Но тот, к кому он обращался, спал, с молниеносной быстротой впитывая премудрости джасперианской грамматики.

— Ты так радуешься возможности покинуть меня... — вырвалось у моны Сэниа. — Что ж, я сама виновата — не следовало приближаться к запретной звезде.

Крэг на ее плечах недовольно встрепенулся.

— Это еще почему наше Солнце — запретная звезда? — воскликнул оскорбленный пришелец с Чакры Кентавра.

— Прости, если мои слова обидели тебя, — смиренно произнесла принцесса. — Но на твой вопрос я не знаю ответа. Кто-то наложил запрет на эту звезду, видишь — она перечеркнута жирным крестом? А вот эта надпись, если ты еще не запомнил нашей азбуки — вот, на полях, — это значит «звездные волки»!

— Где?!

— Да вот же, вот — написано от руки!

Он пожал плечами.

— Вот эти два слова... — пыталась объяснить мона Сэниа.

— Прелесть моя, ты показываешь на совершенно пустое место. Здесь нет никаких надписей — ни одного слова, ни двух. И креста, перечеркивающего звезду, я тоже не вижу!

Она подняла на него темные гиацинтовые глаза, в которых светилось безмерное удивление. И в ту же секунду словно язык светлого розового пламени полыхнул между ними — крыло крэга сорвалось с плеча принцессы, и острые коралловые когти разодрали страницу сверху до низу, а частые удары крыла довершили начатое, превратив бумажный лист в микроскопические клочки.

И так же внезапно крылатое существо затихло, снова пригравшись на плечах девушки.

— Давай-ка я его выкину, — простодушно проговорил пришелец. — Красота — красотой, а если он тебе выбьет глаз...

— Ты странно рассуждаешь, владетельный эрл, — пожала плечами мона Сэниа, никак не решавшаяся назвать его по имени. — Если ты убьешь моего крэга — то зачем мне вообще глаза?

Он смотрел на нее, ничего не понимая.

— Ладно, — проговорил он примирительно. — Не будем распутывать все загадки разом. Вернемся к нашим волкам, потому что они ближе к дому. Кто они такие — звездные волки?

— Это вы — ты и твой брат...

Он почесал за ухом, нисколько не обидевшись:

— Хорошенькое дельце... И ты не боишься оставаться со мной, Красная Шапочка?

Она печально усмехнулась — ведь волею предначертания ей суждено остаться с ним на всю жизнь...

— Тогда последний вопрос: зачем же вы все-таки сунулись к запретной звезде? Созвездий мало или дальность ваших перелетов ограничена?

— Для нас достижимы любые, даже самые отдаленные звезды. А твоё созвездие указали нам магические карты, в которые играет командор отряда перед каждым походом. Таковы наши обычаи, эрл Юрг.

Он быстро глянул на нее, словно проверяя, не ослышался ли, — ведь она назвала его по имени, которого он ей вроде бы не называл.

— А я, оказывается, уже представлен, — пробормотал он. — В таком случае, как я должен называть тебя? В традициях нашей планеты уж если я — волк, то ты должна называться Красной Шапочкой.

Она уловила иронию в его голосе и гордо выпрямилась:

— Я — Сэниа-Юрг, — проговорила она, не называя своего утраченного титула. — И вот уже два часа как... твоя жена.

— Прими мои поздравления! — раздался голос второго пришельца, с которого только что успели снять магический шлем.

- Это были первые слова, произнесенные Юханом на джасперианском языке.

III. ЗАМОК И ПОДЗЕМЕЛЬЕ

Горизонт осветился дальней зарницей, и в путанице мерцающих вдаль заводских огней встал небольшой дымный факел.

— Сиятельный эрл, — проговорил Юхан, наслаждавшийся ночной прохладой у ажурной оконной решетки, выточенной из душистого дерева. — В твоих ленных владениях опять короткое замыкание.

Вокруг факела поднялась пенная метель, подсвеченная огнем, — и снова стало темно.

— Перебьюсь, — отмахнулся сиятельный, валявшийся, не раздеваясь, в своей роскошной постели под балдахинном. — У них противопожарная автоматика — во! Не в пример нашей.

Его драгоценный темно-серый камзол, отделанный в честь высокородной супруги сиреневыми кружевами и усыпанный на плечах аметистами, был немилосердно прожжен во время дотошного знакомства с огромным нефтеперерабатывающим комбинатом — таково было приданое принцессы. Выглядел сиятельный скверно и голодно — глаза ввалились и потемнели, на носу резче означилась аристократическая горбинка.

— А ты за этот месяц здорово с лица спал, — проговорил Юхан, отходя от окна и присаживаясь на постель названного брата. — Может, окошко прикрыть? Занеможешь.

— А моя дражайшая кого угодно в гроб вгонит!

Эрл Юрг мог притворяться перед кем угодно, но только не перед Юханом: тот просто нутром чувствовал, как при одной мысли о так называемой супруге у Юрга сердце менялось местами с пяточным нервом. Девочка, конечно, выше европейских стандартов, но чтобы так из-за нее мыкаться...

— Знаешь, был у меня оодин смешной случай... — Юхан замолк, так как не успел еще придумать этого смешного случая. Но отвлечь командира от грустных и изнурительных мыслей было просто необходимо.

— Помолчи, сделай милость!

Когда они оставались одни, невольные пленники Джаспера переходили на земной язык, что придавало их разговорам этакую ностальгическую грусть.

— У меня у самого голова пухнет, — снова заговорил Юхан. — Возможно, у наших хозяев генетическая предрасположенность к гипнопедии, но я уже окосел от всей этой грамматики, космогонии и таинств нефтепереработки, в кои я обязан вникать на правах твоего единоутробного брата. Кстати, о здешнем языке: после нехитрого анализа я установил следующие соответствия: эрл — это нечто среднее между ведущим инженером и главным конструктором, тан — доктор наук, виконт — младший научный, принцы — члены экономического координирующего совета; вот только король, который тут и собственного имени не имеет, — его функции мне пока что не очень ясны...

— Тихо! — оборвал его Юрг, срываясь с постели и прижимаясь лбом к решетке.

В перекрестном свете только что взошедших двух лун трудно было разобраться, каким цветом отливают оперенье легкого журавлика, успевшего взмыть высоко в небо.

— Кукушонок? — спросил Юхан.

Так они называли птицу-поводыря юного Гаррэля, и за неимением джасперианского эквивалента — здесь не водилось кукушек — произносили это по-русски.

— Нет, — сказал Юрг. — Сэниа-крэг.

— Ты это говоришь так, словно он — твой личный враг.

— Главное, что это враги здешних людей. Сидят на шее, ни черта не жрут, питаются светом и воздухом и хоть, слава богу, не гадают, но...

— Слушай, Юрг, — сказал рассудительный Юхан, — ты не преувеличиваешь? Да и какой такой смысл им враждовать с джасперянами? Они и так свое имеют, на добровольных началах: отслужил век — получай персональную планету... Мир и согласие. И что вообще они могут сделать плохого?

— Вот это я и собираюсь выяснить. Слушай, Юх, я иду к моей принцессе, в конце концов, если она не желает

разговаривать, так сказать, на отвлеченные темы, то должна же ее волновать судьба собственного народа?

— Ну-ну. А я пока простыни сменю — ишь увозил сапожищами, перед киберами стыдно...

Сиятельный эрл миновал несколько покоев и галерей, залитых лунным светом, но по мере приближения к опочивальне своей супруги его походка становилась все менее уверенной. Наконец он отворил последнюю дверь и, прислонясь к косяку, мужественно поднял глаза к потолку, чтобы не видеть спящей девушки.

— Сэниа, к тебе можно? — шепотом спросил он.

По тому, как порывисто она поднялась, нетрудно было догадаться, что она еще не спала, хотя аметистового покрывала на ее плечах и голове уже не было.

— Нет! — сказала она.

— Сэниа, я прошу тебя...

— Нет!

— Черт побери, ты дослушаешь меня до конца? Я прошу тебя только показать мне магическую колоду, или как там она называется.

— Сейчас?

— Да. Сейчас. Я не хочу, чтобы об этом знал твой попугай.

Она медленно повернула голову на звук его голоса и еще некоторое время сидела неподвижно, как будто прислушиваясь к его дыханию. Широко раскрытые глаза при лунном свете казались совершенно черными и зрячими. Но это только казалось.

— Хорошо, — сказала она. — Следуй за мной.

— Дай руку!

— Нет.

Ее босые ноги уверенно ступали по толстым деревянным плитам, и рука почти не касалась стен и дверных косяков. Наконец она остановилась перед маленькой нишей, в которой висело чучело или изваяние крэга.

— Вот. — Она достала из ящичка обыкновенную карточную колоду, может быть, чуть крупнее тех, которыми на Земле сражаются в «дурака».

Он взял карты, намеренно коснувшись ее пальцев, — рука отдернулась и спряталась за спину.

— Как школьница, честное слово! — проговорил он с досадой.

Рубашка карт напоминала резную решетку, столь характерную для здешней архитектуры. Юрг наугад вытащил одну карту, перевернул и посмотрел.

— Что я и думал... — пробормотал он.

— Ты вынул карту?.. — невольно вырвалось у нее.

— Можно подумать, что тебя волнует моя судьба.

— Я же удовлетворила твое любопытство! — обронила она высокомерно. — Теперь твоя очередь. Что же тебе выпало? Ну хотя бы попытайся описать, что там нарисовано? Скелет? Виселица?

Он глянул на карту, стараясь придумать что-нибудь правдоподобное, но не столь зловещее.

— Здесь какая-то птичка-бабочка...

— А цвет?

— Ближе к красному, — ответил он еще менее уверенно.

— Солнечный крэг! Это — выполнение всех желаний.

Однако судьба к тебе благосклонна сверх меры, владетельный эрл!

Он повертел карту в руках, потом веером развернул всю колоду. Абсолютно белые прямоугольники, ни штриха, ни закорючки. Не то чтобы птички. Неужели никто из них не догадывался?..

— Это все, что я хотел видеть, — сказал он, опуская шулерскую колоду в ящичек. — А теперь иди досыпай.

Она повернулась и бесшумно заскользила прочь, растворяясь в лунном свете.

— Сэниа, — вырвалось у него против воли, — Сэниа, скажи, что мне сделать, чтобы ты наконец стала моей женой?

Она остановилась:

— Невозможное — полюбить.

— Спасибо, — горько проговорил он. — Я уже.

— Нет! — крикнула она. — У нас так не любят — на год, от моей постели до Звездной пристани. Ты вообра-

жаешь, что любишь меня, но думаешь в перерывах между мыслями о том, как через год соберется новая дружина выполняющих Уговор и они отправят тебя на твою проклятую Чакру!

— Не в перерывах, — возразил он, стараясь подойти к ней как можно бесшумнее, но она, словно угадывая каждое его движение, отступала, едва он делал хоть один шаг. — Не знаю, как это тут у вас, но у нас, на Земле, любят одновременно: землю и солнце, мать и жену, свободу и... мороженое.

— Понятно. Большое сердце. Когда через год твой корабль направится к звездам, недоеденное мороженое можно будет бросить на пристани, а жену — человеку с пестрым крѣгом!

— Что, что? Кто тебе сказал, что я оставлю тебя Гэлю? Он, конечно, милый мальчишка, но если он до тебя дотронется пальцем, я его убью!

— Но ты сам завещал меня ему в жены.

— Я?!

Она стряхнула его руки со своих плеч и отступила на порог своей опочивальни. Он опомнился: дальше он не смел сделать ни шагу.

— Сэниа, — проговорил он устало, — это все какая-то белиберда с вашими традициями, в которых я не разбираюсь. Черт с ними. Но ты запомни, чтобы не было неприятностей: если кто-нибудь другой хотя бы на будущее назовет себя твоим мужем, я изничтожу его любым видом оружия из твоего достаточно богатого арсенала и в лучших традициях земных мушкетеров. Вот так.

— Будущим ты уже распорядился, и это необратимо; но пока ты находишься на Джаспере, принцесса Сэниа не допустит, чтобы на нее пала хоть тень подозрения.

— Ну, спасибо, — поклонился он. — Мне твоя верность без любви — это как... впрочем, извини. Спокойной ночи.

Она оперлась о постель коленом и ждала, когда он уйдет.

— Сэниа, черт побери, я понимаю, что веду себя прежальким образом, но скажи: неужели я так отвратителен

тебе? Что между нами — различие людей двух планет и рас, или то, что ты ошиблась, приняв меня за первого мужа, и не можешь мне этого простить? В чем дело — в твоём физическом отвращении ко мне или в зудящем самолюбии? С последним я как-нибудь справлюсь, но если мы биологически несовместимы...

Он вдруг запнулся и почувствовал, что лопатки покрываются холодным потом. Он идиот... Несчастный космический донжуан... Месяц ходит вокруг нее, изнывая от тайной страсти, и ни разу не задумывался над тем, что похожи они могут быть только внешне! Раздобыть бы хоть учебник анатомии... Хотя — школьный учебник тут не поможет. Аллергия — это что-то на уровне биохимии, в которой он ни уха ни рыла. Да, у них могут быть те же руки, ноги, губы, что и у землян; но вот состав крови, плазма — они могут быть попросту смертельно ядовиты для существа с другой планеты...

— Почему ты замолчал? — настороженно спросила она.

Вероятно, догадалась по его дыханию, что с ним творится нечто несусветное. Но как объяснить ей, какими словами, что он полюбил ее — и любит, и будет любить — как прекрасную женщину, одинаково желанную для мужчины любой планеты.

Но только сейчас ему пришло в голову, что она ведь сделана из другого теста.

Из другого белка.

Аллергия, этот бич всех аномально развивающихся цивилизаций, обрушившийся на ее родную планету, — ведь это может быть и смертельно!

— Прости, Сэниа, когда я гляжу на тебя, у меня путаются все мысли, и я говорю не то, что думаю... вернее, говорю, к сожалению, все, что думаю... а еще вернее — я вовсе не думаю, у меня вблизи тебя эту способность просто напрочь отшибает... И только сейчас я понял, что мы ведь действительно с разных планет, мы разные, разные, Сэниа, и мы, может быть, никогда...

Она медленно выпрямилась, и глаза ее, совсем черные и неподвижные, распахнулись на пол-лица:

— О чем ты?..

Он отступил к спасительному косяку, заведенными за спину руками вцепился в деревянную резьбу.

— Я просто не знаю, как и объяснить тебе это, Сэниа... у нас есть одна сказка... она меня всегда удивляла, потому что я не мог понять, что за ней стоит. Ну, там какой-нибудь ковер-самолет — это аэроплан, ракета. Волшебное блюдечко с колечком — телевизор. Дворец за одну ночь — саморазвивающаяся конструкция. Все имеет реальную параллель — не в настоящем, так в будущем. А тут... Никакой действительной коллизии за этим я не видел, во всяком случае, до сегодняшнего вечера.

Она стояла перед ним — белая, в белом свете. Ледышка. И ждала.

— Понимаешь, у двух пожилых людей не было ребенка, а они об этом мечтали. Наконец некая волшебная сила сотворила... сконструировала... короче говоря, дочку они получили, и она ничем не отличалась от других девушек, разве что была красивее других. Но она была другого естества. Дочь зимней стужи и весеннего тепла. Снегурочка.

— Она была... слепа? — быстро спросила Сэниа.

— Нет, видеть она могла. А вот любить... Это было запрещено ей изначально. Табу под страхом смерти. Она не...

— Не могла — или не смела?

— И могла, и, конечно, посмела... И умерла.

Она подняла к вискам пальцы, совсем прозрачные в лунном свете. Он не предполагал, что она поймет так быстро.

— Значит, теперь ты откажешься от меня, чтобы я — жила?

Он не ответил.

Она еще с минуту стояла неподвижно, прислушиваясь уже не к нему, а к себе самой, а потому вдруг стремительно бросилась вперед, на только что звучавший голос.

Юрг отшатнулся, и она с размаху ударилась лицом и грудью о резной косяк. Застонав, опустилась на колени. Замерла. Он закрыл глаза и, пошатываясь, побрел прочь,

по бесконечной анфиладе комнаток-бонбоньерок, и бесплотные паутинки вьюнка, свисавшего с низеньких арок, оплетали его голову и плечи. Сзади послышался шорох, спереди — тоже.

Он открыл глаза — Сэниа, растрепанная, с черной ссадиной на лбу, загораживала ему дорогу, и лицо ее было мертво и решительно.

— Сэниа, — прошептал он, — я не могу, я — не Мизгирь...

— Зато я могу. Все могу. Я, Сэниа-Юрг.

— Завтра я уйду из твоего дома. Сегодня. Сейчас.

— Попробуй!..

Он снова повернулся и пошел назад, к темнеющему проему двери в ее опочивальне. На черном фоне смутно означился белый крест, прозрачная дымка уплотнилась, контуры человека очертились резко и приобрели глубину — Сэниа, раскинув руки, загораживала ему путь, вслушиваясь в шорох его шагов. Надо связать ее, чтобы она не могла пошевеливаться. Ведь чтобы пройти через *ничто*, как они это называют, нужно сделать шаг вперед...

Вот только если бы он смел до нее дотронуться...

— Сэниа, отпусти ты меня, ради бога!

— Здесь один бог — моя воля.

— Сэниа, ты же сама не веришь в то, что я люблю тебя, — ну, ударило в голову, что принцесса; инстинкты подключились...

— Трус! Раб! Бездушный серв! Чего ты испугался — моей смерти, которой я сама не боюсь? А ты подумал, что будет со мной, когда улетит твой корабль? Думаешь, я останусь жить — жена человека с пестрым...

И в этот миг гулкий удар крыльев заглушил ее голос: заслоня лунный свет, к резной решетке прижалась большая птица.

— Берегись!.. — торопливый, как всплеск, предостерегающий крик прозвучал так невнятно, что его можно было скорее угадать, чем разобрать.

И в следующий миг крылатое существо исчезло бесшумно, как видение.

— Кукушонок?.. — запоздало спросил Юрг.

— Нет, — ответила Сэниа. — Это судьба.

И только тут он осознал, что обнимает девушку за плечи, закрывая ее всем телом от неведомой опасности.

Судьба...

Юхан и Гаррэль сидели за остывающим кофе, каждый по-своему наблюдая за тем, как мона Сэниа со своим супругом спускаются к утреннему столу, накрытому на дерновой террасе. Сегодня на ней было надето нечто ниспадающее изящными складками — среднее между сарафаном и кимоно, причем эти светло-сиреневые одежды были подхвачены ослепительными аграфами из осколков камней, привезенных принцессой из геенны огненной.

Гаррэль барабанил костяшками пальцев по колену, Юхан наклонил голову с покорной терпеливостью:

— Доброе утро, черти счастливые, — прогудел он, подымаясь навстречу сияющей чете. — В этой хламиде ты просто прелесть, сестричка! Опять загнала всех свободных киберов в портновскую мастерскую? А мне позарез нужны два десятка рабочих рук на насосную параллель. Завтра переключать...

— Что за вопрос, — принцесса мгновенно превращалась в генерального директора, — возьми у меня с блока гидрогенизации, а то так просто выпиши со склада. И когда только вы оба привыкнете, что сервы — это как воздух или как хлеб: бери сколько хочешь!

— Кстати, хлеб хорошо бы поджаривать, — заметил Юрг.

— Это точно, — подхватил Юхан, — особенно тебе, сестричка, а то разнесет тебя на этом сугубо земном лакомстве, как мою половину...

Юхан шумно вздохнул, и было от чего: ведь на Земле, затерянной в непредставимой дали, уже два месяца его семья ходила в глубоком трауре. Юргу было несколько легче — у него не было семьи, и грустить по нему могли только друзья по детскому дому и марсианскому отряду космонавтов.

— Юхани, милый, — проговорила Сэниа материнским тоном, — может быть, все-таки рискнем и забросим весточку к вам, на Чак... на Землю? Технически это выполнимо.

— Не поверят, слишком невероятно, — помотал головой Юрг. — Решат, что кто-то из лучших побуждений сочиняет байки да сказки. Ведь от одного вашего перехода через *ничто* вся наша Академия наук упадет в заикание. Нервотрепка вместо утешения.

— Да, — подтвердил Юхан, — моя белуга снова реветь будет...

Жена Юхана однажды приезжала на космодром, когда Юхан был еще дублером, — потрясенные мужчины, сочтя недостаточным прозвище, данное ей собственным мужем, тут же окрестили ее «Моби Диком». Представить ее плачущей было страшно...

— Хорошо, — сказала Сэниа, — тогда я попытаюсь сама туда слетать. Для этого нужно одно: очень точно нарисовать какое-нибудь место на вашей планете, площадь, сад, поле — все равно, лишь бы я смогла себе это представить...

— Это смертельно опасно! — вмешался молчавший до сих пор Гаррэль. — Мудрый эрл, я прошу тебя...

— Гэль, заточу в башню своей бывшей королевской властью!

Все дружно расхохотались. Джасперян чрезвычайно развлекала сама идея темницы — заключить существо, способное в один миг перенестись в любую точку Вселенной, в коробочку из четырех стен! Это ж можно умереть со смеху...

К тому же главная замковая башня не имела даже четырех стен: ажурное сооружение, никоим образом не сочетающееся с массивным крепостным ансамблем, было возведено гораздо позже, и главное — непонятно зачем. Плетеная конструкция уходила ввысь метров на шестьсот; две трети подъема можно было преодолеть на лифте, который заканчивался крошечной круглой комнаткой, где Юрг не раз предлагал устроить столовую; дальше шла уже только лесенка, вьющаяся вокруг острого шпиля.

Сверху донизу эта лесенка была ограждена искуснейшей самшитовой решеткой — Джаспер вообще тяготел к деревянной резьбе, благо сервов было в избытке.

Башня, которую земляне сразу же окрестили «суперэйфелевой», на территории замка не умещалась — ее возвели на восточной оконечности зубчатых стен, там, где начинались меловые скалы, белоснежным полукружьем огибавшие замок Муров. С замком, как гласила легенда, она соединялась подземным ходом, но при всей красоте поражала воображение явной своей никчемностью.

Земляне не раз пытались придумать для этого чуда архитектуры хоть какое-нибудь практическое применение — от телеантенны до пожарной каланчи; беда заключалась в том, что любой вариант тут же в пух и прах разбивался ироничной принцессой. Да и что говорить — противопожарная автоматика на Джаспере была чуть ли не выше земной, а вот телевидения даже не предвиделось — крэги питали непреодолимую ненависть к любой оптической системе, начиная с фотоаппаратуры и кончая элементарным зеркалом.

Поэтому шутливая угроза моны Сэниа встретила взрыв безудержного хохота прежде всего потому, что наконец-то и сама принцесса дала повод для скептических замечаний — так сказать, первый этап критики в адрес королевского дома. Раскаты молодого, счастливого смеха долго не смолкали в тенистом саду; да и было от чего смеяться — уж слишком несовместим был зеленый Джаспер, эта очарованная земля, словно специально созданная для крылатых коней, волшебных замков, всевидящих крэгов и прекрасных принцесс — и одна только мысль о том, чтобы на таком-то Джаспере устроить темницу...

Но никому из присутствующих и в голову не приходило, что заключение может быть и добровольным.

— М-да, — сказал Юрг, забирая у серва серебряное блюдо с дымящимся паштетом, — предложение отвожу как несостоятельное: для этих целей гораздо лучше подошло бы подземелье.

Несмотря на абсолютную безобидность этой реплики, лица у джасперяи вытянулись, смех затих.

— Что ты знаешь о подземелье? — быстро спросила мона Сэниа.

— Я?..

И тут прямо над столом возникло нечто.

Оно не имело ни цвета, ни контура, ни объема, оно присутствовало невидимо и даже как будто дышало.

— Что еще за чуудеса? — пробасил Юхан.

— Это голос, — ответил Гаррэль.

— Что-то не слышу...

— Ты, пришедший без зова, — говори! — повелела мона Сэниа.

— Я, Иссабаст, прозванный Лесником, главный смотритель королевских садов и друг покойного эрла Асмуре, владельца этого замка, прошу разрешения предстать перед высокородной принцессой.

Голос был глубок, словно доносился из колодца, и беспокоен.

— Войди, Иссабаст, из рода Бастов, я жду тебя на дерновой террасе у восточного склона, если ты хорошо знаком с замком Муров.

Вместо ответа в трех шагах от стола засветилось нечто огненно-рыжее, словно два языка пламени, висающие над землей на уровне человеческого роста; через секунду под этим рыжим означилась кряжистая фигура в сине-зеленом нелепом одеянии, как-то досадно контрастирующем, и с взъерошенным, клочковатым крѣгом, больше похожим на рыжего лешего, чем на птицу. Из всех присутствующих одна только Сэниа — да и то понаслышке — знала непростого гостя.

— Благородная принцесса, — пророкотал он, — кто из них твой нынешний супруг?

— Не называй меня принцессой, тан Иссабаст, я всего лишь ленная владетельница земель и замка, доставшихся мне по завещанию эрла Асмуре, и жена эрла Юрга с Чакры Кентавра.

Она положила руку на плечо своего мужа истинно царским жестом. Иссабаст буравил землянина злобным взглядом глубоко посаженных черных глаз, и эта непри-

крытая ненависть плохо вязалась с обликом мудреца и главное — дружбой с покойным Асмуrom.

— Прости меня, принцесса, что я пришел только для того, чтобы взглянуть на твоего супруга. Но любопытство мое оправдано: на счастливом зеленом Джаспере появился зловещий призрак.

— Да ну? — вырвалось у Юрга. — Вот только этого нам и не хватало!

Он оглянулся на жену и весьма удивился, увидев, что она побледнела.

— Продолжай, благородный тан! — велела мона Сэниа.

— Призрак на вороном коне обитает в мертвых городах, к которым не приближается ни один человек. Но иногда он покидает мерзостные развалины и, дыша смрадом гниения, приближается к жилищам людей. Те, кто видел его, утверждают, что он похож...

Бесконечное почтение к принцессе заставило Лесника умолкнуть.

— Говори, тан Иссабаст!

— Он похож на твоего первого мужа.

— Минуточку, — проговорил Юрг, постучав вилкой по хрустальному стакану. — Давайте разберемся, тем более что давно пора. Вы утверждаете, что призрак, или что там еще, копирует покойного эрла? А что конкретно вы запомнили — костюм, коня, оружие, портретное сходство?

— Высокородная принцесса, — проговорил Иссабаст еще глуше, обращаясь только к моне Сэниа, словно остальных и не было за столом. — Прости мою откровенность, но видевшие утверждают, что это был не тот эрл Асмур, которого они знали при жизни, потому что у призрака... голубые глаза, как у серва.

Юрг и Юхан настороженно переглянулись. Это было что-то новенькое.

— И, кроме того, это не живой эрл Асмур... Это его полуразложившийся труп.

— Да пошел ты к чертовой матери! — крикнул Юрг, выскакивая из-за стола.

Мона Сэниа остановила его властным жестом:

— Помедли, муж мой. Тан Иссабаст сказал не все.

— Ты угадала, принцесса. В числе тех, кто видел издалека страшного гостя, оказался Флейж, твой соратник по звездной дружине. Так вот, он один утверждает, что призрак на вороном коне — это не эрл Асмур. Это твой второй муж. Поэтому я пришел сюда, чтобы увидеть его.

— Тем лучше, — сказал Юрг. — С собственным призраком я уж как-нибудь разберусь. Теперь, надеюсь, все?

— Принцесса Сэниа, — еще мрачнее проговорил Иссабаст, все так же игнорируя землян, — скажи мне, отлучается ли твой второй муж из замка?

— А это уже не твое собачье дело! — окончательно вспылil Юрг. — Высказался — и катись!

— А то я тебя тоже поощлю! — пообещал Юхан.

Мона Сэниа, белая как скатерть, прошептала, едва шевеля губами:

— Опять ты сказал не все...

— Да, принцесса. Я бы не переступил твоего порога из одного любопытства. Но этот призрак убивает джасперян! Теперь — все.

Злобный рыжий крэг испустил пронзительный крик и, взмахнув крыльями, запахнул их вокруг шеи Иссабаста, образовав какое-то нелепое жабо. Секунда — и на месте мрачного смотрителя королевских садов уже никого не было.

— Принцесса, — крикнул Гаррэль, срываясь со своего места, — разреши — я догоню его, вызову и убью! Без крэгов, на звон шпаг!

— За что, мой мальчик? — с удивительным самообладанием проговорила она. — За то, что он принес дурную весть? Но ты ведь знаешь, что в наших легендах и преданиях встречаются упоминания о призраках.

— Которые всегда появляются удивительно кстати, — заметил не успевший остыть Юрг. — Все это, конечно, бредни. Но — кому-то выгодно. Кому выгодно нас поссорить, Сэниа?

Она медленно подняла на него свои гиацинтовые глаза. Так ли она будет смотреть в его лицо после того, как ей покажут этого призрака?

— Будем вести себя так, — сказала Сэниа-Юрг, не отвечая на его вопрос, — как будто ничего не случилось, и не расставаться ни на минуту. Это моя воля: жить так, словно ничего не было.

— Вот и прекрасно! — воскликнул Юрг, и без того все время удивлявшийся ее редкостной выдержке. — Паштет остыл. А на чем мы остановились?

— Мы остановились на подземелье, — сказал Юхан.

Странно. Им обоим показалось, что мона Сэниа и Гаррэль испугались при этих словах. И именно на этом месте появился этот юродивый...

IV. ДВОРЕЦ И ПОДЗЕМЕЛЬЕ

Кони трусили по вечерней дороге, соединявшей замок с обширными заводскими землями. Первое время этот путь проделывался пешком, но в последние дни, как-то особенно нервные и напряженные, всадники возвращались домой побыстрее — лишь бы добраться до бассейна. Земляне никак не могли свыкнуться с мыслью, что комбинат — единственный на всю планету, и суетились вдвое больше самих хозяев, для которых такое положение вещей было привычным и естественным. Но Юрг ежевечерне выходил из себя:

— Послушай, Сэниа, ведь это просто не по-хозяйски: у меня, как говорится, на ладан дышит битумный коллектор, так эти кретины сервы возводят рядышком ну точно такой же, со всеми конструктивными недочетами! Я останавливаю строительство: хочу предложить им более совершенную схему, но эти дуболомы упираются, как бараны, — они даже не знают и слова-то такого: усовершенствование! Полторы тысячи лет на одном и том же техническом уровне, ничего не меняя, — да как вы продержались?

— Раз продержались полторы тысячи лет, значит, этот уровень чего-то стоит, — отпарировала мона Сэниа. —

Каждый наш завод может проработать без нас достаточно длительный срок, а это главное. Все его узлы и агрегаты репродуцируются и заменяются автоматически.

— Первая семейная сцена, — прокомментировал Юхан. — Причем на производственной почве.

Он ошибался — за четыре месяца, которые протекли с момента появления землян на Джаспере, это был уже не первый случай, когда Юрг не выдерживал здешней косности, помноженной на средневековые предрассудки.

Перед ними со скрипом спустился подъемный мост — каждый раз подымать его не имело смысла, но опять-таки традиции требовали.

— Ты свободен, Гэль, — обернулась мона Сэниа к юноше.

Гаррэль почтительно поклонился.

— Это еще куда, на ночь глядя? — забеспокоился Юрг.

Он уже привык относиться к юноше, который был скорее пажом, нежели королевским знахарем, с чисто отеческой заботой.

— Во дворец. Я уже рассказывала тебе, что несколько раз в году там собирается все совершеннолетнее население планеты.

— Во толчая-то... Постой, а ты? Или я женился на несовершеннолетней?

— Я теперь не имею права появляться на этих собраниях, — очень спокойно проговорила мона Сэниа.

— Это еще почему же? — возмутился Юрг, супружеское самолюбие которого было задето. — Почему бы нам не слетать туда вместе, а?

— Ты — можешь, а я — нет. Я — жена человека без крэга. Пария.

— Тогда почему могу я?

— А ты — не джасперянин.

— Абракадабра! То-то мы сидим взаперти, как сычи. Нет, это мы поломаем! Век электроники...

— И достижений в отрасли нефтепереработки, — не без ехидства вставил Юхан.

— Во-во! И прямо-таки викторианская чопорность! Нет, это мы поломаем, это точно. С завтрашнего дня ходим в гости и принимаем сами!..

— Принцесса, — робко подал голос Гаррэль, — никто на Джаспере не посмеет...

Потемневшие глаза моны Сэниа метнули лиловые молнии:

— Мне не нужна снисходительность эрлов! Ступай!

— Минуточку! — крикнул Юрг. — Мы идем вместе. Гаррэль, как это у вас делается, чтобы перелететь через *ничто*? Перенеси меня поближе к королю.

Юноша вскинул на свою повелительницу длинные ресницы, как бы спрашивая ее позволения, и Юргу почудилась в его взгляде странная, нечаянно прорвавшаяся радость.

— Ты волен поступать по своему разумению, муж мой, — надменно произнесла мона Сэниа. — Иди. И постарайся вернуться невредимым.

Юрг торопливо протянул обе руки Гаррэлю, чтобы она не передумала, шагнул в сторону — и в ту же секунду под его ногами вместо известняковых плит замкового двора закрипел тончайший кварцевый песок. Увенчанные птичьими хохолками и укутанные пушистыми перьями, джасперяне были одеты причудливо, но не пестро, и в сказочной прихотливости своих средневековых костюмов вовсе не производили впечатления случайно собранных маскарадных масок.

Юрг поморщился — его рабочий комбинезон, сшитый лучшим королевским сервом, здесь был просто нелеп... Но в следующую минуту он понял, что это несоответствие имеет и свой плюс: пары, до сих пор проскальзывавшие через золотистую полянку совершенно безразлично, стали останавливаться, задерживая на вновь прибывшем взгляд, в котором сквозило высокомерное удивление, впрочем, хорошо прикрытое безукоризненным воспитанием. Странно было другое: ни ужаса, ни отвращения, как это случилось во время первого контакта с джасперянами еще в космосе, здесь не наблюдалось.

Круглый пятачок, освещаемый сверху летучими фонарями, через три минуты был уже переполнен. Не менее сотни джасперян — как раз то, чего добивался Юрг. Правда, постояв некоторое время с заинтересованным, но несколько высокомерным видом, некоторые из них ускользали, но на место двоих сразу же вставали четверо. Вот только как обратиться к ним, чтобы не оттолкнуть с первого слова? Ведь он, в сущности, как и Гаррэль, — тоже пария, человек без крэга... «Благородные жители Бухары» — вдруг самой всплыло в памяти Юрга, и удивительно земные, милые сердцу ассоциации, навеянные одной из любимейших книжек детства, словно подтолкнули его в спину.

— Благородные жители зеленого Джаспера! — начал он — и невольно улыбнулся.

В ответ не улыбнулся никто, но на лицах отразилось внимание.

— Я прибыл сюда не по доброй воле, но все-таки благодарен случаю, который позволил мне познакомиться с вашей прекрасной планетой. — «Надо брать быка за рога и не тянуть, а то могут не дать высказаться», — подумал он. — Я видел здесь много диковинок, и самое удивительное, чего житель иного мира даже представить себе не мог, — это крылатые существа, которых вы называете крэгами. Насколько я понял, они служат вам пожизненными поводьями и непосредственно передают в ваш мозг все то, что видят сами... А порой и то, чего не видят. То, чего нет на самом деле!!!

Толпа всколыхнулась и зашелестела, словно по ней пробежал ветер.

— Возможно и обратное, — продолжал Юрг, — что вы не всегда видите все то, что существует. Это я еще собираюсь проверить, но уже сейчас мне очевидно одно: зрительная информация, которую передают вам крэги, не соответствует действительности...

— Остановись, чужак! — Перед глазами Юрга сверкнул позолоченный клинок — высокий юноша в белом камзоле, полуприкрытом вздыбившимся оперением едко-лимонного крэга, направил острие шпаги прямо в лицо

землянину. — На Джаспере нет большего преступления, чем оскорбление крэга!

— Оскорбление? — переспросил Юрг. — А кто здесь говорит об оскорблении? Истиной оскорбить нельзя. Я просто делюсь с вами тем, что не могло не поразить меня, пришельца с другой планеты. Разве не удивительно, что карты, с помощью которых вы угадываете свой путь среди звезд, — это белые бумажки без единого знака...

И в это мгновение из глубины вечерних садов раздался пронзительный крик. Рановато. Он был уверен, что этим кончится, но чтобы так скоро... Десяти минут ему не дали, гады!

Он обернулся к Гаррэлю, привычно погладил рябые упругие перышки:

— Ну, держись, Кукушонок, сейчас начнется... Хозяина своего береги!

И началось.

Крики, слившись в нестройный хор, волнами обрушились на полянку; сталкиваясь и сбивая друг друга с ног, мчались пестрые маскарадные фигурки, с началом этой паники мгновенно ставшие нелепыми; кое у кого в руках сверкало оружие, но Юрг уже догадался, что ожидает бегущих там, за поворотом аллеи, — клинки были против этого бессильны; надо отдать справедливость джасперянам, они прытко бросились на подмогу, еще не зная, что там стряслось; но вот уже первая волна отхлынула обратно; поток наступающих вернулся на поляну и остановился.

Теперь на всех лицах был ужас — тот же самый, что и тогда, на борту звездного корабля. Юрг ощущал, что внушает такое омерзение и панический страх, что у джасперя не поднимается рука, чтобы убить его.

Так человек не может раздавить голой ладонью паука.

Он еще раз оглянулся на Гаррэля, не за помощью — за советом...

Гаррэля не было.

На какое-то мгновение перед Юргом встало лицо пажа, когда тот узнал о его решении отправиться в королевские сады, — странное лицо, так внезапно озарившееся радос-

тью... И против воли вспомнилось еще одно — завещание: по нему этот мальчишка должен был получить ни много ни мало — принцессу Сэниа!

Юрг стиснул зубы. Глупо получилось, предельно глупо, его услышала едва ли одна сотня человек... Он набрал полные легкие воздуха, стараясь перекрыть смятенный гул:

— Я один перед вами всеми, и я без оружия! Вы можете убить меня, но правду вы уже знаете, и никуда вам от этого не деться. Даже если бы у меня сейчас была шпага, я не поднял бы ее в свою защиту — у нас, на Земле, зрячие не сражаются со слепыми. А вы хуже слепцов! Крэги, которых вы так чтите, — не поводыри, не верные слуги. Это ваши хозяева...

Толчок сбил его с ног, и, падая, он ощутил то щемящее головокружение, сопутствующее мгновенному переходу, в который увлек его кто-то из джасперян. Щека его коснулась шершавой известняковой плиты, и над головой раздалось негромкое потрескивание факела.

Мона Сэниа сидела на том же месте, где они с Гаррэлем оставили ее, и только дымный огонь от факела, торчавшего в расщелине скалы, освещал внутренность замкового двора. Она подняла голову — ничего в ее лице не осталось от прежней надменности. И от королевского достоинства — тоже. Огромные глаза и смертная мука ожидания — вот и все.

Из-за ее плеча хмуро глядели потемневшие глаза Юхана. И принцесса, и названный брат сидели молча на обломках камня и при появлении Юрга не поднялись.

— Сэнни, — сказал Юрг, — ты прости меня, дурака, я больше никогда без тебя...

Она кивнула и продолжала глядеть не на него, а дальше, на того, кто стоял сзади и перенес ее супруга, вырвав его из лап неминуемой смерти. Юрг резко обернулся — это был все-таки Гаррэль, но в каком виде...

— Пойдем-ка, Юрик, — проговорил Юхан, делая два шага вперед и крепко стискивая запястье своего командира. — Пойдем.

Они подошли к тяжелой дубовой двери, переступили порог. Всеми силами Юрг постарался не обернуться. Подкатили сервы, услужливо приняли плащи и оружие. Привратный серв со скрипом затворил дверь.

— У вас что-то стряслось? — Юрг вцепился в отвороты комбинезона своего названного брата так, что материя затрещала.

— Да у нас-то ничего... Голос. Трансляция из королевских садов.

— Чей еще голос?

— Тана давешнего, садовника. Сказал, что снова появился призрак.

— А ты что, сам не догадался, что будет устроен фильм ужасов?

— Чего мне догадываться, я нечисти не боюсь. А вот тутошний народ нервами слаб, особенно дамы. Плохо кончилось.

— Знаю, — сказал Юрг. — Им надо было сразу мне поверить. А они носятся с этими курами... Впрочем, их понять можно. Представляю, какая гипнотическая жуть им померещилась по милости этих захребетников. Я как услышал истошный визг из темной аллеи...

— Это была старшая сестра Гаррэля, — быстро проговорил Юхан. — Она умерла. Думаю, что по-нашему это называется эмоциональный инфаркт. Но на шее у нее отпечатались красные пятна...

— И это Иссабаст сказал?

— А кто же еще.

Юрг сжал голову руками, прошелся по гулкой сумрачной передней. Сервы испуганно заползли в углы.

— Голову даю на отсечение, что не было никаких пятен! Все это крэговы штучки. Надо засучивать рукава и отмывать несчастную планету от всей этой средневековой пакости! А если надо, то и драться!

Юхан оттопырил нижнюю губу, меланхолично покрутил головой:

— И тебя пообьют.

— Потому что крэгов много, а я один?

— Во-первых, мы вдвоем. А во-вторых, дело не в числе. Ты просто не годишься сейчас для настоящей драки.

— Это почему же?

— Ты счастлив. А счастливые люди — не лучшие бойцы..

Юрг промолчал. До драки, вероятно, дойдет в ближайшем будущем — вот тогда и будет видно. Он толкнул правую дверцу. Подниматься сейчас по беломраморной лестнице с сиреневыми колоннами он просто не мог. Тошнило от великолепия. За дверцей скрывалась легкая витая лесенка, бегущая в вечерние покои. Стены круглого помещения тоже были обшиты резными панелями, и среди причудливых листьев и виньеток, казалось, изредка проступают какие-то буквы. Юрг поставил ногу на нижнюю ступеньку, надеясь услышать за спиной легкие шаги жены. Она не шла. Он постучал пальцами по перильцам, рассеянно скользнул взглядом по стене, затканной резьбой.

Сотни отдельных элементов орнамента словно объединял один контур, скорее угадываемый, чем точно очерченный. Ну да, одна из букв джасперианского алфавита. Юрг машинально поднялся еще на одну ступеньку, желая лучше рассмотреть, случайно или намеренно сложились отдельные выпуклости, завитки и просто тени — ведь бывает, что даже контуры облаков совпадают с каким-то рисунком. Ну конечно, буква пропала. Зато... Чуть левее проступила другая.

Еще одна ступенька — проступила третья буква.

Такое никак не могло быть случайностью. Он поднялся еще, искал долго — уже отчаялся, но все-таки угадал мимолетный рисунок... И еще... И еще... Девять ступеней — и девять букв.

А вместе они сложились в знакомое слово, которое в переводе с джасперианского значило «ПОДЗЕМЕЛЬЕ».

Юрг перегнулся через резные перильца, глянул вниз — старинный паркет, ни малейшего намека на замаскированный вход.

Во второй раз это слово с каким-то фатальным упрямством вставало на его пути.

— Да провались ты!.. — Он в сердцах чуть не плюнул на резные ступеньки. — Тут и в замке-то не разобраться со всей этой чертовщиной, не до подземелий.

Сердце екнуло, потому что в мыслях возникло отчетливое «пока...».

V. ПОКА ПОД ЗАЩИТОЙ

Он подошел к стойке с оружием и, упершись ногой в яшмовое основание, со скрежетом вытащил из гнезда тяжелый двуручный меч. Звук был такой, словно оружие не вынимали уже сотню лет, но отполированная плоская полоса металла сверкала, как зеркало, — именно в этих целях Юрг его и использовал. Да, с оптикой на Джаспере было паршиво — не имелось ни телескопов, ни биноклей, ни даже зеркал. Чувствовалась железная воля крэгов, если так будет позволено сказать о существах, почти целиком состоящих из невесомых пушистых крыльев. Материализованные привидения. Вот только когти, смыкающиеся на запястьях, — драгоценные, блистательные... наручники.

Он утащил пудовый меч в ванную, прислонил к стене и принялся бриться, искоса поглядывая на фрагмент собственного отражения, умещавшийся в пределах лезвия. Когда это Юхан назвал его счастливым человеком? Целую вечность назад — два месяца. Сейчас в серой блестящей поверхности отражалось лицо с ввалившимися щеками, настороженно сжатыми губами и лазерной жесткостью взгляда когда-то голубых и беспечных глаз. И немудрено: эти два месяца они все четверо спали, не раздеваясь, в одной комнате, которая была выбрана из тех соображений, что имела три выхода и, кроме того, — люки в полу и потолке. Охранялась она сервами, которым было приказано в случае чего просто завалить вход своими телами. И все-таки для надежности пришлось ввести четырехчасовые вахты.

Юрг провел пальцем по подбородку — кое-где еще кололось. Подошел к стрельчатому окошку, закрытому

самодельными жалюзи, с удовольствием втянул тоненькую струйку свежего воздуха. И в ту же секунду тяжелый дротик, сорвав несколько пластинок, влетел в ванную комнату. На ладонь левее — и точно бы в горло. В прорезавшейся дыре четко очертились контуры всадника на сивом крылатом коне, который парил перед самым окном и уже нацеливался вторым дротиком. Юрг всем телом ринулся вперед, успел-таки нажать подоконный рычаг — с грохотом опустились ставни, и хищный ляг второго дротика был уже никому не страшен.

До чего же точно целятся, собаки! В замке тысяча окошек, поди угадай, за которым из них не опущен внутренний заслон. А тем более — распознай подошедшего человека! И вот поди ж ты, угадывают. Бьют, правда, не метко — один только раз задела Юхана за плечо. Но ведь главное — заглянуть в замок. В незнакомое ему помещение джасперянин просто не способен проникнуть — для проклятого «перехода через *ничто*» нужно очень четко представлять себе, куда перебраться. Без этого можно вмазаться в стену, оказаться в одной точке с поднятым мечом, сервом, мебелью или другим человеком. А это — верная гибель. Поэтому осаждавшие все силы прикладывали к тому, чтобы заглянуть во внутренние покои замка. Удавалось им это редко, но уж если хоть один из нападающих совал свой нос в какое-нибудь окно — эту комнату приходилось наглухо замуровывать, потому что в ней в любой момент мог очутиться враг.

Сейчас, кажется, обошлось.

Но ведь рано или поздно не обойдется, ворвутся скопом во внутренние помещения, навалятся — ни шпага не поможет, ни десинтор. И что самое страшное — бьют-то ведь почти наугад. И когда-нибудь их мишенью нечаянно станет Сэнни...

Вчера она не выдержала. Когда чей-то оголтелый крылатый конь грудью и копытами проломил купол ее любимого висячего садика, она, несмотря на осенний холод, как была, в утреннем сиреневом платье выскочила в замковый двор.

Всадники, плавно кружившиеся над стенами, прынули в стороны. Даже не взглянув на них, она быстрой походкой направилась по дороге к заводам. Никто не посмел ни приблизиться, ни даже пересечь ей дорогу. Вдыхая запахи вянущей травы и с наслаждением подставляя лицо и плечи холодному ветру, от которого она успела отвыкнуть за эти два месяца вынужденного затворничества, она дошла до первых корпусов и хозяйски огляделась. Все здесь было в порядке, вот только...

Повинуясь какому-то толчку, она резко обернулась — левая башенка замка была охвачена пламенем. Потеряв голову от страха, она ринулась туда — и чуть не угодила в самое пламя.

Сервы, деловито тушившие пожар, подхватили ее и не вполне почтительно, но быстро протащили в лоджию, где, к счастью, еще ничего не затлелось. Юрг едва успел накинуть плащ на нее — промерзшую на ветру, мокрую насквозь; она вырвалась, подбежала к висевшему в нише серебряному гонгу и ударила в него рукояткой своего кинжала.

— Правосудия и справедливости! — крикнула она, перекрывая бархатистый звук гонга, посылая свой голос в никому не ведомую даль.

— Сэнни? — донесся из этой дали удивительно властный, полновзвучный баритон, как будто только и ждавший приглашения к диалогу. — Я знал, я знал...

— Скажи мне, почему мой муж, равный мне разумом и свободой рождения, не защищен законами справедливого Джаспера?

— Погоди, Сэнни, все не так просто...

— Еще бы! Что может быть проще убийства? Защита — она много сложнее!

— Постой, девочка, тут надо подумать. Тебе сюда нельзя... Ты пойми меня правильно, но ведь законы — это единственное, на чем мы еще держимся. Тебе, значит, сюда нельзя. Но мы сделаем вот что: я приду сам. Ты где?

— В лоджии.

Ее голос не успел отзвучать, как на фоне каких-то геральдических зверей, поблекших от времени, возникла невысокая человеческая фигура, тоже вся какая-то блеклая. Длинные волосы, брови, усы, борода и бакенбарды свисали единой, весьма прореженной системой. За всей этой растительностью совершенно скрывалось лицо, и судить о возрасте пришельца было невозможно. Бронзовый круг — редкоперый, с воспаленными глазами, похоже, был подкрашен, и неумело — в основании перьев проглядывала прозелень. В отличие от джасперян, щеголявших изысканными камзолами, вновь прибывший был одет в какой-то потертый лапсердак из кожи, отдаленно напоминающей лошадиную.

Со всем этим катастрофически контрастировали глаза — умные и беспокойные глаза до смерти замороженного на работе человека. К тому же они уставились на принцессу и никак не хотели от нее отрываться. «Старый ловелас, только его нам и не хватало в качестве пожарника», — со злостью подумал Юрг.

— А ты похудела... — с неподдельной нежностью проговорил тот. — Тебе чего-нибудь не хватает? Я велю доставить. Мы сейчас оформим это так...

— Не будь жалким, — жестко отрезала мона Сэниа. — Я спросила...

Что-то тяжелое с лязгом впилося в оконный переплет, но стекла выдержали.

— Поднять на башне мое знамя, — как-то мимоходом распорядился неизвестный, делая небрежный жест в сторону сервов.

Скорость, с которой они бросились выполнять его приказание, весьма незначительно отличалась от звуковой. Где-то очень высоко — должно быть, на башне — взревела хриплая труба; человек в лошадиной коже подошел боком к окну, все так же не отрывая взгляда от моны Сэниа, распахнул ставни. В лоджию ворвался влажный осенний воздух, и только сейчас стало ясно, как тяжело было до сих пор дышать в смрадной атмосфере не до конца притушенного пожара. Юрг с опаской

оглядел небо, но экстремистов на крылатых конях как ветром сдуло.

— Правосудие и справедливость на той стороне, — проговорил гость, печально покачивая кудлатой головой. — Ты ведь знаешь, как высоко ценится каждая жизнь, а мы потеряли уже троих...

— Но мой муж и его брат — тоже люди!

— Они — существа без крѣгов. На других планетах мы обходим таких стороной, не нанося вреда, но на собственной земле мы вынуждены от них защищаться. К тому же никто еще не преступил грани закона — здесь не прогремел еще ни единый выстрел. А шпаги там, дротики, бердыши и прочая ерунда... Ты же знаешь, Сэнни, что наша молодежь владеет всем этим в таком совершенстве, что они сумеют промахнуться. И промахиваются.

— Значит, это — спектакль? — взъерилась мона Сэниа. — Не по твоему ли приказу?

— И да, и нет. Но продолжать это опасно. Поэтому мы сделаем так: твой муж и его брат должны получить права истинных джасперян. Для этого им надо просить крѣгов о Милости Пестрого Птенца. Что будет потом — это уже детали, пусть сначала получают себе поводырей. Но юридически они будут защищены всеми древними законами только тогда, когда на их плечах появятся крѣги — хотя бы пестрые...

— Ну об этом вы и не мечтайте! — решительно заявил Юрг.

Гость впервые поднял на него глаза. Странно, очень странно глядели джасперяне: внимательно и все-таки немножечко в сторону. Но если их взгляд направлялся на голос — тут уж никак нельзя было заподозрить их в слепоте. И тем не менее это было так.

Юрг с твердостью выдержал взгляд пришельца, готовясь отместить любые предложения. Но вместо этого услышал:

— Это — твой супруг? Совсем еще мальчик...

Ну, вот это уже было просто из рук вон! Юрий Брагин слышал про себя все что угодно — но такое...

От растерянности он пропустил возможность ответить на реплику.

— Грустно, очень грустно, — продолжал гость. — Тогда у меня единственная просьба: улетайте скорее. Сколько у меня там малых кораблей наготове? А, восемь. Для надежности нужно еще два... — Он сцепил руки и покрутил большими пальцами. — Тогда мы сделаем так: в замке Хурмов... да и в семействе Ютов есть безнадёжные старики. Они практически уже отключились, не видят и не слышат. Их крэгов можно будет уже отправлять.

— Да вы что? — впервые вмешался Юхан. — От живых людей?

От возмущения он даже стал слегка заикаться.

— Заставить их умирать в темноте? — тоже взорвался Юрг. — У нас это называется подлостью!

— А у нас это называется стратегической необходимостью, молодой человек, — сказал гость. — Если кто-нибудь еще встанет на вашу сторону, то это будет уже не нападение на отдельный замок, а маленькая война. Но даже маленькая война для нас — непоправимая трагедия. Вы этого не поймете... Лучше пожертвовать двумя стариками. Хотя, если бы не Сэнни, я охотно пожертвовал бы вами, и сейчас вы находились бы попросту в космическом пространстве. И без скафандров. Впрочем, можно и в них.

— Ну, спасибо за скафандры, ваша доброта неописуема, — усмехнулся Юрг. — Знаете, мы тоже не хотим войны, даже маленькой. Мы только просим нас выслушать, понять и затем вместе подумать, как быть дальше. Никакой скоропалительности! Никаких преждевременных мер! Только — узнать правду и обдумать ее.

— Да она нас уничтожит, ваша правда, — сказал гость.

Мона Сэнни стиснула руки и, отвернувшись к стене, прижалась к ней лбом.

— Ну, не хотите брать крэгов у стариков — дело ваше. Подождите. Жертвы еще будут, и скоро. И как только наберется десять дружинников — улетайте. Я не властен

над вами, существами без крѣгов, иначе это было бы просто приказом.

Юрг покачал головой:

— Бросить вас — слепышами?

— Оставить нас — живыми. Джаспер — цветущим и богатым. А Сэнни — прежней принцессой. Не парией.

— Ах, вот что...

— Да. Вдова владетельного эрла Асмуре, мона Сэниа найдет себе мужа...

Только тут Юргу пришло на ум, что за все время разговора владелец бронзового крѣга ни разу даже не взглянул в сторону Гаррэля, словно юноши здесь и не было. Он подошел к пажу и опустил руку на пестрое оперенье, прикрывавшее его плечи:

— Моне Сэниа незачем искать себе мужа. Если со мной что-нибудь случится, она завещана Гаррэлю из рода Элей.

Он и сам не знал, почему у него вырвались эти слова. Но странный гость не соизволил обратить на это сенсационное сообщение ни малейшего внимания. Он снова смотрел на мона Сэниа, и только на нее:

— Я должен идти, Сэнни, у меня больше нет ни минуты. И если у тебя не останется никакого выхода, сделай так: сожги за собой... мостки.

Нет, не мостки, не мосты, какое-то другое слово, которому Юрг не знал земного эквивалента, — и сама пословица звучала неоднозначно, в ней было какое-то тайное указание. Он несколько раз повторил про себя эту загадочную фразу, чтобы обдумать ее на досуге, если таковой им еще представится. Но пока он ломал себе голову, владелец бронзового крѣга растаял в воздухе так же неожиданно, как и появился.

Мона Сэниа подошла к окну и плотно прикрыла металлические ставни.

— Спустите знамя, — велела она сервам.

— Какое еще знамя? — растерянно переспросил Юрг, голова которого не могла переварить столько неожиданностей разом.

— Королевское, — ответила его жена.

VI. КОГДА МОСТЫ СОЖЖЕНЫ

— Тупик, — сказал Гаррэль, поднимая факел.

С огромного золотого щита на них смотрел маленький человек-муравей, немилосердно тараша фасеточные глазки. Его окружал рой чеканных пчел — символ былого плодородия Джаспера. И вообще все подземелье производило впечатление храма язычников-энтомологов.

— Это еще кто? — спросил Юрг.

— Древние боги, — устало ответила мона Сэниа.

— Почему-то мне так и хочется дать ему в глаз, — с несвойственным ему раздражением проговорил Юхан.

— Никогда не сдерживай порывов, которые идут от сердца, как говаривал де Тревиль, капитан королевских мушкетеров, — ответил Юрг.

Гаррэль вытянул руки вперед и большими пальцами надавил на выпуклые глаза божка. Раздался скрип, и щит медленно откинулся в сторону, словно затворка торпедного аппарата.

— Просто счастье, что все двери и механизмы сделаны из золота, — заметил Юрг. — За столько лет не заржавело. А дальше, между прочим, опять пещера.

Своды очередной пещеры терялись в полумраке, но на стенах задумчиво тлели созвездия фосфоресцирующих грибов. Если потушить факел, то глаза быстро привыкали к такому экзотическому освещению. Вдобавок где-то слева приветливо журчал ручеек.

— Останавливаемся здесь, — скомандовал Юрг. — Водопой рядом, сзади неплохой лабиринт с ловушками. Дальнейшую дорогу разведаем после ужина. Полагаю, что мы находимся в каком-то капище. Всем располагаться...

Сзади раздался металлический грохот — упал еще один серв.

— Еще один отключился, — сказал Гаррэль. — Подзаряжать будем, командор?

— Нет. У нас всего три ящика с батареями. Что не успеют донести сервы, притащим мы. Времени много.

Последнее замечание не вызвало энтузиазма ни у кого из присутствующих — времени действительно было много, так много, что ни один не решился задать вопрос: а что же потом? Сервы, выбиваясь из последних сил, втаскивали ящики и, повинаясь жесту Юрга, складывали их друг на друга, отгораживая правый угол подземного покоя для моны Сэниа. Юрг и Юхан тщательно проверили, нет ли и здесь ловушки, — вроде бы не было. Ступени, возвышение, кованый балдахин — все было из чистого золота, литого, высокопробного, и оставляло желать только лучшей отделки.

Вдоль стен тянулись массивные лавки-лари, несомненно хранившие какие-то фамильные ценности.

Когда-то на них лежали драгоценные покрывала, но сейчас от них остались лишь ветошь, которой можно было стереть многовековую пыль, да выпавшие из оправ крупные драгоценные камни — при попытке усесться на ларь их приходилось то и дело извлекать из-под себя. Их швыряли в угол. В ларях действительно обнаружилось множество статуэток, тончайшая золотая посуда и, как ни странно, никакого оружия.

Сейчас все сидели над бездымной шашечкой теплого концентрата, оказавшегося во время их бегства под рукой, — продукция собственного ленного комбината, на котором в старинном золотом кумганчике варился кофе или, во всяком случае, его довольно близкий джасперинский эквивалент.

Теперь, когда от входа в подземный лабиринт они отошли довольно далеко, можно было посидеть и подумать.

— Не по-ни-маю... — медленно проговорил Юрг, потирая впалые щеки. — Тайна на тайне, засекреченные входы, ловушки... Судя по надписи над входом, мы еще и заслужили самое страшное проклятье, какое только звучало на Джаспере. А ради чего? Что было здесь прятать? Золото?

— Не знаю, — сказала мона Сэниа. — Почему — золото? Оно не дороже свинца. Мы просто редко носим золотые украшения, поэтому вам и показалось, что это такая ценность.

— Капризы моды, — усмехнулся Юхан. — Вот уж чего не было у нас на Земле — это чтобы золото стало немодным!

Как и всякую женщину, неожиданный поворот разговора к вопросам моды заставил принцессу на некоторое время забыть об усталости.

— Нет, нет, — живо возразила она, — мода — это какое-то предпочтение, удерживающееся годами, а то и десятилетиями. Но не дольше! А неприязнь к золоту... Странно, этот вопрос никогда не обсуждался, словно в нем было что-то не совсем приличное...

— Сэнни, а ты сама надела бы золотые украшения?

— Вряд ли.

— А почему?

Мона Сэниа беспомощно вскинула ресницы:

— Но ведь это будет неприятно моему крэгу!

— Почему? — настаивал Юрг.

— Вероятно, потому, что крэги — олицетворение легкости, а золото — тяжести...

— У нас оно олицетворяет нечто иное, — пробурчал Юхан. — А не скажешь ли, сестричка, как давно вы не влюбились в золото?

— О! С самых Черных Времен!

— То есть когда крэги стали служить джасперянам, — констатировал Юрг.

— Ну, тогда все понятно, — возгласил Юхан. — Крэги стали новыми богами джасперян, а старых за ненадобностью сволокли сюда, запечатали и заклили страшным проклятьем, чтобы никому неповадно было возрождать отжившую религию.

— У нас никогда не было запретных богов, — проговорила мона Сэниа, устало вытягивая ноги. — Кто кому хотел, тот тому и молился. А древних богов вспоминают по-доброму, как прапрадедушек.

— М-да, — протянул Юхан, — с этой стороны мы тоже не подобрались к разгадке... Полторы тысячи лет — такими-сроками оперируют археологи, а не космолетчики, как мы с Юриком.

— Стоп! — Юрг вскочил на ноги. — Полторы тысячи лет? Я не археолог, но могу поручиться, что зерно в кувшинах, что стоят в соседней пещере, раз в десять моложе. Кто принес его сюда так недавно?

— Значит, кто-то из рода Муров нарушал запрет и спускался сюда... Впрочем, в королевских архивах об этом ничего не говорится. И планов подземелья никто не знает. Мы можем беспрепятственно перенестись в любой из замков Джаспера, это привилегия членов королевского дома, но подземелье запрещено и для нас.

— Но почему, почему, почему?

Кукушонок, давно уже хохлившийся, как от ветра, сделал такое движение, словно хотел взлететь.

Никто не обратил на него внимания.

— А когда его построили?

— И на это ответить трудно, — пожала плечами Сэниа. — Во всяком случае, пещеры существовали всегда. Затем отсюда стали брать камень для строительства настоящих рыцарских замков, задолго до Черных Времен. От пещеры к пещере пробивали подземный ход — так возник древний лабиринт.

— У нас на Земле так же. Древних лабиринтов полным-полно, но таких протяженных, как этот, — ни одного. Он тянется до самого королевского дворца?

— Не исключено. Хотя... Из всех современных замков дворец был построен последним. Уже после Черных Времен.

— Послушай, Сэнни, мы уже полгода слышим об этом кошмаре, но ни разу не было времени толком расспросить, что же у вас приключилось.

— Это очень грустная история, муж мой, но мы сейчас в достаточно невеселом месте, так что мой рассказ прозвучит кстати... Я постараюсь быть краткой, потому что никто не оставил подробной летописи. Не до того было.

— Ты все-таки поподробнее, сестренка, — попросил Юхан, доливая ей кофе в золотую чашечку — другой не нашлось.

— Были возведены замки, потом выросли города, прошло время рыцарей, купцов, век Просветления Разума; затем пришла эра Великой Техники. Все это получилось как-то сразу. То стояли примитивные станочки, то начали строиться промышленные гиганты. И между ними — всего одна сотня лет! Только Джаспер был способен на такой немислимый скачок.

Юрг задумчиво почесал в затылке:

— Думаешь — только Джаспер? Ну, ну...

Она посмотрела на него с грустью:

— Я просто надеюсь, что только Джаспер мог быть способен на подобное сумасшествие, потому что за последние пятьдесят лет мы буквально отравили нашу планету. Реки, моря, воздух — все было загажено, леса катастрофически вырублены, звери почти истреблены... Разумеется, чему-то можно было и порадоваться: джасперяне владеют даром мгновенного перехода через *ничто*, и теперь этот дар был использован для путешествий во Вселенной. Было привезено кое-что полезное: семена, дающие небывалый урожай, некоторые металлы; тогда же с какой-то из планет другой Галактики привезли и крэггов.

— Так они — чужаки на Джаспере? — подскокил Юрг.

— Да. Но их родная планета была сожжена взрывом сверхновой. Потому-то для них самым горячим желанием и является уйти на какую-то пустынную планету, где они будут доживать свой век в гордом одиночестве. За это они и служат всю жизнь нам... Но давай по порядку. Итак, мы практически лишились естественных условий — катастрофически растущее население приходилось кормить искусственными продуктами, в дома подавался плохо очищенный воздух, вода синтезировалась... Тогда-то самые богатые семейства стали создавать свои усадьбы-крепости, средневековые снаружи и вполне современные внутри, рассчитывая вести там натуральное хозяйство. Но и скот, и семена злаков уже изменили свою природу. И люди начали умирать от этой нечеловеческой еды, питья и воздуха. Я не знаю, как называется эта болезнь, но она тоже была

стремительна в своем развитии и прежде всего накинута на тех, у кого не было усадеб-крепостей... Что ж, этими людьми никто не дорожил, ведь на их место вставляли механические рабы — сервы, которых сотнями штамповали заводы. Вот я и думаю, что о подземелье как об идеальном убежище вспомнили именно тогда. И начали приводить в порядок.

— А зачем же столько золота? — спросил Юхан. — Вон даже потолки в пещерах — и те обшиты плиточками.

— Да, не вяжется, — покачал головой Юрг. — Вряд ли в подземелье хотели отсиживаться на случай восстания бедноты, и без того благополучно вымирающей от тотальной аллергии. Нет, здесь что-то поглубже...

— Мы опять перебили тебя, сестричка, — сокрушенно проговорил Юхан. — Ты уж нас прости, мужланов.

— Собственно, досказывать осталось немного. Против этой болезни, для которой у нас так и нет названия, нашли лекарство. Обрадовались. Сколько-то там лет принимали — не то десять, не то двадцать. И ничего. А потом началась повальная слепота... Даже дети, и то поголовно рождались слепыми. Наверно, мир наших предков прекратил бы свое существование, если бы не крэги. С давних времен кто-то подметил, что если крэг — а их содержали как ручных птиц — садится на плечи и кладет клюв на голову ребенка, тот сразу становится в несколько раз зорче. Попробовали то же самое со слепыми — зрение к ним вернулось! Правда, видели не они сами, а крэги, но как-то все увиденное передавалось из мозга птицы в мозг слепцов. Я не биолог, тонкостей не знаю: может, Гэль объяснит?

— Нет, — покачал головой юноша. — Мы не знаем, на каком принципе идет передача информации, а крэги не разрешают себя исследовать. Поэтому и невозможно создать прибор, заменяющий живого крэга. Так что мы, потомственные лекари, тоже ничего не знаем.

— Ну а потом был заключен Великий Уговор, определяющий службу и плату, и крэги стали нашими добрыми гениями... если не богами.

— Но при чем тут подземелье? — попытался Юрг.

Он нутром чуял, что все это как-то связано, но ни одной цепочки пока не находилось.

Пестрый крэг снова встрепнулся, словно хотел сняться со своего привычного места. Юрг рассеянно погладил его.

— Ни Уговор, ни Запрет, ни Древние Законы тогда не были записаны. Это сделали гораздо позднее, когда планета снова зажила нормальной жизнью.

Она проговорила это просто и спокойно, но все неволь-но склонили головы. Увенчанная аметистовой короной из перьев, освещенная тусклым факелом, она, казалось, притягивала к себе тяжелый свет, нисходящий с золотого потолка; Юрг смотрел на нее — преступившую древние законы своей земли, отверженную и преследуемую, отрекшуюся от своего королевского рода и, может быть, впервые по-настоящему понимал, какая же сказочная царица досталась в жены ему, Иванушке-дурачку...

— Вот, собственно, и все, — закончила она свой рассказ. — Теперь мы живем на зеленом Джаспере, и дышим чистым воздухом, и пьем прозрачную воду, и нас так мало, что порой мы месяцами не видим друг друга. Ведь Черные Времена пришли оттого, что джасперян не смогла прокормить истощенная планета. Мы помним это и больше чумы боимся ужаса нового перенаселения.

Наступила долгая пауза. С зеленым Джаспером, обреченным на одичание в одиночестве, было все ясно, но вот подземелье так и осталось тайной за семью печатями.

— Иди-ка отдохни, сестренка, — сказал Юхан, наклоняясь к ней. — Лица на тебе нет.

Они с Юргом были одного роста и примерно одинакового телосложения, так что в полутьме подземелья их легко можно было и спутать; но когда Юхан обращался к принцессе, он сразу становился как-то шире в плечах, словно птица, расправляющая крылья над птенцом.

Он протянул руку, и, словно испуганный его движением, сиреневый крэг поднялся в воздух и перелетел на какой-то золотой амулет, торчавший в углу. В одно мгновение из владетельной принцессы мона Сэниа превратилась в беспомощную девочку, доверчиво и слепо подни-

мающую чуткое лицо навстречу чужому дыханию. Эти превращения Юрг каждый раз воспринимал как болезненный удар и привыкнуть к ним не мог, да и не хотел. Была какая-то чудовищная несправедливость в этом наказании без вины...

— И верно, постарайся поспать, — проговорил он, поднимая ее на руки и перенося за импровизированную перегородку, возведенную сервами. — А я схожу на разведку.

— Без тебя управимся, — донесся из-за ящиков голос Юхана. — А ты, в случае чего, держи оборону. Гэль, пошли!

Глухо брякнул золотой щит, в подземном капище стало темно и тихо. Сэниа мгновенно уснула, уткнувшись ему в сгиб локтя. Немудрено — такого дня, как сегодня, не было еще с той поры, как они ступили на зеленый Джаспер. Не успела скатиться за меловой хребет утренняя луна, как на замок навалилась орда вооруженных всадников. Теперь они уже не ограничивались копьями и дротиками, срывающими ставни и решетки, — драконоподобные жеребцы, сверкая топорщащейся чешуей, грудью и копытами пробивали себе дорогу в самых уязвимых местах — на висячих мостках, лоджиях и балконах. К счастью, бронированные плиты внутренних ставен выдержали этот штурм, но было ясно, что это — только начало. Землянам терять было нечего; не подвластные законам Джаспера, они взялись за десинторы.

Правда, били они только по животным. С десятков коней рухнуло на известняковые плиты двора — уже без всадников, которые успели улетучиться привычным для них способом. Принцесса из сострадания велела сервам прекратить мучения благородных животных, бивших переломанными крыльями по залитому кровью камню, и тут в замковой трапезной раздались боевые крики. Гаррэль, набивавший свой колчан короткими арбалетными стрелами, едва-едва успел опустить бронированную перегородку перед разъяренным отрядом, которым командовал Иссабагт.

С этой минуты четверо в осажденном замке были обречены. До тех пор пока нападавшие не знали располо-

жения комнат, можно было надеяться переждать здесь хоть год; но теперь Иссабаст появлялся то тут, то там, используя каждое помещение, которое он знал и помнил. Он распахивал окна, и его сторонники, на лету соскакивая с коней, врывались в коридоры и галереи. Осажденный замок кое-где горел, сервы путались под ногами, одинаково мешая обеим сторонам, и хозяева замка шаг за шагом отступали, пока не оказались прижатыми к двери, ведущей на малый двор.

Выйти наружу значило оказаться погребенными под живой массой нападающих; защищать просторный холл и витую лесенку, ведущую в вечерние покои, уже захваченные нападающими, было безнадежно — продержаться в таких условиях удалось бы час-другой.

А потом?

И вот тогда Юрг вспомнил о странных словах короля Джаспера, которым даже мона Сэниа не придала значения: «Если у тебя не останется никакого выхода — сожги мостки!» Срезанные лучом десинтора, ступени вспыхнули, открыв под собой вход в загадочное подземелье.

Туда затолкали десяток сервов и спустили ящики с продовольствием, запасенные на случай осады и, к счастью, так и не убранные нерадивыми сервами от входной двери. Юрг спустился первым. Сэниа, не колеблясь, ступила за ним. Гаррэль колебался секунду — по-видимому, искал глазами, не нужно ли еще что-нибудь прихватить с собой для принцессы. Юхан спустился последним и задвинул тяжелые створки люка. Сэниа заметила, что это лишнее, — ни один джасперянин не решился бы преследовать их, переступив порог подземелья.

Тогда Юрг даже не подумал — а почему бы?..

А вот сейчас, сидя на полу возле самодельного ложа жены, он над этим задумался. Может быть, пребывание здесь смертельно для людей? А может...

Послышался дробный стук сапог, гулко отдающийся под сводами пещерного лабиринта. Шумно встряхнулся лиловоперый крэг, сидевший в углу. Юрг выпростал руку из-под головы жены и метнулся навстречу.

— Командор! — возбужденно зашептал Гаррэль в приоткрывшуюся щель. — В конце соседней пещеры — люк! Выход в ущелье, что за башней, которую вы зовете «Супре...».

— Суперэйфелем.

— Да, да! Человеку не спуститься — это пропасть, но крэг вылететь может.

— Его же засекут, Гэлы!

— Сейчас уже ночь, а в это время все джасперяне слепы: их крэги улетают, чтобы размять крылья и выкупаться в лунном свете. Мы не можем держать наших крэгов взаперти, высокородный эрл! Мы должны о них заботиться...

— Позаботьтесь, позаботьтесь, — буркнул Юрг. — Как только вы отпустите крэгов и сами ослепнете, нас возьмут голыми руками. На ощупь.

И тут случилось непредвиденное: Кукушонок приподнял крыло и отчетливо показал коготь. Как человек показал бы один палец.

— Выпускать будем по одному! — молниеносно решил Юрг. — Эй, Сэнни-крэг, приглашаю вас на прогулку!

Крылатое существо распахнуло крылья и бесшумно, как сова, перекочевало на левую руку Юрга. Когти жестко окольцевали запястье — наручники, да и только. Юрг переступил через порог и побежал вперед, где в дальнем конце пещеры маячил факел Юхана. Странное впечатление производила эта пещера; первобытное пристанище, кое-где сколотый камень, условный рисунок, допотопный божок в нише — тоже из полунасекомых. И над всем этим — золотой свод.

Люк, открытый разведчиками, мог бы пропустить и человека, но внизу зияла провалом ночная пропасть.

— Слушай, аметист, а ты вернешься? — опасно проговорил Юрг. — А то без тебя...

— Дурак! — коротко ответил Сэнни-крэг.

— Ну, знаешь, если ты решил переквалифицироваться в попугая, то научись произносить это по-русски. Эффектнее будет.

— А я еще увеличу свой лексикон, — мрачно пообещал Юхан. — Меня этому прежде всего научили...

Сегодня в драке ему досталось по голове. Это чувствовалось.

Юрг снял со своей руки крэг и осторожно просунул его в отверстие люка. Фламинговые перья сверкнули в свете белесой луны и исчезли из виду. Юрг притворил дверцу.

— Он вернется, — проговорил приглушенный, по-детски слегка картавящий голос.

Юхан, Юрг и Гаррэль разом вздрогнули.

— Кукушонок, ты?

— У меня... мало... времени... — продолжал пестренький крэг, старательно выговаривая слова. — Он вернется... потому что должен следить за вами. Для крэга прежде всего — долг перед всеми крэгами.

— А ты? — ошеломленно спросил Гаррэль у собственного поводыря.

— Я... я пария, пестрый крэг. И вы первые, кто приласкал меня. Я ведь не виноват, что родился... пестрым. — Чувствовалось, что это слово он выговаривал с наибольшим трудом.

— Значит, Сэниа-крэг шпионит за нами?

— Да. Сейчас он выдаст своим собратьям все тайны вашего убежища.

— И они передадут Иссабасту?

— Нет. Крэги слишком презирают людей.

— Ну, об этом я догадывался... — пробормотал Юрг. — А почему же мы не слышим, чтобы крэги пели или щебетали?

— Мы не говорим. Мы думаем. Но то, что видит или слышит один, видят и слышат все.

— Телепатия, черт бы ее подрал! — пробормотал Юрг.

— Я... не знаю этого слова, — смущенно признался крэг.

— Так тебя и сейчас слышат? — спросил Юхан.

— Нет, нет, — торопливо забормотал Кукушонок. — Вы искали тайну подземелья, а она вот в чем: крэги не слышат того, что происходит в нем. Потому-то они и

наложили на него строжайший запрет и смертное заклятье. Это — единственное место, где можно составить заговор против крэгов.

— Знать бы раньше, — вздохнул Юрг, глядя в золотой потолок. — Но послушай, Кукушонок, ведь ты вылетишь отсюда — и твои мысли будут прочтены?

— Пока я постараюсь тихонечко петь про себя, чтобы заглушить свои мысли, даже невольные. А потом... Говорите почаще на своем языке, я его уже немного изучил, но будет безопаснее, если я вообще буду думать на нем.

— Да ты просто гений, Кукушонок!

Снаружи послышался легкий скрежет по дверце — аметистовый крэг, похоже, опасался надолго оставлять людей без своего присмотра. Юрг принял его на руку и понес обратно в свои подземные апартаменты. Юхан и Гэль остались, чтобы дожидаться Кукушонка, выскользнувшего наружу.

Осторожно ступая, Юрг вошел в их новое жилище. Прислушался. Мертвая тишина. Ни шороха, ни дыхания. Смертельный ужас нахлынул на него, и он бросился за перегородку, стряхнув с руки пернатое создание.

Сэниа тихо спала, сжавшись в зябкий комочек. Господи, да что он сделал с ней? Пришел с далекой звезды — и зачем? Чтобы замуровать ее в этом подземелье?

— Прости меня, — невольно вырвалось у него, — прости...

Легкие пальцы привычно коснулись его лица:

— Глупый, — прошептала она, — глупый ты мой... Я ведь только сейчас и начала жить по-настоящему...

— Какая же это жизнь! Вот раньше ты была предводителем звездной дружины, а еще раньше — юной принцессой, которую любил первый рыцарь королевства.

— Ах, вот что тебя тревожит... — тихий смех поднялся из темноты, словно пузырьки серебряного воздуха со дна ручья. — Нет, милый, все гораздо печальнее. Это я любила его, любила всю жизнь, — боготворила, мечтала, тосковала... Пока не поняла, что он просто не умеет любить. Для него было по-настоящему дорого только одно — одиноче-

ство. Может быть, его самого мучило то, что он холоден, как статуя, — не знаю. Но даже в последний свой миг он не нашел для меня ни единого слова любви. Знаешь, какие слова он послал мне через все дали космоса?

— Не надо, Сэнни...

— Он сказал: «Ты свободна, принцесса Сэниа». И тогда я поняла, что и во мне давно уже больше горечи и отчаянья, чем любви.

— А вот у нас, на Земле, могут оживать даже статуи, если полюбить их больше жизни, — сказал он. — Во всяком случае, в легендах.

— У нас, на Джаспере, так не бывает.

— Значит, на Земле умеют любить сильнее, — улыбнулся он.

— Может быть, у вас просто дороже ценят свою жизнь. Ты не думал, зачем я ринулась в созвездие Коеглявого Кентавра? Чтобы никогда больше не вернуться на Джаспер. Я поняла, что мне просто незачем жить. И не вернулась бы, если...

— Сэнни, скажи мне, дураку непонятливому, как это приключилось, что ты смогла полюбить меня?

— Я и сама не знаю... Наверное, это пришло тогда, когда я в самый первый миг почувствовала твои руки, твое дыхание... Разве у вас, на Земле, не достаточно одного прикосновения, чтобы полюбить?

Он счастливо засмеялся:

— Если честно, то у нас для этого требуется как минимум один взгляд.

— Значит, все-таки на Джаспере умеют любить сильнее...

За золотой дверью слышались гулкие шаги и голоса, оттененные пещерным резонансом.

— О, дьявол, — вырвалось у Юрга, — может, тебе эта жизнь и кажется настоящей, но вот мне — нет. Столько ночей не раздеваясь, с оружием в руках, все вместе...

— Мой звездный, мой нетерпеливый эрл, — проговорила она скорее печально, чем радостно, — скоро нас станет еще больше...

— Что?!..

— Глупый, мой отец догадался об этом с первого взгляда.

Дверь хлопнула, и отсвет факела, как зарница, беззвучно метнулся по золотому потолку. Юрг, не способный прийти в себя от неожиданности, продолжал прижимать к себе жену, тихонечко покачивая ее, как младенца. Счастье? Да, само собой; но это подземелье, темнота, опасность... И то, что его крошечный, беззащитный малыш будет обречен на пожизненную слепоту...

— Это еще что? — раздался из-за перегородки бас Юхана.

Безошибочное предчувствие беды коснулось Юрга, и он, прижимая к себе жену одной рукой, а другой выхватывая из-за пояса десинтор, с которым никогда не расставался, бросился на голос друга.

Юхан и Гаррэль недоуменно стояли перед кучей сваленных в углу шаманских атрибутов, на которой устроил себе ночной насест сиреневый крэг. При зыбком свете факела было отчетливо видно, что на шее пернатого существа была надета золотая цепочка, на которой болтался, как амулет, маленький изящный свиток пергамента.

Крэг пренебрежительно отвернулся и глядел в стену, словно не замечая столпившихся перед ним людей.

— Разверни-ка, — сказал Юрг, кивая на свиток.

Юхан осторожно потянул с крэга цепочку, зашуршал пергаментом. Юрг наклонил голову, шурясь:

— Та-ак: «Мы... милостью древних богов.. и так далее... всея Джаспера и тыры-пыры... пропустим... А! До захода солнца повелеваем эрлу Юргу, не имеющему собственного крэга, а также его брату эрлу Юхану... о движимом имуществе тут ни гугу... прибывшим из созвездия Костлявого Кентавра, прибыть на Звездную пристань, где их ожидают десять кораблей с полным экипажем. Командору Иссабасту вменено доставить упомянутых эрлов на родину без убытка и поношений. Коль скоро упомянутые эрлы до захода солнца не покинут зеленый

Джаспер, считать их существами хищными и опасными и в оружии против них не ограничиваться...»

— Что там еще? — настороженно спросила мона Сэниа, поворачивая побелевшее лицо на треск факела.

— «Владетельной ненаследной принцессе Сэниа прибыть во дворец». Все.

— Можно, я выражусь по-русски? — спросила принцесса.

— М-да, — резюмировал Юхан, — пошла игра без правил...

— И с силовыми приемами, — добавил Гаррэль, которому Юхан уже объяснил разницу между любительским и профессиональным хоккеем.

— Ну, а ты что молчишь, командор? — удивился Юхан.

— Не знаю... — тихо проговорил Юрг, сердце которого разрывалось от боли и бессилия. — Не знаю.

VII. АЛЬТЕРНАТИВА

Потянулись томительные дни подземного заточения. И только глубокой ночью, когда аметистовый крэг улетал в непроглядную темную синь, с лихорадочной быстротой узники начинали выработать план дальнейших действий.

И без того тяжелое положение осложнялось еще и тем, что золотые своды, где под слоем благородного металла скрывался еще какой-то камень, по твердости превосходивший алмаз, были непроницаемы не только для всевидящих крэгов. Оказалось, что джасперяне в своих «переходах через *ничто*» тоже не могут преодолеть этот барьер, и для того, чтобы самому очутиться в другой точке планеты или послать туда свой голос, что до сих пор было для них привычно и естественно, теперь нужно было выбираться на поверхность.

Поэтому, отложив даже самые первоочередные дела, вся четверка прежде всего занялась поисками новых лазеек наверх и старательным вызубриванием топографии извест-

ной части лабиринта — особенно строг был Юрг к Сэниа и Гаррэлю, требуя, чтобы они проходили все тупики, повороты и ловушки «с завязанными глазами».

Он ни на йоту не доверял крэгу-фламинго и опасался за Кукушонка.

Наткнувшись на загороженный выход, ведущий, похоже, прямо в цокольный этаж «суперэйфеля», Юхан занялся завалом, не рассказывая о нем принцессе: впервые под камнями обнаружили кости. Юрг ставил вешки в южном направлении — судя по всему, эта ветвь подземного хода вела прямехонько во дворец, лежавший по ту сторону мелового хребта. Гаррэлю было поручено не сводить глаз с моны Сэниа, а еще точнее — с ее крэга.

Кукушонок летал на разведку.

Первое, что он обследовал, была Звездная пристань. Здесь все было в порядке: десять кораблей, соединившись в один мак, уже отбыли в неизвестном направлении, так и не дождавшись строптивых землян. Теперь на сером ноздреватом бетоне виднелись десятка три малых и четыре больших корабля, но ни одного члена будущей звездной дружины.

Захватить эти скорлупки не представляло ни малейшей сложности; проблема заключалась только в том, что для столь дальнего межзвездного перелета требовалось объединение не менее чем из семи-восьми кораблей, — в подземелье же только Сэниа и ее верный паж владели даром перехода через *ничто*.

Необходимо было искать союзников.

Пылкий Гаррэль тут же предложил себя в качестве глашатая. Днем через узкую щелку удалось рассмотреть, что под входным отверстием тянется довольно широкий карниз — спрыгнуть на него ничего не стоит, случайных глаз в этом затерянном уголке опасаться нечего, нападавшие ушли из замка. Так что он сможет беспрепятственно послать свой голос хоть всему населению Джаспера!

Юрг решительно запротестовал. Ни о каком широком оповещении и речи быть не может. Нужно выбрать надежных людей.

— И, кроме того, переговоры придется вести быстро и безошибочно — первый же отказавшийся сможет нас выдать, — добавила мона Сэниа. — А так говорить здесь могу только я, и только со своей дружиной.

— Ты с ума сошла! — возмущился Юрг. — Отпустить тебя ночью на этот карниз, над ущельем? И речи быть не может!

— Бесстрашный эрл, — тихо засмеялась Сэниа, — как, по-твоему, джасперянин может разбиться? Он уйдет в *ничто*.

— Сэнни, вспомни, как ты смеялась при одной мысли о том, что можно заключить джасперянина в темницу! А где мы сейчас?..

Мона Сэниа смолкла.

А на следующую ночь все повторилось сначала.

Так продолжалось, пока Юрг не вынужден был согласиться.

Едва сиреневый крэг, кажущийся в лунных лучах серебристым, растворился в ночной тишине, из круглого отверстия, ведущего из подземелья в неглубокое ущелье, выскользнула веревочная лесенка. Юрг, едва коснувшись ее, спрыгнул на карниз и поднял руки вверх; Юхан бережно передал ему завернутую в плащ Сэнни. Юрг поставил жену рядом с собой, одной рукой крепко обхватив ее за плечи, а другой сжимая откалиброванный на непрерывный разряд десинтор. Белые известняковые стены ущелья хорошо просматривались в свете предполуночной луны, и можно было не опасаться внезапного нападения.

И все-таки...

Сверху из люка свесился Юхан и положил руку на плечо названному брату — для подстраховки. Видно, и он не считал эту акцию безопасной.

Мона Сэниа вскинула ресницы, и ее невидящие глаза напряженно вперились в темноту, словно там перед ней возникали те, кого она называла:

— Славные Эрм и Дуз, могучие Борб и Пы, быстрые Ких и Сорк, зоркие Скюз и Флейж, звездная дружина Асмур! Слышите вы меня? — Негромкий призывный

голос на секунду замолк, словно дожидаясь ответа, потом продолжал: — Я прошу у вас веры и помощи. Полторы тысячи лет слепое население Джаспера видит мир глазами крэгов. Вы лучше других знаете, что это такое, — вспомните хотя бы, какими омерзительными, злобными чудовищами представились нам поначалу люди Чакры Кентавра. Наш гнев и отвращение были столь велики, что мы должны были, по замыслу крэгов, попросту уничтожить этих гадин... Но мы так не поступили.

Она наклонила голову и коснулась щекой руки Юрга, согревающей ей плечо.

— Но когда пришельцы очутились среди нас, крэгам пришлось менять свою тактику, — продолжала мона Сэниа. — Теперь мы могли скорректировать наше виденье хотя бы осознанием и заподозрить обман. И мы стали видеть эрла Юрга и его брата такими, какие они есть, но... едва мой супруг раскрыл первую из тайн крэгов, как на нашем Джаспере якобы появился призрак. Звездные братья, я заклинаю вас верить мне: этого призрака не существует! Он появляется только в вашем воображении, но зато столь ужасный, что уже несколько человек, поддавшись наваждению, попросту умерли от страха. Что еще могут сделать с нами крэги? Предусмотреть трудно, но нужно быть готовым ко всему...

Она глубоко вдохнула холодный ночной воздух и продолжала:

— А теперь мне нужна ваша помощь, потому что впервые за полторы тысячи лет появилась реальная возможность освободиться от того рабства, в котором мы пребываем. Мой супруг, владетельный эрл Юрг, утверждает, что на его родине могут создать легкие аппараты, как бы возвращающие зрение... на их планете, которую они сами называют Земля, это перестало быть проблемой. Стало быть, кому-то из нас нужно отправиться снова в созвездие Костлявого Кентавра, наладить изготовление аппаратов, пригодных для нас, и вернуться сюда вместе с этим драгоценным грузом и теми добровольцами, которые согласятся лететь на Джаспер, чтобы наладить и у нас произ-

водство таких приборов. Сами понимаете, у себя на родине мы сделать этого не сможем — крэги нам помешают. В благодарность за это путешествие мы обещаем крэгам самые прекрасные, самые изысканные планеты, какие они пожелают выбрать, — мы доставим их туда сразу же, как только обречем искусственное зрение. Теперь решайте, согласны ли вы помочь — нет, не мне, а всему Джасперу?

Она замолчала, и ее чуть запрокинутое лицо, подставленное ночному ветерку, стало напряженным. Она ждала ответа, но ни единый звук не нарушал больше лунного безмолвия затерянного ущелья.

Прошла минута, другая, третья.

— Труссы! — крикнула вдруг мона Сэниа с такой силой, что Юрг вздрогнул и прижал ее спиной к холодному камню. — Труссы, птичьи наемники, слепые убийцы! Я щадила вас, но теперь слушайте! Вы похвалялись вашими подвигами на Серьге Кентавра, в земле которой остался мой первый муж... Хорошо же, я расскажу вам, что вы там натворили, потому что теперь я это знаю из самого достоверного источника...

— Сэнни, ты о чем? — встревожился Юрг. — Ты уже сказала все, о чем мы договаривались, и хватит на сегодня! Пусть подумают, а тебе оставаться здесь больше нельзя, и так уже прошло слишком много времени, твой фламинго вот-вот вернется...

— Не забавно ли, муж мой, — я, беззащитная принцесса, сейчас являюсь единственным существом, которое никого и ничего не боится! Но времени действительно мало, а им, храброй звездной дружине, есть что послушать. Так вот, благородные рыцари, вы, как наемные каратели, уничтожили разумное население целой планеты. Никаких человекоподобных дикарей на Серьге вообще не существовало, а были добрые и мудрые кентавры, не причинявшие никому зла. Вы стерли с лица земли их огромный город, который крэги заставили вас увидеть скопищем зловонных вулканов, вы сожгли живыми и детей и стариков, и все это — только потому, что одному-единственному крэгу заблагорассудилось завладеть этой планетой!

— Но рисунки внутри пирамиды, — донесся откуда-то из темноты хриплый, потрясенный шепот, — но кости, взывающие к возмездию, но меч справедливости...

— И рисунки, и кости существовали только в вашем воображении, разве вы не догадываетесь? — жестко бросила принцесса. — В действительности было только одно: «Фа ноз?» — слова, произнесенные последним умирающим кентавром. Эти слова преследовали моего мужа, эрла Асмуре, до смертного мига. «Фа ноз?» — «ЗА ЧТО?!...»

И в эту секунду словно черный беззвучный взрыв полыхнул в ущелье, разбрызгивая сгустки ночного воздуха, и перед Юргом буквально на мгновение возник контур черного всадника, в руках которого было какое-то покрывало и блестящий меч; затем на его голову обрушился удар, и в сознании, погашенном даже не этим пришедшимся плашмя ударом, а взмахом необъятного плаща, остался не страх, не отчаяние — дурманный, тошнотворный запах...

Когда он пришел в себя, над головой тускло светился золотой свод проклятого подземелья. Голова раскалывалась от боли.

— Сэнни, — простонал он, боясь прикоснуться к волосам, — намочи какую-нибудь тряпку...

Никто не ответил ему, не шевельнулся. Он огляделся — Юхан и Гэль. Стоят и не дышат.

— Где Сэнни? — крикнул он, подымаясь рывком с пола.

— Исчезла.

— Звездные братья?..

— Нет, — сказал Гаррэль. — Ни один из них не смог бы. Судя по бронзовому оперенью крэга — наследный принц или сам король. Только члены королевского дома могут проникнуть в любой уголок Джаспера. Кроме подземелья.

— Но почему она не вернулась, Гэль? Почему не ушла в ничто? Почему не бежала?

— Не знаю, командор. Это могло быть только в одном случае: если ее усыпили.

Юрг мгновенно вспомнил волну дурмана:

— Запах! У меня подкосились ноги...

— Если бы не это — тебя и в живых бы не было, — мрачно заметил Юхан. — Я и так тебя едва-едва выволок, а если бы ты уже не падал в тот момент, когда на тебя обрушилось лезвие, я полагаю...

— Да что ты все обо мне да обо мне! Они украли Сэнни, и она сбежит сразу же, как проснется. Что в ущелье?..

— Пусто. Мы следим.

— Не отходите от дверцы, я немного отдышусь и сменю вас. Который час?

— Взошла утренняя луна.

Юрг замычал от отчаяния и опустил голову на стиснутые руки. Она убежит. Она непременно убежит. Еще минута, и она появится там, внизу, на карнизе...

Но проходила минута, и еще, и еще, и они складывались в часы, а мона Сэниа не появлялась.

— Гэль! — не выдержал он, когда время перевалило за полдень. — Сколько же она может спать? Ведь это становится опасно...

— Не знаю, — печально покачал головой Гаррэль. — Это старинный секрет королевского дома, и даже мы, знахари, им не владеем. Но человек, заклятый Светом Шестилунья, может безо всякого вреда для себя проспать и месяц, и два, и три.

— Что ты говоришь, Гэль? Месяц? Два? Она?..

— Надо ждать, командор. Братья не причинят ей вреда.

— Не причинят? Ты с ума сошел, Гэль, ведь она... Она не может спать месяц. Она не может, не должна, Гэль, ведь у нее... У нее будет ребенок.

Гаррэль вскрикнул так, что даже его пестрый крэг испуганно взмахнул крыльями. Он схватил Юрга за плечи и с неюношеской силой поднял с пола.

— Почему ты молчал, командор? — проговорил он с такой болью, что Юргу стало не по себе. — Скорее во дворец!

Это было легко сказать — скорее.

Но который из бесчисленных входов подземного лабиринта вел именно туда? Все они ветвились, множились, упирались в тупики, и если по отменно вымощенным дорогам Джаспера от замка Асмур до королевских покоев легко было добраться за несколько часов, то в темноте подземелья можно было проплутать и неделю, и две.

— Я полечу на разведку, — раздался вдруг полудетский голос Кукушонка. — Ждите.

И, не дожидаясь согласия людей, он стремительно сорвался с места и исчез в одном из темных провалов.

А дальше время остановилось. Часы, дни — их никто не считал. Кукушонок выбивался из сил, не привычный к долгим полетам. Но пока отсекались тупики, перекрывались подземные колодцы, отыскивались засыпанные дверцы, проходило драгоценное время. И Юрг уже почти потерял рассудок и надежду, когда наконец в тесной шестигранной камере они увидели потолочный люк с неизменным золотым запором.

— Если я не вернусь через час — идет Юхан, — коротко бросил Юрг. — Если Юхан исчезает — твоя очередь, Гэль.

Люк со скрипом открылся, сверху посыпалась пыль. Юрг забрался на плечи Юхана и осторожно выглянул наружу.

Над ним было кресло. Тяжелое, с золочеными лапчатыми ножками. Оно стояло на возвышении, и впереди виднелся огромный совершенно пустой зал с нечеткими прямоугольниками лунного света, едва-едва проникающего сквозь пыльные окна.

— Похоже на тронный зал, — прошептал Юрг, наклоняясь вниз.

— Тогда не бойся, командор, в него входят только один раз за целое правление — во время коронации.

— Ш-ш-ш... Я пошел.

Он поднатужился, сдвинул в сторону трон и вылез на тронный помост. Ну и пылица! Обязательно останутся следы. Хотя — все равно, никто в подземелье не сунется. Он решил начать с маленькой дверцы, остерегаясь прика-

саться к большим парадным воротам. Дверца бесшумно отворилась. Так и есть, личные покои его величества. «Если напорюсь на стражу — пристрелю на месте, благо десинторы бьют бесшумно», — подумал он.

Стражи не было. Не было никого.

«Нет, не убью. Надо взять живым — узнать, где они прячут Сэнни. Затащу в подземелье, придушу. Нет, не придушу. Буду пытаться. Тогда скажет. Я сейчас все сделаю, все, что недопустимо ни на Земле, ни на Джаспере. И даже не во имя любви. Во славу зеленого Джаспера. Будущего Джаспера».

Он отворил еще одну дверь и снова попал в огромный зал. Неужели заблудился, дал круг? Нет. Пол подметен, в середине зала — не то ванна, не то гроб. Люстра — над ним, от нее вниз — шесть бледных, почти бесцветных лучиков. И кто-то подле, верхом на стуле — сгорбленный, неподвижный.

Сердце вдруг стукнуло гулко, на весь зал — Юрг понял, что это такое. Словно вспугнутый этим на самом деле неслышимым звуком, человек нервно заелозил на стуле, потом поднялся и мелкими шажками приблизился к окну. Выглянул, высматривая луны, потом вернулся к своему стулу, некоторое время стоял, мерно раскачиваясь. Не сел, принялся расхаживать взад-вперед. Все ближе к стене. Все ближе.

Юрг прыгнул, ребром ладони ударил по шее, — не рассчитал, спружинили перья бронзового крэга, но человек захрипел и повалился. Значит, хорошо, что попал по перьям, иначе убил бы на месте. Юрг перепрыгнул через тело, даже не посмотрев, принц это или сам король. Ринулся к саркофагу, перегнулся через каменный бортик — на дне, запеленутая в блестящую сиреневую ткань, точно кукла, лежала Сэниа, и шесть световых пятачков неподвижно застыли на ее лице. Господи, какая же она маленькая...

Он осторожно вынул ее оттуда, тихонечко дохнул, не смея коснуться губами лица. Плотные сомкнутые ресницы даже не дрогнули. Как же так, ведь он был уверен, что достаточно убрать ее из-под магических лучей — а по-ви-

димому, попросту гипноизлучателей, — и она сама собой пробудится...

— Сэнни, Сэнни... — позвал он.

Человек на полу заперхал и засучил ногами.

Юрг быстро опустил Сэниа на пол, подскочил к лежащему, зажав ему рот ладонью. Вытащил из-за пояса десинтор.

— Как снять с нее Заклятье Шестилуны?

Человек яростно замотал головой.

— Ну, ну, быстро!

Юрг поднял оружие до уровня увенчанной птичьей головкой лба, и только сейчас, когда глаза уже привыкли к темноте, различил, что это сам король. Что ж, тем лучше. Кому больше терять, тот понятливее.

Он слегка отвел ладонь, давая его величеству возможность высказаться.

— Бедная моя девочка, — сиплым голосом произнес король. — Ты действительно чудовище... Стреляй. У меня много сыновей.

— У вас дочь и скоро будет внук. Но если она не проснется...

— Пусть лучше не просыпается.

Рука сама собой дрогнула, сжимаясь на жилистом королевском горле.

— Тогда кто же из нас чудовище, ваше величество?

Король молчал, стиснув зубы и прикрыв глаза.

— Хорошо же, — сказал Юрг, грубо и бесцеремонно сдирая с королевских плеч яростно отбивающегося крѣга. — Я не чудовище. Живите на здоровье. Но сейчас я буду медленно сворачивать шею этому гусю. Нет, нет, вы недолго будете слепым, ваше величество, крѣги милосердны — вам подарят пестрого птенца...

Что-то мелкое, как дробинка, закапало ему на руки — пот. Король, только что готовый бесстрашно принять мученическую кончину, теперь истекал смертным потом.

— Поздравляю, ваше величество, — сквозь зубы процедил Юрг. — Вы будете первым в истории Джаспера королем с пестрым крѣгом!

— Нет, нет, нет!..

— Тогда — как нейтрализовать Свет Шестилунья, и побыстрее!

— Древние боги, да при чем тут Шестилунье? Эффекты, шаманство... Гипноизлучатель на батареях, выполнен в форме гребня, перекрывающего зону гипоталамуса... — Его величество говорил деловито, словно читал рекламный проспект, но Юрг уже нащупал в тяжелых волосах жены массивный гребень, вырвал его, на всякий случай — во избежание дальнейшего применения — сунул в карман.

Мона Сэниа пошевелилась.

— Беру вашего крэга в заложники, — проговорил Юрг, поднимая на руки жену, закутанную в поскрипывающий шелк. — До входа в подземелье. Там отпущу, если не будет тревоги. И подумайте хорошенько, ваше величество: помощь моей планеты — единственный выход для вашей. И эта помощь бескорыстна. Для этого нам нужен всего-навсего один корабль. С экипажем. Обещайте мне подумать, ваше величество!

— Я сделаю все, чтобы вас уничтожить. Обещаю.

— Тогда и мне есть что пообещать вам: ваши подданные восстанут против крэгов. Обязательно.

Венценосный слепец, сидевший на полу, негромко рассмеялся:

— Ты не политик, землянин. И даже не деловой человек. Ты даже не взял на себя труд задуматься над альтернативой...

VIII. БАШНЯ СМЕРТИ

Юрг бесшумно переступил порог их подземного обиталища в тот самый момент, когда Сэниа, не укрытая, как всегда, аметистовым капюшоном, но и не утратившая порывистости движений, неосторожно ударилась о только что снятый со штабеля ящик. Он рванулся, чтобы подхватить ее, и в этот миг услышал слова Гаррэля:

— Принцесса, почему ты не хочешь принять моего крэга? Потому, что он пестрый? Кукушонок сочтет за честь служить тебе!

— Нет, — услышал Юрг потускневший голос жены, — потому что там, наверху, десятки таких же женщин, ожидающих детей. Они слепы, как и я, но им никто не предложит своего крэга.

У Юрга потемнело в глазах. Если бы Сэнни знала, что он слышит ее, она никогда не произнесла бы этих слов — за все эти трагические дни она не бросила ему ни одного упрека.

Не только десятки женщин, готовящихся стать матерями, — слепо было все население Джаспера. И не иносказательно — буквально. Потому что не жители планеты восстали против крэгов, а крэги — против них.

Не об этой ли альтернативе говорил король?..

Когда Юрг, еще не веря своей удаче, добрался до заброшенного тронного зала и осторожно передал Юхану мону Сэниа, еще окончательно не пришедшую в себя, он начисто забыл о ее крэге. И только когда они добрались наконец до своего обжитого убежища и Юрг опустил жену на жесткую лавку, отгороженную ящиками — нищенские апартаменты владетельных эрлов! — она наконец широко раскрыла неподвижные глаза и приподнялась, ожидая привычного шелеста перьев, каждое утро ниспадавших на ее плечи.

И только тогда Юрг вспомнил, что аметистовый крэг остался там, наверху.

Потянулись часы, каждый из которых казался ему самым страшным в его жизни. Мало того, что он был виной их заточения в проклятом подземелье, — теперь он еще сделал свою Сэнни слепой. К исходу дня он был уже в той степени безрассудного отчаяния, что готов был вернуться в тронный зал и затем драться с кем угодно и главное — непонятно, на каких условиях. Юхан и Гаррэль с трудом удерживали его от такого самоубийственного шага.

И тогда явился Сэниа-крэг.

Он принес второй ультиматум, перед которым первый казался детской забавой. Во-первых, мене Сэниа категорически предписывалось покинуть подземелье — в этом случае ее крэг, в беспримерной своей преданности, обязывался служить ей до конца дней как ни в чем не бывало. Этот пункт удивления не вызвал.

Во-вторых, эрл Юхан, брат эрла Юргена, должен был остаться в подземелье до тех пор, пока не соберется новая звездная дружина, которая доставит его на родную планету с условием, что он передаст категорическое запрещение когда-либо появляться вблизи Джаспера, равно как и принимать у себя джасперян. В безграничной своей справедливости крэги гарантировали ему за это жизнь.

В-третьих, эрл Юрген из рода Брагинов должен был отдать себя на суд крэгов. В безмерном своем милосердии они гарантировали ему легкую смерть.

И пока пришелец с Чакры Кентавра, посягнувший на тайну крэгов, будет жив, ни один крэг не вернется к своему хозяину.

— Никогда! — запальчиво крикнула мона Сэниа и, подбежав к золотой дверце, выбросила наружу свою сиреневую птицу.

Это сделать было нетрудно. Гораздо труднее оказалось потом не думать о целой планете, населенной беспомощными слепцами, ни в чем не повинными и проклинающими тот день и час, когда их прекрасная принцесса привезла из межзвездной дали беспокойное, неумное существо, которому понадобилось тут же раскрыть ни много ни мало — тайну крэгов, с которыми они сами спокойно мирились уже полторы тысячи лет...

И вот дни, неотличимые от ночи в темном мерцании золотых сводов, сменяли друг друга, а в подземелье все оставалось по-прежнему: трое мужчин, одна слепая женщина, неродившийся ребенок. И никакой надежды.

Потому что помощь могла прийти только с Земли, а теперь снарядить туда большой корабль было невозможно — на всю звездную дружину Асмурса, даже если бы ее и удалось собрать, был один пестрый крэг Гэля, не поки-

нувший своего хозяина. В безмерной своей холодной расчетливости крэги предусмотрели все. И чтобы у узников подземелья не возникло ненароком какой-нибудь несбыточной мечты, над замком эрлов Муров, а также над прилегающими к нему горами день и ночь кружила тысячная стая разномастных крэгов, твердо решивших в первый раз за полторы тысячи лет пренебречь традициями беззаветной преданности и бросить своих незрячих хозяев на произвол судьбы.

Первые дни Кукушонка не выпускали — боялись. Но где-то на десятый день он все-таки осмелел и сделал первый робкий круг над ущельем. Вернулся сразу же, скупобронив:

— Мне ничего не угрожает. Они даже хотят, чтобы я полетал над Джаспером. Увидел, что там происходит. Вам рассказал. А я не могу...

И все-таки на следующий день он полетел. Вернулся в полночь. Своим тихим, грассирующим голосом больного ребенка сообщил:

— Затопило две угольные шахты. Сервы не справляются.

На двенадцатый день он заметил лесной пожар. Горела плантация боу — любимых и очень полезных плодов, которыми в основном кормили детей.

На семнадцатый день циклон, вовремя не остановленный метеоракетной службой, смел с побережья все устричные плантации.

На двадцать четвертый день умерли от голода заблудившиеся дети семейства Дальброков. Крылатые кони, посланные на поиски, опоздали. Да и чем они могли накормить детей?

На тридцать первый день в замке Шу началась эпидемия. Слепые знахари были бессильны.

И все эти дни мона Сэниа, не присаживаясь, по восемнадцать часов подряд ходила взад и вперед по гулким пещерам подземелья, отражавшим своими золотыми сводами тусклый фосфорический свет ползучих грибов, угнездившихся на стенках...

На тридцать второй день не случилось ничего, вот только младшая сестра Флейжа, которая тоже ожидала ребенка, доползла до утеса, нависшего над морем, и бросилась вниз — видно, не хотела, чтобы ее малыш остался умирать от голода в крошечной слепоте, если он и появится на белый свет. Но конь Флейжа, неотступно следовавший за ней, успел раньше и подставил расправленные крылья, перехватив легкое, истощенное тело. Так что никто не погиб.

Но мона Сэниа, услышав об этом, упала ничком, и когда Юрг поднял ее, он впервые заметил в волосах жены тоненькие седые прядки.

Он отнес ее на убогое ложе, покрытое обрывками ветхих ковров, положил ее голову себе на колени и всю ночь что-то негромко, напевно говорил... Юхан, прикорнувший за стеной из ящиков, старался не слушать — и не мог: Юрг рассказывал сказки. Наивные, полузабытые, переплетающиеся одна с другой, они сменяли друг друга до самого рассвета, и никто не знал, когда мона Сэниа заснула. Сон ее был крепок, и в черных волосах, на которые вот уже столько дней не опускалось привычное опахало аметистовых перьев, неподвижно застыл массивный гребень...

Юрг опустил голову жены на подушку, коснулся губами ее лба, как нечаянно сделал это в самый первый раз, и, мельком оглядев уже крепко спавшего Юхана, вышел из капища в узкую пещеру, где у золотой дверцы Гаррэль ожидал своего крэга, совершавшего ежедневный печальный облет обреченного Джаспера.

Юрг неслышно приблизился и положил руку на плечо юноше:

— Гэль, — сказал он, впервые осознавая, как непросто будет обычными человеческими словами выговорить все то, что он собирался. — Гэль, ты любишь мона Сэниа?

Юноша вскочил, порывисто обернувшись на этот негромкий голос. И Юрг вдруг подумал, что он впервые видит перед собой не восторженного юношу-пажа, а мужчину, на которого он может положиться. И вообще ему

показалось, что он впервые рассмотрел его: стройный в талии, как бедуин, он был смугл до черноты, и эбеновые пряди волос вились по плечам, не прикрытым пестрым опереньем; и удивительно странными в этом темном обрамлении были глаза — светло-золотые, огромные, доверчивые, ни разу не обманутые...

— Почему ты молчишь, Гэль?

— Ты хочешь, чтобы я ответил, эрл Юрген?

— Сейчас это необходимо. Говори.

— Я люблю ее больше, чем ты, командор.

У Юрга перехватило дыхание. Ведь этот юноша был рядом с первого мига. И до этого часа. Смог пробыть.

— Когда первые лучи солнца упадут на стену ущелья, ты возьмешь мону Сэниа и отнесешь наверх, в замок, — проговорил он с расстановкой, делая над собой невероятное усилие, чтобы его голос звучал ровно и буднично. — Уложишь ее на постель и осторожно вынешь из волос гребень... Понял, Гэль? Массивный черный гребень. Сломай его и выбрось за окно. Вот, собственно, и все.

— А ты, командор?

— Юхан уже расчистил выход, ведущий к подножию башни. Я, пожалуй, поднимусь на верхушку — давно собирался...

— До середины можно подняться на лифте, — пожал плечами Гаррэль, — быстрее и безопаснее. Там закрытая площадка, на которой...

Он осекся и замолчал, только сейчас поняв, что задумал командор.

— На которой я хотел устроить трапезную, совсем как у нас, на Земле... Может быть, вы так и сделаете, Гэль. Со временем. Но сейчас я поднимусь своим ходом, благо перила забраны крепкой решеткой. И буду наверху как раз в тот момент, когда над зеленым Джаспером встанет солнце.

— Командор!..

— Времени нет, мой мальчик. А сейчас запомни главное: я долго думал, сопоставлял и понял, что все, до чего я успел докопаться, — это еще не тайна крэгов. Потому-то

они и подбросили свой ультиматум, что я подошел к ней вплотную... или должен был подойти. Вот так. Ты — наверху, Юхан — здесь, в подземелье, вы должны ее раскрыть. Проследите каждый мой шаг. Подумайте, с чем я неминуемо должен был столкнуться в будущем. Тайна где-то совсем рядом. Ищите. Без этого Джасперу не жить.

Он протянул руку, намереваясь дружески и одобряюще потрепать Гаррэля по плечу, — и рука его не послушалась: перед ним стоял будущий муж его Сэнни.

Снаружи послышался шорох — возвращался Кукушонок. Юрг отступил на шаг, повернулся, бегом пересек пещеру и исчез прежде, чем Гаррэль смог его увидеть...

И вот — ступени. Бесчисленные, плавно выходящие вокруг центрального ствола башни, огражденные частой резной решеткой, сквозь которую не просунуть ни клюв, ни коготь. Но крэги не нападают, хотя, конечно, навалились они всей этой многотысячной стаей, которая уже собралась вокруг башни, — и металл не выдержал бы, не то что деревянная резьба. Но крэги знают, что человек идет добровольно, и не торопятся. Может быть, они были бы рады, если б он шагал вверх помедленней, ведь это так упоительно — чувствовать в своей власти то единственное существо, которое посмело восстать против них! И они купаются в лунном свете, они позволяют себе напевать, свиристеть, шелестеть крыльями, ворковать — море хаотических звуков и редкий удар крылом по решетке, чтобы человек вздрогнул. Но он даже не глядит в их сторону.

Он не прошел еще и половины пути, когда небо на востоке стало светлеть. Юрг прибавил шагу. Это он здорово придумал — взобраться на башню. Еще столько же вверх по стремительно бегущим ступеням — и он обессилен, задохнется, и будет не так мучительно жаль молодого, натренированного тела, которое против воли будет восставать и требовать борьбы. А борьбы не получится. Свое он уже сделал — начал. Раскачал. Растревожил. Теперь остается только уйти — ласточкой в рассветную голубизну, пьянящую пронзительной ночной свежестью после затхлости подземелья.

Он облизнул пересохшие губы. Вот этого он не предусмотрел — не захватил хотя бы фляжки с водой. Ну, есть еще надежда, что найдется что-нибудь в чеканной, как серебряная шкатулка, закрытой коробочке центральной площадки. Он обещал Сэнни...

Только вот этого не надо. Ни одной мысли о Сэнни, иначе ноги не пойдут.

Он рванул на себя дверцу — как-то они тут ужинали, и должна же быть хоть одна бутылка с водой — и тут же услышал за спиной яростный клекот и треск: крэги взламывали решетку. Забеспокоились, гады, — ведь отсюда вниз ведет лифт, не поздно и передумать... В маленькой комнатке было темно, фонарика он не захватил, но питье нашлось само собой — он наступил на бутылку и чуть не упал. Поднял ее, отбил горлышко. В нос ударил терпкий, пьянящий запах каких-то ягод — живой сок, словно кровь самого зеленого Джаспера... Жить бы и жить на этой планете да радоваться, если бы не эти захребетники. Ну что взбесились? Никуда он от них не собирается убегать. И что они так взъелись, ведь у них-то ничего не отнимается, в любом случае джасперяне будут дарить им необжитые планеты — с их-то способностями это раз плюнуть... Ах да, власть. Крэги теряют власть. Ишь как они беснуются ради сохранения этой самой власти! Грохот, лязг, уже внутрь летят щепки, сорвалась дверца лифта...

А крылатые дьяволы и в самом деле бесновались. Неотличимые друг от друга в предрассветной темноте, они в слепой ярости разгонялись и ударяли грудью в прогибающуюся деревянную решетку. Еще немного, и она треснула бы под напором этих существ, невесомость которых стократно множилась на скорость и бешенство, но в этот миг верхняя дверца закрытой площадки откинулась, и темная широкоплечая фигура с шапкой светлых волос, вспыхивающих заревом под узкими лучиками предутренней луны, еще быстрее прежнего заскользила вверх, полускрытая решеткой. Теперь он уже окончательно был в их власти — неосторожный чужак, посмевающий так близко подобраться к тайне и возомнивший себя безнаказанным... Он сам.

выбрал себе смерть — что ж, в бесконечной своей милости крэги простили ему эту дерзость. Но не больше.

Край неба пронзительно зазеленел на востоке, когда пришелец с Чакры Кентавра добрался наконец до конечного пролета лестницы. На несколько секунд он замер, вобрав голову в плечи, — то ли его обуял последний страх, то ли он намеревался дожидаться первого луча солнца... Но в следующее мгновение, решившись, он распахнул дверцу, ведущую на верхний балкон, закрыл лицо руками, чтобы не видеть многотысячную стаю крэгов, безмолвно планирующих вокруг основания башни в ожидании своей жертвы, и, разбежавшись, камнем рухнул в холодную рассветную глубину.

Если он думал, что тело его разобьется о камни подножия, то он ошибался — с крысойной яростью стая ринулась на него, вкладывая в удары когтей и клювов всю свою неистовую злобу, и это кровавое пиршество продолжалось до тех пор, пока ненавистный бунтарь не был растерзан, так и не коснувшись земли.

А спустя еще немного времени принцесса Сэниа, захлебываясь слезами какого-то страшного, но незапомнившегося сна, открыла глаза, пробудясь внезапно и облегченно. Привычная масса шелковистых перьев одела ее голову и плечи, и она увидела себя в своей опочивальне замка Муров.

Гаррэль, бледный, как алебастр, застыл на пороге.

— А где же... — начала она — и осеклась.

Ее возвращение в замок, предупредительность дождавшегося ее пробуждения крэга, свобода Гэля — все это могло быть куплено только одной ценой: той, которую требовали крылатые деспоты.

Она не закричала — она была принцессой королевского рода владетелей Джаспера. Она только глядела на Гаррэля, юношу с пестрым крэгом, и не видела его.

— Принцесса Сэниа, — проговорил он, и это был не юношеский голос. — Я беру тебя в жены и не завещаю никому, потому что никто не будет любить тебя сильнее, чем я. ,

Он отступил на шаг и плотно закрыл за собой двери. Мона Сэниа услышала лязг меча — Гаррэль из рода Элей встал на стражу у ее спальни.

IX. ТАЙНА КРЭГОВ

Раздался тихий скрежет — словно мечом царапнули по шиту. Мона Сэниа проснулась и некоторое время вслушивалась — не разбудил ли непрошенный звук маленького? Но малыш посапывал безмятежно и аппетитно, и она не стала его трогать. Да и был ли этот звук? Наверное, приснилось. Вот и крэг еще не возвращался — значит, до рассвета еще далеко.

Она спустила ноги с постели, неслышно ступая по пушистой шкуре, приблизилась к окну. Ее протянутая наугад рука наткнулась на массивный серебряный треножник, в углублении которого на мягчайшем пуху лежало яйцо, созревая в лунном свете. Скоро прилетит крэг, и она полюбуется желтым, как огненный опал, мерцанием глянцеви́той скорлупы. Значит, и птенец, который вылупится через пять-шесть дней, будет солнечно-желтым, королевского цвета, и тогда глаза ее сына впервые увидят свет.

Тогда можно дать ему имя.

Осторожно перебирая пальцами почти бесплотные пушинки, она медленно подбиралась к самому центру мягкого гнездышка, где должно было покоиться заветное яйцо. Ближе... еще ближе...

Пустая ямка.

Яйцо исчезло!

Еще доля секунды — и с ее губ сорвался бы отчаянный крик, но руки, такие знакомые по бессонным незрячим ночам, такие родные и такие безнадежно оплаканные, обхватили ее за плечи, и для нее перестало существовать все, кроме этих рук.

— Сэнни, — донесся словно откуда-то издалека голос ее Юрга, — что ты, Сэнни, глупенькая, что ты...

Она ощупывала его лицо, совсем как тогда, на корабле, и в какой-то миг ему стало страшно, потому что вдруг показалось — сейчас она назовет имя Асмура...

И вместо этого он услышал:

— А где же Юхан? Ведь если ты жив, то, значит...

— Нет Юхана, Сэнни... Они с Гэлем подстерегли меня на середине подъема на башню. Там площадка такая крытая, помнишь? Опередили, поднялись на лифте... Не церемонились — оглушили. И Юхан пошел вместо меня. Крэги не разобрались...

— У нас сын, муж мой. У него нет еще имени. Но теперь оно будет.

— Да, — сказал Юрг. — Да, конечно, память о Юхане останется в нашем сыне. Но у нас считанные минуты, Сэнни, и сейчас самое важное — это то...

— Самое важное — это то, что наш сын останется без крэга! Яйцо исчезло, и если мы не найдем его, а мой крэг откажет нам в милости пестрого птенца — Юрг, наш маленький останется слепым на всю жизнь! Ты не знаешь, что это такое, ты не проводил в темноте дни и месяцы, ты...

Он с трудом прервал этот поток отчаянья:

— Сэнни, — сказал он твердо, — наш сын останется без крэга, вот это я тебе обещаю твердо; нашему малышу не нужен поводыр, как, впрочем, и всем остальным новорожденным на Джаспере...

— Что ты говоришь, опомнись!..

— У меня нет времени на долгие объяснения, так что поверь мне на слово. Сэнни, мы с Гаррэлем нашли за это время еще несколько выходов из подземелья, а Кукушонок заблаговременно разузнал, в каких замках появились новорожденные. Я поднимался по ночам в их жилища, и ошибиться я не мог: все дети рождались зрячими! Ты понимаешь, Сэнни, они не слепы от рождения, а становятся такими только тогда, когда на их плечи впервые опускается проклятый крэг!

— Но наши врачи заметили бы...

— Ты забываешь, что они видят только то, что позволяют им крэги.

— Но это чудовищно, Юрг, — значит, полторы тысячи лет крэги ослепляли людей, чтобы... Зачем, Юрг? Зачем они это делали?

— Чтобы властвовать. Это сладкая штука — власть, но они так объедались ею, что уже мечтали только об одном — о пустынной планете, где не будет ни одного разумного существа, над которым можно было бы властвовать.

— Тогда об этом нельзя молчать ни секунды! Я пошлю свой голос во все уголки нашей планеты, и мне поверят...

— Тебе поверят, принцесса Сэниа, и тогда крэги снова покинут джасперян. И снова — ужас слепоты, гибель. Нет. Сделаем по-другому. Сначала нужно доставить на Джаспер приборы, которые помогут взрослому населению обойтись без крэгов. Затем уже расскажем о малышах.

— Через три дня праздник в королевском дворце...

— Я об этом подумал. До его начала ты должна связаться со всеми воинами своей дружины. Но будь очень внимательна, не начинай разговора до тех пор, пока не убедишься, что в этот момент ни у тебя, ни у дружинника нет крэга. Иначе — снова провал. Так что у тебя практически две ночи. Как начинается каждый праздник?

— Взрыв голубой музыки и парчовый огонь в полнеба.

— Вот это и будет сигналом к тому, чтобы все дружинники разом перенеслись на Звездную пристань. До этого они должны прибыть во дворец и вести себя так, как ни в чем не бывало, чтобы не вызвать подозрений. Итак — разговор без крэгов! И теперь главное...

В окно пахнуло холодным воздухом, послышалось хлопанье мягких крыльев. Сэниа отшатнулась, загораясь собой Юрга.

— Не бойся, это Кукушонок. Он стережет меня.

— Сэниа-крэг возвращается... — послышался тихий, полудетский голосок пестрого существа.

— Главное, Сэнни, главное: все дружинники должны успеть надеть скафандры, иначе их враги вырвутся, и все пойдет прахом. Наглухо закрытые скафандры, поняла?

— Да, да, уходи, они же ненавидят тебя, уходи...

Дверь за ним захлопнулась, и только тут Сэниа почувствовала, как бешено колотится ее сердце. Ноги подкашивались. И все-таки успела — набросила на пустой тренажер какое-то подвернувшееся под руку покрывало. И тут же в окно впорхнул аметистовый крэг.

И только тогда мона Сэниа поняла, что самое большое мужество требуется от нее именно сейчас — не закричать, не сорвать с себя это розовоперое чудовище, не растерзать его, как они все поступили с Юханом...

— Спасибо, Сэниа-крэг, — проговорила она, нежно поглаживая розоватые перья, лежащие у нее на плечах. — Мой маленький стал спать спокойнее, завтра я смогу отпустить тебя на всю ночь.

Крэг, как всегда, промолчал, не снисходя до разговора с человеком.

А впереди всего две ночи, и нужно поговорить с каждым из восьми дружинников именно тогда, когда он отпустит своего поводыря купаться и нежиться в лунном свете. Ошибиться, как тогда, в ущелье, нельзя. И менять что-либо поздно: через три дня — праздник. Как успеть?..

Но она успела. Голубая музыка пенистыми волнами вскипела и брызнула во все стороны, заливая королевские сады, и полотнище парчового огня взметнулось в полнеба, словно королевское знамя, — и по-этому сигналу восемь юношей одновременно набросили на себя легкие полускафандры, замкнули их, так что крэги невольно оказались прикованными к своим хозяевам, и разом ринулись в *ничто*, оставляя позади искрящийся весельем праздник, чтобы с той же синхронностью появиться на древних плитах Звездной гавани. Там их уже ожидали Гаррэль, Юрг и мона Сэниа с крошечным Юхани на руках.

Гэль, укутанный пестрым опереньем, был единственным джасперянином без скафандра.

Его доверие своему Кукушонку было безмерно.

— Тревоги, погони никто не заметил? — крикнула мона Сэниа, обращаясь ко всем сразу.

— Нет, — отрывисто бросил Эрм — один за всех.

Он мог бы сказать, что они находились в разных уголках зеленого лабиринта, заведомо расположившись так, что ни один из самых зорких и подозрительных посетителей праздника не смог бы заметить одновременно исчезновения дружины Асмуре. А то, что какой-то одиночка-оригинал надел скафандр и куда-то сгинул, — это не могло потревожить даже самого бдительного из принцев.

Но Эрм не стал этого объяснять, потому что дороги были даже доли секунды. Все понимали, что рано или поздно погоня начнется — и скорее всего рано; похищение моны Сэниа из затерянного ущелья не выходило ни у кого из головы. Сейчас от россыпи больших и малых кораблей, напоминавших Юргу разнокалиберные дыни, забытые на высохшей бахче, всех отделяла только овальная утоптанная площадка — место, откуда стартовал корабль Иссабаста, волею магических карт, а еще точнее — прихотью крэггов — заброшенный сейчас в какие-то необозримые дали Вселенной. Но и тех кораблей, которые оставались сейчас на Джаспере, с лихвой хватило бы на два или три мака.

— По кораблям! — скомандовал Юрг, и все, ни секунды не колеблясь, бросились выполнять его приказ, молчаливо признавая его, пришельца, командором звездной дружины.

Но они успели сделать только один шаг. Упругая волна воздуха, хлесткая и жуткая в своей непредставимой скорости, сбила их с ног, и они покатались по шершавому покрытию гавани, стараясь зацепиться хоть за какую-нибудь трещину. Им был знаком этот удар — такая волна возникала каждый раз, когда в недопустимой близости выныривал из подпространства какой-нибудь чересчур крупный объект. Они ждали погони, были внутренне готовы к ней. Но это была не погоня.

Потому что прямо перед ними, заслоняя группу резервных корабликов, грозно и неотвратимо выросла громада, слепленная из помятых, покореженных и оплавленных шаров. Это был мак, только что вырвавшийся из космических передряг и по нелепой прихоти судьбы вернувшийся на родную планету так некстати.

— Корабль Иссабаста! — вырвалось одновременно из десяти уст.

Доказательств этой догадки не пришлось долго ждать — корпус центрального корабля треснул, и предводитель дружины, не дожидаясь даже, пока малые кораблики отойдут на положенное расстояние, спрыгнул на землю.

И тут глаза его изумленно округлились: прямо перед собой на лиловых плитах Звездной гавани, куда никто и никогда не приходил без надобности, он увидел десяток полулежащих тел, облаченных в легкие скафандры.

Впрочем, нет — двое были без скафандров. Причем один — о, этого одного Иссабаст отличил бы из тысячи тысяч, потому что он не только был схож лицом и статью с покойным Асмуром, владетельным эрлом, — этот светловолосый гигант отличался ото всех, ибо он был без крэга.

— Ко мне, моя дружина! — разнесся над молчаливой пустыней зычный голос Иссабаста. — Нам предстоит еще одна охота! Судьба даровала нам зверя, который вне закона. Затравим же его! Крэг и Баст, дружина моя!..

Он не успел повторить боевой клич своего рода, как ослепительно белый луч выметнулся, словно из-под земли, откуда-то справа, от Юрга и, разрезав вечерний туман, ударил точно на голос. Дымно и тускло зарделся горящий плащ, высвечивая в сумерках контур, стремительно теряющий сходство с человеческой фигурой, и только тут до Юрга дошло, что случилось непоправимое — впервые за полторы тысячи лет джасперянин направил запретное оружие на своего земляка.

— Гэль, остановись!.. — запоздало крикнул он, но Гэль, припав на одно колено, снова прицелился, беря на мушку раскрывающийся люк, и не успел второй дружинник спрыгнуть на долгожданную землю, как белая молния превратила и его в живой факел.

Но на этом момент внезапности был упущен — трещины разом избороздили причудливую поверхность пузырячатого мака, и оттуда в ответ блеснуло сразу несколько ответных разрядов. В паузе, когда чуть подсвеченный закатной

луной туман, казалось, еще плотнее прикрыл поле неожиданного сражения, проворные натренированные тела метнулись вниз, на холодные плиты. Дружине Иссабаста, готовой к возвращению на родной Джаспер, и в голову не пришло облачаться в скафандры, и теперь это давало людям Юрга некоторое преимущество.

Из темноты донесся характерный змеистый свист клинков, покидающих хорошо подогнанные ножны.

— Не ввязываться в стычку! — крикнул Юрг, холодея от одной мысли о том, что сейчас будет упущено самое драгоценное — время; оно работает только на дружину Иссабаста, потому что к ней уже наверняка спешит подкрепление, а вот его товарищам ждать поддержки просто неоткуда. — Обходить корабль слева! Короткими перебежками, мы с Гаррэлем прикроем!

Слева и справа от него разом вонзились две молнии, послышалось шипение плавящегося камня. Юрг злорадно улыбнулся: по всем законам Вселенной он приобретал то, что называлось «правом на самооборону».

Он выхватил десинтор и нажал на спуск, целя по ногам.

— Не бойтесь за наших, командор, — крикнул Гаррэль, — крэги прикрыты, а скафандры выдерживают разряд!

— Крэг и Баст!!! — раздался в ответ боевой клич, и словно в подтверждение того, что они поняли грозящую им опасность, дружинники Иссабаста разом направили свои лучи на тех двоих, которые, как и они сами, не были защищены чудотворной гибкой броней: Гаррэль — по своей беспечности, а Юрг — просто за неимением таковой.

Напряжение нарастало: с секунды на секунду должна была появиться погоня из королевских садов; но сумеют ли дружинники Иссабаста продержаться до ее прибытия? Юрг и Гэль, продвигаясь зигзагами к россыпи резервных кораблей и ведя непрерывный огонь по воинам из чужого мака, отчетливо видели, что почти все их спутники уже достигли цели, в то время как защитники прибывшего звездолета мало-помалу выходят из боя — все меньше и меньше молний сверкало из-за его массивного корпуса, все

больше и больше крагов, потерявших своих хозяев, подымалось в вечернюю синеву неба. Казалось, победа уже близка, победа — это бегство с этой беспомощной, обреченной планеты, не желавшей самостоятельно искать спасения. Победа — это Земля, куда нужно было добраться вопреки всему, нарушая все законы и уговоры.

Любой ценой.

И когда Юргу показалось, что цена эта заплачена и победа у них в руках, он услышал короткий крик Гэля:

— Командор! Мона Сэниа...

Он задохнулся жаром всех молний, прочертивших поле боя, — ведь за все эти бесконечно тянущиеся секунды молниеносной схватки он ни разу не подумал о своем сыне и о своей жене.

Он беспомощно оглянулся, пытаясь распознать в коконах одинаковых скафандров знакомые очертания, но это было невозможно: несколько стремительно движущихся фигур уже достигли малых кораблей и скрылись в них, остальные были близки к цели, но в редких хризантемных выхлопах одиночных разрядов, все еще раздававшихся со стороны мака, невозможно было ни опознать, ни пересчитать их.

В отчаянии он перекинул калибратор десинтора на непрерывный широкополосный разряд и, вжавшись лопатками в шершавую выщербленную плиту, раскинул над собой гигантский ослепительный веер.

И только тут заметил сзади — ох, как далеко сзади! — что-то бесформенное, копошащееся, бьющееся. Он мгновенно погасил разряд и бросился туда, почти автоматически отмечая, что и Гэль не бежит к кораблям, а, наоборот, почти во весь рост мчится к Иссабастову маку, наперехват двум последним трассирующим очередям. Он знал, что на этот заслон можно положиться и теперь все свои силы вложить в скорость, — ничего другого не было сейчас важнее: скорости!

Подбегая, он в прерывистом свете редких вспышек увидел мону Сэниа, которая, распахнув свой легкий скафандр, старалась прикрыть им маленького Юхани, а бью-

щееся и вырывающееся наружу — это был ее сиреневый крэг, яростно выдирающий свои крылья из-под непроницаемой пленки да еще норовивший ударить клювом в лицо.

— Держите ее крэга! — донесся издали голос Гарреля, и краем глаза Юрг успел заметить, что его стремительная, гибкая фигура выросла вдруг во весь рост — и исчезла.

И в тот же миг аметистовый стервятник вырвался-таки из своего плена, еще раз ударил куда-то наугад и с мстительным кличем взмыл в ночное небо.

Юрг стиснул зубы, преодолел одним прыжком оставшиеся метры и схватил Сэнни вместе с крошечным попискивающим свертком, упрятанным под скафандр.

— Брось меня, — услышал он шелест сухих упрямых губ. — Брось, я тебе приказываю! Без тебя они не договорятся с Землей, а я теперь в полете — только обуза...

Он побежал к своим кораблям, уже начавшим сползаться, чтобы образовать единый мак, и старался не слушать ее и не глядеть в изуродованное, залитое кровью лицо. Редкие разряды хлестали по земле то слева, то справа — два последних дружинника Иссабаста до конца выполняли приказ своего командора, но темнота не позволяла им сделать прицельного выстрела.

И Гэль им больше не отвечал.

Юрг подбежал к блестящим громадным коконам, уже спаянным вокруг центрального шатрового корабля, и на секунду замешкался — перед ним была непроницаемая поверхность. Но в тот же миг она треснула, образуя овальную щель, и сразу несколько рук протянулись навстречу командору. Он осторожно передал им завернутую в плащ мону Сэнни.

— Гэль остался где-то там, — хрипло проговорил он, переводя дыхание после быстрого бега. — Кто со мной?..

— Командор, мы-то можем это сделать мгновенно, — возразил рассудительный Борб. — Нужно только точно знать, где он.

— Он бежал к маку Иссабаста, прикрывая нас... Гэль! — крикнул он в темноту, сложив руки рупором.

В ответ протянулась прерывистая очередь, и фонтанчики расплавленного камня брызнули у самых ног Юрга.

— Не так, — прошептала мона Сэниа, вставая рядом с мужем. — Гаррэль, королевский лекарь, паж мой!...

Это был не крик и не шепот — едва отделяясь от губ, слова исчезали, уносясь в безмолвие раскаленных плазменными разрядами каменных плит и душного тления травы. Первая луна вставала как раз за кораблем Иссабаста, и голос, посланный в густую конусообразную тень, тонул в ней и не находил ответа...

...Что-то коснулось помертвевшей щеки, и Гаррэль открыл глаза. Жгучая, нестерпимая боль полоснула по ногам, и ему пришлось отключиться от всего — зрения, слуха, обоняния, — лишь бы задавить эту боль, затянуть ее в тугой пульсирующий узелок, не дать ей овладеть всем телом и сознанием... Удалось. Тогда он снова глянул вверх и прямо над собой увидел плавно кружащегося в вышине розового фламинго. «Гаррэль, паж мой!.. — снова коснулось его щеки. — Где ты, пошли мне свой голос!»

Он попытался приподняться на локте, и снова нечеловеческая боль бросила его обратно, на шершавый холодный камень. Но главное он успел увидеть: там, где эта боль возникала, не было ничего, что могло бы болеть. Вместо ног в пульсирующем свете одиночной пальбы он увидел только запекшиеся, обожженные обрубки.

И тогда в какую-то долю секунды он понял, взвесил и решил все разом.

И то, что его принцесса жива, но ее крэгу удалось вырваться, и теперь он ни за что на свете не вернется к своей владелице.

И то, что она, прекраснейшая в мире, никогда не бросит и не предаст своего пажа, своего лекаря, и всю жизнь будет опекать его и держать рядом с собой — жалкого калеку, человеческий обрубок, который до скончания дней своих будет слышать собственный голос, когда-то произнесший невероятные слова: «Я, Гаррэль из рода Элей, беру тебя в жены и не завещаю никому...»

И еще он понял то, что промолчи он еще секунду — и они все, уже собравшиеся на своем маке и готовые в любой миг покинуть планету, вместо этого сейчас же ринутся в черную тень, под выстрелы, навстречу погоне.

Навстречу гибели.

И это будут его звездные братья. Его командор. Его принцесса.

Он собрал остатки сил, и голос его, одновременно мужественный и юношеский, разнесся над Звездной гаванью:

— Принцесса Сэниа! Я, твой паж и королевский лекарь, был верен тебе до последнего дыхания и никогда не думал, что когда-нибудь попрошу за это награду.... А теперь я прошу тебя.

Он перевел дыхание, и страшная тишина распростерла свое покрывало над ночными просторами Джаспера. Даже те двое, что еще стреляли наугад, укрывшись за Иссабасовым маком, замерли, опустив оружие.

— Принцесса! Поклянись мне, что ты исполнишь мою просьбу!

— Клянусь... — пронеслось над опаленными плитами и коснулось его холодеющего лба.

— Тогда прими мой прощальный подарок и улетай немедленно. Я остаюсь здесь. Не отвечай ничего... прощай.

Холодная струя ночного воздуха пахнула в залитое кровью лицо моны Сэниа вместе с этим последним словом, и она почувствовала, как мягкие, невесомые перья одевают ее плечи. И, еще ничего не видя, она догадалась, что это.

Гаррэль из рода Элей отослал ей своего Кукушонка и оставался здесь, чтобы умереть в темноте и одиночестве. Он сам просил об этом, и она поклялась выполнить его просьбу.

И только одного она не могла — не ответить ему.

— Гэль, паж мой! — донесся до него горестный голос, обращенный к нему одному. — Я, принцесса Сэниа королевского рода владык Джаспера, повинуюсь тебе... Прощай.

И наступила тишина, в которой не было больше даже дыхания. Только зловонное шипение перегретых десинто-ров.

Звездный корабль командора Юрга исчез, чтобы появиться вблизи запретной звезды Чакры Кентавра.

И тогда, преодолевая ужас перед бесконечностью темноты, которую уже ничто не могло прервать, он заговорил, посылая свой голос в вечнозеленые лабиринты королевских садов и твердо зная, что, пока он говорит, ни один джасперянин не двинется в погоню; а когда силы его иссякнут и он замолчит, многие еще подумают, а стоит ли догонять беглецов... И он заговорил:

— Братья мои, с вами говорю я, Гаррэль, младший сын Элей, умирающий в темноте. Слушайте меня, ибо я открою вам тайну крэгов. Жители зеленого Джаспера! Когда-то ваши предки были свободны, могучи и мудры, повелевая мирами и крэгами... Но ни с чем не сравнимый ужас вечной слепоты обрушился на нашу планету, и, вместо того чтобы бороться с ним, вы предпочли стать рабами крэгов и дарить им целые миры в награду за собственное рабство. Сейчас, хотите вы этого или нет, но владычеству крэгов приходит конец. Жаль, что не своими руками добьемся мы этого... Но хотя бы помогите отважным людям с далекой звезды, которую мы называем Чакра Кентавра, а следует называть — Солнце... Один из них уже отдал свою жизнь за то, чтобы вы стали свободными.

Он услышал у себя над головой свист расправленных крыльев и понял, что крэги пытаются разглядеть его в туманной темноте. И как только луна поднимется над маком Иссабаста и ее лучи осветят тело, неспособное даже уползти в тень, — они растерзают его так же, как расправились с Юханом.

И все-таки он продолжал:

— Братья мои! Перестаньте быть рабами, носящими пышные титулы. Вспомните и поймите, что вы — не эрлы и графы, таны и принцы, а инженеры и ученые, вычислители и врачи, биологи и астронавигаторы. Это поможет вам преодолеть слепоту, даже если крэги снова предадут вас. Но не бойтесь за своих детей, не бойтесь за будущее Джаспера: ведь тайна крэгов в том и состоит, что все дети

рождаются зрячими! Они приходят в мир, чтобы видеть его собственными глазами, и только...

Страшный удар обрушился на его голову — аметистовый крэг, сложив крылья, камнем упал на его голос, рискуя разбиться о камни.

Но он не промахнулся.

Несколько секунд они еще жили — то, что осталось от юноши, и то, что недавно было сиреневым крэгом.

Затем человеческого дыхания не стало слышно. Опредил его крэг или отстал на несколько мгновений — никто не смог бы сказать.

— Мы ушли на достаточное расстояние? — спросил Юрг, прижимаясь лбом к черному иллюминатору, занимавшему всю середину пола.

Немерцающие холодные светила роились под ним, очаровывая и пугая своей близостью.

— Мы никогда не уйдем достаточно далеко, — отвечала мона Сэниа, полулежавшая рядом с ним на подушках и поддерживавшая одной рукой забинтованную голову. — Мы уже в твоём созвездии, которое в наших «Анналах» почему-то называют Костлявым Кентавром. Но нас могут догнать и здесь, потому что для перехода через *ничто* расстояний не существует. Я и так не понимаю, что сдерживает погоню... В любую секунду они могут начать выныривать прямо здесь, в центральной каюте корабля.

— Так почему они этого еще не сделали?

— По-видимому, Гаррэль нашел такие слова, которые их остановили. Ну что ж, остался последний перелет — к твоей планете!

Короткий приказ, легкое покачивание пола под ногами, кажущееся таяние стен, становящихся прозрачными, — и внезапно чуть левее и ниже призрачно засветился такой знакомый, причудливо расписанный нежными перламутровыми красками шарик — долгожданная Земля.

— Теперь мы можем не спешить, — проговорила мона Сэниа смертельно усталым голосом. — Смотри и выбирай,

куда ты хочешь опуститься, командор. Вот мы и у цели, до которой...

Голос ее дрогнул и прервался. Теперь, когда цель лежала у них под ногами, непомерной для женских плеч тяжестью легло воспоминание о тех, кому уже никогда не суждено было этой цели достигнуть.

Сначала — Асмур, затем — Юхан, теперь вот — Гаррэль.

Юрг смотрел на хрупкую фигурку жены, прижавшуюся к золотистой прозрачной стене. Нет, не новую диковинную планету разглядывала Сэнни — она просто прятала свои слезы, потому что, каким бы ни был повод для горести, — принцесса Джаспера не могла плакать при посторонних. И спуститься вниз вот такой, истерзанной горечью воспоминаний, она тоже не хотела, потому и просила не спешить. Он угадал, он каждой клеточкой своего тела почувствовал остроту ее скорби и невольно вспомнил ту счастливую ночь, когда они спорили, на Земле или на Джаспере умеют любить сильнее...

Горе утраты — обратная сторона любви.

Он бесшумно приблизился и осторожно снял с ее плеч пестрое живое покрывало.

— Будь другом, Кукушонок, — попросил он, — посмотри за Юхани.

Кукушонок послушно скользнул в угол, где на свернутом плаще безмятежно сосал палец наследник двух планет, и опустился в изголовье, заботливо оглядывая малыша, но не касаясь его даже кончиками перьев.

Сэнни не обернулась, продолжая невидящим взглядом смотреть туда, где мягким светом сияла такая близкая и такая далекая Земля. Юрг наклонился и бережно обнял жену, словно пряча ее от всей Вселенной. Вдохнул запах ее теплых волос и все-таки не удержался, поверх ее головы засмотрелся на пышный весенний ковер каракумского разнотравья. Его подбородок невольно коснулся ее волос, а руки, как крылья, укрыли плечи...

— Мы не будем торопиться, Сэнни, маленькая моя, — зашептал он, чувствуя, как под его губами шевелятся,

точно живые, прядки ее черных волос. — Мы дождемся вечера и тихо опустимся на сказочную равнину, которая когда-то была пустыней, а теперь зеленее и душистее самого Джаспера... Хорошо?

— Да, — еле слышно донеслось до него, — да...

— Красноногие аисты, заночевавшие здесь на своем пути к северу, будут при виде нас закидывать головы на спину и щелкать клювами... Но ты их не бойся.

— Нет, — отвечала Сэнни, — нет...

— А потом подойдут джейраны, хлебца попросить, только вот у нас нет человеческого хлеба — не беда, правда?

— Правда, — соглашалась она, — правда...

— А потом за нами прилетят, — говорил он, радуясь, что стихает горестная дрожь, бывшая ее маленькое тело, — за нами прилетят, если, конечно, облака не помешают — ишь, ползут с юга, точно белая мохнатая шкура...

— Я думала, это снег...

— Нет, это низкие облака, они к вечеру...

Он вдруг осекся — горло перехватило.

— Откуда ты знаешь — про облака?

Она не ответила.

— Ты... видишь?

Ее голова едва уловимо дрогнула в коротком кивке.

Он должен был ощутить буйную радость, а вместо этого его охватил цепенящий ужас и отвращение — к себе самому.

— Значит, — проговорил он, едва ли не заикаясь, — я для тебя — все равно что...

Он не мог даже произнести этого слова.

И тут странный, прерывистый звук, напоминающий клекот орленка, донесся из угла. Юрг в недоумении обернулся и вдруг понял, что впервые в жизни — а может быть, и вообще в истории Джаспера — они слышат, как крэг смеется.

— Сэнни, — прошептал он, обхватывая голову руками и садясь на пол, — Сэнни, Кукушонок, простите меня, дурака...

Она порывисто повернулась и гибким, точным движением опустилась на колени рядом с ним.

— Как же ты сам не догадался, муж мой, — проговорила она, и он подумал, сколько же дней и месяцев он не слышал, чтобы у нее был такой счастливый голос. — Как же ты сам не понял, что иначе и быть не может. У нас ведь теперь все на двоих: и сын, и зрение, и неразделимость самой жизни...

ДЕЛЛА-УЭЛЛА

(СТРАНСТВИЕ КОРОЛЕВНЫ)

I. ОЧАРОВАНИЕ СБЫВШЕЙСЯ МЕЧТЫ

лобный серебряный эльф, такой крошечный, что разглядеть его в сгущающихся сумерках мог только крэг, угрожающе звенел над маленьким Юхани, привлеченный его теплым дыханием. Мона Сэниа осторожно помахала рукой, но безрезультатно. Тогда Кукушонок приподнял свою увенчанную пестрым хохолком головку, на миг замер, прицеливаясь, и одним безошибочным движением изничтожил приставучую тварь.

Он проделывал это уже в десятый или двадцатый раз, и на эти несколько мгновений чужой непривычный мир, окружавший теперь джасперян, угасал для моны Сэниа, пока чуть щекочущие перья не ложились снова на ее израненный лоб. Это мелькание полусвета и тьмы раздражало ее, и она тихонько шепнула:

— Не надо, Кукушонок, мы сейчас вернемся на корабль...

И, конечно, не двинулась с места.

Юрг скорее угадал, чем услышал ее слова:

— Погоди, Сэнни, уже готово! — И действительно, робкий светлячок запорхал по сухим ветвям, превращаясь в огненную птицу; рассыпался веер искр — робкая копия королевского фейерверка, оставленного позади. целую вечность тому назад, — и вот наконец огромный костер запылал, как первобытный маяк.

— Мечта босоногого детства, — прокомментировал Юрг, потирая ладони. — Если кто еще надумает пожаловаться, то не ошибется.

Все сидевшие вокруг костра невольно посмотрели вверх — туда, где уже дважды появлялся черный брюхатый керуб, похожий на исполинскую беременную стрекозу. В первый раз он спустился на прибрежную полосу рядом со звездным кораблем джасперян; Юрг подбежал, пригибаясь под ураганным ветром, и несколько минут непрерывно кричал, отчаянно размахивая руками. Слов его было не разобрать, но керуб вдруг прынул в сторону и помчался прочь над самым озером, оставляя за собой вспененную дорожку. Юрг вернулся злой, осипшим голосом буркнул непонятное: «Университетские штучки-дрючки, как же!» — и принялся собирать валежник для костра.

Но керуб вернулся, завис уже подальше от корабля и выметнул желтый сверток, который, ударившись о землю, начал стремительно раздуваться, пока не превратился в громадный матрац, на котором вполне комфортно могли бы разместиться три дюжины дворцовых причудниц в самых изысканных позах. На матрац посыпались ящики, мешки, свертки — издали можно было подумать, что керуб мечет икру. Окончив эту процедуру, он заложил лихой вираж и умчался еще стремительнее, чем прежде. Это было слишком похоже на паническое бегство, но никто из дружины принцессы не позволил себе даже бровью повести.

Однако по их застывшим физиономиям Юрг догадался, что их оценка происходящего, мягко говоря, неадекватна.

— На базу помчался, — бросил он через плечо, стаскивая с матраца первый ящик, — чтоб первым быть на пункте связи. Ведь еще почти никто не знает, кто мы и

откуда, а кто и знает, тот не верит. Сбросили нам стандартный набор для терпящих бедствие, и не исключено, что на утро запросили бригаду психиатров. А у этого все-таки теплится надежда: вдруг мы действительно *оттуда*? Тогда я сейчас распакую аппаратуру, и начнется трансляция на весь наш шарик.

— Зачем? — устало спросила мона Сэниа.

— Как это — зачем? Людям же интересно...

Она нервно провела чуткими пальцами по лицу, обезображенному свежими шрамами, оставленными ее остервеневшим крэгом. Счастье еще, что она не догадывалась о жутких лиловых пятнах, расплзшихся вокруг рубцов.

— Мы прилетели сюда просить о помощи, а не для того, чтобы, подобно древним лицедеям, развлекать твоих соплеменников, — сухо проговорила принцесса.

Юрг окончательно растерялся:

— Елки-моталки, да вы же с другой планеты и вообще черт знает из какой галактики...

— У нас каждый год несколько дружин возвращается с других планет, но ни у кого не появляется желания оглашать это на весь Джаспер. Командор заносит новые сведения в Звездные Анналы, и всё.

— Как знаешь, — сдался Юрг. — Я попрошу выйти на связь только врачей-офтальмологов, оптиков и кто еще там понадобится. А сейчас помогли бы, ребята!

Последовала едва уловимая заминка.

— Борб и Пы, — велела принцесса.

Названные со всех ног бросились вперед.

Эта секундная задержка вдруг сделала очевидной для Юрга малоприятную вещь: он больше не был для них командором. Он, землянин, со своими законами, традициями, правилами и, если угодно, заблуждениями, был по одну сторону, а они — с одной-единственной верностью своей принцессе — находились с какого-то момента на другой стороне.

Знать бы только, какая грань разделяла эти стороны!

— Хорошо бы еще запасти дровишек для костра, — небрежно заметил он, принимаясь за установку генератора.

Он провозился до темноты, расчехляя какие-то емкие ящики высотой в человеческий рост и укрывая их пологом светящегося надувного шатра. Затрещало, зачирикало; в такт этому стрекоту замелькали разноцветные глазки, запылали голубые блики, и совершенно неожиданно возник голос, говоривший на языке Юрга. Тот как ни в чем не бывало принялся горячо возражать — на него рявкнули уже не человеческим, а каким-то звериным басом, но он не сдавался, сыпал скороговоркой, для убедительности вставляя: «Это — раз!», а потом: «Это — два!» и «Это — три!!!», причем остальные его слова были неразборчивы и незнакомы...

Но смысл всего этого был для моны Сэниа не важен.

Важно и страшно было другое: Юрг, ее звездный эрл, рыцарь без страха и упрека, лгал ей все это время!

Сколько раз он делал вид, что изумляется способности джасперян посылать свой голос в любую даль, сколько раз он — да и Юхан тоже — утверждал, что люди Земли на такое не способны... Зачем нужна была эта ложь? Сейчас она была свидетельницей того, как он проделывал это без малейшего затруднения и даже не считал нужным скрывать свои способности.

Какие еще открытия ожидают ее на этой вечерней земле?

Она подняла глаза на серебристо-алые облака, подсвеченные уже севшим за горизонт солнцем. Дальний, завораживающий плеск воды. Едва уловимое сопение Юхани, пригревшегося на сгибе левой руки и укрытого пушистым крылом Кукушонка. Застывшие фигуры дружинников, под наглухо застегнутыми капюшонами которых затаились крэги, цепенеющие от бешенства при одной мысли о невозможности взлететь в вечернее небо.

Нестерпимость ожидания.

Ей, ненаследной владетельной принцессе, это ощущение всегда было омерзительно, как скукожившаяся грязная обувь.

Но сейчас ей приходилось не просто ждать — ей нужно было готовить себя к тому, чтобы *просить*.

Ни за какие блага Вселенной она не согласилась бы на это для себя. Но принцесса Джаспера должна была сломить свою гордость, когда речь шла о будущем ее народа. И было еще одно, что не только настораживало, а просто пугало: силы, которые таяли с каждой минутой. Их отчаянный заговор, сбор на королевском пиру, тайный перелет к Звездной Пристани, внезапное нападение дружины Исабаста, схватка с собственным крэгом и прощание с Гаррэлем, бегство с Джаспера, перелет в созвездие Костлявого Кентавра, всего несколько минут блаженного покоя над перламутровым шариком такой желанной Земли — и снова тревога, и непонятные сомнения Юрга, пытающегося отыскать какой-то особенный уголок для посадки, и наконец этот безлюдный остров посреди зеркального озера...

Белоснежный легкий керуб, значительно меньше первого, стремительно пронесся над самым костром, срезав верхушку дымового столба. Он уже исчез за купами темных деревьев, а сверху на джасперян падали и падали громадные охапки никогда не виданных ими цветов. С шелестом и хрустом, ломая стебли и венчики, они ложились на черные капюшоны, на пестрые перья Кукушонка, к ногам и просто в костер. Пламя зашипело, выбросило целый фонтан невероятных запахов, — Юрг метнулся к жене, заслоняя ее и малыша от неожиданных даров. Когда последний лепесток канул в ночную темень, благополучно минуя огонь, он выудил у себя из-за шивороты пармскую фиалку и счастливо рассмеялся:

— Ну, лиха беда — начало, как говорится. Это были первые, кто поверил.

Мона Сэниа тихонечко перевела дыхание. Цветочный дождь из ночного неба — это было последнее, на что у нее хватило сил. Все кругом закачалось, словно она летела на своем крылатом коне — нет, не на своем, а на могучем вороном Асмуре, благородного тана из рода Муров, который был ее первым супругом и никогда, никогда ей не лгал...

Твердая рука обняла ее за плечи, помогла подняться.

— Эм, будь другом, отнеси Юхани на корабль, — услышала она шепот Юрга, и теплый сверточек уплыл с ее локтя куда-то в темноту. — Можешь идти, Сэнни? Всего несколько слов!

Она кивнула. Да, она сможет. Идти. Бежать. Лететь. Говорить. Просить. Все что угодно.

Она сделала несколько шагов и встряхнула головой, заставляя себя смотреть не под ноги, а вперед.

Прямо перед ней в глубине светящегося шатра высилась черная рама, больше всего похожая на дверь, вся усыпанная разноцветными огоньками; огни начали менять цвет — стали желтоватыми, лимонными, зелеными... По серой поверхности побежали облака — и в следующий миг перед принцессой уже стоял призрак.

Он был странно одет, — первое, что она подумала, было то, что в таком стесняющем движения костюме просто невозможно сражаться. Да он, пожалуй, и не сражался никогда в жизни, разве что в далекой молодости. Но по тому, как непринужденно он стоял, слегка наклонив голову, она безошибочно определила, что движения его должны быть легки и величавы. До странности светлые глаза были спокойны, но она угадала, какого труда ему стоило сохранять это спокойствие.

Это, несомненно, был король.

Она склонилась в глубоком поклоне:

— Ваше Величество...

«...Господин президент!» — услышала она торопливый шепот Юрга. Древние боги, неужели не мог предупредить заранее!

Она резко выпрямилась — и обомлела: на узком старческом лице сияла детская, чуть даже глуповатая улыбка.

Призрак мотнул головой, словно отбрасывая высокопарную, старательно выверенную речь, и просто сказал:

— Господи, как я счастлив, что дожил до этого!

От его голоса, оттого, что она поняла все его слова (кроме, пожалуй, первого), от ощущения мгновенно установившегося равенства между ними мона Сэни порывисто шагнула вперед:

— Я готова быть рядом с вами!

Легкая тень замешательства скользнула по его лицу. Ах да, ему же никто не мог объяснить, что для нее достаточно рассмотреть его покои — и она перенесется туда, сделав еще один маленький шаг. Но у нее не хватало слов, чтобы рассказать о том, что отличало джасперян от людей этой планеты.

Улыбка на узком лице стала чуточку другой.

— Не сейчас, — проговорил он как можно мягче. — Скажите только, что еще вам нужно, чтобы отдохнуть до завтрашнего утра?

Он не пригласил ее к себе во дворец!

Принцесса Джаспера медленно откинула голову, так что ее глаза должны были теперь смотреть поверх призрака — во всяком случае, ему должно было казаться, что она так смотрит. Нет, она не будет объяснять ему, что ни на одной из чужих планет ей не приходила в голову мысль о комфортном отдыхе. Она даже не скажет ему о том, какая надежда привела их сюда. Сколько раз Юрг твердил ей, что стоит только добраться до его Земли — и проблема зрения будет решена раз и навсегда. Неведомые джасперянам приборы, или магические амулеты... Она так верила его словам, что даже не поинтересовалась подробностями. Им больше не нужны будут крэги — этих слов ей было достаточно.

Но если и это было ложью и им не останется ничего другого, как снова подчиниться крэгам, этим эфирным властелинам Джаспера?

— Я прошу только одного, — проговорила она смиренно. — Мы должны быть уверены, что на вашей планете наши крэги находятся в безопасности.

Призрак закивал головой, но по этим неуверенным движениям мона Сэниа поняла, что он и представления не имеет, о ком идет речь.

— Мой супруг, владетельный эрл Юрген из рода Брагинов, лучше меня ответит на все ваши вопросы. — Она слегка наклонила голову и приподняла левую ладонь, как всегда делала, когда давала понять, что аудиенция закончена.

Ее поняли.

Призрак почтительно поклонился и отступил на несколько шагов в глубину черного ящика. Она повернулась и пошла обратно к костру, где сидела, не шелохнувшись, ее маленькая дружина. Семеро. Эрромиорг сторожит на корабле маленького, а Гэль...

«Полковник Брагин, я позволю себе задержать вас еще на несколько минут...» — это уже далеко за спиной. Она присела на забытый Эрмом плащ, скрестила руки и погладила теплые перышки Кукушонка. Он встрепенулся и поднял головку — мона Сэния снова ощутила себя в бездонной черноте, и только сверху раздавался голос, так не похожий на обычное воркование пестрого поводыря принцессы.

— Дружина тана Асмур! — Голос Кукушонка звучал отчетливо и властно. — Вы можете не беспокоиться: ваши крэги будут верны вам, пока вы не решите покинуть эту планету. Такова наша благодарность принцессе Сэния за ее слова, обращенные к властелину этой страны!

Голос умолк, но прежде, чем зрение снова вернулось к ней, она почувствовала, как чуткий прохладный клюв осторожно перебирает прядки ее спутанных волос.

И первое, что она увидела, когда окружающий мир приобрел свои зримые очертания, был край громадной рыжей луны, которая подымалась прямо из озера, расстилая прямо перед собой дорожку золотистой рыбьей чешуи. Мона Сэния всем своим существом угадала, как непроизвольно тянется ее пернатый друг навстречу этому колдовскому мерцанию.

— Не боишься, Кукушонок? — спросила она. — Ну, попробуй. Только недолго.

Когти, мягко окольцовывавшие запястья, разомкнулись, и шелестящий взмах расправленных крыльев заставил пламя костра шарахнуться в сторону. Плавными, расширяющимися кругами крэг начал набирать высоту, и семеро джасперян замерли, следя за его полетом.

Борб внезапно сдернул капюшон, и его коричневый крэг встрепенулся, приготовившись взмыть к пепельным, уже утратившим закатную подсветку облакам.

— Если что — пойдешь на выручку, — коротко велел он, и крэг вздрогнул и как-то осел на его плечах: еще ни разу в жизни он не слышал от джасперянина *приказа*.

Но он опоздал. Бесшумная стая уже шла наперерез Кукушонку, они были ниже, отрезав его от земли, и в мельтешении их теней было не разобрать, успели они добраться до пестрокрылого чужака или нет.

— Вниз!!! — семь голосов слились в один отчаянный крик, и Кукушонок, сложив крылья, в стремительном вертикальном падении нырнул прямо в стаю, как баклан, нацелившийся на рыбу. Он чуть не врезался в землю, но в последний момент выровнял полет и, приблизившись к моне Сэниа, не опустился, как всегда, ей на плечи, а упал на колени и свернулся пушистым клубком.

— Что? Что? — твердила она, дрожащими пальцами ощупывая перья.

Примчался Юрг, разом позабывший о всех своих призраках. Рухнул на колени перед женой, осторожно взял на руки крэга и принялся отогревать его своим дыханием.

— Да ничего, ничего, — послышался наконец шелестящий голос, — я просто испугался... Простите меня.

— Любовь моя, — проговорил Юрг, расправляя свернувшиеся, как шаль, крылья и опуская Кукушонка на плечи жены. — Ты таки доведешь меня до инфаркта.

Он поднял Сэнни и понес ее на корабль. Где-то на полпути обернулся и свистящим шепотом произнес, обращаясь к сидевшим вокруг костра:

— Я вас прошу, я вас умоляю: больше никакой самодеятельности...

В командорском корабле, который они захватили на Звездной гавани, царил прямо-таки неопиcуемый хаос. Привезенные с неведомых планет шкуры и кристаллы, затейливые шкатулки и запечатанные сосуды, скользкие ткани и цепкие веточки, напоминающие кораллы, были забыты здесь предыдущими космическими странниками, и неудивительно: ведь как раз тогда на Джаспере появились «звездные волки», перевернувшие историю всей планеты, мирно почивавшей под сенью крэговых крыльев.

От всей этой рухляди был расчищен только самый центр прозрачного пола, и именно здесь несколько часов тому назад Юрг и Сэнни, обнявшись, смотрели на расстилавшийся под ними затейливый ковер, сотканный природой Земли. А правее, у самой стены, в небольшом закутке, отгороженном расписными сундучками, сладко спал на шелковистой шкурке голопопый ненаследный принц двух планет. Юрг сдвинул ногой сундучки, прихватил еще пару шкур почище и, набросив на все это скрипучий шелк, опустил жену на импровизированное ложе. Пристроил у них в головах массивный каменный кумган — насест для Кукушонка, шепнул:

— Присмотришь за ними? А я ведь только сейчас сообразил, что с утра ни у кого во рту маковой росинки не было...

Утро подразумевалось джасперианское.

Перецеловав семейство, он со всех ног бросился к костру — слава богу, там хоть догадались подбросить в огонь сучьев и шишек. Разговор был более чем оживленный: обсуждалось нападение на принцессиново крэга. Предложения делались самые экстремистские: захватить керуб, подняться, вооружившись десинторами, выманить на себя хищную стаю...

— Уймись, — сказал Юрг, распечатывая ящик с консервами. — Во-первых, еще своих перестреляете. Во-вторых, надо беречь заряды — вряд ли наша техника обеспечит вам перезарядку оружия, а ведь нам возвращаться на Джаспер, где, возможно, ждут... А в-третьих, мы в заповеднике, где стрелять вообще запрещено. Разбирайте лучше банки, тут ветчина, крабики, печенка какого-то гада морского... Хлебушек самоподогретый. Кофе, чай зеленый, молоко кокосовое и дельфинье... Малага? Вот уж не помню, к чему подается. Ну, приступим, у нас говорят: утро вечера мудренее. Э-э, минуточку, консервные ножи и прочая посуда вот в этом контейнере!

Последняя реплика несколько запоздала: банки уже вскрывались кинжалами.

Ну, этим-то можно пренебречь. Она провела ладонями по волосам, плечам и ниже, пока не дошла до колен, щиколоток, кончиков пальцев ног, — и резким движением сбросила в *ничто* все это наваждение. Помогло.

— Ау-у! — пропела она, и Кукушонок, слетев с каменного наеста, занял приличествующее ему место на принцессиных плечах.

Первое, что бросилось в глаза, — громадный пушистый ковер, буквально засыпанный невообразимым множеством пестрых игрушек. Отыскать среди них блаженно воркующего Юхани удалось не сразу. Рожца малыша была измазана молочным продуктом неизвестного происхождения.

Сэнни мгновенно превратилась в разъяренную тигрицу:

— Кто кормил без разрешения?!

— Борб, — виновато прошелестел Кукушонок, словно сам акт кормления лежал на его совести. — Все это прислали... спец-рей-сом. Командор Юрген сказал: можно.

— Там, где речь идет о Юхани, командор — я!

Накинув первый попавшийся под руку плащ, она вылетела из корабля — и замерла, потеряв дар речи.

Прибрежная поляна, залитая жарким летним солнцем, напоминала ковер, усыпанный игрушками, столько здесь выросло разноцветных шатров, палаточек и навесов. Все это сверкало, лучилось и одновременно отталкивало своей праздничной, ярмарочной пестротой. Глаза невольно поискали отдыха и нашли его в серебристо-оливковой зелени раскидистого дерева, свесившего свои ветви над самой водой. На нижнем его суку, над самой озерной гладью, сидели два одинаковых лазурных крэга и белоснежными клювами оглаживали друг друга, время от времени подергивая хвостами, чтобы не коснуться ими воды.

Бросить своих хозяев среди бела дня? И это после того, в общем-то непрошеного, обещания, которое они дали джасперянам вчера вечером? Испокон веков считалось, что слово крэга нерушимо... Она поискала глазами тех, кого оставили их пернатые поводыри, и вдруг с

недоумением поняла, что веселая толпа звездных дружинников во главе со своим командором занимается не чем иным, как игрой в жмурки! Сбросив не только свои походные полускафандры, но и камзолы, они в одних рубашках галдели, прыгали и хохотали вокруг Киха, а он, нелепо взмахивая руками, метался от одного к другому, оступаясь, теряя равновесие, приплясывая и хлопая в ладоши.

Сияясь постичь происходящее, Сэнни высматривала хозяина второго синего крэга — это должен был быть Пы, и он...

Овальный бассейн, сверкающий аквамарином, расположился левее, за самыми дальними шатрами (невольнo мелькнуло: зачем бассейн, когда озеро — рядом?). На его бортике непринужденно расположился громадный землянин в белом непроницаемом скафандре; Пы в позе лотоса сидел у его ног. Одной рукой в тяжелой перчатке землянин держал Пы за сивый чуб, в другой был поднят сверкающий на солнце кинжал...

Состояние общего безумия ошеломило ее.

— Всем стоять! — крикнула она, вскидывая руки.

Все замерли, и один только Ких медленно повернулся к ней и с блаженной улыбкой двинулся на ее голос, самозабвенно повторяя:

— Принцесса... Принцесса... Принцесса...

Он шел неуверенно, словно земля под его ногами качалась и проваливалась; он спотыкался, с трудом удерживая равновесие, но ни разу не потерял направления. Приблизившись к принцессе, он опустил на одно колено, схватил ее руку и прижался к ней горячим лбом. А когда он снова поднял лицо, устремив на мону Сэниа лучистый мальчишеский взгляд, она внезапно поняла, что эти глаза *видят*.

— Но как же это? Как? — твердила она, тоже опускаясь на колени и обхватывая его голову, и, только наткнувшись на холодок металла, она обратила внимание на тонкий обруч, спрятанный в волосах и заканчивающийся двумя спиралями, прижимающимися к вискам. Его можно

было принять за украшение, но матовый лак телесного цвета делал его почти незаметным.

Тяжело бухая молочно-белыми ботфортами, подбёжал гигант в скафандре и, покосившись на Киха, тоже рухнул перед принцессой на колено и, бережно охватив ее маленькую руку суставчатыми клешнями, прижал ее сначала к щитку шлема, а затем к тому месту, где и у джасперян, и у землян находилось сердце.

— Э-э, Стамен, — крикнул, подбегая, Юрг, — кончай разыгрывать д'Артаньяна, приревную!

Все трое поднялись, вложив в это движение различную степень грациозности.

— А можно мне?.. — порывисто обернулась мона Сэниа к незнакомцу.

— Разумеется, Ваше Величество!

— Да кончай ты с этими китайскими церемониями! — прикрикнул на него Юрг. — Сэнни, это Стамен Сиянов, наш космодромный эскулап. Стамен, это Сэнни. А чтобы надеть этот прибор (по-нашему «офит»), надобно расстаться с частью шевелюры, иначе контакта не будет.

— Скальп снимать не обязательно. — Голос Стамена доносился не из-под щитка скафандра, а из ячеистой пластинки, вшитой в толстую защитную ткань где-то на уровне желудка. Это было так непривычно, — джасперяне, впрочем, как и земные слепцы, с детства привыкают оборачиваться точно на источник звука.

Сэнни поймала себя на том, что она все время кивает головой, — необыкновенная внешность Стамена притягивала взгляд, а голос тут же заставлял опускать лицо книзу. Хотя — о внешности как раз говорить было труднее всего: как ни силилась Сэнни, но под щитком она могла разглядеть только широко распахнутые золотисто-кофейные глаза, да изредка промелькивали необычно яркие для уже немолодого человека губы.

А все остальное была — грива. Иначе не назовешь. Как он дышал в шлеме, забитом черной копной, в которой были абсолютно неразделимы брови, усы, бородачи и смоляные кудри, оставалось загадкой.

По-видимому, для Стамена — тоже.

— Кроме шуток, — пояснил Юрг, — на голове надо выбрить узенькую полосочку над ушами, от виска до виска. Вы, женщины, этот изъян спокойно замаскируете. Ну так как, прикажете побрить-с?

Принцесса глянула на собственную дружину — как-никак, у нее на глазах проявляли явно недостаточное почтение к особе королевской крови; но у всех на лицах светилось такое радостное облегчение, что она чуть было не кивнула.

— Этот... офит — он единственный? — обратилась она к Стамену.

— В данную минуту — да, но сюда уже мчатся посылки из всех уголков Земли — как говорится, по суше, по воде и по воздуху.

«Древние боги, — мелькнуло в голове у Сэнни, — почему они не обратились к нам? Достаточно было бы одной нашей воли, и этот бесценный груз через несколько секунд был бы здесь, на острове».

Но вслух она произнесла:

— Тогда этот офит принадлежит Киху. Остальные получают их по старшинству, я — последняя.

Это было сказано так по-королевски, что стало ясно: приказ обсуждению не подлежит. А «по старшинству» — это, по традициям Джаспера, значило, что начинать надо с младшего.

— Да вы не волнуйтесь, милая, — пророкотал Стамен, наклоняясь над ней, — на всех хватит: мы провели компьютерный сбор данных и обнаружили на всяких складах, в клиниках и лабораториях около восьми тысяч этих игрушек. На всех хватит, потому как всё — ваше!

— И уже с утра все фирмы, выпускающие офиты, заработали на полную мощность, — добавил Юрг. — Было бы куда грузить!

Мона Сэнни безотчетно провела тыльной стороной ладони по лбу — самый большой страх был позади.

— Что ты?.. — забеспокоился Юрг.

— Я в порядке. Сейчас окунусь... — Она неопределенно махнула рукой в сторону озера.

— Не пренебрегайте дарами нашей отсталой цивилизации, — несколько неуклюже пошутил Стамен. — Этот бассейн был собран по специальному заказу всего за одну ночь, а вода доставлена из горных озер!

— Да, да, — суетливо подхватил Юрг, — талая вода, говорят, улучшает цвет лица, а в этой луже — сплошная тина...

Да что они так беспокоятся? Она обернулась к синей глади, отнюдь не обещавшей тины и прочего безобразия, и нахмурилась: на расстоянии двух полетов стрелы от берега неподвижно замерла цепь небольших серебристо-серых корабликов. Похоже было, что они окружают весь остров.

— Небольшая предосторожность, — беспечно заметил Юрг. — Без этой охраны здесь уже было бы больше непрошенных гостей, чем по ночам — комаров.

— Кстати о гостях, — встрепнулся Стамен. — Как говорится, первый визит должен быть непродолжительным. Пора мне восвояси, а я совсем запарился. Пока долечу, пока то да се...

— Хочешь сказать, что в вошебойке часа четыре промаринуют? — ухмыльнулся Юрг.

— Да не иначе, по полной живодерской программе.

— Сопливчики свои не забудь, кровопийца!

Мона Сэниа слушала весь этот неестественно оживленный треп, широко раскрыв глаза. Что-то они слишком беспечны. Ощущение фальши снова возникло, как болотное марево.

— Всегда рада буду вас видеть, Стамен, — приветливо кивнула она, ничем не выдавая своего беспокойства.

Окружавшая их дружина, как по команде, склонилась в почтительном поклоне. Они слишком плохо знали земной язык — случайные фразы, боевые команды. Поэтому сейчас по их непроницаемым лицам нельзя было судить, ощутили ли они ту же тревогу, что и их принцесса, или нет.

— А вот и моя жужелица. — Стамен кивнул на толстую белоснежную стрекозу с жирным алым крестом на брюхе. — О, смотрите-ка, вам первая партия из Елгавы!

Брюхо стрекозы разошлось так, что красный крест четко разделился надвое, и на почти невидимом тросике вниз поплыла коробка, на которой с одной стороны были нарисованы три бокала, на другой — чаша со змейкой, а с третьей довольно корявая — видимо, сделанная наспех — надпись: «Глядите на здоровье!» — и еще что-то, помельче, что пока нельзя было разобрать.

Коробка очень осторожно легла на желтый матрац, тросик взметнулся вверх, и спустился большой зеркальный шар. В нем открылся люк, и Стамен, подхватив какой-то замысловатый контейнер, побрякивающий своим содержимым, полез туда со скрипом и стонами. Наконец люк захлопнулся, шар вознесся вверх и исчез в стрекозином брюхе.

Юрг ударил себя кулаком в ладонь.

— Есть контакт! — заключил он с выражением полнейшего удовлетворения. — Малыш, давай-ка быстренько завтракай, и мне надобно показать тебе одно местечко тут неподалеку...

— А в чем дело?

— Да нет, не волнуйся, это тут, в лесу... Маленькая такая избушка, егерь в ней останавливается, когда остров инспектирует. Там, говорят, превосходная ванна, если не хочешь плескаться у всех на глазах.

— В маленькой-то избушке?

— Там увидим. Давай по-быстрому, вот кофе, тосты, персики, я кое-что прихвачу на дорогу... — Он уже рассовывал всякую снедь по карманам.

— Да что за спешка такая?

— Ничего особенного, просто сейчас все твои ребята будут заняты разборкой офитов и бритьем, а мне хочется перекинуться с тобой парой слов подальше от этих птичек, которые мне, прости меня, Кукушонок, до чертиков надоели.

Она машинально отметила про себя: не «наши ребята», а «твои»...

— Тогда идем, — решила она. — Все равно я ничего не хочу, кроме фруктов, — у меня такое ощущение, словно

я слегка отравилась... Видимо, чужой воздух. Нет, нет, ничего серьезного.

Он схватил ее за руку и буквально потащил к лесу.

— Эй, счастливики, разбирайте пока подарки! — крикнул он, обернувшись. — В розовых коробках с разной бижутерией — это для дам, а для мужиков — в голубых, попроще. Остальное закиньте в помещение, только чтобы Юшка до них не добрался. Ну, а мы ненадолго... Поздняя земляничка поспела.

Узенькая тропинка, усыпанная прошлогодней хвоей, не позволяла идти рядом. Сэнни, шедшая первой, переступила через узловатый кедровый корень и, не оглядываясь, бросила через плечо:

— Ты совершенно не умеешь вести себя в лесу: ступаешь бесшумно, а дышишь как загнанный кентавр!

— А тебе приходилось загонять кентавров?

— Да уж... — помрачнела мона Сэниа — воспоминания, разом нахлынувшие на нее, нельзя было назвать отрадными. — Так о чем ты хотел со мной посекретничать?

— Ну-у... ни о чем конкретно.

Она резко остановилась и обернулась к нему:

— Что ты скрываешь от меня, Юрг?

— Да ничего я от тебя не скрываю. Но, насколько я понимаю, что-то скрывают от нас. Вчера вечером, когда ты так царственно удалилась, Президент спросил меня: мы говорим с глазу на глаз? Я как-то подумал о крѣгах — ведь никто не знает, на каком расстоянии они могут подслушивать, и с полной уверенностью не мог сказать ни «да», ни «нет».

— А он?..

— Он сказал: тогда отложим разговор до личной встречи.

— И как ты думаешь, что он намеревался тебе сообщить?

— Сэнни, сказка моя, я сейчас мечтаю совершенно о другом! Собственно говоря, я об этом мечтаю с момента приземления. Я потому в последний момент и переменял

место посадки, что в степи нет ни кустарников, ни укромных полянок. А мне просто необходимо было утащить тебя подальше от всей твоей буйной оравы, пока каждый наш шаг не стал достоянием общественности.

— Ты хочешь сказать, что на нас будет любоваться все население твоей планеты, как в королевском зверинце?

— Боюсь, дорогая моя, что это еще мягко сказано. Сначала мы будем гостями Президента, затем, по собственному выбору, любые уголки Земли — всем кагалом или поодиночке, это уж нам самим решать. Кстати, туристические проспекты уже сброшены, и в невероятных количествах. Ких уже освоил видеотехнику, ему понравилось по младости лет.

Лицо моны Сэниа исказила горькая усмешка:

— До чего ты переменялся, эрл Юрген! Разве Президент — это первый человек, которого мы должны посетить?

— А у тебя встречные планы, солнышко мое? — спросил он игриво, обнимая ее за плечи и настойчиво притягивая к себе.

Она решительно освободилась от его рук и сделала шаг назад:

— Как ты мог забыть о вдове эрла Юхана, твоего названного брата?

Он помрачнел:

— Прости меня, я не хотел тебя расстраивать в первый наш день... Мы не сможем с ней встретиться. Она больна. Она в клинике.

— А что такое — клиника?

— Клиника — это такое заведение, куда помещают людей, у которых сходные болезни.

— Это вроде кладбища, да? Но как больной может поправиться, если его к тому же еще и увезли из дома?

— Ну, там много врачей, специалистов, аппаратура всякая... Знаешь, кое-кто выживает.

— Перестань паясничать! Этой несчастной женщине сразу станет легче, если мы расскажем ей о том, как все это время жил ее муж и как самоотверженно он пошел на

смерть. Или ты и это забыл? Ведь нет ничего страшнее, чем неизвестность, особенно если это касается любимого человека.

— Сэнни, малышка, ты права, как всегда... Но мы не сможем ей ничего рассказать. Она не просто нездорова. Она никого и ничего не узнаёт. Она в клинике для душевнобольных.

Мона Сэниа долго молчала, потом подняла руку и потерла шрамик на лбу — это движение уже вошло у нее в привычку.

— Значит, кто-то на твоей Земле умеет любить сильнее, чем на Джаспере, — проговорила она совсем тихо. — Прости, эрд Юрген, я хотела бы вернуться.

— Четыреста чертей, Сэнни, да посидим хотя бы просто так, вон мох пушистенький, и совсем не сыро, я земляники наберу; воздух какой, это ж самый пахучий день лета, одуреть можно, весь лес точно ромом настоящий, голова кругом, Сэнни, это ж просто грех на такой заповедной поляне — да не...

— Прости, — повторила она, сделала шаг в сторону и исчезла. Крошечный паучок сорвался с ветки и, пролетев перед самым носом командора, невидимой паутиной перечеркнул все знойное чародейство этого июньского леса.

Юрг мотнул головой, как застоявшийся конь, и понуро побрел обратно. На тропинку выкатился ежик-сосунок; он был настолько еще глуп, что, ткнувшись в сапог, не свернулся, а суетливо задергал носиком, совершенно потрясенный сладостным запахом джасперианской ваксы.

— Двое нас, идиотов, — сказал ему Юрг и, осторожно перешагнув через малыша, направился к озеру.

Вечерело. Мона Сэниа заканчивала обход всех помещений корабля, придиричиво высматривая, что еще можно было оставить на Земле до следующего прилета, чтобы в первом рейсе переправить на Джаспер как можно больше офитов. К счастью, отправляясь в этот полет, они не смогли захватить с собой никаких личных вещей, и здесь

было только то, что забыли их предшественники, вернувшиеся неведомо из каких далей. Диковинные тяжелые шкуры, каменную посуду и слитки золота она уже безжалостно выбросила, и теперь остановка была за тусклыми, поцарапанными шкатулками и коваными, изрядно помятыми сундучками. Похоже было, что этим вещам уже не одна сотня лет, и если уж их взяли с собой, то они наверняка хранили что-то весьма ценное и редкостное.

Не такая уж это была тяжесть, да и места они занимали сравнительно немного. Мона Сэниа задумчиво приоткрыла одну из шкатулок, и глаза ее удивленно расширились: на дне, в специальных углублениях, лежали три кинжала. Всё бы ничего, простые костяные рукоятки и добрая на первый взгляд сталь, но у одного кинжала было одно лезвие и один клинок, у второго, обоюдоострого, было два клинка, а третий, трехгранный, и вовсе напоминал испанскую трехзубую вилку.

Столовые приборы для великанов?

Она выбрала средний, двухклинковый; отполированная бесчисленными прикосновениями рукоять как будто сразу вжилась в ладонь — рука не слушалась, когда мона Сэниа всеми силами пыталась заставить себя положить оружие на место. Такой кинжал грех было не попробовать. Она оглянулась, подыскивая подходящую мишень. На полу валялась медная бляшка, не то монета, не то медаль; принцесса, не целясь, ударила, уже в момент размаха пожалев, что может испортить такой прекрасный клинок, и едва не вскрикнула: мало того, что толстый медный овал превратился в щепотку пепла, но и ковер, куда вонзилось второе острие, вспыхнул и обуглился, как от десинторного разряда.

И рука сама собой разжалась, выпуская магическое оружие. Нет, такое добро до следующего раза оставлять было никак нельзя. Извечное женское любопытство заставило ее заглянуть в горбатый сундучок, но ее ждало разочарование: там оказались детские игрушки. Это были маленькие фигурки животных, умело изготовленные из кожи и меха. С ними, несомненно, забавлялись: кое у кого

были повязаны бантики из замурзанных, вылинявших ленточек, на других надеты ошейники и браслеты из оловянной и золотой фольги, готовые рассыпаться от ветхости шерстинки с изумрудными бусинами.

Человеческих фигурок среди этого игрушечного зверинца не обнаружилось.

Мона Сэниа хотела уже прегратить тешить свое любопытство, но витиеватые надписи на незнакомом языке, изукрашившие ароматный ящик, заставили ее заглянуть и туда.

На черной вате змеились сверкающие всеми цветами радуги цепи. Они, несомненно, были отлиты из стекла, тем более что на каждой красовался прозрачный хрустальный колокольчик. Затаив дыхание, она двумя пальцами потянула из этого искрящегося вороха тоненькую аметистовую цепочку. Сиреневый колокольчик с агатовым пестиком, казалось, был готов издать нежнейший из звуков, недоступных ни людям, ни птицам; поднеся к уху это хрупкое чудо, Сэнни легонечко встряхнула его, но вместо ожидаемого звона над ухом раздались голоса — шепчущий хор, замысловатое переплетение десятка скороговорок...

От неожиданности ее пальцы разжались, и сиреневая змейка, точно перышко ее первого крэга, плавно скользнула вниз. Мона Сэниа вскрикнула, ожидая неминуемый звон бьющегося стекла, но цепочка, словно невесомая, качалась в воздухе, опускаясь наземь плавными кругами, как падает осенний лист. Едва коснувшись пола, она вдруг разомкнулась, колокольчик нацелился на свое хранилище, и аметистовое существо — Сэнни уже не поручилась бы, что оно не живое, — зазмеилось, как плывущий уж, перепрыгнуло через стеночку ящика и свернулось на черной вате.

Ящик захлопнулся с каким-то удовлетворенным прищмокиванием.

Нет, даже разглядывать все эти диковинки вот так, наспех, было невозможно. «Отложим до лучших, спокойных времен», — сказала себе принцесса.

Кукушонок на ее плечах слегка шевельнулся и тихонечко вздохнул. Если он читает ее мысли, то эти «спокойные времена» ему кажутся весьма гипотетическими...

Движение пернатого друга вернуло мону Сэниа к первоочередной проблеме: солнце, наверное, уже садилось, а Юрг так ничего и не придумал. Крэги требуют вечернего полета, а кто поручится, что из черной кипени леса не возникнет снова смертельная угроза?

Она раздвинула послушную стену корабля и выпрыгнула наружу. Солнце действительно садилось. Похолодало. Поднялся несильный ветер. Но в лесу никакого шевеления. Пронзительность вечерних запахов — вероятно, местные цветы. «Древние боги! — вдруг пронеслось у нее где-то на самом доньшке сознания. — С тех пор как я здесь, я мыслю и чувствую, как... как оживший серв!»

Нет. Это просто безумная усталость. И не просто прекращающаяся тревога за Юхани, да в какой-то степени — и за всех своих товарищей по звездным скитаниям.

Она, отрекшаяся от королевского родства, решала сейчас судьбу всего Джаспера.

Кукушонок снова тихонечко вздохнул (научился у людей, бедняга!) — видно, горевал о том, как мало он может ей помочь.

Принцесса, оглянувшись по сторонам, с некоторой горечью констатировала, что ее обеспокоенность судьбами родной планеты, пожалуй, никем из присутствующих не разделяется. Молодежь торчала у видеозэкранов, увлеченно исследуя самые экзотические туристские маршруты, старшие — Эрм, Скюз и Флейж, приладив офиты, осваивали трудности прямохождения. Сэнни отметила про себя, что завтра же с утречка выберет себе обруч поскромнее и постарается выяснить, что так мешает координации движений, — ведь если они не будут чувствовать себя как рыба в воде, нечего и думать о возвращении, где им через несколько минут уже могут навязать бой.

Беспечнее всех выглядел ее супруг — он то разглядывал слоистые, поджаренные снизу вечерние облака, то обращал насмешливый взор на дружинников. Выглядели

они действительно довольно причудливо — ни один не выбрал себе неприметный, телесного цвета обруч; напротив, они словно нарочно выискали самые яркие, раскрашенные в цвета их собственных крагов, офиты.

Эрм был увенчан серебристо-серой конструкцией с пурпурными завитками.

Скюз предпочел однотонный, перламутрово-голубой.

Флейжу посчастливилось откопать полосатый, изумрудно-оранжевый.

Похоже, эти офиты прибыли не в голубых коробках...

— Не вижу повода для веселого маскарада, — холодно проговорила принцесса.

— А ты садись рядышком и подожди, — предложил Юрг, похлопывая по упругому желтому матрацу. — Повод с минуты на минуту ожидается. А, вот и он, голубчик!

Черная точка, вынырнувшая из-под облаков, стремительно приближалась. Юрг вскочил с матраца и предусмотрительно попятился. Сверху уже спускался очередной контейнер.

— Кажется, мы со Стаменом нашли решение проблемы — я имею в виду безопасность крагов. Ага, вот оно!

«Оно» было самой обыкновенной объемистой сумкой, которая шлепнулась рядом с контейнером. А следом из воздушной кабины выметнулось мальчишеское гибкое тело, сделало в воздухе сальто и приземлилось точно в центре «посадочной площадки».

Несколько пружинящих прыжков, как на батуте, и он спрыгнул на утоптаный песок. Задрал голову, сложил рупором ладони и издал гортанный клич, похожий на лебединый клекот:

— Гуен! Гуен!

Из кабины камнем выпал какой-то неопределенный пушистый ком; над самой землей этот ком расправил крылья и превратился в громадную хищную птицу, скорее всего напоминающую сову. Плотно кося на притихших зрителей черным, отнюдь не совиным глазом, она заложила несколько крутых виражей над их головами, словно прикидывая себе меню на ужин.

— Гуен, — позторил мальчик укоризненно и раскинул руки.

Исполинская белая тень зависла над ним, мелко трепеща крыльями, точно жаворонок, и стало очевидно, что размах этих крыльев несколько шире, чем раскрытые руки его хозяина. Затем последовало неуловимое пике, и вот уже пернатое чудище заняло явно привычное место на подставленном ему плече.

— Она будет телохранителем ваших птиц, — чуть грустируя, звонко и властно проговорил мальчик. — И на нее можно положиться.

И все джасперяне склонились перед ним так почтительно, как, пожалуй, кланялись только принцессе.

И тут только мона Сэниа поняла, что никакой это не мальчик, а девушка.

Совсем юная девушка.

И недопустимо прекрасная.

III. УЩЕЛЬЕ МЕДОВОГО ТУМАНА

Первым из естественного шока начал выходить Юрген.

— Стамен показывал мне голограмму, — пробормотал он, — но я и представить себе не мог...

Было совершенно непонятно, относится ли это к девушке или к птице. Командор встряхнулся, как мокрый петух:

— Знакомьтесь: Таира Сиянова, в ряду немногочисленного пока потомства доктора Стамена — дочь младшая, любимая. Прямо как в сказке...

— Старшая, — мягко поправила его докторская дочь. — Тем не менее любимая. А теперь мне нужно, чтобы здесь собрались все — и люди, и птицы.

Старшие дружинники, чьи крэги отдыхали в каютах, пока их хозяева осваивали свои офиты, бросились к кораблю, спотыкаясь и налетая друг на друга. Через секунду они уже мчались обратно с крэгами на сгибе локтя.

Девушка повернулась на каблуках и очутилась нос к носу с моной Сэниа.

— Все! — повторила Таира.

Принцесса не двинулась с места.

— Сэнни, принеси Юхани, — сказал Юрг.

Мона Сэниа словно окаменела. Ей приказывали. Ей приказывали на глазах всей дружины, не говоря уже о собственном муже. И она должна повиноваться — ради Джаспера. Ради Джаспера, черт побери, королевой которого она рано или поздно будет!

Мимо протюхал Юрг, направляясь за сыном. Мона Сэниа так и стояла не шевелясь, потрясенная теперь уже не происходящим, а той нелепой, невесть откуда взявшей-ся мыслью, только что промелькнувшей в ее мозгу.

Да на кой черт ей королевская корона?

Кукушонок беспокойно завозился — видно, прочитанная им принцессина мысль привела и его в смятение. Но и остальные крэги вели себя, мягко говоря, нетрадиционно: они встряхивались, охорашивались, бесцеремонно разглаживая себе клювами перышки, а фиалково-голубой красавец Скюза даже по-павлиньи развернул хвост, явив до сих пор не виданные никем черные глазки с лимонными лунками.

— Пожалуйста, встаньте вокруг меня, — попросила Таира, тихонечко оглаживая свою питомицу. — Так. Так...

Подбежал Юрг с малышом. Тот выгибался, потягиваясь, — не вовремя разбудили; уже знакомые с его манерами островитяне приготовились услышать трубный рев.

— Ой, — сказала Таира, увидев сморщенную рожицу, — Юрий Михайлович, а как его зовут?

— Юхани, — сказал гордый отец. — Можно — Юшка.

Девушка наклонила голову к правому плечу (на левом восседала Гуен), по-соловьиному щелкнула и показала представленному ей джентльмену кончик языка.

— Ю-ю! — позвала она.

Ненаследный принц дрыгнул голыми пятками и засмеялся.

«Если она возьмет его... — пронеслось в голове у моны Сэниа. — Хотя — что тогда?»

— А теперь постойте немножечко спокойно, — велела укротительница сов. Все замерли.

— Ррыжикррыжикррыжик... — Казалось, в горле у Таиры одновременно перекатываются хрустальная горошина и шершавый абрикос. Продолжая издавать эти странные звуко сочетания, она медленно поворачивалась на каблуках, так что зоркие немигающие глаза белоснежной птицы попеременно останавливались на всех присутствующих — как на людях, так и на крѣгах.

— Вот и все, — сказала девушка. — Гуен запомнила вас и будет служить любому прекрасной охраной, днем и ночью. Для того она и создана.

Было заметно, что ей уже не раз приходилось демонстрировать способности своей подопечной. Хотя — кто под чьей опекой находился?

— Может, так сразу и попробуем? — спросил Юрг. — Или она в сумерках уже не очень?..

— Она всегда даже очень, — высокомерно отрезала Таира. — Гуен, мышку заработать хочешь?

Птица встрепенулась, отчего стала раза в полтора объемистее. Сейчас все беззастенчиво разглядывали ее, дивясь черным сверкающим глазам, которые словно лежали на тарелке, устланной перьями, и страшным голубоватым когтям, сжимавшим что-то вроде эполѣта из толстой кожи, прикрепленного к левому плечу рыжей курточки с зеленым воротником, совсем как у стрелков Робин Гуда; но больше всего поражали три хохла на голове, образующие своеобразную корону, — два «уха», как у филина, и затылочный гребень, отличающий орла-скомороха.

Если бы кто-то из присутствующих, кроме Сияновой-младшей, разбирался в орнитологии, такое сочетание показалось бы ему просто издевательством над всем сонмом земных хищных птиц, как дневных, так и ночных. Но здесь знатоков не наблюдалось, а были только зрители в той или иной степени благоговейного изумления.

— Меня просили поторопиться. — В голосе девушки послышался упрек, к которому примешивалась легкая на-

смешка, — видно, перед мощью когтей и клюва Гуен приходили в замешательство сплошь и рядом.

Все присутствующие невольно обернулись к принцессе, ожидая ее решения. Кукушонок встрепенулся и поднял хохолок, что сделало его похожим на венценосного журавлика.

Принцесса выдержала паузу.

— Скюз, ты увереннее других чувствуешь себя без крэга, — проговорила она тоном, не терпящим возражений, — отпусти своего поводыря.

Скюз тряхнул своими соломенными кудрями, тщательно уложенными поверх обруча, и подбросил вверх своего голубого пернатого спутника — тот радостно взмыл в темнеющее небо, и алые лучи наполовину скрывшегося за горизонт солнца на миг превратили его фиалковый наряд в аметистово-лиловый.

У моны Сэниа сжалось сердце — на миг ей показалось, что над нею трепещут крылья ее оставленного на Джаспере крэга. Что-то с ним?..

Но ее так не к месту возникшие реминисценции были прерваны властным кличем:

— Фу-гу, фу-гу! — И громадная птица толчком взмыла в небо, так что Таира чуть качнулась и привычно спружинила на сильных, натренированных ногах.

Крепенькая девочка, ничего не скажешь, — такой старт мог бы повалить и взрослого мужчину. Но если она обучала свое пернатое страшилище начиная с птенцового нежного возраста, то можно было если не привыкнуть, то во всяком случае приспособиться.

Гуен стремительно пошла на сближение с крэгом, как тяжелый штурмовик времен последней мировой войны, но в последний момент резко взяла в сторону и принялась описывать мягкие круги чуть ниже своего подопечного, зорко приглядываясь ко всему, что могло появиться со стороны леса, окружавшего, если не считать узкой береговой полоски, стоянку джасперян.

Жемчужно-голубое игривое создание решило, вероятно, проверить маневренность своего спутника: последовал

каскад фигур такого изощренного птичьего пилотажа, что даже выдавшие виды дружинники разинули рты. Изящный круг так и вился вокруг степенно парящей снежной совы, то касаясь ее кончиком крыла, то нацеливаясь клювом прямо в хохолок, то крутым штопором уходя прямо в зенит, навстречу первым, едва-едва проклюнувшимся звездам.

Юрг вдруг хлопнул себя по бедру и захохотал:

— Провалиться мне на этом самом месте, други мои, если Скюзов пират не пытается склеить эту совушку!

Он бросил на Таиру быстрый косой взгляд и добавил уже по-джасперянски:

— Вот не думал, что круги могут быть такими отъявленными бабниками! Смотри, Скюз, не последуй его примеру — я перед Стаменом в ответе...

Скюз смущенно зарделся, что в сочетании с льняными кудрями, подхваченными лазоревым обручем, делало его окончательно похожим на Леля с поправкой на космическое происхождение. Лель. Юрг хмыкнул — уже про себя, — припоминая, как на заре своей супружеской эпопеи отрешивался от роли Мизгирия... Он обернулся к жене и поразился окаменелости ее лица. Сейчас ей смело можно было дать лет на десять-пятнадцать больше, чем было на самом деле.

— Здесь все наладилось, — проговорил он как можно мягче, — не пора ли на отдых?

Она сделала вид, что не слышала. А может, так и было?

На фоне пепельно-сапфирового неба замелькали низкие тени — вчерашняя стая то подымалась из купы прибрежных тополей, то опасливо убиралась обратно.

— Летучие мыши, — констатировала Таира.

Юрг уловил недоумение, вызванное столь нелепым для джасперян сочетанием:

— Совершенно безвредные зверьки, они и мухи не обидят!

Девушка расхохоталась звонким, чуточку гортанным смехом — от души и совсем не обидно:

— Вот уж с точностью до наоборот! Если они кого и обижают... Но если они вас смущают, для нас с Гуен это дело пяти минут. Гуен!

Команда была выполнена мгновенно — громадная птица зависла в воздухе, точно пустельга, выжидающе склонив голову вниз.

— Чакыр-ррыжж, чакыр-ррыжжж... — Звуки, издаваемые девушкой, вряд ли можно было однозначно передать буквами человеческого алфавита; во всяком случае, Юрг взял себе на заметку, что, кроме джасперианского, неплохо бы овладеть и птичьим языком.

Между тем Гуен не торопилась; она поднялась несколько выше присмирившего крэга, потом спикировала прямо на него, вытянув лапы в роскошных пушистых штанах; в какой-то момент оторопевшим зрителям показалось, что сейчас она вцепится своему подопечному прямо в бирюзовую спинку, но вместо этого она ударила мощными крыльями, и воздушная волна погнала крэга вниз, к земле. Еще один удар крыльев, и еще, — постепенно снижаясь, она четко загоняла вверенное ее охране существо под большой пластиковый навес. Добившись желаемого результата, она развернулась и устрашающе щелкнула клювом, как бы говоря крэгу: вот так и сиди!

Крэг сел на какой-то бочонок и замер в полной прострации. Так с ним еще никто не обращался.

А Гуен взмыла вверх и помчалась к тополям. Несколько шумных взмахов крыльями, хохочущий вскрик — и стая летучих мышей шарахнулась в сторону и помчалась выбирать себе новую территорию обитания.

Таира удовлетворенно развела руками — прошу вас, заказ выполнен; спохватившись, бросилась к своей сумке и торопливо достала оттуда кожаный мешочек. Гуен бесшумно приблизилась и принялась выписывать восьмерки у нее над головой, так что короткие каштановые волосы девушки пришли отнюдь не в художественный беспорядок. Таира сунула руку в мешочек и, поморщившись, вытащила оттуда за хвост жирную белую крысу.

— Держи, заслужила, — крикнула она, отшвыривая крысу подальше к бассейну и пригибаясь.

И вовремя: Гуен перешла на бредущий полет, догоняя трюхающую вперевалку жертву, потом взмыла вверх — на песке уже никого не было.

Она тактично удалилась к одиноко стоящей сосне и повернулась спиной к зрителям — вероятно, чтобы не вызывать у них чувства законной зависти.

— Фу, — выдохнул Юрг, — при ребенке...

— А вы что, собираетесь воспитывать у него какие-то иллюзии? — искренне удивилась Таира, подымая свои и без того круто изогнутые брови. — погоди, Ю-ю, я еще научу тебя летать на птицах! Надо будет только придумать крепления.

Кое-кто из джасперян негромко рассмеялся.

— А почему — нет?

— Для того чтобы летать, у нас есть крылатые кони, — обронила мона Сэниа.

Это были ее первые слова, обращенные к Таире. И все отметили, что произнесены они были не без высокомерия.

Девушка пожала плечами — крылатые кони. Вероятно, она что-то не так поняла. И это на той, неведомой для нее, планете значит то же, что на Земле — летучие мыши.

Гуен покончила с ужином и принялась чистить перышки.

— Запускайте теперь сразу двоих, — велела Таира. — А то моя малютка сейчас подлетит и плюхнется мне на плечо. А я не успела приготовить насест.

Присутствующие сообразили, что финиш полета обязательно будет таким же убойным, как и старт. Два крэга, серый и изумрудный, устремились в небо, а Эрм и Флейж наперебой принялись предлагать их защитнице ту или иную конструкцию места отдыха, приличествующего ее характеру и габаритам.

— Ни-ни, — остановила их Таира мановением руки, не менее царственным, чем сделала бы это мона Сэниа. — Не надо ни Эвереста, ни Арарата. Ближайшая палатка

мне подойдет, у входа нужно вкопать пару чурбачков покорявее да прикатить вот такой валун.

Короткий рыжий сапожок пнул нечто среднее между каменным кувшином и скифской бабой — еще один экспонат инопланетной коллекции, выброшенной из корабля.

Работа закипела.

Между тем два крэга кувыркались в потемневшем небе, ставя перед Гуен нелегкую задачу — кого оберегать в первую очередь. Но поскольку их могучая охранительница была незнакома с буридановой логикой, ей пришлось превратить траекторию своего полета в весьма удлинённый эллипс, чтобы не обходить вниманием ни одного из подопечных. Однако вскоре ей это надоело, и она мощными взмахами крыльев погнала их поближе друг к другу.

— В идеале хорошо бы иметь сразу двух сторожей, — задумчиво проговорил Юрг: — один следит за горизонтом, другой наводит порядок в коллективе...

Мона Сэниа резко повернулась к нему, буквально выхватив из его рук притихшего сына. Еще одна птица — это значит, что еще одна...

— Да, — спохватился Юрг, — давно пора кормить! Хотя спать на свежем воздухе ему было бы полезно — пусть привыкает, ему ведь на роду написано быть звездным дружинником.

Мона Сэниа слегка запрокинула голову, глядя мимо мужа на поднимающуюся из озера луну. Белые сторожевые кораблики, так и не ушедшие со своего поста, казались теперь водяными жуками. Ни на одном не светилось огней — вероятно, чтобы не привлекать внимания обитателей... или пленников этого острова. Она презрительно усмехнулась; им, этим землянам, известно, что джасперянина не удержать в плену. Выходит, они просто в это не верят? Забавно было бы продемонстрировать им обратное... Но нет. Джасперу, ее Джасперу нужны офиты. Это — прежде всего.

— Когда крэги закончат ночную прогулку, — проговорила она повелительно, — всем собраться в моем шатре.

Нужно выбрать место на Джаспере, где мы устроим тайник.

Формулировка и тон приказа говорили о том, что разговор касается только джасперян.

— Владетельная принцесса, — робко заметил Ких, — а не следует ли укрыть эту диковинную птицу на корабле?

— Не следует, не следует, — раздался насмешливый голос Таиры, — нагадит.

Мона Сэниа сделала резкое движение в сторону — и исчезла вместе с сыном.

Таира, потрясенная увиденным, медленно опустилась на пятки, покачалась-покачалась и села на землю.

— Агура-мамелюк и хвост шайтана в глотку, — проговорила она мечтательно. — Мне бы такое!

— Этому нельзя научиться, сам старался, — вздохнул командор. — А вот кто тебя научил так ругаться?

— Прабабушка.

— Достойная старушка! Она у тебя кто?

— По профессии? Нет, не цирковая дрессировщица, как вы подумали. Она — ювелир. Между прочим, магистр цеха Верных фабержьеров, блюдущих чистоту ушедшего.

Торжественная размеренность, с которой она произносила это замысловатое и не вполне понятное именование, показала, как ей хочется сквитаться с джасперянами за сказочную царственность их повелительницы. Юрг вздохнул: в детстве все мы немножечко роялисты...

— Впрочем, завтра сами увидите, — сказала Таира, подымаясь с земли. — Прабабуля готовит офит специально для вашей жены, меняет цвет эмалей — говорит, обязательно требуется гиацинтовый оттенок... Кстати, как мне к ней обращаться? Сэниа... а отчество?

— У нее нет отчества.

— Это как же?..

— У отца владетельной принцессы Сэниа нет имени, — ровным тоном церемониймейстера проговорил Эрм. — Королям Джаспера не требуется имя.

— Ну дела... Но вопрос остался открытым. Что же мне, называть ее «тетя Сэнни»?

— Ох, — сказал Юрг, — только не так. Это меня ты зови дядей Юрой, оно будет соответствовать... Зови как все: мона или принцесса. Один... — он поперхнулся.

«Мона Капризуля», вот бы подошло. Что ей ни скажи, всё выворачивает наизнанку. И что на нее нашло на Земле?

Таира поглядела на то место, где исчезла принцесса, и завистливо вздохнула:

— Нет, дано же некоторым... Беати поссидэнтес!

— Что, что?

— Счастливы обладающие... Это латынь. И не от прабабушки — я усиленно занимаюсь самообразованием. Вот.

От этой наивной гордости у Юрга в глазах потемнело — такого ребенка — и отпустить в эту космическую банду!

Слава богу, у них с Сэнни хоть мальчишка...

— Как говорится, в Багдаде полночь и все спокойно. Не пора ли пригласить гостью на чашечку вечернего кофе?

Вся звездная дружина скопом ринулась расставлять складную мебель и сервировать столики, поскольку чьи-то руки и головы позаботились о том, чтобы гости Земли и на заброшенном островке чувствовали себя не менее комфортно, чем в самом изысканном кафе Мальты. Крайне ограниченное (а с их точки зрения — просто позорное) знание языка мешало джасперянам проявить всю полноту рыцарской галантности. Юрг поспешил завладеть кофеваркой, иначе девять чашечек кофе, поданные одновременно, могли попортить непритязательный наряд гостыи.

— Только, пожалуйста, никакого мяса, — предупредила Таира, — поскольку зрение у Гуен отменное, а я не уверена, что она удовлетворится одной мышкой.

Воспоминание об ужине хищной птички, кажется, никому аппетита не испортило.

— У тебя в сумке что, портативный крысятник?

— Нет, — засмеялась девушка, — не пугайтесь. Единственная была, премиальная. Я ведь не была уверена на сто процентов, что всё сойдет гладко, — нет, нет, не думайте, что Гуен могла бы на кого-нибудь напасть без

команды... Просто она приучена охранять только живых, на вертолеты там и воздушные шарикИ она не реагирует. Для нее они — как облака. Или дождь.

— Ну, слава богу, вертолет она не собьет! — обрадовался Юрг. — А то я начал опасаться...

— Если я прикажу — собьет. — На этот раз тон был абсолютно непреерекаемым. — Только вряд ли уцелеет сама...

Бесшумно скользнув на спинку плетеного кресла, в кругу собеседников появился еще один — Кукушонок. Видимо, Сэнни отпустила его на вечернюю прогулку. Таира покосилась на него, задумчиво проговорила:

— Понимаете, Гуен могла и не принять ваших... э-э-э — крэггов, да? — за живых птиц.

Кукушонок тряхнул хохолком, но сдержался.

— Они живые. — В голосе Эрга проскользнула льдинка. — Они как мы.

— Они свободны, — подал голос обычно молчаливый Пы. — Как мы.

— Санта-кретиньера, я кого-то обидела! — Таира хлопнула себя по лбу, потом сложила ладони и склонила голову. — Миль, миль, миль. Не знала.

— Понимаешь, крэги никому не принадлежат, — объяснил командор. — Они просто заключают контракт на всю жизнь. За определенную плату. За это их...

Он задумчиво поглядел в небо, неожиданно предложил:

— А выпустим-ка всех, пока никакой опасности, а? Только ты, Кукушонок, останься.

Пестрая стая закувыркалась в лунном свете.

— Мне только сейчас пришло в голову, — быстро проговорил Юрг, косясь вверх — не подслушивают ли? — Нужно дожидаться, пока эта сова снесет с десятков яиц, и взять их с собой на Джаспер. Думаю, что это решит проблему, как держать крэггов в узде.

— Одна беда, — покачала головой девушка. — У Гуен не может быть потомства...

— Это почему? — слышались сразу несколько голосов.

— Без специальной терминологии это не объяснить... Она — генный гибрид, помесь полярной совы с филиппинской гарпией. В природе такого не бывает, но генопластика позволяет инкубировать единичные экземпляры...

Она подняла голову и поняла, что все эти слова остаются пустыми звуками.

— Ну, просто примите как факт, что мы не жадничаем, будь у нас хотя бы десяток таких птиц, мы бы отдали вам половину. Но генопластика — дело новое, каждый эксперимент уникален, а удачи так редки!

Она обвела всех отчаянным взглядом — ну неужели не поймут? Глазища были огромные, влажные, как у жеребенка; Юрг вдруг подумал: на кого сейчас уставится, тот и погиб...

— Ты-то хоть понимаешь? — сказала она Кукушонку так естественно и просто, как люди всегда обращаются к кошке или собаке.

— Я-то понимаю, — ответил Кукушонок, привычно вздохнув. — Я ведь тоже поначалу считал ее ненастоящей...

Таира даже не удивилась, услышав его голос.

— Еще и сапиенс, — сказала она. — В отличие от моей...

В центральном шатре корабля было душно — помещение, доверху заставленное контейнерами с офитами, проветрить было практически невозможно, и непривычный запах инопланетных шкур мешался с вполне однозначным ароматом свеженамоченных пеленок. Джасперяне, все как один, без крэгов, сидели кто на ящиках, а кто и просто на полу. Отгороженные от легкомысленной праздничности гостеприимной Земли, они снова чувствовали себя на войне, и что-то было не похоже, чтобы победа легко шла в руки.

— Тренировки не дадут стопроцентной гарантии, — говорил Флейж, самый искусный фехтовальщик отряда. — Мы будем тренироваться друг с другом, а ведь у каждого из нас сейчас реакция замедлена, мы неуклюжи

и не уверены в своих действиях. А очутись мы по прибытии среди врагов — и нам будут противостоять быстрые и ловкие противники, скорее всего, превосходящие нас числом.

— Ну, у меня-то ничего не замедлено, не притуплено и не атрофировано, — мрачно заметил Юрг. — Я вас погоняю в хвост и в гриву, только держитесь.

— У тебя только две руки, к сожалению, — бросила через плечо принцесса, словно отмахнулась. — Нас — девятеро.

— Подождите недельку, перебазировемся на Тайвань, там к вашим услугам любой спорткомплекс. Таким штучкам научат...

— Неделя — это семь дней, — покачал головой всегда рассудительный и практичный Борб. — А на Джаспере каждая минута работает против нас. Вот если бы можно было как-то перебросить все эти запасы домой, в укромное место...

— Ты же знаешь, Борб, что единственным надежным местом является подземелье, — покачала головой мона Сэниа. — Но оно со всех сторон ограждено золотом. Туда не проникнут ни наши враги, ни их крэги; но ведь и никакой предмет перебросить через золото невозможно. Оно — наш защитник и наш противник одновременно.

— Тогда единственный вариант, — хлопнул рукой по колену бывший командор. — Как только нам доставят все имеющиеся в наличии офиты, летим на Джаспер. Приземляемся у самого входа в подземелье, перетаскиваем туда поклажу, оставляем охрану и возвращаемся за теми приборами, которые сейчас изготавливаются специально для джасперян. Почему нет?

— Потому что мы приземляемся — нас ждут. Разговор пошел по второму кругу, эрл Юрген. — В голосе принцессы зазвенел металл. Похоже, ему давали понять, что он только мешает.

— Да уж, — вздохнул Скуоз, лучший стрелок отряда. — Если с колена, то я еще попаду со ста шагов в орех, но даже при медленной ходьбе я промажу в тыкву...

— Не понимаю, — невольно вырвалось у Юрга, — ведь сейчас вы прекрасно ориентируетесь, но стоит вам хотя бы шаг ступить — и почему-то наши приборы, само совершенство земной оптики, идут насмарку! Не по-ни-маю...

— Зато я, кажется, понял, — подал голос Дуз, чей офит цвета благородного вина был, пожалуй, самым пристойным из всех. — Когда мы двигаемся, все пространство слева и справа словно скручивается или выворачивается наизнанку, а земля под ногами становится покатою...

Все закивали; принцесса, единственная не надевшая пока спасительного обруча — вероятно, знак особого доверия Кукушонку, — закусил нижнюю губу, с которой все еще не сошел мерзейший синяк, след борьбы с аметистовым крэгом. Нет, завтра же с утра пораньше нужно начать осваивать офит, надо быть равной среди равных — это условие успешного восхождения на престол. Стать выше остальных позволит один, последний шаг...

— Продолжай, мудрый Дуз, — проговорила она как можно сердечнее, — ты сказал не все.

— Благодарю, принцесса Сэниа. Я полагаю, что наша неприспособленность к этим совершеннейшим созданиям обитателей Земли, этим тончайшим приборам, которые мы получили в дар так бескорыстно и в такой нужный момент, кроется вовсе не в их изъяне. Дело в том, что мы видим глазами крэгов, а у них — поглядите! — расстояние между глазами не превышает двух пальцев.

Все невольно скосились на Кукушонка — единственного крэга, допущенного на военный совет.

— Приборы же, подаренные нам, — продолжал Дуз, — заставляют нас глядеть на мир глазами землян, а у них расстояние между зрачками — целая ладонь.

— Ну, и?.. — не выдержал нетерпеливый Ких.

— Просто потребуется длительное время, чтобы приспособиться. Но мы обязательно привыкнем.

— Так это же проще простого! — вскочил Юрг. — Все вновь изготавливаемые офиты нужно делать с меньшим расстоянием между зрительными датчиками! Через несколько дней каждый из вас уже получит подходящий офит.

— Несколько дней... — вздохнул Скюз.

— Нужно посоветоваться со здешними специалистами, не попортит ли это конструкцию прибора, — резонно заметил Дуз.

— Решено, — подытожила принцесса. — Завтра владетельный эрл Юрген с утра держит совет с теми, кто сведущ в этом вопросе. Теперь второе и главное: точное место нашей посадки на Джаспере — вы понимаете, что Звездная гавань исключается.

— Мне кажется, самым подходящим будет восточный выход из подземелья, на дне ущелья, — предложил Эрм. — Когда мы готовились к побегу, мы все там побывали — поодиночке, как бы невзначай, чтобы укрыться там в случае неудачи. Так что мы хорошо представляем себе эту местность и не ошибемся при переходе через *ничто*.

— Вход заслонен золоченой плитой с большим кольцом, но золото скрыто серой эмалью, которую не отличить от лишайника, — кто обратит внимание! Да там и нет проезжей дороги — кто туда сунется, одни облака сползают с Паучьих гор, — вставил наблюдательный Сорг.

— Прекрасно, — сказала принцесса. — Я там не была, так что во время перелета буду всецело полагаться на вас. Команду дам я, но перебросить весь мак через *ничто* придется вам своими силами.

Она обвела всех дружинников тяжелым взглядом, на какой-то миг задерживая его, словно отмечая про себя: да, этот верен. И кто бы ни появился на острове их необъяснимого заточения, какие бы юные пленительные гурии ни манили их всеми чарами неизведанных утех, ни один не помедлит, когда рано или поздно, но им придется покинуть эту странную Землю.

— Последнее — уже мелочь: центральный шатер вряд ли примет дополнительный груз, а вот в малых помещениях, я думаю, еще можно будет разместить по триста — четыреста коробок. Владетельный эрл Юрген, могу ли я просить тебя совершенно точно установить, сколько еще офитов находится на пути сюда? Свяжись, пожалуйста, с теми...

Она замялась, потому что не знала, как называть призраков, с которыми общался ее супруг. Но он понял.

— Слушаюсь! — Он был уже на ногах. — Это элементарно...

От этого «слушаюсь» у нее тошнота подступила к горлу. Он не раз повторял это словечко во время общения с призраками, и каждый раз ее охватывало отвращение: так не мог говорить владетельный эрл, ее супруг, командор звездной дружины.

Так отвечал бы своему хозяину серв... если бы мог говорить.

Она раздвинула перед Юргом стенку корабля, подождала, пока хрустящие по песку шаги достаточно удалятся, и снова велела непроницаемой кожистой пленке сомкнуться.

— А теперь слушайте меня внимательно, — проговорила она, опустив голову, словно пересчитывая шерстинки белой шкуры, на которой сидела. — Может случиться так, что мое решение покинуть эту планету будет неожиданным. И тем не менее вы, как только услышите мою команду, должны будете призвать ваших крэгов, наглухо застегнуть капюшоны, как это было при перелете сюда, и занять места в своих малых кораблях. Мак до сих пор стоит единым целым, так что стартовать мы сможем в тот же момент, когда последний из вас — вы слышите? — последний из вас займет свое место.

Она увидела напряженные, встревоженные лица и заставила себя улыбнуться:

— Я не говорю, что это должно случиться непременно... Просто мера предосторожности. Аварийное предписание, которое касается только нас. Понятно?

Все было понятно. Кроме одного.

— Принцесса Сэниа, — спросил Борб, — как будет звучать команда?

Принцесса на миг задумалась.

— Вы знаете, как называется ущелье, куда мы направляемся? Оно именуется ущельем Медового Тумана. Так вот, сигналом к отлету будут слова: «медовый туман»!

IV. СИНИЦА В НЕБЕ

Командорский шатер опустел. Эрл Юрген мог появиться с минуты на минуту, и надо было поторапливаться. Найти что-нибудь в этой свалке, освещенной одним тусклым вечерним фонариком, было нешуточным делом, но рука, к счастью, сама наткнулась на маленький кинжал.

Так, теперь снять с плеч погрузневшего Кукушонка и всю верхнюю часть густых смоляных волос собрать пучком на макушке. Чем бы связать... А, сойдет узкая полоска, оторванная от пеленки.

Прядочка волос попала в узел, голова заныла от тянущей боли. Это мелочь. Нужно поторапливаться, пока не вернулся Юрг. Она попробовала остроту лезвия на ладонь, потом решительно поддела локон, спускавшийся на шею из-за уха, и срезала его под самый корень. Наверное, так именно сервы скашивают траву для крылатых коней. Разница только в том, что здесь нужно проделать очень узенькую полосочку чистой кожи — тропинку для дневного света. Сюда ляжет холодный, чужеродный обруч, как символ союза Джаспера с этой лукавой, скрытной планетой. Она щедра на подарки — офитами, девицами-красавицами; но она отнимает мужей и держит за пазухой пестрое яйцо неминуемой и ошеломляющей беды.

Пряди волос сползали по плечам, как умершие листья; в воздухе повис запах осени. Струйка крови потекла за ухом и дальше, по шее — горячая, едкая. Промелькнула странная мысль: хорошо, что она затеяла эту процедуру здесь, на корабле; ей не хотелось бы, чтобы даже один волосок остался на Земле, когда они ее покинут.

По стенке тихонечко, чтобы не разбудить Юхани, хлопала ладонью.

— Тук-тук-тук, — сказал Юрг, — впусти законного мужа.

Впустила.

— Новости неплохие: чуть больше полутора тысяч в дороге, штук двести мои сограждане оставляют себе на

всякий пожарный случай, но я думаю, что они согласятся отдать и это, потому что через пару деньков уже будет готова новая партия. И пойдет конвейер... Святый боже, ты зачем себя изуродовала?

Она вернула себе на плечи Кукушонка, медленно обернулась к Юргу. Он совсем забылся, землянин. Принцесса Джаспера не может быть уродливой.

— Твои сограждане безгранично великодушны, — произнесла она царственным тоном, отменяя его слова. — Когда в следующий раз будешь общаться с призраком, поставь его в известность, что Джаспер расплатится сполна. Кажется, у вас на Земле дороже всего ценится золото? Мы доставим сюда столько этого металла, сколько вместят корабли, увозящие отсюда офиты.

— Столько не поднимете, — буркнул Юрг.

— Один джасперянин может перебросить через *ничто* все свое вооружение и боевого коня. Два...

— Да, двух меринов.

— Два джасперянина могут перенести вместе с собой двадцать коней. Трое — шестьсот. Четверо — больше двух тысяч...

— Ух ты! Странная прогрессия. Так вы что, можете поднять целый город? Я имею в виду — наш отряд?

«Мой отряд. Только мой», — подумала мона Сэниа.

— Разве не естественно, что жители моей планеты обладают скрытыми достоинствами, которые для обитателей других миров могут показаться диковинными? — холодно проговорила она, лукаво пряча всю горечь своего открытия, когда обнаружила, что ее муж скрывал от нее свою способность посылать голос через то же самое *ничто*, которым пользовались и джасперяне.

— Послушай, Сэнни, кончай обращаться со мной как на дипломатическом приеме. Скажи откровенно, чего ты хочешь?

Она подняла брови, и под шрамиком на лбу привычно затлела маленькая подлая боль.

— Большой надежности для крэгов, — сказала она после почти неощутимой паузы. — Гуен великолепна, но

только для одного крэга. Ты сам говорил, что идеальным вариантом было бы два.

— Ну, идеальным вариантом был бы мини-перехватчик с компьютерным управлением для каждого твоего гуся. Беда только, что эти перехватчики перебьют всю живность в радиусе десяти километров. Но задача уже поставлена, шесть конструкторских бюро ее обсасывают. Но ты не очень-то надейся, лучше синица в руках, чем журавль в небе.

— Эти слова мне не известны.

— Синичка — наша северная птица, безобидная, очаровательная и несъедобная. Журавль... Это что-то среднее между Гуен и крэгом, птица почти сказочная по причине крайней немногочисленности. Бездна изящества и никакого душегубства — за исключением лягушек.

— То есть ты хочешь сказать, что твоя маленькая Сиянова — очаровательная синичка?

Юрг живо представил себе «свою маленькую Сиянову» — ее короткие каштановые волосы, подгибающиеся книзу, арочки бровей, винного оттенка губы, маленькие и не тронутые пока ни единой сухой трещинкой...

— Вот именно, — проговорил он сдержанно. — Синица в небе. Пока ничего другого нам не дано.

— Кстати, почему ее отец был в таком тяжелом скафандре, словно собирался лететь к звездам, а она — в одежде, которую с натяжкой можно назвать вполне обычной?

— А, она же останется с нами до конца карантина, а Стамену нужно было возвращаться, чтобы самому провести все анализы. Его в скафандре мыли и облучали поди часов шесть.

— Ка-ран-тин?

— Естественно. Это — те несколько дней, пока наши эскулапы не проверят вашу — да и мою — кровь, смывы с кожи, воздух и воду из бассейна... Мало ли какая зараза.

Мона Сэниа судорожно набрала полные легкие воздуха и задержала его, пока в голове не возник пульсирующий

шум. Потом тихо-тихо, словно боясь, что его украдут, выпустила его через узенькую щелочку мгновенно пересохших губ.

— Кто-то взял мою... *мою* кровь?

— Да не пугайся ты как ребенок! Всего одну каплю. Этого пятнышка на руке уже не видно, ты даже не проснулась.

— Ты отдал кому-то каплю *моей* крови?

— О, четыреста чертей, дернуло же меня все это тебе объяснять! Сэнни, я человек подневольный, у меня есть начальство. И если мне приказали обеспечить безопасность населения моей планеты, я обязан выполнить всю программу. Честное слово, это не унижает твоего достоинства. Мы, знаешь, из ближнего космоса возвращаемся, и то нас пропускают через воше... ну, моют — проверяют.

— Я родила тебе сына, — ледяным голосом отчеканила принцесса. — Он жив и здоров. Разве это не достаточная проверка?

— Силы небесные, да мне-то этого достаточно выше головы! Но кроме меня...

— Когда ты прибыл на Джаспер, никого, кроме меня, не волновало, здоров ты или нет. Впрочем, меня это тоже не беспокоило. Если бы ты был смертельно болен, я просто умерла бы вместе с тобой, и всё.

— Малыш, мы не на Джаспере, — проговорил он, вкладывая бесконечное терпение в каждое слово. — Кроме нас, здесь еще около пяти миллиардов людей. Многовато, конечно, но не уменьшать же это число посредством эпидемии?

— Мой народ побывал на сотнях чужих планет. Нас там убивали; мы возвращались израненные, но никогда — больные.

— Вот и прекрасно! Наши врачи только лишний раз это подтвердят. Не понимаю, почему это доводит тебя до бешенства?

Она слегка запрокинула голову, и он увидел в полумраке, как презрительно искривились губы.

— Потому, — произнесла она свистящим шепотом, — что, когда тебе сказали, что кровь твоей жены может быть ядовита, а дыхание отравлено, ты должен был вызвать этого человека на черный бой — в темноте, на звон мечей. Понял?!

Он долго молчал, потому что ответить на такие слова можно было только одним вопросом. И он его задал:

— Сэнни, ты разлюбила меня?

Ему показалось, что невидимая молния полыхнула между ними.

— О, не-е-ет... Я не разлюбила тебя. Когда разлюбишь, в душе остается пустота. А я полна горя и ненависти! Я ненавижу тебя, Юрий Брагин, за то, что ты убил моего Юрга.

Он сделал шаг вперед и с бесконечной нежностью обнял ее за плечи:

— Сэнни, помнишь, в подземелье я рассказывал тебе сказку про живую воду? Скажи только одно слово, и оно станет живой водой для твоего Юрга...

Она замерла, окаменев. Его руки, которые она узнала бы из тысяч других... Его руки, которые она полюбила с первого прикосновения... Кукушонок тихонько снялся с ее плеч и бесшумно исчез в наступившей для нее темноте. «Не жди от меня этого слова, просто владей мною, потому что я, как бы ни тосковала по этим рукам, все равно этого слова вслух не произнесу...»

Целую вечность продлилось это ожидание.

Потом руки, согревавшие ее плечи, разжались и исчезли.

— Владетельная принцесса, позволь мне удалиться.

— Ты свободен, благородный эрл.

Она проснулась с ощущением невосполнимой утраты.

Сказочной красоты офит, поджидавший ее пробуждения в усталой черной атласной коробке, поразил ее, но не обрадовал. Он был устроен так, что две змейки свивались причудливыми узлами на висках, обратив друг к другу точеные головки с черными глазками видеодатчи-

ков. Вернее, это была одна двуглавая змея, чьи эмалевые чешуйки складывались в черно-бело-лиловый орнамент. Драгоценные камни тех же тонов оживляли узор холодными искорками, но не вносили дешевой пестроты.

— Знаешь, Кукушонок, на какой-то планете, говорят, рабам надевали ошейники как знак их подневольности, — задумчиво проговорила мона Сэниа. — Любимым рабам эти ошейники украшали драгоценными камнями... Ну, будем осваиваться. Посиди с Юшенькой, друг мой.

Она приладила обруч и почувствовала, как он цепко и властно охватил ее голову. Да, ощущение странное. Пока глядишь неподвижно, все размыто по сторонам, но прямо перед глазами все видится четко и, похоже, безупречно. Но вот стоит шагнуть, и предметы начинают перемещаться, словно вокруг тебя декорации, которые кто-то сворачивает.

Она взмахнула руками — так и хотелось за что-нибудь ухватиться. Нет, на виду у всех так качаться ей не пристало.

Она слегка раздвинула стеночку и выглянула наружу. Ну, все как обычно: полковник Брагин (она произнесла это про себя с каким-то мстительным удовольствием) препирается с призраком в белом балахоне, все восемь дружинников доблестно несут караул у бассейна. Юная Сиянова, вероятно, в воде... Нет, все-таки трудно все время замирать в полной неподвижности, останавливая даже дыхание. Дуз прав, нужно привыкать, и побыстрее, — она твердо решила не задерживаться на Земле дольше чем еще на три-четыре дня. Дипломатические визиты и экзотические экскурсии придется отложить на следующий прилет. А сейчас хорошо бы выбрать какой-то уголок подальше от посторонних глаз — не на виду же у всей честной компании учиться ходить!

— ...четвертая команда — нападение, — донесся до нее звонко-воркующий голос — чувствовалось, что юная леди с пеленок проводила слишком много времени с птицами. — Только прошу вас, никогда не пытайтесь сами командовать Гуен. Шайтан ее разберет, в каком она настроении, — а то и в глаз можете получить.

— А пятая команда? — это, конечно, Скюз.

— А про пятую команду вам вообще лучше ничего не знать. Кстати, вы обещали мне взамен кое-что показать — или нет? Вот я сейчас слегка обсохну...

Раздался плеск, и повелительница сов, выпрыгнув из воды, выпрямилась во весь рост, стоя на бортике бассейна. Она тряхнула головой, как боевой конь после купания, и маленькая радуга поднялась над ее огненно-каштановой гривой.

Мона Сэниа тоже затрясла головой, отпрянула назад и стремительно захлопнула дверцу в стене.

Или ей это показалось, или на девушке не было ровным счетом ничего.

Подальше, подальше от всех этих земных фокусов! Вот только — куда? Единственное место, которое она совершенно отчетливо помнила, была лесная тропинка, ведущая в дом... Она потерла лоб, вспоминая слово. Нет, оно не вспоминалось, но его значение она поняла — это было то же самое, что дом Иссабаста. Солнечная поляна, и на том месте, где тропинка вливалась в нее, диковинные цветы, оранжевые снизу и лиловые сверху. Наверное, это были цветы-андрогины, не разделенные на мужские и женские соцветия и поэтому непроходяще-счастливые в своем вечном единстве...

Отогнать бы этот образ, но нельзя — ей нужно именно туда.

— Кукушонок, я в лес. Ненадолго. — Она погладила пестрые перышки. — Надо мне привыкать обходиться без тебя.

Она сосредоточилась на образе густой, не колышемой ветром травы, в которой терялась тропинка, и сделала шаг.

И почувствовала, как два пестрых зеленых плаща крутанулись слева и справа, подымая вихрь, опрокидывающий ее навзничь. Она почувствовала под лопатками упругую траву, смягчающую падение, и болотный пух едва различимых облаков поплыл над нею в непривычно высокой голубизне.

Она поднялась, села. Несколько пестрых лесных эльфов порхали над поляной, ничуть не смущенные ее появлением. В траве стоял неумолчный стрекот невидимых гномиков — как жаль, что не было времени узнать, что они там мастерили. Она раскинула руки, чтобы лучше держать равновесие, и сделала шаг. Надо же, не упала! Нечего было и мечтать сойти с тропинки в траву — там ноги безнадежно запутались бы, а она еще думала, не взять ли с собой легкий меч для первой тренировки. Нет, сегодня — только движения. Шаг с поворотом головы. Остановка, корректировка. Шаг с последующим выпадом вперед. Остановка. Прыжок назад. Остановка. Получается.

Она уже пересекла поляну и очутилась под перистыми лапами безлиственных деревьев. Древние боги, какой густой, одуряющий запах! Если бы она могла себе позволить хотя бы один день одиночества в этом заповедном лесу! Может быть, в этой тишине она и прошептала бы то слово, которое так хотел услышать от нее Юрг, и оно долетело бы до него само, даже не посланное ее древней магической силой...

Она встряхнула головой и вдруг увидела, что домик, к которому она направлялась, уже совсем близко, и если с ней был бы сейчас ее привычный поводырь, она заметила бы его уже давно.

Прячась за толстыми чешуйчатыми стволами, оставляющими на ладонях капли своей душистой крови, она приблизилась к постройке и замерла в удивлении.

Дом был сложен не из камня, как полагалось бы человеческому жилью, а из стволов деревьев; крышу покрывал толстый мох, навес над крыльцом и небольшие оконца украшала незамысловатая и местами небрежно выполненная резьба — у нее в замке за такую работу серв отправился бы на переплавку. Входная дверь была непропорционально большой, двустворчатой; сквозь медные колечки на обеих половинках этой двери была продета веточка с засохшими листьями — любому было понятно, что хозяина уже несколько дней здесь нет.

Движимая даже не любопытством, а каким-то неведомым ранее принуждением, она поднялась на крыльцо и вытащила ветку.

Сухие листики, осыпавшись, легли у ее ног. Она открыла одну створку и осторожно проскользнула внутрь. Ничего особенного, скорее сарай, чем жилище. Дощатый стол, две лавки, скромный шкафчик и полки, прогибающиеся под какими-то фолиантами. Никакой резьбы, ковров или шкур — вероятно, здесь даже не ночевали. Недоумение вызывала только обитая медью дверца прямо напротив входа — странно, комнатка вроде бы занимала весь объем дома.

Слегка смущенная этим вторжением в чужое жилище, она обогнула стол и приблизилась к сверкающей дверце. А может быть, это не медь, а золото? Редчайший на Джаспере металл, всегда бывший знаком укрывательства чего-то запретного?

На полированной поверхности отчетливо виднелся контур человеческой ладони. Ни секунды не раздумывая, она подняла правую руку и наложила на этот черненный силуэт. Раздалось легкое шипение, и дверца плавно сдвинулась в сторону, открыв что-то вроде шкафа, абсолютно пустого, с гладкими голубовато-серыми стенками. Мона Сэниа ступила внутрь, и в ту же секунду пол мягко просел под ногами, и она почувствовала, что ее тихо и нестрашно опускают вниз. Спуск длился недолго, всего три-четыре удара сердца, потом ступни ощутили упругий толчок, и в тот же миг яркий свет хлынул ей навстречу, так что она невольно подняла ладони, заслоняя лицо и одновременно дивясь тому, как это в подземелье проник прямой луч солнца. Каким-то сторонним знанием она ведала, что и здесь она совершенно одна.

Она раздвинула пальцы, прикрывающие глазки ее змеек, и огляделась. Да, это был подземный дворец. Небольшой стол, застеленный роскошной скатертью, бесчисленные висячие и стоячие полки с посудой, бутылками и книгами, прикрытые створками сверкающих стекол самых нежных оттенков. Низкий диван, ковер над которым уве-

шан драгоценным и, судя по знакам на чехлах, магическим оружием. В другой раз ее рука сама потянулась бы к такому вот золоченому эфесу, но сейчас принцесса решительно отвернулась от любимых игрушек юности и заглянула под стрельчатую арочку.

Спальня. Еще богаче, чем эта гостиная. Нет, не то.

Белая гладкая дверь — почему-то ее притягивали именно закрытые двери. Туда. Свет еще ослепительнее, но уже не солнечного, а какого-то безжалостно пронизывающего, лунного оттенка. Голубоватые стены, необъятная черная ванна, снова полочки, флаконы, кувшины... Стараясь двигаться как можно осторожнее, чтобы неловким движением не смести на пол эту хрупкую утварь, она развернулась к высокой, в человеческий рост, чеканной раме — и отшатнулась.

Потому что навстречу ей таким же образом обернулась нелепая темная фигура, плохо различимая даже в ослепительном свете. Мона Сэниа поднесла руку к поясу, где всегда находился маленький кинжал, — некто повторил ее движение. Она бесстрашно шагнула вперед — узкое смуглое лицо с низко надетой короной стремительно приблизилось и замерло, приобретая твердые очертания.

Она поняла: это диковинка дальних планет, запрещенная на Джаспере, — зеркало!

Значит, это странное лицо, которое она помнила по зыбким отражениям в стоячей воде, — это она?..

Нет, это была не она. Во всяком случае, никто не смог бы сейчас назвать женщину, замершую перед ней в холодной плоской реальности, той прекрасной принцессой, которой поклонялась вся молодежь Джаспера. Спутанные волосы, подхваченные на макушке какой-то тряпкой, сухие морщины, бегущие вниз от уголков рта, но главное — затекший шрам на лбу, окруженный бледными мертвенными кольцами, лиловый прочерк ногтей на правой щеке и лишайное пятно, сползающее с губы.

Эта женщина была безобразна.

Мона Сэниа отшатнулась, неловко нашаривая рукой свободное пространство для спасительного шага, согну-

лась, чтобы снова не упасть на спину, и ринулась в *ничто*.

...Три фехтующие пары, замершие при ее появлении. Эрм со своим крѣгом на коленях. Больше никого. Нет, вдали, под раскидистым деревом, экс-командор. Похоже, хохочет, задрав голову и воздев руки. На нижнем суку два белесых пятна... не разобрать... громадная птица, прячущаяся в листе... светлая согнувшаяся фигурка пытается дотянуться до своей питомицы, но срывается, падает прямо в подставленные руки, и ее Юрг, благородный эрл, кружится, кружится, кружится с этим хрупким полудетским телом в своих объятиях...

Синица в руках.

— Дружина моя! — Голос чужой, срывающийся в хрип. — МЕДОВЫЙ ТУМАН!

V. ЛУКАВЫЙ ЗАВЕТ

Она сделала три глубоких вдоха, выравнивая дыхание. Почему-то корабль сильно качнуло — она испугалась, что они сели прямо на дверцу люка. Но нет, сейчас мак стоял прямо.

— Давай-ка не мешкать, — сказала она Кукушонку, снимая свой драгоценный обруч и оставляя его в ногах у Юхани, который даже не проснулся при перелете в другой мир. — Выходим с оружием!

Настороженно пригибающиеся фигуры в полускафандрах попрыгали на каменистую почву.

— Доставать коробки? — спросил нетерпеливый Ких.

— Нет. Сперва ищем вход в подземелье.

Никто не захватил фонаря, и напрасно — желтый, а скорее даже горчичный туман проносился по ущелью, скрывая его стены, но по приглушенности звуков можно было догадаться, что этот естественный проход между двумя горными хребтами неширок. Ветер с ледяным посвистом отрывал от охристой облачной массы сгустки плотнее, вытягивая их в протяженные языки, нацеленные

на невидимое, но определенно заходящее солнце; совершенно непредсказуемо эти языки сворачивались в маленькие смерчи, которые, расширяясь кверху гудящей воронкой, сливались с низкими тучами, втягиваясь в них.

Раза два в просвете между этими крутящимися столбами все-таки проглянуло вечернее светило — рыжее, воспаленное; казалось, оно было чрезвычайно раздражено тем, что, уходя на ночной покой, ему приходится оставлять в этом ущелье такой непорядок.

— Солнце садится, — констатировал Сорк почему-то удивленным тоном. Было похоже, что он сам еще не понял, что же такое его настораживает.

— Ну так ищите же! — крикнула принцесса. — И до последней возможности — не стрелять...

Подгонять дружинников было излишне — они и так метались в клубах тумана, то исчезая, то появляясь снова. Они были слишком опытны, чтобы разбиться о скалу даже в недалеком прыжке через *ничто*, и все-таки у моны Сэниа тревожно заняло сердце. Один Сорк как столб застыл возле корабля.

— В чем дело? — отрывисто спросила она. — Почему ты медлишь? Каждый человек дорог!

— Солнце садится... — Казалось, он не может ухватить кончик какой-то мысли.

— Да, да, скоро совсем стемнеет!

— Солнце садится, — уже совсем другим тоном проговорил Сорк. — Мы не должны были его вообще видеть. Ущелье Медового Тумана тянется с севера на юг.

Несмотря на цепенящий холод, мона Сэниа почувствовала, что ее бросило в жар. В висках застучало. Нет. Нет.

— Ты хочешь сказать, что это совсем другое место? — спросила она шепотом, словно опасаясь, что их услышат другие. — Этого не может быть. Крэги дали слово, а оно нерушимо. Они не могли перенести нас по своему произволу... Вспомни, Сорк, перед прыжком в *ничто* ты представил себе именно это место?

— Да, принцесса. Ровное каменистое дно, желтый туман, скрывающий стены. Вечер.

— Почему — вечер?

— Не знаю... В первый миг все было как-то неопределенно, но потом в голове вдруг прояснилось, и я увидел все окружающее так четко, словно я уже был здесь. Затем мы сюда и перенеслись.

— И все-таки этого не может быть... Поищем еще — до захода солнца, тем более что нас пока не обнаружили. Я боялась, что в первую же минуту наши крэги передадут всем своим собратьям, что мы вернулись на Джаспер, а те уж как-нибудь поставят об этом в известность хотя бы мою семью.

— Принцесса, если позволишь сказать...

— Говори, Сорк, ты подмечаешь всегда то, что ускользает от внимания остальных.

— Мне кажется, это не просто туман... Это *золотой* туман. Он, как и любое золото, не пропускает никаких сигналов, и крэги просто не могли никому о нас рассказать.

— Тогда мы еще некоторое время в безопасности... Хотя зачем крэгам отправлять нас туда, где они сами оказались в ловушке? И потом, если туман — золотой, то как же мы с нашим кораблем пробились сквозь него? Перелет через золото невозможен.

— И тем не менее, принцесса, здесь пока никто не появился.

И, словно опровергая его слова, сверху раздался свист крыльев, рассекающих густую облачную массу. Летучие кони!

— Всем к кораблю! — крикнула принцесса, отправляя свой голос широким веером по ущелью.

Они появились почти мгновенно, выхватывая на бегу десинторы и вжимаясь спинами в упругую, но непробиваемую оболочку корабля. Люки, предусмотрительно приоткрытые, могли укрыть их, но такого приказа пока не было. Она бросила быстрый взгляд налево и направо, пересчитывая своих, — одного не хватало. Он примчался, тяжело топая и отфыркиваясь, самый могучий, но и самый неповоротливый — Пы, и она открыла рот, чтобы сделать

ему выговор, и в тот же миг мохнатый серый ком отделился от проплывающего облака, расправил длиношерстные крылья-опахала и с надрывным мяуканьем спикировал на бегущего юношу.

Раздался скрежет — когти проехали по скафандру, не причинив ему, естественно, никакого вреда.

— Берегите крэгов! — велела принцесса. — Стрелять буду только я.

Крылатый дьявол в крайнем недоумении завис над ними, трепеща крыльями, словно прополаскивая их в тумане. Круглая кошачья морда с пастью от уха до уха, громадные когти на сгибе крыла и фосфорические глазатарелки делали его похожим на легендарного демона Иуфу, еще до наступления Черных Времен якобы обитавшего где-то в горах близ Северной Ледниковой Шапки.

Ими еще кое-где пугали детей, но в них не верили.

Мона Сэниа учла, что космический скафандр придется этому чудовищу не по зубам, но оно-то этого не знало, и, наметив себе жертву более аппетитную, нежели приземистый Пы, монстр хлопнул крыльями, так что туман разлетелся по сторонам, как пух из разодранной подушки, и неторопливо, облизываясь на лету светящимся оранжевым языком, начал снижаться над Сорком, вероятно, по жадности выбрав самого высокого из всех. Мона Сэниа перевела калибратор на веерный разряд, вздохнула — очень не хотелось обнаруживать себя — и в самый последний миг остановила руку, — откуда-то сзади наперерез по-волчьи серому демону ринулась белоснежная земная птица, целя прямо в мерцающий глаз. Раздался удар, потом еще и еще, и две сцепившиеся в бешеной схватке тени покатались по облаку, как по земле, пока не исчезли в густом тумане.

Раздалось плотоядное уханье, что-то громадное шмякнулось о камни, точно увесистый кусок сырого мяса, по камню заскребли когти — ни у кого не появилось и тени сомнения в том, кому они принадлежали. Непостижимым было другое: каким образом на корабле очутилась Гуен?

— Кто посмел?.. — начала принцесса и осеклась: пугливо касаясь руками скафандров, словно это были не

люди, а каменные столбы, озираясь и вжимая голову в плечи, к ней подбиралась дрожащая Таира.

Она наткнулась на Скюза, вцепилась в него и бессвязно забормотала:

— Ты же говорил, что ничего не случится... Ты же обещал...

Смертельно перепуганный ребенок. И за дело. Ни грана жалости к ней принцесса не испытывала. Лживая девчонка. Такая же лживая, как и все люди Земли. Оказывается, и она умеет совершать прыжок через *ничто*, — иначе как объяснить, что она находилась на дальней опушке леса, а стоило только отвернуться — и она очутилась в каюте у их лучшего стрелка?

Скюз переложил десинтор в левую руку и неловко обнял подрагивающие плечики:

— Ничего и не случилось, успокойся. Просто мы на Джаспере.

Словно в ответ на его слова, из тумана донеслось удовлетворенное:

— Хо-хо! Хо-хо! — Кажется, демонятина пришлась земной хищнице по вкусу.

— Это Иуфу, реликтовая тварь, обитающая на дальнем севере, — холодно проговорила принцесса, не столько для того, чтобы успокоить девушку, сколько для общего сведения. — Я еще не уверена, но похоже, что мы приземлились не в том месте, которое намечалось. Демоны никогда не добирались до Равнины Паладинов, на которой стоят замки джасперян.

— Если принцесса позволит... — Это был Флейж, знаток всех песен, историй и небылиц. — Это существо не может быть Иуфу — те никогда не нападали на людей вот так, с воздуха. Они детским плачем заманивали странников в ледяные ловушки, и только тогда, когда жертва превращалась в кусок льда, ее... ну, в общем...

— Можешь не договаривать, среди нас... — принцесса нехорошо усмехнулась, — пугливые.

Таира сбросила с плеча руку Скюза и отпрыгнула назад, словно готовясь к драке. Миндалевидные томные

глаза сузились до щелок, из которых теперь полыхал яростный черный огонь.

Мона Сэниа вскинула руку, предупреждая ее слова:

— Прежде всего я, принцесса Джаспера, намерена выяснить, почему ты очутилась без зова на моем звездном корабле?

Такой тон вполне мог довести до заикания любого. Но не повелительницы сов. Она пожала плечами и неожиданно рассмеялась:

— Шайтан меня раздери, если бы я пропустила такую возможность! Вы сами сказали — звездный корабль. Быть рядом с первым инопланетным кораблем, опустившимся на Землю, и хотя бы не потрогать его пальцем? Ну уж нет! Так что не устраивайте вашему Скюзу царскую выволочку, я сама напросилась.

— И перелетела через *ничто*?..

— Через что — ничто?

Мона Сэниа открыла рот, чтобы уличить ее, — и поперхнулась. Да, если девушка владела даром мгновенного перелета, то она смогла бы это сделать.

Но вот чего она не успела бы — так это переодеться.

Хрупкая фигурка, которую кружил на руках Юрг, была вся в бледно-голубом. На Таире — привычная коричневая с зеленым куртка, такие же облегающие штаны, заправленные в сапожки. Странный амулет на шее — очень узкий флакон, подвешенный на кожаном шнурке, внутри — мельтешение крошечных снежинок. Не из корабельных ли трофеев?..

Еще не позволяя себе поверить, она проговорила:

— Но на опушке я видела птицу... и еще... кого-то...

— А, Персифаль! — отмахнулась девушка. — Упрямы и туповаты. Недоучка.

— Кто — недоучка? — машинально переспросила принцесса севшим голосом, прекрасно понимая, что если сейчас кто-то и выглядит глуповатым, то это именно она.

— Да Перс же, кто еще! — торопливо затараторила Таира. — Ведь я еще с вечера связалась с Камиллом, это мой младший, передала ему пожелание Юрмихалыча,

чтобы птицы были две, а он говорит — тут такое, тебе там одной нельзя, вам решено не сообщать; нужно поэтому встретиться, если что, то в охотничьем домике в полдень, но тут Юрмихалыч нас застукал, говорит — через его труп, поймаю, мол; но Камил приплыл ночью в гидрокостюме, высвистал Перса и удрал в лес, чтобы не поймали...

— Поймали.

— Значит, получит по шее. Ну да ему не привыкать. Наша прабабуля...

— Марш на корабль, — скомандовала принцесса.

Но девушка, как видно, уже освоилась — панический ужас, охвативший ее, когда она выпрыгнула из Скюзовой каютки, не был порождением горчичных вихрей и тошнотворного мява пока еще не идентифицированного демона — это была естественная реакция человеческой психики на то, чего *не может быть*.

Оказалось — может.

А раз может, то все вернулось на круги своя. Проявления далеко не отцовского характера в том числе.

— И не подумаю, — флегматично (зная, что это — наиболее результативный вариант) парировала Таира. — Я, между прочим, вам не подчиняюсь. И получила — то есть мы получили — четкое задание: охранять вас. Гуен! Гуен! Нажрется тут всякой дряни...

Из тумана неслышно выпорхнула сова, покружилась и, вытянув лапы в роскошных штанах, не без грации опустилась на ствол десинтора Скюза.

— Не туда, — сказала девушка и подставила плечо — Гуен заняла привычное место и принялась отряхиваться с таким отвращением, что стало ясно: дрянь была еще та.

Просто удивительно, насколько органично вписывалась эта пернатая живность в окружающий мир...

Девушка бесцеремонно раздвинула цепочку мужчин и, повернувшись, прижалась, как и они, спиной к корпусу корабля. Теперь их стало десять, не считая Гуен.

— Мы потеряли много времени, — как ни в чем не бывало проговорила принцесса. — Доложите о результатах разведки. Эрм?

- Ничего.
- Скюз?
- Раза два проглядывало небо — как ни странно, ни одной звезды или луны.
- Дуз?
- Северная стена укреплена искусственной кладкой не менее чем тысячелетней давности.
- Значит, до Черных Времен... Ких?
- Ничего, принцесса. Если бы я...
- Пы!
- Кости здоровые, вьючное животное, верно. Свежие.
- Борб?
- Ничего.
- Флейж?
- Стены ущелья гладкие, очень странно, что никаких камней, свалившихся сверху. У самого западного створа застывшая грязь, и на ней — отпечатки множества следов.
- Следов? — послышался одновременный вскрик.
- Да. Отпечатки колес и копыт, которых я никогда не видел.
- Свежие? — спросила мона Сэниа.
- От одного до нескольких дней.
- А в какую сторону следы? — вставила Таира.
- В том-то и дело... Копыта огромные, неподкованные и раздвоены в обе стороны, и вперед, и назад.
- Как у единорога... — прошептала принцесса. — Ну, и ты, Сорк, который видит дальше остальных!
- Сорк, отрешенно глядевший на выход из ущелья, еще некоторое время молчал, потом неуверенно пожевал губами и произнес в который уже раз:
 - Солнце садится...
 - Да, — раздраженно кивнула принцесса. — И что?
 - То, что оно давно уже должно было скрыться за горизонтом. А оно неподвижно.
 - И что это значит?
- Сорк молчал, всем видом показывая, что решать здесь пристало только принцессе.

— А то, что мы вовсе не на вашем Джаспере! — крикнула Таира, и в голосе ее прозвучало легкое злорадство. Ну надоедает же, когда при тебе кто-то постоянно оказывается способен на чудеса.

И никто не возразил. Все пребывали в каком-то оцепенении, не позволяющем осмыслить происшедшее. Крэги нарушили клятву. Крэги изменили самим себе.

Или нет?

Выяснить это можно было одним-единственным путем, и мона Сэниа решила на него:

— Скажи, Кукушонок, мы действительно не на своей планете?

Последовала пауза — пестрый крэг беззвучно обращался к бывшим собратьям. И наконец прозвучало тяжелое:

— Да. Вы в другом мире.

— В каком?

Снова пауза.

— Я не... ответа нет. Я их слышу, — прошелестел Кукушонок едва уловимо, — только когда они этого хотят.

— С каких пор крэги научились изменять своему слову? — не выдержал старший из всех, Эрромиорг.

— А вот на это они отвечают... Нет, ты не прав, Эрм. Крэги никого не обманули. Вспомни, что они обещали!

— Они обещали служить нам без обмана, пока мы будем на Земле! — запальчиво крикнул Флейж.

— Нет, — голос Кукушонка стал чужим и размеренным. — Я повторю их слова: ваши крэги будут верны вам, пока вы не решите покинуть Землю. Пока не решите.

— Пока не решите... — как эхо, повторила принцесса. — Значит, их обещание потеряло силу в тот самый момент, когда я подала сигнал: «медовый туман!»...

— Да... — слетело сверху невесомое, как перышко.

— О, джаги-браги, делов-то, — сказала Таира. — Поехали обратно.

В воздухе повисла неловкая пауза.

— Младшая из нас права. — Мона Сэниа не была бы владетельной принцессой, не умея со всем тактом игнорировать нарушение субординации.

Разумеется, когда следовало не заметить этого нарушения.

— Но, принцесса, не окажемся ли мы снова на какой-нибудь затерянной планете? — позволил себе усомниться в ее вердикте мудрый Дуз.

— А на этот раз мы предоставим нашим верным крэгам заслуженный отдых. На Земле нас не ждут никакие засады и боевые действия, так что мы спокойно можем воспользоваться офитами. На корабли!

Она вошла в свой шатер, даже не потрудившись отдать распоряжения относительно самовольно явившейся сюда девушки. Если Скюз ее сюда затащил, пусть он ее обратно на Землю и возвращает. Об этом даже и говорить не стоит.

Вечерний фонарик тревожно метался под самым потолком, и в его свете драгоценные камни на аметистовом обруче замерцали такими же беспокойными вспышками. Кукушонок вдруг приподнял крылья и задрожал.

— Не бойся, друг мой, — сказал мона Сэниа, — ты останешься со мной. Офит я возьму для подстраховки...

Она протянула руку к белой шкуре, где совсем недавно оставила подарок землян в ногах спящего Юхани.

Обруч сверкал всеми камнями, а малыша не было.

VI. ГОЛОВОНОГИЕ

— Ко мне! Все ко мне! — разнесся по кораблю ее страшный голос.

Восемь джасперян как по мановению волшебной палочки предстали перед ней, на ходу выхватывая оружие. Никто из них не успел заменить своего крэга на офит.

— Ищите Юхани! Его украл!

Последовало секундное замешательство: корабль был набит коробками так, что в нем невозможно был спрятать и яйцо, а ущелье только что обыскали вдоль и поперек.

— Я приказала вам надеть офиты! Каждого, кто не будет подчиняться, пристрелю на месте!!! Неужели непо-

нятно, что вы будете смотреть на ребенка, а крэги заставят вас видеть пустое место?

Она кричала, уже понимая, что все напрасно. Они не будут смотреть на ее ребенка. Потому что кто-то из них уже смотрел. Смотрел на Юхани и на того, кто его уносил, — и видел лишь клубы тумана.

Потому что кончился срок обета, и теперь шла война — без правил, хотя пока и без крови. Пока.

И, словно подтверждая ее догадку, снова раздался механический голос, которым крэги через Кукушонка передавали свою волю:

— Не ищи сына, принцесса. Ты получишь его в свое время и на этой планете, если заслужишь. Если заслужите обе. Обе!

Маленькие руки раздвинули джасперян, Таира поднырнула под стволы так и не опущенных десинторов и встала напротив принцессы, задрав подбородок:

— Ты что, собираешься им подчиниться?

Секунду назад она бы задумалась. Теперь — нет.

— Корабль — к старту! — скомандовала она. — Скажи мне, мудрый Дуз, если бы ты прятал украденное, то где бы ты это делал — на солнечном свете или в темноте?

И, не дожидаясь ответа, который был очевиден, прибавила:

— Вверх по ущелью, на восток!

Корабль мчался в сгущавшейся тьме, как громадный тушкан. После каждого прыжка мона Сэниа, лежавшая на верхних коробках и уже переставшая закрывать над собой люк, приподнималась и оглядывала окрестности.

Туман окончательно исчез. Ущелье было безжизненно, ослепительный иней на камнях и ровное свечение неба не позволили бы пропустить и камень величиною с детский кулачок. Только после десятого или двенадцатого прыжка горы вдруг расступились, и корабль завис над обширным плато. Теперь отчетливо была видна пересекавшая его дорога, широкая, утоптанная и безнадежно засыпанная легким снежком.

Дорога господствовала над этим плоскогорьем; помертвелый от холода хуторок, не светящийся ни одним огоньком, был как бы придатком при ней. Корабль опустился на поле чуть поодаль — оно было когда-то вспахано, и, скорее всего, урожай давно собран; то, что сверху показалось хижинами, по большей части обернулось громадными штабелями бревен, умело сложенных и надежно прикрытых. Домиков насчитали только три, все они были обложены большими камнями и бревнами, окна были завешаны шкурами.

Мона Сэниа махнула рукой, упрямо продолжая полет на восток. Дорога под ними сохраняла неизменность своей ширины и какой-то мистической точности ориентации. Ей пришло в голову, что не встречается ни реки, ни скалы, ни пропасти, которые помешали бы неведомым жителям этой планеты продвигаться вслед за солнцем — или навстречу ему? Хотя последнее было маловероятно: мороз крепчал, принцессе пришлось накинуть на себя одну из шкур, чтобы не причинить вреда Кукушонку.

Первое препятствие им открылось внезапно: это был то ли рукотворный котлован, то ли природный провал, но дорога в первый раз сворачивала и аккуратно огибала его по самому краешку. В поперечнике он достигал полета стрелы, и на противоположной стороне его что-то шевелилось.

Наконец-то!

Это «что-то» перемещалось одновременно и легко, и неуклюже, как двигаются во сне порождения ночных кошмаров. Уже отсюда было видно, что он раза в два-три выше любого из джасперян и напоминает вылепленную из снега гориллу-макроцефала.

Корабль отполз в сторонку и залег за сутробами.

— Скюз и Пы, за мной! — скомандовала принцесса.

И даже не удивилась, когда на звонкую от мороза почву спрыгнули не только ее дружинники, уже надевшие свои офиты, но и Таира — без Гуен, зато с десинтором.

— У них еще с ориентацией не очень, — заторопилась она предвосхитить реакцию принцессы. — А я-то не промахнусь!

Мона Сэниа дернула уголком рта. Землянка — ни разу не держала в руках десинтор, и не промахнется!

Хотя, может, в ее отсутствие девчушку успели натренировать...

Девушка, накинувшая на себя какую-то рыжую пелерину с капюшоном, слегка приплясывала в тоненьких сапожках:

— Мне бы пристреляться... Ведь сам напрашивается, голубы!

«Голубь» приближался по краю котлована, опираясь на длинные передние лапы и потом маленькими шажками подтягивая под себя задние. Теперь уже было отчетливо видно, что этих задних у него не то четыре, не то шесть. Непомерно большая даже для такого громалы голова состояла из одной пасти, как у кашалота, и ледяной частокол сверкающих зубов торчал из безгубого рта.

— Ну и прорва, — сказала потрясенная Таира. — Это кто?

— Снежный тролль.

— А вы откуда знаете?

— В Звездных Анналах описан.

Тролль лег на брюхо, свесив вниз задние лапы, поелозил, вероятно отыскивая точку опоры, и плавно перетек через край провала. Несколько секунд была видна его плешивая макушка, поблескивающая инеем; потом и она скрылась.

— Я бы таких стрелял за одно уродство, — неожиданно изрек Пы.

Таира оттопырила нижнюю губу и глянула на него с нескрываемым презрением.

— Скюз, останься, а мы поглядим вниз, — сказала мона Сэниа.

— Одного вроде бы достаточно...

— Там может быть вход в подземное царство, — проговорила принцесса так, словно это было чем-то совершенно обыкновенным. — Ведь эта дорога ведет же куда-то?..

Но вниз дорога не вела. Котлован был неглубок и наполнен плавающими, как медузы, сгустками тумана. В

этом киселе бродили тролли, разинув страшные свои пасти; время от времени — вероятно, когда они наполнялись студенистыми комками — пасти захлопывались, из каких-то отверстий, может быть, даже из ушей, вырывались струи пара, и тролль, свернувшись и превратившись в снежную горку, замирал в чревоугодническом экстазе. На него забирались собратья-тролли — он не шевелился. Конечно, перебить их было бы делом нескольких минут, но ничто не говорило о том, что чудовищные твари охраняют какой-то вход. Это было пастбище монстров, и все.

А дорога, обогнув котлован, снова выпрямлялась и уходила в снежную пургу, через которую не смогло бы пробиться ни одно живое существо. Корабль подлетел поближе, но между льдистыми смерчами полыхали лиловые молнии такой устрашающей силы, что стало ясно: путь на восток закрыт.

Мона Сэниа сцепила пальцы и, низко опустив голову, коснулась их лбом, где тотчас же привычно заныл шрамик от удара аметистового клюва; тихонечко повторила:

— Если прятать украденное, то где — в темноте или на свету?

И мудрый Дуз, промолчавший в первый раз, теперь осмелился предположить:

— А что, если царственного младенца и не думали прятать? Если его похищение было нужно только для того, чтобы выманить нас из ущелья?

— Благодарю, Дуз! Назад, на прежнее место!

Теперь они мчались обратно, следом за солнцем. Наконец ущелье осталось позади, сменившись широкими террасами предгорья. Весной, наверное, их покрывали душистые травы, впоенные горными ручьями, но сейчас это был лишь обесцвеченный солнцем и ветром сушняк, не годный даже на корм скоту. От него даже не пахло терпкой многообещающей осенью, — единственный запах, долетавший до корабля, нес с собой гарь и тлен.

И лишь дорога была прежней — широкой, прямой, испещренной следами. И безжизненной. Поэтому, когда они наткнулись на первый свежий костяк какого-то круп-

ного животного, мона Сэниа обрадовалась, словно встретила живого человека.

Это таки был единорог. Шкура с него была аккуратно снята и мясо срезано с костей, а где еще что-то оставалось, там поживились любители падали. Короткий рог отходил от нижней челюсти и плавно загибался вперед, но на конце побурел и был порядком притуплен, словно им всю единорожьё жизнь подкапывали корни растений. Широкие копыта, изрядно стертые и все в трещинах, неопровержимо доказывали, что это всего лишь тягловая скотина. Серая дымчатая стая маялась поодаль, летучими кенгуровыми прыжками перемахивая через многочисленные пни; повадки изобличали в них стервятников.

Мысль о срезанном с костей мясе заставила Таиру прикинуть, что с момента завтрака минуло уже порядочно часов.

— Может, я подстрелю кого, для тренировки? — предложила она уклончиво. — А кстати, и на обед.

Мона Сэниа удивленно вскинула брови — думать о чем-то, кроме поисков Юхани? Она даже не потрудилась ответить. Все ее существо было охвачено неистовым вихрем — вперед, вперед, навстречу этому одурелому солнцу, которое приклеилось к шафранному небу с твердым намереньем провисеть так до скончания веков.

— Впереди поселение, — сказал зоркий Скюз.

Корабль ринулся в вышину и завис над горсткой крошечных хибарок. Суетливые, как муравьи, существа метались между ними, а поперек дороги лежало что-то огромное, четырехугольное. На неизменно прямой дороге у самого горизонта виднелось что-то вроде стада или каравана, — клубы пыли, одинаковой на всех планетах, не позволяли судить даже о его численности.

— Сперва — это, — велела мона Сэниа, указывая вниз. — Укроемся за рощей.

Чудом уцелевшая от повсеместной вырубки купа деревьев скрыла корабль, и принцесса ринулась было к выходу, но Эрм поднял ладонь вверх и потом приложил ее к сердцу — знак важной и убедительной просьбы.

— Говори! Я тороплюсь.

— Владетельная принцесса, позволь на этот раз первым пойти кому-то из нас. Стая, которую мы видели, многочисленна и может оказаться опасной. Если учесть непредсказуемую реакцию жителей деревни, то разведчики могут очутиться между двух огней.

— Разве я этого когда-нибудь боялась, Эрромиорг?

— Нет, принцесса. Но когда мы найдем ненаследного принца, ему в первую очередь понадобится мать.

На какой-то миг мона Сэниа дрогнула.

— Шайтаны-вавилонны, чего мудрить-то? — вмешалась, как всегда, Таира. — Пойдем мы с Гуен, уж она-то никаких шакалов ко мне не подпустит!

— Разумно, — неожиданно согласилась мона Сэниа. — Кукушонок, земная птица тебя прикроет. Постарайтесь залечь где-нибудь на крыше — у них могут быть луки или арбалеты.

Таира с сомнением покачала головой: хотела бы она знать, как это заставить сову «залечь на крыше». Ну, там будет видно. Она вскочила, натягивая на голову капюшон своей меховой пелерины и завязывая на шее болтающиеся лапки.

— Нет, Тира, только птицы.

Девушка возмущенно фыркнула, даже не обратив внимания на то, что из ее имени исчезла одна буква. И удивилась, как сурово и торжественно глядят на нее джасперяне — они-то поняли, что это не было простой оговоркой.

Земная девушка получила боевое имя.

Она посадила Гуен себе на руку, поднесла к отверстию в потолке командорской каюты и шепнула:

— Ну, сестричка, не опозорься — за это пестрое полотно с хохолком ты отвечаешь не только головой, но и всеми потрохами. Давай, ррыжик-ррыжик-ррыжжжжж...

Подгоняемые воркующими звуками, птицы канули в золотой закатный свет. Не набирая высоты, Кукушонок пошел плавной дугой над чахлым кустарником, огибая

деревушку. Мона Сэниа нервно поправила обруч — как она завидовала зоркости Скюза! Между тем Таира выбралась на выпуклую крышу корабля, уселась скрестив ноги и поплотнее закуталась в огненно-рыжий мех.

— Так, — сказала она, примериваясь к жалкой кисее пожухлых листьев, которые скрывали их от любознательности аборигенов. — Обе наши ласточки на крыше... Самой высокой, так что от них ничто не ускользнет. Но я и отсюда вижу: грузятся на телеги. Прыгучие шакалы, между прочим, тоже там, выются между людей, как собачонки.

— Так это *люди*?

— Ну, а кто ж еще? Серые какие-то, грязные, наверное. Длинноногие. Кто в чем. Те, что верхом, покороче и побогаче — блесит на них что-то. У той халупы, что на отшибе, очередь устроили, рвутся туда... Одни безлошадные. Хотя что я — не кони это... С рогом. Свалка. Ничего не разберу. Кто-то кнутом орудует. Дома законопачивают. Так, разобрались: одни прорвались в халупу, других погнали к телегам. Отъезжают. О, и наши касатки возвращаются. Все.

Она не сказала, что на обратном пути Гуен несколько раз камнем падала в кустарник и догоняла Кукушонка, удовлетворенно пощелкивая клювом. В конце концов, это ее личное совиное дело. Тутюшнюю мышку она заслужила.

Кукушонок скользнул в каюту с таким грустным видом, что и без слов стало ясно: маленького Юхани в поселке не обнаружилось.

— Все, что можно было видеть отсюда, мы знаем, — упавшим голосом проговорила мона Сэниа. — Расскажи о детях.

— Дети все серокожие, как и взрослые. Черноволосые. Твой сын, принцесса, выглядел бы как свежее яйцо среди черных камней. Его там нет. Двух младенцев занесли в отдаленное строение и положили вместе с немощными стариками. Двери закрыли, а крышу разобрали, так что они остались там под открытым небом. Все лежат и улыбаются.

— Говори про детей, что в обозе!

— Младенцев поместили в сумки к прыгунам, по двое-трое. Постарше сели на телеги, поверх всякого скарба. Все в открытую, никаких мешков или сундуков. Видно было хорошо. Прости, принцесса.

— Постой, какие прыгуны? Серая стая?

— По-видимому, да. Они ручные. На брюхе сумки, для человечьих младенцев.

— Ну, сумки совсем для другого, — вставила Таира. — Значит, по окрестностям они шастают только так, подкормиться. Видно, туземцы вместо собак приспособили этих кенгуру...

Мона Сэниа подняла ладонь, как бы отсекая все, что не касалось того единственного, что сейчас поглощало ее целиком:

— А всадники? Могли же они спрятать что-то в свои сумки?

— У них не было сумок. Только оружие.

— Какое? — не удержался Флейж.

— Длинные ножи, рогатки и кнуты.

Кое-кто из джасперян позволил себе ироничный смешок.

— Позволь заметить, принцесса, — решился Дуз.

Короткий кивок.

— Появление белого ребенка среди этой серокожей голытьбы было бы воспринято как чудо. А чудеса вызывают переполох. Здесь же мы видели только обычные сборы...

— Мудро. Благодарю, Дуз. Мы ошиблись, выбрав путь на восток, и потеряли время, за которое вперед ушел караван — его было видно сверху. Теперь его нужно догнать и остановить любой ценой — Юхани может быть только там.

— Кстати, и этот табор тронулся, — подала сверху голос Таира, снова вылезшая на крышу. — Последние телеги через сарай проползли.

— Какой сарай?

— Ну, который поперек дороги.

— Мне показалось, что это что-то вроде молельни, — застенчиво проговорил Кукушонок. — Там стены все исписаны да изрисованы, лампы не горят, но пахнут... Там пусто.

Мона Сэниа одним прыжком очутилась рядом с девушкой. Выпрямилась во весь рост. Длинное и узкое строение, скорее непомерной протяженности ворота, чем сарай без передней и задней стенки, перекрывало дорогу так, что из поселка можно было выехать только через них. Одновременно под их перекрытием могли находиться телеги четыре, не менее. Сейчас последняя арба этого маленького каравана выползла на закатное солнце; замыкали же обоз два всадника, похлопывающих рукавицами, — от них порскал дымок, словно они только что гасили огонь.

Обе женщины невольно переглянулись, ужаснувшись одновременно пришедшей мысли: именно в таких местах совершаются жертвоприношения...

— Дуз и Сорк! — крикнула мона Сэниа — даже в такой момент она не ошиблась, выбрав самого мудрого и самого наблюдательного.

Они появились у восточного входа ритуальных ворот, нимало не заботясь о том, что караван отошел от ведущего на запад отверстия не более чем на пятьдесят шагов. Если бы кто-нибудь из туземцев обернулся, то, скорее всего, они приняли бы эти темные фигуры в невообразимом облачении за демонов надвигающейся ночи.

Но страх принцессы был напрасен: узкий длинный коридор, сложенный из громадных камней и перекрытый стволами деревьев, был пуст. Где-то на высоте поднятой руки шли неструтанные полки, уставленные чадающими, только что погашенными светильниками и странными предметами, напоминающими ежей. Мона Сэниа подняла руку и задумчиво оглядела странную игрушку: глиняный шарик величиной с кулак был утыкан птичьими косточками. Чуткие ноздри уловили даже запах жареной курицы. Хотя — откуда здесь взяться птичнику? Скорее это останки степных ящериц.

И если это — подношение здешним богам, то остается только благодарить судьбу, сделавшую аборигенов идеалом кротости.

Она повернулась к солнцу спиной и пошла к выходу, не обращая внимания на бесчисленные иероглифы, вкривь и вкось испещрившие стены.

Теперь оставалось последнее: караван, пыливший на горизонте.

Первыми ушли в вышину Гуен с Кукушонком — им было приказано следить за тем, чтобы кто-нибудь не скрылся в пожухлой, но еще высокой траве. Затем перед самым носом у двух унылых единорогов, трусивших во главе колонны, выросли двое самых высоких из джасперян — это были Скюз и Сорк.

Веерный разряд десинтора в воздух — и всадники, и тянувшиеся за ними босоногие переселенцы уже глотали дорожную пыль, лежа на брюхе. Теперь над дорогой возвышались лишь плохо оседланные одры с единственным клыком, загнутым вниз, да десяток крупных мышасто-серых кенгуру, пружинисто покачивающихся на мощных задних лапах, — только сейчас стало видно, что все они на длинных ременных поводках.

Из брюшных сумок выглядывали замурзанные мордочки малышей, еще не научившихся пугаться инопланетян.

Мона Сэниа, наблюдавшая за ходом операции с окаменелого термитного домика, судорожно сглотнула слюну, спрыгнула на жесткую стерню и пошла на дорогу, волоча по пыли край плаща.

Дальше все шло строго по сценарию, который был разработан буквально за пять минут. Раздвинув Сорка и Скюзу, принцесса встала между ними. Взмах рукой — и по обеим сторонам дороги легли громадные стволы деревьев, самые крупные, которые смогли выбрать Ких и Пы на перекрытии ритуальных ворот. Оба дружинника для большей убедительности дали по рассеянному разряду вдоль бревен, чтобы показать, что бегство с дороги в поля невозможно.

Появившиеся за спиной арьергарда Эрг и Борб пальнули в воздух, дабы закрепить ощущение того, что вырваться из окруженного каравана можно только в потусторонний мир.

Дуз и Флейж пока стояли на крыше корабля рядом с чрезвычайно раздосадованной Таирой, которой было велено не покидать своего поста и ждать первых раненых. Да, уже в который раз джасперяне горько жалели, что бежали с родной планеты в поясных скафандрах — Гэль именно за это и поплатился.

Да и от варваров хорошего ждать не приходилось: их приемы всегда оказывались подлыми и непредсказуемыми.

Между тем мона Сэниа нагнулась, выхватила у лежавшего стражника кнут и пинком подняла его на ноги. Диспропорция его тела вызвала бессознательное отвращение, но принцесса не позволила и секундной задержки, чтобы это ощущение проанализировать. На лбу чернела волосая повязка с узлом посередине, серые глаза полузакатились от ужаса, лицо то ли посерело, то ли никогда не имело теплого телесного оттенка.

Да, Юхани должен отличаться от них, как...

Она оборвала мысль, не позволяя себе расслабиться. Руки стражника были пусты, за спиной — никакой сумы. Она подтолкнула его кнутовищем — проходи. Скюз поймал единорога за нечесаную гриву, пустил следом за хозяином.

Флейж и Дуз переглянулись — настала их очередь: за теми, кто теперь оказывался за спиной у принцессы, тоже нужен был глаз. Шагнув с шатровой крыши, они очутились на подогретой закатом дороге.

— Топай и не оглядывайся, — проговорил Флейж, шлепая по крупу первого единорога. Стражник ударил его пятками в бока (стремян, как видно, здесь еще не изобрели — надо будет подарить им новшество!) и понесся вперед, забыв о всех своих воинских обязанностях. Скоро за ним последовал и второй.

Вот и настала очередь пеших. Сорк по одному подымал их с земли, подводил к принцессе. На поводках, намотан-

ных на руку, следом потрохивали сумчатые носильщики. Мона Сэниа жадно вглядывалась в темные личики — в конце концов, замазать глиной такую мордашку ничего не стоило. Но темно-серые, как дымчатый топаз, глаза, иссиня-черные кудряшки и смоляные валики бровей подделать было невозможно.

Пропуская мимо себя последнего кенгуру, тщетно пытавшегося укусить Сорка за локоть, мона Сэниа со щемящей болью вспоминала золотую головенку сына, светящуюся, как маленькое солнышко. Глаза у Юхани были пока молочными, неопределенно-голубоватыми, но она надеялась, что к году они станут материнскими, приобретя колдовской гиацинтово-лиловый оттенок. И ни с чем не сравнимая нежность розовой младенческой кожи... Нет, если бы ее сын был в этом караване, его везли бы как редчайшую драгоценность.

— Малышей больше нет, — негромко заметил Скюз. — На телегах уже постарше.

Но перед телегами находился еще некто, несомненно, не последний в этом караване. Его расписное, хотя и протертое почти до дыр седло, сплетенные из разноцветных ремешков чехлы для оружия и главное — две лубяные корзиночки, укрепленные на переднем выступе седла, говорили об этом. Корзинки были слишком малы, чтобы вместить ребенка, но в одной из них кто-то шевелился. Кажется, белый цыпленок.

Этого тоже пришлось отправить в дальнейшее странствие после самого беглого досмотра — ни сумок, ни ящиков.

Настала очередь телег. Все, что было навалено на них без малейшего разбора, представляло собой самый убогий скарб — тряпки, чаши, горшки. Что-то вроде тыкв, связки крупных стручков. Прямо на всем этом — детишки, сжавшиеся в комок, все с густыми черными челками. Пожилые туземцы, придерживающиеся за край телег. Сейчас, когда надежда уже почти оставила ее, мона Сэниа позволила себе разглядеть их.

Теперь стало ясно, что именно вызвало в ней такую гадливость: их ноги. Громадные, голенастые, они, каза-

лось, начинались прямо от груди. Сравнительно небольшое тело с недоразвитыми руками служило как бы придатком к этим широкоствопым опорам. Голова не была крупнее обычной джасперянской, но смоляные волосы и нависшие брови, такие длинные, что их приходилось зачесывать назад и вместе с волосами собирать в один пучок, создавали ощущение массивности; одним словом, их можно было смело окрестить головоногими. Правда, если бы их хорошенько обучить, то удалось бы сколотить целый легион вполне приличных солдат — упорных, выносливых...

Одновременно мелькнула мысль: а ведь и мои неплохо справляются без крэггов, только на очень придиричивый взгляд можно отметить некоторую замедленность реакций. Она помахала ладонью, чтобы глотнуть свежего воздуха в этой невообразимой пыли и поторопить последние две телеги, как вдруг увидела, что на предпоследней лежит бесформенный мешок. Телега дернулась, и она отчетливо увидела, как в мешке что-то шевельнулось...

С коротким криком она рванулась вперед, не рассчитав, что при таком стремительном движении слева и справа вздыбятся так и не преодоленные зрительные миражи, оступилась в этой круговерти пространства и почувствовала, что падает. Сорк, Скюз и Ких бросились к ней, и этой мгновенной заминки было достаточно, чтобы все стражники, как по команде, развернулись и, натягивая меховые рукавицы и выхватывая здоровенные рогатки, устремились на пришельцев.

Головоногие полезли под телеги.

И тут Кукушонок не выдержал, сорвался с высоты, на которой они с Гуен парили над караваном, и помчался на выручку к своей хозяйке. Вот тогда и началось уже настоящее столпотворение.

VII. ГОРОД ГРЯДУЩЕЙ ЗИМЫ

Первыми бросились врассыпную стражники. Успев стрелкнуть в толпу какими-то несерьезными орешками,

они теперь удирали кто вперед по дороге, а кто и прямо по полю, отчаянно лупя своих одров, запинаящихся на высокой стерне. Некоторые выпрыгнули из седел и мчались, обгоняя верховых — ноги и у них оказались под стать чемпионам по спринту.

Туземцы помоложе отбежали в сторону и зачарованно глазели на громадных птиц, которые кружили над сбившимися в тесную группу пришельцами. А вот все, кто постарше, впали в какой-то необъяснимый экстаз: они забирались на телеги, простирали серые, высушенные солнцем и невзгодами руки к небесам и протяжно, зазывно голосили.

Скюз приподнял лежавшую в пыли принцессу, на которую уже никто из аборигенов не обращал ни малейшего внимания, тревожно всмотрелся в искаженное отчаяньем и надеждой лицо:

— Принцесса, ты невредима?

Она оттолкнула его:

— Нет, не я — там мешок... Мешок на телеге...

Ких рванул пыльную ветошь — громадные теплые лепешки посыпались на дорогу.

— Все... — прошептала мона Сэниа. — Больше искать негде. На корабль!

Таира, наблюдавшая за происходящим с покатою крыши корабля, который она воспринимала скорее как перелетный дом джасперян, никак не могла привыкнуть к тому, что вот она видит их метрах в ста на дороге, а миг — их голоса уже раздаются внизу, в командорском шатре. Она еще раз глянула вдаль: только что голосившие, как на похоронах, туземцы рассаживают детишек по телегам, подбирают упавшее, опасно поглядывают на стражников. Не прошло двух минут, а караван уже принял свой прежний вид. Но с места никто не трогался. Все зачарованно провожали глазами птиц, пеструю и белоснежную, исчезающих в облаках, чтобы не привлечь внимание к кораблю. А потом из самой середины каравана вылетела маленькая птичка пронзительного канареечного цвета. Она помчалась вперед над самой дорогой с такой

скоростью, что взмахов крыльев нельзя было не то чтобы различить — даже заподозрить. В первый момент Таира приняла ее за стрелу или даже тусклую ракету. Прошло несколько секунд, и крошечное желтое существо стало невидимым на бурой дороге.

И тогда караван двинулся дальше. Таира, распластавшись на крыше, свесила голову и уже собиралась высказаться насчет обещанных раненых, но в шатре стояла такая гнетущая тишина, что она воздержалась.

— У кого есть предложения? — каким-то чужим, осипшим голосом спросила мона Сэниа.

— Предложений нет, — сказала Таира, глядя сверху через потолочный люк: — Есть маленькое наблюдение: они послали вперед птицу. Или крупное насекомое. Думаю, с донесением.

Мона Сэниа порывисто вскочила:

— Значит, впереди на дороге есть еще кто-то! Вверх!

Таира едва успела скатиться на ящики, достающие почти до потолка. Липкая влажность облака хлынула в каюту через люк, который теперь даже не трудились перекрывать. Хм, а если бы она со страху слетела с крыши на землю? Парашютов на Джаспере, похоже, еще не изобрели.

— Дорога... Наши страдалцы... — Это Флейж, он сдвинул белую шкуру в сторону и теперь через прозрачный пол каюты рассматривал проплывающую под ним вечернюю равнину. — Нет, с такой высоты никаких птиц не разглядеть.

— А серый массив слева? — подал голос Эрм.

— Деревня? — С отчаянной порывистостью мона Сэниа так резко наклонилась вперед и вниз, что снова не рассчитала всех особенностей своего нового зрения и ударилась лбом о прозрачный пол. Зазвенел, как брошенный в ножны меч, драгоценный обруч. Крошечный сверкающий кристалл александрита покатился, как удирающий от воробья жучок, по теплой поверхности.

— Нет, это или уже оголившийся кустарник, или свалка обрубленных ветвей — видите, опять пошли сплошные

штабеля бревен. Лесозаготовки, — спокойно констатировал Сорк.

Как они все спокойны!

— Вот чего не понимаю, — изумился Ких, — то для кого они это готовят, если на восток — безлюдные снега, а местные все подались на запад?

Ах, не важно, это абсолютно безразлично, что и кому. Они смотрят вниз и видят всего лишь выгоревшее на солнце поле возможного боя. Они несут своей волей и природным умением чуждый этой планете корабль, и для них это — всего лишь разведка. И никто, ни один из них не знает — не умом, а онемевшим от горя сердцем, — что это такое: искать сына, затерянного в необозримых просторах чужого мира.

— А ведь это город, — немного удивленно проговорил Флейж. — И еще какой!

По обе стороны дороги, обхватив ее, как щупальцами, причудливыми извивами улиц, залег бесформенный спрут первого виденного ими большого города. Сходство довершали два круглых глаза: голубой — по левую сторону, красновато-кирпичный — по правую.

Похоже, что левый на деле был водоемом с еще зеленеющими кустиками по ободу и многочисленными пестрыми пятнышками шатров или палаток. Поселение кочевников с рынком и общественной баней под открытым небом?

Второе, черепично-рыжее, пятно явно было крышей какого-то центрального комплекса, дворца или храма. Если где и искать, то именно там. Вопрос — как туда пробраться?

— Что тут мудрить? — не выдержала томительной паузы Таира, успевшая припомнить все старинные ковбойские записи, которые они втихоря от остальной семьи просматривали на пару с прабабушкой. — Садимся прямо на крышу этого культурного центра, берем «языка», птицы подстраховывают...

— Чтобы сесть, нужно прежде всего снизиться настолько, чтобы хорошенько эту крышу рассмотреть, — наставительно заметил Эрм. — Мы можем переноситься

только в то место, которое представляем себе до мельчайших подробностей.

— Значит, пойти туда — не знаю куда...

— Возможно только в земных сказках.

— А наши пернатые уже учинили один переполох, — неодобрительно покачал головой Борб, не терпевший неурядиц.

— Прекратите дебаты, — жестко произнесла мона Сэниа. — Садимся, как всегда, поодаль вон за тем холмом. В город пойду я одна. Флейж, ты прикрываешь, но издалека, с какой-нибудь крыши. По возможности без стрельбы.

Она поднялась с пола и выпрямилась, закутываясь в свой белый мех.

— Ну нет, — сказала Таира, — так не пойдет — слишком царственный вид. Где тут у вас зеркало?

Последовало недоуменное молчание.

— На Джаспере зеркал не бывает, — проговорила мона Сэниа, сбрасывая на пол лилейное великолепие и тем самым безоговорочно принимая замечание девушки. — А так?

Простой черный плащ с капюшоном скрадывал нездешние пропорции тела и отбрасывал на лицо тень, которая вместе с природной смуглостью делала принцессу неотличимой от местных варваров.

— Так сойдет, — кивнула Таира. — Еще бы темные перчатки, и настоящая туземка. Только старайся, чтобы ресницы были полуопущенными, а то глаза у тебя полыхают каким-то лиловым светом, как у...

Она вовремя прикусила язык — лиловым отсвечивали глаза ее рыжего спаниеля, оставшегося дома.

Мона Сэниа слушала ее так внимательно, как, пожалуй, ни одного своего дружинника.

— Благодарю тебя, Тира. Береги птиц. Похоже, они здесь играют какую-то особую роль. Ну, Флейж...

— А я? — возмутилась ее собеседница, ободренная царственными знаками внимания. — Я что, опять должна ждать несуществующих раненых?

Вот теперь из глаз принцессы действительно полыхнули молнии: от нее эта девочка ждала объяснения своих действий? Сейчас не время. Время наступит тогда, когда станет ясно, что имели в виду крэги, в своем послании подчеркнувшие: когда *вы обе* заслужите...

— А вы берегите ее, — легкий поворот головы к остальным дружинникам и едва заметный кивок в сторону девушки.

Этому она научилась с детства: быстрее всего выполняются приказы, которые отдаются шепотом.

— Ну, тогда еще один совет. — Как и все балованные дети, Таира автоматически оставляла за собой последнее слово. — Если хочешь что-нибудь узнать в незнакомом городе — спрашивай уличных мальчишек.

Спрашивать... Мона Сэниа подавила вздох — если бы еще знать язык, на котором эти мальчишки говорят!

Корабль несколько неуклюже приземлился за бесформенным холмом, на деле оказавшимся развалинами замковой башни. От нее, охватывая город бесполезной теперь защитной дугой, тянулись осевшие замшелые стены. Вниманием здешних туристов они явно не пользовались.

— Без моего голоса — ни шагу! — резко бросила принцесса.

В следующий миг ее в командорской каюте уже не было. Тень ее скользнула по каменной осыпи, следом черным крылом чиркнула вторая — Флейжа. И все. Оставалось ждать.

— Не по-ни-маю, — проговорила Таира, ударяя кулачком по колену на каждом слоге. — Не понимаю главного: зачем все это? Охмурили, притащили, напугали, посулили... ну и что?

— Возможно, нашими руками хотят что-то достать, — пожал плечами Борб.

— Или придавить кого следует, — буркнул Пы.

— Не исключено, что в столь некорректной форме нам предлагается что-то увидеть, — предложил гипотезу Сорк.

— Да нам просто морочат голову, чтобы не пустить на Джаспер! — воскликнул Скюз.

— А может...

— Тише! — поднял руку Эрм. — Или мне показалось?..

Нет, голос принцессы пока еще сюда не долетал.

А она шла по окраине города, дивясь тому, как мало он отличается от старинных городов Джаспера, чьи руины лежали к югу и северу от Равнины Паладинов. И здесь на массивных, вековых фундаментах из плохо отесанных камней высились двухэтажные домишки кирпичной кладки, только улицы были непомерной ширины и повсеместно сохранили следы недавно убранных шатров и палаток. Это был город, предназначенный для того, чтобы постоянно принимать бесчисленные орды кочевников. Судя по количеству пней, в недалеком прошлом он был городом-оазисом.

Сейчас эти улицы обезлюдели, но отнюдь не хранили следов поспешного бегства — ни мусора, ни хлопающих дверей, ни летучих пожаров, детищ брошенных очагов. Отсюда уходили привычно.

Наконец впереди закурился дымок, ветер донес запах перекишшего теста. Многоярусная крыша нависла над примитивными хлебными печами, и голоногие туземцы в чистых одеяниях грузили на телегу, высланную белоснежным рядом, горячие караваи, перебрасывая их из руки в руку. Один из них, ожегшись, видимо, совсем нестерпимо, выронил хлеб, расколовшийся на твердой глинистой почве; из неровных половинок вырвался душистый пар, растекшийся по окрестным улицам зазывным ароматом тмина. И тотчас же из-за каменного завала выскочил человек, юркий, как пичуга. Он схватил половинку каравай и исчез за ближайшим углом.

Мальчишка? Карлик? Не важно. Главное — не упустить.

Мона Сэниа бесшумно двинулась за ним. Юркая фигурка уже миновала перекресток, направляясь к центру. Там маячили туземцы, поглощенные суетой сборов. Малыш по-птичьи скакнул на высокое крыльцо и исчез в глубине приземистого дома.

Мона Сэниа огляделась — никого поблизости. И дом безлюден. Она ступила на крыльцо, подняла кожаную завесу и очутилась в полутемной горнице. Человечек сидел на столе и так беззаботно болтал длиннющими ногами, что не осталось сомнения — это ребенок, по-джасперианским меркам, лет десяти. Он отломил от краюхи кусочек, кинул в рот и потянулся, расправляя щуплые плечики.

И тут увидел принцессу, неслышно приблизившуюся к нему.

Рот его непроизвольно раскрылся, непрожеванный кусок упал на колени. Ребенок цепко, не глядя, поймал уроненное, кулачок сжался. В широко раскрывающихся под нечесаной челкой глазах затеплилось немного страха и бездна изумления.

— Хо сибилло? — А голосок был девчоночий.

Мона Сэниа превозмогла брезгливость и, протянув руку, погладила девочку по голове.

— Я — Сэнни, хо?.. — повторила принцесса.

Контакта не устанавливалось. Надо было взять с собой Сорка или...

Она поспешно сдернула с себя плащ, накинула ребенку на голову. Шагнула назад, возвращаясь на корабль. Дружинники, встревоженные ее внезапным появлением, поткрывали рты, торопясь с расспросами, но она замахала на них — потом, потом; кинулась в угол, раскопала горбатый кованный сундучок с игрушками. Выбрала палевого мехового зверька с шоколадными кольцами на пушистом хвосте и, ни слова не произнеся, ринулась обратно.

Девчушка, притихшая под тяжелым плащом, вероятно, даже не заметила ее отсутствия. Мона Сэниа осторожно сняла ворсистую ткань, взяла девочку на руки и пересадила на лавку. Пододвинула себе колченогий табурет и, усевшись по другую сторону стола, положила игрушку на его хорошо выструганную и отмытую поверхность.

— Возьми это себе, и продолжим урок, — проговорила она как можно мягче. — Я — Сэнни. Хо?..

Но девочка уже не глядела на нее. Все внимание ребенка было поглощено неожиданным даром. Ручки — четы-

рехпалые, как только сейчас заметила принцесса, — вскинулись и задрожали, не смея прикоснуться к подарку. Под столом что-то покатилося — наверное, выроненный хлеб.

— Ну поговори же со мной! — В голосе принцессы нарастало раздражение. — Хо? Хо? Назови себя, или я сейчас отберу это обратно!

Она протянула руку к зверушке. Девочка заливисто, протяжно всхлипнула, набрала полные легкие воздуха и запела.

Это была даже не песня, а легкий стрекочущий речитатив, то утихающий до шепота, то поднимающийся до негромких, но очень высоких и ломких трелей. Так распевается птица на первом году своей жизни. Глаза девочки полуприкрылись пушистыми ресницами, голова слегка запрокинулась, и волосы со лба упали назад. И тогда стало видно, что прямая угольно-черная челка в основном состояла из густящих бровей, которые свешивались вниз и, не будь весьма неаккуратно подрезаны, совершенно закрыли бы глаза.

Мона Сэниа выжидала, нервно постукивая носком сапога по ножке стола, но песня-заклинание была нескончаема, и пришлось резко хлопнуть по деревянной крышке, чтобы оборвать пение.

Девочка сжалась, словно ударили ее, и тогда на крыльце послышались цокающие, как копыта, шаги.

Кожаный лоскут, прикрывавший дверь, откинулся, и в комнату ввалился стражник. Мона Сэниа невольно поднялась ему навстречу, отмечая за собой торопливый шорох — девочка, похоже, успела скользнуть под стол. Войдя со света в полумрак, он не сразу разобрал, что к чему, и по привычке сипло и лениво заорал, поднимая кнутовище, но внезапно осекся и рухнул на колени.

— Сибилло, сибилло делло-уэлло...

Мона Сэниа закусил губу, не зная, подтвердить ли ей столь очевидно адресованный ей титул, но в этот миг стражник увидел девочку. Он на четвереньках, как краб, подобрался к столу, выхватил ребенка и, подтащив его к двери, несколько секунд всматривался в побледневшее ли-

чику, наклоняя то к одному плечу, то к другому свою бритую голову, обвязанную черным волосяным жгутом. Потом резко выпрямился, деловито и привычно ударил ребенка точно в висок и с такой силой вышвырнул обмякшее тельце за порог, что сорвал при этом кожаный занавес.

Мона Сэниа остолбенела. Стражник, подобострастно улыбаясь, разводил руками, словно извинялся за то, что доставленное ей удовольствие может быть сочтено слишком незначительным для столь высокой особы. Если в первый момент у нее зародилась мысль о том, что он скорее подойдет на роль контактера, чем бездомный ребенок, то теперь она взвешивала, что предпочтительнее: исчезнуть сразу, наградив эту тварь сопричастностью к чуду, которой он, несомненно, будет хвастаться до конца дней своих, или пройти мимо, постаравшись не коснуться его похрустывающего полукафтана и громадных сапог на косятной подошве.

Между тем страж порядка углядел в углу еще что-то и, высунув голову в дверной проем, издал призывный кудахтающий клич. Тотчас же на крыльцо запрыгнул долговязый головоногий в травяной юбочке и сплетенной из трав накидке. Не обращая на принцессу, отступившую к стене, ни малейшего внимания, он выволок из угла какой-то куль, взвалил себе на плечи и шаркающими шагами, чуть приседая на ходу, двинулся к выходу. Стражник суетливо подхватил с пола кусок хлеба и сунул в этот куль, все так же подобострастно оглядываясь на женщину, словно выклянчивая у нее знак одобрения. Но мона Сэниа не глядела на него: куль на спине травяного носильщика был телом человека — вернее, туземца. Верхняя часть туловища была закутана в рубище, но громадные серые ноги, все в кровавых язвах, покачивались мягко, не окоченело, что говорило о том, что их хозяин еще жив.

С ног на пол капало.

Носильщик шагнул с крыльца, уверенно направляясь к городской черте. Стражник уже лежал на земле в подо-

бострастной позе, как бы предлагая себя в качестве ступеньки, если высокая гостья соизволит осчастливить его прикосновением. А поодаль, точно ком лохмотьев, валялось маленькое изломанное тело, полуприкрытое кожаной занавеской. Над мертвой копошилась такая же небольшая фигурка, полупрозрачная и невесомая в своих движениях — несомненно, фея; бессильными пальчиками она перебирала жесткие завитки волос, разглаживала сведенные смертным ужасом черты лица.

Стражник зло хрюкнул и замахнулся на фею. Кулак прошел через прозрачное существо, не причинив вреда, но фея пугливо отлетела к принцессе, жалобно глянула на нее застенчивыми золотистыми глазами и упорхнула прочь, догоняя носильщика с телом. Она пристроилась следом, приподняв кровоточащие ноги, чтобы они не болтались в такт ходьбе, и эта неправдоподобная пара удалилась к проему в древней стене, зияющему в конце улицы. Мона Сэниа глядела им вслед, не в силах шевельнуться; то, что смысл происходящего был ей недоступен, в конце концов было не так уж важно.

Страшным было другое: леденящее ощущение полного бессилия перед судьбой, впервые в жизни охватившее ее. Потому что она никогда, ничего и ни от кого не узнает о своем сыне.

Никогда.

Ничего.

Ни от кого.

В этот миг она была готова вернуться на корабль, взять за руку Таиру и войти в малую каюту, где были заточены их крэги. Опустить на колени — и заставить сделать то же самое эту девчонку с земли, непонятным образом причастную к преследующему ее року, — и молить своих бывших поводырей о милости.

Она уже была готова сделать этот шаг, как кто-то потянул ее за край плаща. Она глянула вниз: стражник, холуйски елозя на пятках, протягивал ей маленького игрушечного зверька. На нежной палевой шкурке повисла хлебная крошка.

Мона Сэниа выхватила у него игрушку, спрятала за пазухой. Нет. Она обойдет весь город. Она допросит каждого встречного. И немедленно.

Она прыгнула с крыльца и решительно зашагала в конец улицы, где уже скрылись трупонос и его призрачная помощница. Стена подымалась сразу за последним из домов, щербатая и усеянная яркими васильковыми ящерицами. Заслышав шаги, ящерики разом посерели и слились с камнем. Мона Сэниа забралась на плоскую плиту, служившую как бы порогом между городом и равниной, заглянула в проем. Башня, за которой прятался их корабль, громоздилась справа в трех полетах стрелы, а слева, шагах в тридцати от стены, возвышался свежий сруб без окон и крыши. В треугольный лаз, ведущий внутрь, трупонос заталкивал свой груз. Фей уже не было, или она стала совсем прозрачной — до невидимости. Гигант в травяных одеждах закончил свой муравьиный труд и сам скрылся внутри строения.

Мона Сэниа отступила назад и прислонилась к стене. Через несколько минут этот головоногий последует обратно, и она за него возьмется. Не нужно даже будет прятаться в дом, достаточно выйти за стену, там ни одной живой души.

Она достала десинтор и перевела калибратор на первую отметку — легкое парализующее действие. При своей очевидной первобытной тупости, он даже не заметит, что причиной его полусонного состояния будет легкий точечный ожег. Приготовиться... Шаги заплюхали совсем близко. В проеме мелькнула великанская ножища в ременной сандалиии. Принцесса вскинула оружие — и остолбенела: кроме этих сандалий, на сером мускулистом теле не было ничего, даже фигового листочка. Мерно покачивая всем, что могло качаться, трупонос прошествовал мимо, не поднимая головы и, как прежде, не обращая на принцессу ни малейшего внимания.

— Флейж, домой! — бросила она отрывисто, делая шаг в сторону и уже в следующий миг оказываясь под привычным сводом командорского шатра.

Ее напарник в неизменном изумрудно-морковном обруче появился там почти одновременно с нею. По его всегда насмешливому, но сейчас абсолютно непроницаемому лицу нельзя было определить, что именно и в какой полноте он лицезрел.

В каюте было пусто, но снаружи доносились приглушенные голоса.

— Где все? — строго спросила принцесса. Как-никак, а похищение Юхани стало возможным именно потому, что на корабле не оставалось караульных.

Но в отверстии верхнего люка тут же показалась голова Киха:

— Все здесь, принцесса. Дым сторожат.

Она выбралась наружу. Развалины старинной башни образовывали гребенчатый навес, под которым потрескивал аккуратный костерок. Четверо дружинников, простерев над ним руки, ловили дым и тут же отправляли его подальше — наверное, в проклятое ущелье. Над огнем на прогибающихся прутиках скворчало мясо. Останки свежеразделанной тушки уже лежали на дне естественной ямы, костер вместе с обедом в одно мгновение мог отправиться следом за дымом. Придаться было не к чему.

Таира с засученными рукавами и голодным блеском в глазах была готова грудью защищать жаркое:

— Мы не крали, он от стада отбился. Одним словом, сам напросился....

Мона Сэниа устало опустилась на камень:

— Да я разве против — святое право скитальца...

Девушка взяла один прутик, понюхала, протянула принцессе. С мяса закапало. Мона Сэниа загородилась ладонью:

— Нет, без меня! — отшатнулась она. Подняла глаза и поняла, что напрасно не сдержалась: теперь никому кусок в горло не шел. К чертям. Женским нервам не место в походе. Дружина должна быть сытой и боеспособной.

— Гуен кормили? — спросила она, вонзая зубы в истекающий соком и чуть обугленный по уголкам кусок.

— А как же — ее добыча. Между прочим, тебе досталась печенка. Телячья. Единорожья. А у тебя неприятности. Да?

Мона Сэниа подняла на девушку тяжелый взгляд — не в первый раз у нее зарождался вопрос: откуда у этой непрошеной земной гостьи такая легкость в обращении с ней, высокородной принцессой и командором боевой дружины? Не может быть, чтобы в жилах этого подростка не текла хоть капля королевской крови. И потом, где это она так быстро и в таком совершенстве овладела языком Джаспера? Вероятно, на Земле существуют такие же магические шлемы, как и у ее верного Гаррэля, ее пажа из рода королевский лекарей.

Но это все потом. Сейчас все мысли, все силы направлены на одно: Юхани. Юхани. Юхани.

— Я ничего не сумела сделать, — проговорила она, с трудом разжимая сухие губы. — Надо как-то переменить образ. Меня или бояться, или раболепствуют до полного идиотизма. Принимают меня за какое-то сибилло.

— Как, как?

— Сибилло. Делло-уэлло сибилло.

— Ну, делло-уэлло — это что-то вроде трали-вали. А вот сибилло... — Девушка внезапно вскочила, так что ее импровизированный шашлык угодил прямо в костёр, и захлопала в ладоши. — Это просто чудо! Ничегошеньки менять не надо, тебя приняли за ведьму, за шаманку, ты теперь из них можешь веревки вить! Давай, пошли туда, и прямо во дворец. Ты и я.

— Нет, — сказала мона Сэниа, но в голосе ее уже не было прежней твердости. Тобой рисковать я не могу. Там с чужими девочками разговор короткий.

Она не стала уточнять.

— Подумаешь! — пожала плечами Таира. — Ты сама говорила, что можешь перенести целую лошадь — пардон, боевого коня. Так что в случае опасности хватай меня за шкурку, как котенка, благо воротник у куртки рассчитан на когти моей Белоснежки, прыгай в свое *ничто* — и мы в безопасности.

— Ну, и чего мы добьемся?

— А вот чего: тебя приняли за какое-то сверхъестественное существо, в этом мире, судя по их поведению, реально обитающее. Прекрасно. Уж если кто и знает о твоём сыне, то именно такое сатанинское производное. Вот мы и потребуем, чтобы нам устроили встречу с настоящим сибиллой.

Мона Сэниа с изумлением смотрела на девушку. В этой изящной головке, осененной блестящим коконом темно-рыжих волос, рождались ясные и единственные решения. Почему ей самой не приходили в голову такие элементарные, трезвые мысли?

Да потому, что ее собственная голова раскалывается от отчаянья. Ее малыш в чужих, злобных руках, и нет никаких намеков на то, каким образом она — нет, они обе, что еще загадочнее, — могут заслужить его возвращение.

— Между прочим, — проговорила Таира, безошибочно угадывая ее мысли, — твои злыдни пообещали вернуть Ю-ю, если мы с тобой сообщаем это заработаем. Значит, нам все время надо быть вместе. Это однозначно.

Теперь и для принцессы это стало неоспоримым фактом.

— Запомни только одно, Тира, — проговорила она, чеканя каждое слово, — запомни накрепко и никогда не нарушай: ты все время должна находиться от меня не дальше, чем на расстоянии протянутой руки. Лучше — ближе. Запомнила?

Девушка кивнула, и ее и без того яркое, персиковое личико вдруг осветилось совершенно ослепительной улыбкой — было даже непонятно, как это ее маленький лукавый рот превратился вдруг в одну огромную ухмылку от уха до уха.

— Не гримасничай, — одернула ее принцесса. — Мы отправляемся не на увеселительную прогулку.

— Вот именно! А то я боялась, что мне у себя дома и рассказать-то будет не о чем — ну, мясо там жарила, как повариха в турпоходе... А Скюза возьмем?

Что ж, пусть девочка будет спокойна.

— Скюз и Флейж, за мной!

Они совершили уже около десятка перелетов, каждый раз выбирая себе крышу или башенку поближе к черепичному массиву дворца — или храма, что было им, в общем-то, безразлично. Сейчас уже было видно, что громадный приплюснутый купол с какими-то грибочками по краям окружен бесчисленным множеством пристроек пониже, лепившихся к нему наподобие ласточкиных гнезд. На площади перед дворцом гарцевали подтянутые всадники с поблескивающими короткими копьями — уже не стражники, а настоящие воины. Послышался резкий, разбойничий свист, и всадники, сразу сорвавшись в галоп, помчались к широкому тракту, разделявшему город на две половины. Там они свернули на восток и, окутываясь клубами пыли, устремились навстречу невидимому пока каравану.

— Это они по наши души, — насмешливо проговорил Флейж. — Пошли на перехват, недоумки.

— Канареечная почта сработала, — догадалась Таира.

— Не отвлекайтесь, — оборвала их принцесса. — Все на крышу дворца. Флейж и Скюз остаются снаружи, мы попытаемся найти окно, чтобы проникнуть внутрь.

Искать, собственно говоря, и не потребовалось: черепичные грибки прикрывали от дождя и града потолочные окна, затянутые то ли прозрачной пленкой, то ли выскобленными роговыми пластинами. Внизу, под куполом, располагался, несомненно, центральный зал, поражающий воображение невероятным множеством беспорядочно расставленных разномастных колонн. Казалось, их сооружали вовсе не для того, чтобы поддерживать свод, — некоторые даже не достигали потолка, — а ради проявления изощренности своей творческой фантазии.

Таира и принцесса, распластавшиеся на черепице, одновременно подняли головы и переглянулись.

— А здесь паршиво в жмурки играть, — шепнула девушка, — сразу лоб расшибешь.

— Зато хорошо вести ближний бой, — возразила принцесса. — Спускаемся.

— Вербку взяли?

Мона Сэниа даже не потрудилась ответить — ну сколько можно объяснять, что для джасперянина увидеть — это значит уже проникнуть.

— Там кто-то появился, — подал голос от соседнего окошка Скюз, никогда доселе не славившийся осторожностью. — Может, повременить?

Внизу, петляя между колонн, поплыли дородные фигуры в алых балахонах — Таира прикинула, на кого они больше похожи: на палачей или на кардиналов? Решить было трудно, потому что ни с одним из представителей этих профессий она, к счастью, на Земле не встречалась.

— Тем лучше, — жестко парировала принцесса. — Подтвердим свое магическое естество. Вставай.

Она протянула руку, обнимая девушку за плечи, и в следующий миг они стояли уже посреди леса колонн, в самом центре грубо скомпонованного мозаичного пола, отмеченного пурпурным разлапистым цветком. Для этого подзакатного мира, где явно превалировали серые тона, здесь было многовато красного.

Грузные, неопределенного пола существа в алом продолжали двигаться семенящими шажками, не замечая вновь прибывших; впрочем, при таком обилии архитектурных излишеств это было естественно.

— Пальни-ка в потолок, — посоветовала Таира, — для сгущения магической атмосферы.

Ее голос, резко прозвучавший на фоне едва слышных шелестящих шагов, произвел впечатление ничуть не меньшее, чем выстрел. Секундное замешательство сменилось топотом, точно у этих пузанов разом отросли копыта, — женщин окружали. Пока, к счастью, не настолько близко, чтобы достать до них рукой или каким-нибудь оружием.

— К столбу, — приказала мона Сэниа, отступая на два шага и прислоняясь к побеленной пятигранной колонне;

хотя она и была уверена, что все эти обладатели багряных туник взяты под прицел, но командорский опыт не позволял ей оставлять противника за спиной.

Правда, сейчас они не были противниками — скорее уличными зеваками. Жирные складчатые лица расплывались в улыбках; оправившись от первоначального замешательства, краснохламидные принялись подталкивать друг друга локтями, похлопывать себя по бедрам и потирать четырехпалые ладони, плоские и пухлые, как олады.

— Осторожно, — предупредила мона Сэниа, — сейчас они обнаглеют, а хотелось бы не портить отношений. Ишь, ведут себя как в зверинце.

— По-моему, они напоминают рыбаков, которым светят две золотые рыбки, — возразила девушка.

При звуках ее чуточку гортанного голоса аборигены пришли в окончательный восторг, словно смысл сказанного был им доступен. Взаимное разглядывание продолжилось. Оставалось непонятным, кто же скрывается под многоскладчатыми хламидами, мужчины или женщины; внушительных размеров руки говорили в пользу первых, но поведение было явно бабским. Безбородые лица с уже не поражающими воображение бровями, зачесанными вверх и вместе с остальными волосами образующими на темечке пышную баранку, были какими-то бесполоыми. А вот прищуренные крошечные глазки, едва угадываемые среди лоснящихся жировых складок, глядели теперь исключительно на Таиру.

— Хок! — раздался откуда-то сбоку скорее выдох, чем возглас, и обе женщины невольно скосились на очень высокого и по сравнению с остальными сухощавого старца, неслышно появившегося позади остальных. Хотя в его коротком приказе трудно было заподозрить обширный смысл, но тем не менее один из зрителей двинулся вперед, протянул руку и, ухватив Таиру за прядку волос, дернул довольно-таки больно.

От неожиданности девушка мотнула головой и, не раздумывая, размахнулась и отвесила нахалу звонкую

оплеуху. После чего той же рукой указала ему себе под ноги.

Понято было мгновенно: красная туша бухнулась на колени. Таира шагнула вперед, снова замахнулась и уже другой рукой указала на пол — хламидоносцы повалились поочередно, как доминошки.

— Тира, не увлекайся, — шепнула мона Сэниа.

Где уж тут увлечься — все и так лежали на полу. Впрочем, сухощавый старец один остался в вертикальном положении. Мгновенно сориентировавшись, девушка царственным кивком головы приветствовала его — если не как равного, то как достойного выслушать повеление.

— Сибилло сюда, — велела она, указывая на пурпурный мозанчный цветок. — Си-бил-ло. На это вот самое место. И побыстрее.

— Почему ты думаешь, что они тебя поймут? — почти не шевеля губами, прошептала мона Сэниа.

— А они уже поняли — по рожам видно.

Принцесса вдруг подумала, что в жилах Таиры все-таки нет королевской крови. Мысль была не к месту, и она поспешила прогнать ее.

Но оказалось, что девушка права. Старец выпростал из тяжелых, словно вылепленных из терракоты, складок одеяния, не позволявшего заметить его худобу, совершенно бесплотные ручки и умудрился хлопнуть ими что-то около десяти раз. Несмотря на слабый шорох, который последовал вместо звучных хлопков, в зале тотчас же появилось пятеро стражников с парой корзиночек каждый.

— Сибилло! Сибилло!!! — истошным голосом завопил он, словно искомое сибилло должно было сразу же явиться из корзинки величиной с небольшой арбуз.

Корзинки разом распахнулись, и десять канареечного вида длинноклювых птиц ринулись к потолку. Они, вероятно, хорошо знали дорогу, потому что никто из них не заметался, а все разом нырнули в невидимые до сих пор круглые дырочки и уже там, на воле, скорее всего, разлетелись по всем возможным направлениям. Стражники

захлопнули корзинки и удалились, не обнаружив ни малейшего удивления по поводу крайне раболепных поз, в коих до сих пор пребывали обладатели алых одежд.

— Так, — сказала мона Сэниа, — если эти пернатые вестники действительно разосланы за искомым сибилло, то нам здесь оставаться незачем — рано или поздно эти пойдут на сближение, и неизвестно, чем дело кончится. Поэтому...

Она уже привычным движением положила руку на плечо Таиры и шагнула в сторону — и обе женщины оказались у самого выхода из залы, за чешуйчатым столбом, символизирующим плодоносное дерево; во всяком случае, что-то вроде яблок, грубо покрашенных в оранжевый цвет, прилепилось прямо к коре.

Следующий шаг — к маленькому настенному фонтанчику. Еще несколько перелетов, сугубо демонстративных, по всему залу, и они вернулись на прежнее место.

— Сибилло — сюда, — громовым голосом распорядилась мона Сэниа.

Старец посмотрел на нее в немом изумлении.

Принцесса выхватила десинтор, перевела калибратор на холостой разряд и нацелилась точно в сердцевину пурпурного цветка.

— Не поняли? Сюда!

Гроыхнуло прилично для закрытого помещения; цветок, казалось, ожил и превратился в россыпь бенгальских огней, не опасных для жизни и здоровья.

— Это ж музейный экспонат... ап! — Таира едва успела открыть рот, как уже увидела себя в центре командорской каюты.

— Скюз и Флейж, мы на корабле, — проговорила принцесса, посылая голос обратно в город. — Когда кто-нибудь прибудет во дворец, дайте нам знать.

— Минуту назад вылетели какие-то желтые стрелы, — раздался пришедший издалека голос Флейжа.

— Я видела.

Таира устало опустила на жесткий сундучок, развязывая стянутые под подбородком шелковистые лапки свое-

го мехового плаща. И что это на нее так пялились? Может, именно на этот мех?

— Странно, все тутошнее зверье сплошь серое или черное, — проговорила она. — Может, у них красный пигмент вообще в природе отсутствует?

— Не расслабляйся, — отозвалась принцесса. — В любой момент нас могут позвать обратно.

Таира надула губки — что за жизнь: не увлекайся, не расслабляйся... Стала бы она слушаться на Земле!

— А я мясо в лопух завернул, — неожиданно сказал Ких. — Еще теплое...

— Роскошно! У нас дома, между прочим, уже девять вечера, солнце садится. Еще бы зеленого чаю...

— У меня в каюте сосуд с вином, вероятно, предыдущая дружина забыла, — вставил Дуз. — Если принцесса изволит...

Все они одинаковы: говорит «принцесса», а сам смотрит на эту девчонку.

— Несколько капель в горячую воду, — кивнула головой мона Сэниа. — А тебе, Тира?

— И мне, естественно.

Дуз и Сорг отправились к костру. Наступило томительное ожидание.

— Принцесса, на дороге виден экипаж. Скорость... пока далеко... вдвое против коня на рыси. — Это снова голос из города.

— Направляется во дворец?

— Он еще на дороге, видно плохо — прямо против солнца.

— Мы идем. Тира!

Вот тебе и чай.

То, что Флейж назвал экипажем, со скоростью вихря влетело в город. И теперь, с близкого расстояния, уже было очевидно, что именовать его таким образом можно было очень и очень условно. Большая черная лодка, скользившая над дорогой, как ковер-самолет, была несомна дюжиной тонких суставчатых ног, сочленения которых поднимались гораздо выше ее самой.

Стоя на крыше дворца и не без трепета разглядывая приближающееся чудовище, ни джасперяне, ни их земная спутница все еще не могли решить, живое это существо или механическое средство передвижения. Для последнего цивилизация данной планеты вроде бы еще не доросла. Хотя — как знать, не исключено, что и они пользовались дарами каких-нибудь пришельцев, как и жители многих недоразвитых миров. В Звездных Анналах отмечалось, что, как правило, следы пребывания инопланетян можно найти только там, где цивилизация еще не наградила аборигенов всеми пороками, сопутствующими даже минимальному уровню прогресса.

Гигантское паукообразное свернуло с большой дороги на улочку, ведущую ко дворцу... Нет, не на улочку — на две улицы, потому что, неся свое челнообразное тело над крышами домов, оно одной половиной суставчатых ног перебирало плиты одного переулка, а другой половиной семенило по параллельному. До ужаса тонкие и хрупкие на вид опоры мелькали с такой скоростью, что сосчитать их было просто невозможно.

— Шайтан меня задери, вот это коси-сено! — пробормотала Таира. — Есть у нас такой травяной паучок...

«Паучок» вылетел на придворцовую площадь и замер, как хорошо объезженный скакун. Сравнительно небольшая голова с многогранными хрустальными глазами и каким-то неестественным капканом вместо челюстей оказалась как раз на уровне крыши, и ее временные обитатели невольно попятнулись, с редким единодушием желая себе другого местопребывания. С натужным скрипом раздвинулись пещерной величины жвалы, и стало очевидно, что удерживает их довольно примитивный намордник с явно недостаточным запасом прочности. Но в это время на вогнутой мохнатой спине паукообразного гиганта что-то зашевелилось и поднялось во весь рост — некто в полосатом балахоне, делающем его похожим на бурундука.

Цепляясь за торчащую пучками паучью шерсть, доходящую ему до колен, отважный наездник добрался до основания передней лапы и пнул ее ногой. Тотчас же

торчавший над его головой коленчатый сустав начал распрямляться, опускаясь, пока не образовалась идеально прямая направляющая, ведущая от ворсистой спины к полированным ступенькам дворца.

— Ишь, кланяется, как цирковая лошадь, — снова не удержалась от комментария Таира.

Обладатель полосатого плаща, укрывавшего его с головой, обхватил гладкую, как жердь, лапу своего росинанта и соскользнул по ней вниз с привычной легкостью. Лапа тотчас же вернулась в исходное положение. Наездник огляделся и, заметив жавшихся к стене стражников, знаком подозвал их к себе. Они приблизились, опасливо косясь на поскрипывающий у них над головами паучий намордник; вновь прибывший порылся у себя на пузе и извлек из складок одежды два голубоватых шарика, которые он и швырнул им под ноги с каким-то гнусавым, нечленораздельным звукосочетанием. Тем не менее он был прекрасно понят, потому что стражники бросились ловить подпрыгивающие крупные бусины, хлопая ладонями по каменным плитам. А поймав, резво порскнули за угол.

— Пусть зайдет в помещение, — шепнула мона Сэниа. — Для субординации важно, чтобы он ждал нас, а не мы его. И неплохо бы определить его общественный статус.

С последним оказалось проще всего: через роговое окошечко было видно, что, едва войдя в зал, чернополосатый набросился на краснохламидного — тот в ответ только огрызался.

— Так, понятно: посторонние нам только помешают. Пошли.

Они появились у прежней пятигранной колонны как раз в тот момент, когда тощий старец с лисьей ухмылкой подтащил вновь прибывшего за край одежды к пурпурному цветку и указал на его сердцевину — видно, надеялся, что снова полыхнет сноп огня. Ничего не произошло, и старец огорченно зашипел.

— Благодарю вас, — проговорила мона Сэниа, подходя сзади. — А теперь можете удалиться.

Он вздрогнул и обернулся на ее голос. Застыл.

— Ты что, не понял? — спросила Таира. — До свиданья.

Толстяки в алых тогах, так и сидевшие на полу, повскакали и с топотом бросились к выходу. На мозаичном орнаменте осталось множество маленьких красных подушечек. Таира изумилась — с собой носили, что ли? — и принялась пинками собирать их в одну кучу.

— Тира! — прикрикнула на нее принцесса. — Не отходи ни на шаг. И не время забавляться.

Девушка опустила на гору подушек у ее ног. Ладно, пусть общаются. Если у них получится.

Мона Сэниа помедлила, выбирая нужный тон. Неподвижная фигура с капюшоном, совершенно закрывающим лицо, смущала ее. Судя по трем жиденьким прядкам седых волос, стекающих на грудь, перед ней был глубокий старик. Но держался он на редкость прямо и независимо.

— Я — Сэнни, — проговорила она наконец неестественно ровным голосом. — А ты — сибилло?

— Фифивво, — прозвучало в ответ крайне гнусаво, но с достоинством. Голова мотнулась, и капюшон упал на плечи.

Очень темное лицо с тонким орлиным носом, из которого торчала белая шерсть, и пронзительные агатовые глаза в какой-то степени даже разочаровывали своей ординарностью.

Несколько необычным для человека — впрочем, абсолютно естественным для шамана — было убранство этого лица. Казалось, его украшали как елку. Белейшие, без малейшего оттенка первоначального цвета, брови были подхвачены на висках кокетливыми бантиками, точно так же были подобраны над уголками рта сивые, точно прокуренные усы. В бороде поблескивали разноцветные бусины — и на чем держались? Голову, несомненно плешивую, венчала рыжая камилавка, опоясанная рыбьим хребетком с торчащими костями.

Шаман выжидающе глядел на принцессу — позвала, так говори зачем.

— Я ищу ребенка, — мона Сэниа сложила руки так, словно держала младенца на сгибе локтя. — Ребенка, понимаешь?

Она принялась качать несуществующее дитя, и взгляд ее сразу же потерял твердость. Губы задрожали, и Таира поняла, что сейчас все переговоры закончатся слезами.

Но, похоже, понял это и шаман. Он вскинул перед лицом женщины четырехпалую ладонь, покрытую какой-то неживой, доисторической кожей, словно велел ей замолчать. Направил остроклювый нос на Таиру.

— И правда, дай-ка я, — сказала девушка. — У тебя эмоции забивают смысл. Между прочим, детей здесь не качают, а суют в сумки к кенгурам. А теперь поехали: уважаемый сибилло, постарайся меня понять. Мы — люди.

Она подняла руку и отмерила приблизительный человеческий рост, проведя усредненную линию между собственной макушкой и подбородком принцессы. Потом понизила ладонь до собственной груди:

— А этот — подросток.

Ладонь опустилась до пупа:

— Ребенок.

Таким же непринужденным движением она изобразила у себя на животе сумку и показала в нее пальцем:

— А там — дите. Понял? Грудное дите.

Против ожидания шаман медленно наклонил голову, коснувшись при этом указательным пальцем левой щеки.

— Ну и умница. Допер. Теперь сядь — сядь, сядь где стоишь, — и мы разберемся с цветом кожи. Сэнни, ты тоже не торчи.

Принцесса, зачарованно слушавшая весь этот урок, опустилась на подушки. Шаман поглядел на голый пол, величаво повернулся спиной к женщинам и огляделся — вероятно, искал достойное кресло для своего многострадального седалища. Не найдя, медленно спустил с плеч свой роскошный плащ, сшитый из белых и черных шкур. Обнажилась спина, покрытая сетью трещинок, как старинная картина. Заношенные необъятные шальвары и

жутко грязный пояс, к которому были привешены на колечках разноцветные мешочки.

Неразговорчивый собеседник скатал плащ в пухлый валик, бережно опустил на пол и наконец повернулся к женщинам лицом. Они ожидали от него каких угодно чудес, но это...

На шее не было ни амулетов, ни бус, приличествующих захолустному магу. Зато, свешиваясь чуть не до пояса, болтались иссохшие женские груди.

Таира лязгнула зубами, закрывая рот, и ошеломленно спросила:

— Слушай, ты кто?

Вопрошаемый медленно уселся, поелозив на самодельной подушке, взялся за свой вызывающий уважение бержераковский нос и снял его, как снимают очки. Вместе с торчавшей из него белой шерстью. Затем она... оно... Нет, с полом решительно нужно было определяться, и поскорее, — иначе все мысли путались, — лизнуло пальцы и принялось оттирать на курносом, едва выступающем бугорке пятна клея.

И уже не гнусавым, а чуть дребезжащим низким голосом ответило:

— Сибилло.

Очень вразумительно.

— Слушай, ты прикройся, а то на тебя страшно смотреть, — сказала Таира, снимая свою рыжую накидку и протягивая ее шаману. Мириться со средним родом этого монстра она была не в силах.

Тот осклабился, встряхнул неожиданный дар — судя по заблестевшим глазкам, весьма ценный — и накинул себе на плечи. Изящный плащик не сходил на груди, так что то, на что у женщин глаза бы не глядели, осталось доступным всеобщему обозрению. Шаман порылся в одном из мешочков, подвешенных к поясу, и достал теплый на вид розоватый шарик. Прикинул на вес и, растянув под усами отвислые, как у негра-саксофониста, губы, с церемонным поклоном отправил шарик катиться прямо к ногам девушки. Она поймала его и ойкнула от восторга:

на ее ладони сияла огромная живая жемчужина телесного цвета.

— Солнышко! — восторженно воскликнула Таира и, приложив жемчужину ко лбу, потом к губам и груди, послала шаману воздушный поцелуй.

— Хм, — многозначительно произнес даритель.

— Вы отклонились... — тихонечко простонала принцесса.

— Устанавливаем контакт. Итак, с обменом любезностями покончили, займемся определением цветов. Счастье еще, что сидим на мозаике. Сибилло, смотри: красное. Синее. Черное. Белое. Белое дите. Белое — ты видел?

— Ребенок, сын — вот такой! — не выдержала мона Сэниа, показывая сначала размеры младенца, а потом на белый квадратик.

Шаман снова вскинул ладонь, приказывая старшей из женщин замолчать, и, покачиваясь на своих тощих ягодицах, принялся с каким-то болезненным, надсадным вниманием всматриваться поочередно в их непривычно светлые лица. Казалось, он искал в них какое-то различие, на первый взгляд далеко не очевидное, или сравнивал, причем не оставалось сомнения в том, что это сравнение было в пользу младшей. Наконец он выбросил вперед цепкую, как ястребиная лапа, руку и, схватив Таиру за воротник куртки, слегка притянул к себе.

— Тира... — прошептала мона Сэниа, вскакивая на ноги и изгибаясь к спасительному прыжку. В негромком всплеске ее голоса было и предостережение, и уверенность в том, что она успеет вытащить девушку при малейшей угрозе, и мольба не торопиться с таким спасением.

Шаман шумно принялся. Возбуждение его росло; Таире вдруг пришло на ум, что он напоминает ей щенка-первогодка, обнаружившего мирно спящего крокодила, — видала она такую сцену в Батумском серпентарии, когда ее спаниель наткнулся на Кешу-Мойдодыра, заменявшего тамошнему директору кота. Песика оттащили от этого живого, но абсолютно непостижимого существа прежде, чем он сумел оценить степень риска своей любознательности.

Вот и сейчас этот австралопитек с бантиками даже не подозревает, что сверху на него нацелены два самых метких десинтора их звездной дружины. Впрочем, с такой развалиной в случае чего она и сама бы справилась.

А «развалина» между тем проявляла прыть, явно не по годам: закончив обнюхивание, он принялся весьма осторожными и умелыми движениями расстегивать на курточке пуговицы. Обнаружил под ней неизвестного происхождения амулет — узенький флакончик с мельтешащими внутри искорками. Подцепил вещичку двумя пальцами и легонько встряхнул. Таира задержала дыхание: и руки, и их движения, и лавандовый запах — все это было несомненно женским. Может, усы и борода тоже приклеены, как и нос?

— Подари ему... — подсказала принцесса.

— Много будет. Пусть теперь заслужит.

Шаман, словно поняв их мимолетный диалог, отбросил вещичку без малейшего сожаления. Опасливо потыркал полупрозрачным пальцем в черный свитерок — нет ли под ним еще чего? Ничего, кроме купальника, там не было, и он нескрываемо огорчился. Взялся за рукав, деловито пробежал пальцами до плеча. Опять задумался. И вдруг резким движением вскинул руки и отвел назад пряди волос, обрамлявшие личико девушки, как темная бронзовая рамка. Брякнула дешевенькая сережка. Девушка отпрянула, прижимаясь к ногам принцессы, и точно так же отшатнулся шаман. Мона Сэниа даже не успела ничего толком разглядеть. А шаман, удовлетворенно хмыкнув, опустился на четвереньки и забегал от колонны к колонне. У каждой принюхивался. Обошел все двери. Двигался он как шимпанзе, опираясь на костяшки пальцев и перекидывая вперед между рук свое высухшее, почти невесомое тело.

— Ой, сейчас штаны порвет... — ужаснулась Таира.

— Древние боги, о чем ты! Если он сейчас нас покинет...

— Никуда не денется. Видишь, он наши следы вынюхивает — хочет по ним добраться до нашего дома. Яснее ясного.

— Если бы я так легко его понимала, как ты! Я умоляю тебя, Тира, найди мне сына, у тебя какой-то особый дар общения, вон и наш язык ты выучила в совершенстве...

— Ваш язык? Да кто тебе сказал? Я ни одного слова по-вашему не знаю. Когда бы я успела? Вот вы по-нашему говорите прямо как дикторы телевидения. Особенно мальчики, когда...

Ее прервал сибилло, в высшей степени раздосадованный неудачей своих изысканий. Бороденка его приподнялась и выпятилась вперед, как рог у местной скотинки, бусинки и жемчужины в ней мелко зазвенели.

— Решай быстро: берем мы его на корабль или нет? — Таира забеспокоилась: контакт был под угрозой.

— Да все что угодно! Скюз, подхвати Тиру, Флейж — пока останься...

И принцессы вместе с козлобородым любителем побрякушек уже в зале не было.

Девушка наклонилась и подняла полосатый плащ. Мех был выделан скверно, вдоль швов уже шли проплешины. Она встряхнула его и перекинула через руку, выжидая поглядывая на роговое окошечко, откуда за ней неотступно — а она это угадывала безошибочным женским чутьем — следили лазоревые очи самого златокудрого из всех джасперян...

VIII. ТРАВЯНОЙ ГОСПИТАЛЬЕР

Появление экзотического старца в командорской каюте не вызвало на лицах дружинников даже беглой тени изумления или брезгливости — он был с принцессой, следовательно, под их охраной. И все.

Шаман же, со своей стороны, не позволил себе унижительного страха перед лицом вооруженных воинов — а что они действительно воины, понял бы житель любой планеты. По-хозяйски оглядевшись, он бесцеремонно запустил лапу в одну из коробок с офитами, вытащил желтый с кофейными крапинками обруч и, не спрашивая

разрешения, принялся прилаживать его себе на камилавку. Обруч был шире, чем требовалось, и при попытке водрузить на макушку это сооружение, съехал на уши, отчего они обрели поразительное сходство с жаберными плавниками морского петуха — триглы. Удовлетворило ли это кокетливого старца или нет, осталось неизвестным; во всяком случае, теперь его заинтересовали шкуры — он перетряхнул каждую из них, но ни одну даже не примерил. Ему никто не помогал и не мешал; дружинники, уловив безмолвный приказ принимать все как нечто естественное, только отступали, когда у них что-нибудь выдергивали из-под ног.

Появились Скюз с Таирой — шаман и ухом не повел. Всем своим видом он подчеркивал, что в этой компании магов, переносящихся по воздуху и украшенных чудодейственными амулетами, он — равный по естеству, но превосходящий их по годам и опыту. Вероятно, и искал он что-то ведомое ему одному как раз для того, чтобы утвердить свое превосходство.

А может, и совсем для другого.

Он согнал с места девушку, присевшую было на сундучок с игрушками, заглянул туда и, озадаченно хмыкнув, быстренько прикрыл. Сунул приплюснутый нос в несколько коробок с офитами, к ним не прикоснулся и больше ни в одну из тех, что содержали дары Земли, не заглядывал. Зато ящички и корзиночки, забытые на корабле предыдущим экипажем, притягивали его, как кота валерьянка. Его поисками, несомненно, руководило какое-то сверхъестественное чутье, позволяющее отличать земные и джасперянские предметы, с которыми он обращался довольно бесцеремонно, от изделий мастеров неведомого мира, несомненно не чуждого чародейству. Сухие скелетообразные пальцы открывали старинные ящики и коробки, но ни до чего пока не дотрагивались.

Казалось, его поиски так и останутся безрезультатными, но тут очередь дошла до ящичка с хрустальными бусами. Сибилло взмахнул руками, повелевая всем отойти подальше и не мешать, расчистил пол и начал вы-

кладывать переливающиеся всеми цветами радуги прозрачные цепочки так, что висящие на них колокольчики оказались обращенными к нему; прислушался. Мона Сэниа тоже напрягла слух, но того шороха и многоголосья, что было в первый раз, она не уловила. И уползти обратно в свое хранилище эти сверкающие нити не делали никакой попытки. Может, тогда ей это только приснилось?

Ведь это было целую вечность тому назад — вчера. Древние боги, вчера!..

Шаман прикрыл себе рот серой ладонью, словно боялся, что его участвовавшее дыхание спугнет ему одному ведомое волшебство. И тут это произошло — один из колокольчиков дрогнул и едва уловимо зашелестел. Сибилло схватил цепочку, намотал ее на руку, как простую бельевую веревку, и каким-то натренированным воровским движением сунул в один из своих бесчисленных мешочков. Довольный, потер руки и жестом подозвал к себе мону Сэниа. Когда она наклонилась над ним, он уверенным жестом надел на нее хрустальную цепочку, словно наградил старинным орденом.

— Благодарю, — растерянно проговорила принцесса.

— Не стоит.

Мона Сэниа отшатнулась. Нимало не смущенный ее реакцией, шаман махнул рукой бросившемуся было на защиту своей повелительницы Эрму и тоже украсил его камзол аналогичной елочной игрушкой.

— Ну, спасибо, колдун, — пожал плечами Эрм.

— Пошел ты со своей благодарностью...

По тому, как лязгнула его челюсть, остальные дружинники догадались, что происходит что-то невероятное; во всяком случае, бессмысленные звуки, издаваемые этим пугалом, почему-то ошеломляют любого, получающего от него подарок. Поэтому, становясь обладателями собственного амулета, каждый из них от выражения признательности уже воздержался.

Когда оделены были все присутствовавшие, кроме Таиры, на полу лежала всего одна цепочка. Все невольно

подумали о Флейже, оставшемся в городе. Колдун, по-хозяйски распоряжавшийся чужим добром, спрятал цепь в душистый ящичек и решительно захлопнул крышку.

— А я? — обиженно спросила девушка.

— Не будь жадной, дитя, один у тебя уже есть.

Таира откинула волосы и схватилась за левое ухо — действительно, там висела сережка в виде колокольчика.

— Три тыщи джиннов, так это универсальный транс-лейтор!

— Носимый толмач, — поправил ее шаман.

— Я не знал, — вдруг смущенно признался Ких, хотя его никто и не спрашивал. — В моей каюте под шкурой валялось...

Интересно, что еще завалящего успели поднести этой чаровнице ее верные воины, подумала принцесса. И это в то самое время, когда она в лесном домике сходила с ума от ужаса перед собственным отражением!

— Слушай, давай сразу уточним, — взяла быка за рога Таира, всегда отличавшаяся избытком инициативы. — Ты колдун?

— Я сибилло.

Это прозвучало примерно как «я — и царь, и бог».

— Ну, это мы знаем. А что-нибудь такое, сверхъестественное, ты можешь?

— Фу на тебя, дитя. И волос короткий, и ум... И на тебя, прекраснейшая из светлокожих, тоже.

Нельзя сказать, что дыхание, сопровождавшее этот старческий лепет, было благовонным. Мона Сэниа тихо-нечко вздохнула — свои хоть вида не подают, а этот еще и издевается...

Сибилло принялся устраиваться — подпихнул под тощий зад несколько шкур, с сожалением расстался с рыжей накидкой, вернул себе потраченное молью и дряхлостью черно-белое великолепие и, приняв таким образом вид главы совета, милостиво предложил жестом и остальным расположиться на обстоятельную беседу.

Когда же все расселись, он оглядел поочередно каждого и изрек:

— Будь сибилло молодым, оно любило бы тебя, солнцецудрая. И тебя, вишневоокая. И всех вас, неподвластные мне воины, веселящие чресла живостью и несоразмерностью юных ног.

Неподвластные воины от такого заявления как-то сникли. Таира тоже чуть было не начала перечислять причины, по которым и она воздержалась бы, — ноглянула на застывшее лицо принцессы и сжала губы. Только удивилась тому, что такой грубый комплимент возымел на суровую воительницу столь мгновенное действие: щеки окрасились смутлым румянцем, исчезли лиловые пятна и шрамы, разгладились морщины. Женщина — всегда женщина. Она пожала плечами и вдруг почувствовала, что за шиворот что-то заползает. Она с ужасом сунула руку за воротник — и не обнаружила ничего, кроме собственных волос. Собственных? Они были уже до плеч, и с шелковым шелестом ползли все ниже и ниже.

— Это ты? — взвизгнула девушка. — Прекрати немедленно! Здесь же нет парикмахерских! Ко...

Ну сколько можно запинаться на половине слова? Да и знает ли он вообще, что такое козел... Тут ведь одни единороги, верховые да ломовые.

— Не дразни старость! — усмехнулся сибилло, погрозив ей костяным пальцем. Волосы перестали шуршать, но не укоротились. — Ну, так что там о белом ребенке?

— Это мой сын, — скороговоркой заговорила мона Сэниа. — Совсем маленький. Он исчез сразу же, как мы сюда прилетели. В ущелье, там...

Она махнула рукой, потому что не была уверена, имеют ли здесь место понятия «восток» и «запад».

— Украден?

— По-видимому.

— Кто-нибудь из живущих в этом летающем доме?

Принцесса помедлила, чтобы ответ не прозвучал двусмысленно:

— Половина обитателей была на виду, половина — заперта. Но кто-то мог способствовать.

И джасперяне, и Таира сразу же отметили, что она не упоминает о крэгах. Действительно, сейчас это потребовало бы долгих экскурсов в прошлое и заставило бы потерять уйму времени.

— Кстати, где Кукушонок? — как о чем-то незначительном, бросила вскользь принцесса.

— С Гуен, прогуливается. — Эрм тоже сумел обойти скользкую тему.

— Вот и пусть посторожат снаружи. Слышал, Кукушонок?

Ответа не прозвучало — крэги ведь не умеют посылать свой голос на расстояние, но мона Сэниа не сомневалась, что ее верный поводырь понял ее. Сибилло же не обратил на эти реплики ни малейшего внимания.

— Скажи, увенчанная фиалковой росой, а ты уверена, что твой сын еще жив?

Со щек принцессы сошел последний румянец:

— Иначе я не смогла бы жить!

— Значит, уверена не вполне... Роди другого сына. Вон сколько желающих!

По сверкающим глазам мона Сэниа поняла, что еще одно слово в том же тоне — и ее дружинники просто размажут его по полу, как мокрицу.

— Здесь только послушные и почтительные подданные, — проговорила она ледяным тоном. — Сибилло, ты можешь хотя бы сказать, где мой сын и что с ним?

— Твой маленький ребенок, похищенный в Гиблом овраге. Сибилло не видело твоего маленького ребенка, похищенного в Гиблом овраге. То, чего сибилло не видело внешним зрением, оно не увидит внутренним.

На лицо принцессы словно упала тень. На кого же еще надеяться, если и этот ведьмак бессилен?

— Может быть, ты знаешь, кто обитает в этом ущелье... то есть Гиблом овраге? — упавшим голосом предположила она.

— Да никто там не обитает. Сейчас это мороженная кишка, и только. Ледяным локкам там жарко, джаяхуулдам — голодно, анделисам и в своих чертогах хорошо.

Но кто-то похитителей позвал. Странно, что он больше не подал голоса.

— Он — или они — обещали вернуть...

— Так что ты беспокоишь себя и меня? Вернут. Если твой сын белокож, как ты, он годится только как диковинка, живое сокровище. Сокровища продают. Но тот, кто побывал сейчас в Гиблом овраге, ничего не делает для денег.

Он словно нарочно каждый раз обрубал все концы!

— Но он же маленький, он погибнет в нечеловечьих руках... Может, он уже умирает от холода и жажды!

— Если он умирает, надо искать его в Травяном Приюте. Сибилло видело четыре анделахаллы. Если хочешь, сибилло проведет тебя по ним.

— А если он в этой... анделахалле, там за ним кто-нибудь присмотрит?

— Там никто ни за кем не присматривает. Там смиренно ожидают анделисов, духов блаженного успокоения.

— Слушай, кончай нам нервы трепать! — закричала, вскакивая, Таира. — Обещал проводить — так двигайся.

— Если ты хочешь за это какую-то плату... — начала мона Сэниа, стараясь сгладить неловкость, которая должна была возникнуть вследствие этого несдержанного вопля.

Но старый шаман, казалось, все поступки «огненнокудой» воспринимал с одинаковым умилением.

— Сибилло уже взяло себе плату, — проговорил он, похлопывая по мешочку с хрустальной цепью. — Мы как, полетим?

Принцесса замялась. Поднимать корабль, спрятанный так удачно сразу за городской чертой, не хотелось, но нельзя было и расписываться в собственном бессилии.

— Волшебный полет не может совершиться туда, куда не падал еще внешний взгляд, — проговорила она, старательно придерживаясь сибилловой лексики.

Шаманский слух это объяснение в полной мере удовлетворило.

— Тогда пойдем. Сибилло возьмет тебя и еще одного.

Таира наклонилась, подбирая с пола отвергнутую сибилло меховую пелерину.

— Нет, — сказала принцесса, — на этот раз пойдет Сорк. Он самый осмотрительный. А тебе нельзя — если это приют умирающих, то ты можешь заразиться.

— А ты что, заговоренная?

— Нам не страшны ни болезни, ни яды других миров.

— Везет же некоторым...

Мона Сэниа обернулась к остающимся воинам:

— Всем быть наготове. Сторожевые посты как всегда. — Она задержала свой взгляд на Скюзе — он опустил ресницы в знак того, что понял: ему сопровождать принцессу незаметно.

Шаман подобрал полы балахона и, побрякивая, полез через распахнувшийся по приказу Эрма люк. Принцесса спрыгнула на землю следом за ним. Старик обернулся — люк в это время как раз закрывался.

— Именем Хатта и Гихатта, духов ног, ведущих к двери, повелеваю тебе, откройся!

Результата не последовало.

— Сибилло тебе велит, откройся!

— Идем, идем, уважаемый, — поторопил его Сорк. — Найдем молодого принца — мы тебя еще не тому обучим.

Мона Сэниа взглянула на него с благодарностью. Старец повернулся и зашагал вдоль развалин башни, с неожиданной легкостью перепрыгивая через замшелые камни. «Хатта-гихатта, хатта-гихатта», — приговаривал он в такт ходьбе, вероятно, заглушая ропот уязвленного самолюбия. Сейчас, когда он двигался, было заметно, что пропорции его тела несколько отличаются от туземного стандарта: руки были длиннее, что делало его похожим на местную обезьяну — впрочем, вряд ли существующую; ноги, напротив, были короче, а ступни шире и как-то корявее. Обуви эти ноги никогда не знали, но то ли к подошве была приклеена черная толстая подметка, то ли сама кожа на ней превратилась в естественные зароговевшие котурны. Не исключено, что он прибыл сюда из каких-то других земель, а это было скверно — вряд ли он тогда мог полностью ориентироваться в местной обстановке.

— Прости, сибилло, если я обижу тебя своим вопросом, — проговорила мона Сэниа ему в спину, с трудом поспевая за его цепкой, как у индейцев, походкой. — Ты родом из этой земли?

— Если бы сибилло было из другой земли, его давным-давно скормили бы шурушетрам. Сибиллин шурушетр бежал сегодня быстрее ветра, и сибилло заплатило за два кокона еды для него. А почему ты спрашиваешь?

Мона Сэниа снова мысленно обратилась к его лексике:

— Твои ноги восхитили меня своей соразмерностью, в отличие от...

— Не ври, вишневоокая. Сибилло уродливо. А отличается оно тем, что родилось не в другой земле, а в иное время.

— А как называется эта земля?

— Эта? Дорога Оцмара.

— Нет, не дорога, а вся земля, от края и до края?

— Ты, мудрая, спрашиваешь как ребенок. У земли нет краев. Вся земля — это как бесконечно толстая колода, на которую намотаны веревки дорог. Она зовется делла-уэлла Тихри.

— А что значит «делла-уэлла»?

— Все. Жизнь, любовь, свет, небеса, надежда, упоение... Незакатное солнце. Все это — делла-уэлла.

Мона Сэниа проглотила комок, мгновенно вспухший в горле, — никогда, никогда больше ей не скажут: «Сэнни, делла-уэлла...»

— Ответь, мудрейший из тихриан, — начал Сорк, но шаман его оборвал:

— Если мы не поторопимся, то время Невозможного Огня застанет нас в поле. А сибилло никогда не любило ночевать под открытым небом.

— А нам далеко? — озабоченно спросила принцесса.

— Да вот же.

Шагах в пятидесяти перед ними на фоне закатного оранжевого неба поднимался сруб без крыши. Еще вчера, увидев перед собой строение, сложенное из бревен, принцесса изумилась; в эту же варварскую обстановку он впи-

сывался совершенно естественно. Легонькие облачка пара время от времени подымались над ним. Сибилло ускорил шаг. Мона Сэниа стискивала руки под черным плащом, всеми силами удерживая себя от того, чтобы не очутиться возле темно-бурых, с неободранной корой, стен раньше шамана. Наконец они были у цели.

— Входи, — сказал сибилло, подымая кожаную сырую занавеску и пропуская вперед женщину, угадав ее нетерпение.

Мона Сэниа задержала дыхание и переступила порог.

Она бессознательно готовила себя к какому-то омерзительному зрелищу, но, не успев еще свыкнуться с полумраком этого помещения, по стенам которого скользили отсветы закатного неба, она была поражена нежным и как бы отрешенным от всего земного запахом свежескошенных умирающих трав, принесенных сюда для того, чтобы уходящим из этого мира людям было не так одиноко на их пути. Трава устилала весь пол, как единая душистая перина для всех тел, распростертых на ней.

Впрочем, тел было немного — всего шесть. Седьмой, живой и, по-видимому, совершенно здоровый, стоял на коленях и перебинтовывал ноги какому-то страдалцу. Давешняя фея пыталась помочь ему, подсовывая полосы ткани, но, похоже, больше мешала. Он выпрямился, услышав у себя за спиной шорох, и мона Сэниа узнала трупоноса.

К счастью, на нем снова была соломенная юбка и какая-то рогожка на плечах.

С выражением глубокого сострадания он приблизился к принцессе, протянул руку, словно хотел коснуться ее лица, но остановился, как будто ловил ладонью тепло, исходящее от кожи.

— Я никогда не встречал болезни, которая до такой степени уносила бы из человека краски жизни, — проговорил он мягким, глубоким голосом, который несколько смягчал впечатление варварской грубости его черт и непомерной массивности фигуры.

— Я не больна, — ответила мона Сэниа, делая над собой усилие, чтобы не отшатнуться от этих рук, осквер-

ненных трупным прикосновением. — Я ищу сына. Маленького сына. У него белые волосы и кожа, как у меня.

— Погляди, — предложил ей трупонос, откидывая белоснежное покрывало.

Подросток, уютно свернувшийся калачиком, посапывал во сне. Его кожа была не светлее, чем у остальных, но бритая голова не позволяла судить о цвете волос.

— Закрой, — вздохнула принцесса. — Мой — еще малыш, ему нет и года.

— Нам всем нет и года, за исключением мудрейшего, — он поклонился шаману, маячившему в дверях.

— Приветствую, Лронг! — как хорошо знакомому, кивнул шаман.

Трудно будет что-то объяснить этому дикарю — совсем тупой попался.

— Мой сын еще не умеет ни ходить, ни разговаривать, — сделала она еще одну попытку.

— Значит, он одержим умедлением жизни?

— Да ничем он не одержим, он маленький, понимаешь, маленький, вот такой!

Она попыталась показать ему на пальцах — вот, мол.

Трупонос с неодобрением глянул на нее, тряхнул кистью руки и выбросил вперед указательный палец:

— Ты хочешь сказать, что он застрелен травленным орехом?

— Древние боги, да объясни ты ему, сибилло!

— Сибилло говорит: младенец еще не вырос из сумки гуки-куки, — кратко и вразумительно объяснил сибилло.

— Такого младенца здесь нет. Здесь вообще только вот этот несчастный ребенок, укушенный хамеей.

— Тогда он во власти анделиса, — покивал головой шаман. — Ты утишил его страдания?

— Я напоил его соком сизого забвенника, и он уснул.

— Ты всегда был прилежным учеником. Молодец. Двое, я вижу, уже на пути в полуночный край?

— Да, сибилло, и о нетленнике я не забыл.

Мона Сэниа, следуя их взглядам, обернулась к стене и увидела два неестественно выпрямленных тела с пучка-

ми травы, торчащими изо рта. Фея порхнула к телам и ревниво загородила их, трепеща крылышками.

— Спасибо, спасибо, — пробормотал сибилло. — Добрая ты и славная, да сопутствует тебе ветер, дующий от солнца.

Фея блаженно улыбнулась и упорхнула, прошмыгнув у шамана над самым плечом.

— Побирушка... — пробормотал трупонос. — И куда только они за добрым словом не забираются!

— Не осуждай, — строго сказал сибилло. — Кончил тут? А то пойдем.

Великан по-хозяйски огляделся: четверо еще живых были укрыты и обихожены, вдоль стены стояли на полу миски с едой и кувшины; один даже дымился.

— Да пребудут с вами анделисы милосердные, — проговорил он с поклоном, обращаясь к своим подопечным. — Ступай, сибилло, а я вот дверь подопру и выберусь.

Мона Сэниа повернулась к дверному проему. Действительно, к стене был прислонен такого же размера, как и дыра, плетеный щит, и наклонное бревно вело к верхнему краю сруба. Они с сибилло вышли наружу, и поджидавший их Сорк ни о чем не спросил — по выражению лица принцессы было видно, что надежды ее рухнули. За опустившейся кожаной занавесью послышалась возня, скрипы: трупонос перекрывал последний путь, ведущий к миру из этого царства душистого ожидания смерти. Наконец и он сам показался наверху, свесил ноги, знаком велел посторониться. Спрыгнул — точно глыба камня ухнула с высоты.

— В городе начинается пожар, — коротко доложил Сорк.

Действительно, с самой высокой башни дворца — совсем рядом с оставленным для наблюдения Флейжем — подымался в вечернее небо кольчатый ствол дыма.

— Флейж, это опасно? — крикнула принцесса.

— Похоже на сигнальный огонь, — голос возник, словно принесенный ветром.

— Однако! — В голосе сибилло послышались отзвуки в который раз затронутого самолюбия. — Успокой своего

стража и упреди его: это Невозможный Огонь, после зажигания коего никто не волен передвигаться.

— А если передвинется? — спросил Сорк.

— Ежели возымеет такую смелость, то его будут поджидать хамеевы каштаны. Стражники уже у своих щелей, рогатки наготове.

— И фляги с вином, настоянном на бессоннике, — подхватил обладатель соломенных одежд. — Так что не утруждай моей спины — ведь это мне наутро тащить твоего человека в анделахаллу. Если, конечно, гуки-куки не полакомятся.

Джасперяне промолчали, не сочтя нужным объяснять ему, что не стоит беспокоиться о их безопасности. Легкие полускафандры, которые здесь принимали за глухие камзолы, выдерживали десинторный разряд, так что, если даже этот «хамеев каштан» был не просто ядовитой колючкой, а какой-то пакостью разрывного действия, опасаться можно было только за Таиру. Впрочем, ее-то верные воины оберегут как надо.

Великан пошаркал ногой, сбивая в кучу лежащее вдоль стены сено:

— Присаживайтесь, инодорожные гости, я смою с себя печаль, и мы предадимся беседе; может быть, и ты, отмеченная прельстительной грустью, почерпнешь из нее капли истины, освежающие путь к искомому.

Мона Сэниа, помаргивая от удивления, машинально опустила на мягкую подстилку — спокойный тон и изысканная речь, неожиданная для такого низшего существа, как трупонос, вернули ей совсем было утраченную надежду.

— Я забыла его имя, — прошептала она сибилло, поглядывая на темный силуэт великана, удалявшегося к невысокой каменной гряде. — И потом, разве ему самому разрешается передвигаться?

— Его имя сейчас Лроногирэхихауд-по-Рахихорд-над-Хумусгигрейтос, а остальную часть своего имени он утратил, когда был раздвоен его брат и заточен отец. Сибилло всегда называло его просто Лронг, вот и ты так

его зови. Он кроток, хотя и сохранил звание рыцаря, и не обидится.

— Тогда я буду обращаться к нему: рыцарь...

— Травяного Плаща. Но, знаешь, его плащ пованивает, так что не стоит ему об этом лишний раз напоминать. Хотя, к чести его сказать, меняет одежды он после каждого шага за порог анделахаллы — не иначе как дюжина девок на его телегах трудится. А что касемо запретов, то город со стражниками все-таки за стеной, а против хамеева яда он каждый раз травку-хамехвостку жует.

— А ты? — спросила принцесса, невольно прислушиваясь к доносящемуся из-за гряды плеску и пофыркиванию, словно купали коня.

— Сибилло заговоренное.

— Как ты думаешь, он может что-нибудь знать о моем сыне?

— Что думать — спросим.

Плеск прекратился, и вскоре послышались гулкие шаги. Мона Сэниа невольно опустила ресницы, вспомнив давешнюю встречу, но босые ноги прошлепали мимо и остановились. Она приоткрыла глаза, опасливо косясь — Лронг, в длинных кожаных штанах в обтяжку и простой накидке, короткой спереди и почти до земли сзади, развешивал на сучках, торчащих из стены, мокрые сандалии. Закончив это дело, он присел на камень против женщины и, чуть склонив голову набок, проговорил:

— Если бы я мог стать междорожным разбойником, я не грабил бы сокровищ — я умыкал бы таких, как ты, о полнящая сердце печалью недоступности...

Мона Сэниа невольно улыбнулась — наверное, в первый раз после бегства с Джаспера: уж очень милый был обычай на этой земле — каждую беседу начинать с учтивых слов, обращенных к даме, как бы уродлива она ни была. Хотя, да простят ей древние боги, затуманившийся взгляд варвара выдавал скорее восхищение, а не то отвращение, которое испытала она сама, глядя на себя в зеркало. Или это солнце, спрятавшееся за стенами зловещей анделахаллы, перестало выдавать степень ее безобразия?

Но как бы там ни было, а Сорк, услышав сей комплимент, насторожился — принцесса видела, как под плащом он положил ладонь на рукоятку десинтора.

Не обращая внимания на это движение, которое насторожило бы любого настоящего воина, рыцарь Травяного Плаща наклонил голову и с какой-то величавой обреченностью проговорил:

— Ведь мы встречались совсем недавно, не так ли, сибилло? Ты уходил за солнцем с ореховым караваном, а я тогда нашел след анделиса и захотел узнать свою судьбу. Что же ты не предсказал мне эту встречу, вещий сибилло?

— Потому как то, что встречено, — не про тебя! — запальчиво крикнул шаман. — Верно, кто накроет рукой след анделиса, тот вправе требовать, чтобы ему открыли грядущее. Только кто тебе сказал, что *все* грядущее?

Великан надергал из кучи сена, на которой сидела принцесса, самых длинных соломинок, и теперь его длинные, неуклюжие на вид пальцы с удивительной легкостью плели тугой жгутик. Он протянул руку еще за одним стебельком, и мона Сэниа отодвинулась, чтобы не мешать ему.

— Не пугайся моих рук, непредсказанная, — покачал он головой, — я только выбираю стебли, которые касались твоих одежд.

— Такой вот плетешок хорошо кровь останавливает, — проворчал сибилло, но невольная гордость, проскользнувшая в его тоне, выдавала его довольство и своим учеником, и, естественно, собственной персоной в качестве учителя. — А ежели его красота несказанная коснулась, то помогает вдвое. Говорят.

Уперлись они в несуществующую красоту!

— Я прошу прощения, что возвращаю твои мысли к моим заботам, рыцарь, — проговорила принцесса смиренным тоном, — но я должна обойти еще три анделахаллы. Не мог бы ты сопровождать нас?

— Я готов, — просто сказал великан, стряхивая труху с колен. — Дождемся, когда погаснет Невозможный Огонь, и пойдем.

— Сейчас!

— Ты просишь о невозможном, краса безымянная.

— Древние боги, да почему же? Стражники нас не увидят, а и заметят, так эти каштаны и рогатки никому из нас не страшны.

— Достаточно, чтобы увидели, — вздохнул трусоватый рыцарь, чья смелость пока не вызывала особого уважения.

— Ты забываешь, что отец Лронга в темнице, — укоризненно заметил сибилло. — С ним и поквалятся.

— Прости. Я пойду одна. У тебя отец в тюрьме, а у меня сын, может быть, в какой-то анделахалле.

— Да я их все только что обошел, нет там младенца со светлыми волосами!

Мона Сэниа задохнулась.

— Ты уверен? — спросил за нее Сорк.

— Я не в первом городе обихаживаю тех, кто готовится к встрече с духами смерти.

— Но где же он? — простонала женщина.

— Посидим, времени у нас достаточно. Раскинем сеть предположений. Сибилло с нами.

Упомянутый сибилло, вместо того чтобы принять эти слова за комплимент, заерзал и принялся поглядывать вверх и по сторонам.

— Не тревожься, учитель, это я знаю лучше тебя: анделисы никогда не подходят к Травяному Приюту со стороны двери. Так что они нас не увидят.

— А может, они уже там?

— Возможно.

Мона Сэниа порывисто поднялась:

— Ну, так я спрошу у них!

Великан, не вставая, протянул руку, и принцесса почувствовала, что оба ее запястья стиснуты мягкой, но непреклонной в своей решимости ладонью. Это не напоминало жесткую хватку крэга — в прикосновении Лронга было больше просьбы, чем принуждения.

— Ты можешь не увидеть сына, а сын — тебя. А кроме того, владыка нашей дороги уже платит за такое любопытство; да не будет эта плата двойной.

На этот раз голос рыцаря был не только печален, но и суров.

— А уж ты платишь... — сибилло заперхал, прикрыв ладонью жабий рот, и было непонятно, то ли сенная труха попала ему в горло, то ли он сам спохватился, что сказал лишнее.

— Что же мне делать? — с бесконечным отчаянием проговорила мона Сэниа. — Скажи, Лронг, у тебя есть сыновья?

— Они появятся у меня, только если я забуду тебя, неназванная.

— Мое имя Сэниа. Сэниа... Мур.

Сорк в безмерном изумлении вскинул на нее глаза, но она не потрудилась хоть как-то объяснить свой отказ от имени своего мужа.

— Напрасно ты назвала его, — буркнул сибилло. — Труднее забывать. Хотя за хороший теплый перл сибилло могло бы постараться и подвигнуться на пару-другую обеспамятных заговоров. Заклинания нынче дороги...

— Я не ношу с собой перлов, ты меня знаешь, сибилло, — как-то очень равнодушно проговорил рыцарь — похоже, он совсем не торопился, чтобы над ним произнесли эти заклинанья.

Мона Сэниа прислонилась щекой к шершавой стене. Только сейчас, когда громадная ладонь держала ее обе руки, она почувствовала, как неуменно дрожат эти руки.

— Успокойся, Сэниа Мур, — проговорил рыцарственный лекарь, отпуская ее. — Ум твой помутнен, и рука не сможет держать оружие. Если бы ты была женщиной с моей дороги, я сказал бы, что ты уже опалена прикосновением анделиса. Буйство страсти сковало твой разум, хотя я и понимаю, что неистовое желание вернуть себе утраченного младенца — страсть священная. Но я еще не встречался с материнским отчаянием такой силы. Оно словно наслано на тебя свыше. Скажи, перед тем как потерять сына, ты не была смертельно больна?

— Нет.

— Может быть, тяжело ранена?

— Нет. Царапины.

— Странно... Скажи, сибилло, — обратился он к шаману, — я не ведун, так могу ли я верить тому, что чувствую без знания и опыта?

— Ты забыл, кто твой учитель, Лронг? Верь себе.

Травяной рыцарь тяжело вздохнул, сокрушаясь о том, во что приходилось поверить, но вслух делиться своими догадками с окружающими не стал, а обратился к более обыденной стороне жизни:

— Прости, пришедшая издалече, я не предвидел встречи с тобой и не озаботился ни едой, ни питьем...

Принцесса с Сорком переглянулись.

— Я приглашаю тебя, рыцарь, в мой дом, — просто и в то же время величественно проговорила она.

— Благодарю. Как только...

В следующий миг он уже изумленно тряс головой, оглядывая развалины замковой башни, слившиеся в единое целое девять кораблей, что, несомненно, он воспринял как волшебный девятиглавый храм, и кружок усталых воинов возле притухшего костра. Он неуверенно потрогал босой ногой камни, на которых стоял, словно опасаясь, что они сейчас исчезнут.

Сибилло, уже знакомый с колдовским могуществом гостей, только хихикнул:

— Босой ты теперь остался, аки смерд!

Мона Сэниа глянула на Сорка — Лронг только успел почувствовать, как исчезла твердая рука, обнимавшая его за плечи; не успел он перевести дыхание, а молчаливый их спутник уже стоял у костра, выгребая из золы нагретый плоский камень и водружая на него еще не просохшие сандалии. Сибилло по-хозяйски подобрал палку и тоже принялся копать в теплых еще углях, что тут же принесло свои плоды в виде кусков жареного мяса и толстых лепешек, завернутых в листья местного лопуха.

Очевидно, кто-то из дружинников посетил-таки оставленную деревню и обнаружил там забытое печево.

— Приказала бы раздуть огонь, госпожа, — проблеял шаман, — косточки старческие, недужные... Иди к нам, Лронг!

— А как там насчет невозможного? — осведомился Сорк.

— Стражники все в домах, у щелей, а кто не страж, тот не донесет. Город остался за стеной, так что уж потрудись, молодой. Ежели кто злобный приблизится, сибилло учует.

По знаку принцессы костер задымил снова. Лронг не подходил, учтиво дожидаясь хозяйского приглашения.

— Займи место в нашем кругу, рыцарь Лронг, — сказала мона Сэниа, представляя его таким образом своим спутникам.

— Благодарю, Сэниа.

Дружинники разом востепенелись, уязвленные такой варварской фамильярностью.

— Принцесса Сэниа! — поправили его хором пять или шесть голосов.

— А что это за титул такой — принцесса? — не давая ему возможности извиниться, полюбопытствовал шаман.

— Дочь нашего короля, — отвечал Эрм, который, будучи старшим, взял на себя обязанность блюсти все тонкости субординации.

— А кто такой король?

— Верховный правитель наших земель.

Рыцарь с шаманом переглянулись.

— Значит, наш Оцмар — по-ихнему будет «король». А широка ли дорога вашего короля? — полюбопытствовал сибилло.

— Дай-ка я объясню, — вмешался обстоятельный Сорк. — Оцмар владеет землями вдоль этой дороги. А кому принадлежит соседняя?

— Ежели глядеть на солнце — а иначе и вовсе глядеть не стоит, — то слева будет дорога Аннихитры Полуглавого, а по правую руку — дорога Свины.

— Ну вот, король — это тот, кто властвует над всеми тремя, да и над остальными... гм... хозяевами дорог.

Сорк уже сам засомневался в собственных построениях, коль скоро все перечисленные высокие должностные лица, скорее всего, были попросту разбойниками с большой дороги. А если это — вольные шайки, то объяснить им принципы государственной власти будет трудновато.

Но тихриане усмотрели в словах Сорка нечто другое:

— Ты считаешь, пришелец, что князья разных дорог могут подчиняться одному и тому же властелину? Да наш Оцмар никогда не признает над собой ни человека, ни зверя, ни анделиса.

— А бога? — поинтересовался Дуз.

— А кто такой бог?

Это был тупик. Можно, конечно, было попытаться продолжить эту дискуссию, но она не вела к маленькому Юхани.

Почувствовали это, похоже, и тихриане.

— Если дума на ум нейдет, надо дремой ее приманить, — резюмировал шаман. — Отдыхайте, гости нашей дороги, а ежели на сибилло озарение снизойдет — сибилло вас добудит.

И он начал устраиваться на ночлег прямо под открытым небом, усмотрев себе ложбинку между двумя продолговатыми глыбами, служившими основанием этому древнему сооружению никак не меньше тысячи лет тому назад. Но и сейчас замшелая кладка, прорезанная горизонтальными бойницами, подымалась еще на добрых три человеческих роста, и на верхнем ее уступе, добела загаженном куда-то подевавшимися птицами, неподвижно застыла Гуен. Глаза ее были прикрыты — верная стражница отдыхала, как и ее хозяйка. Спящая птица так органично вписывалась в общую картину этих руин, что никому из тихриан и в голову не пришло заподозрить присутствие еще одного существа из иного мира.

— Зачем же на камнях, уважаемый сибилло, — голосом ровным и бесцветным от непомерной усталости проговорила мона Сэниа. — Отдохни в моем шатре. И ты, рыцарь.

Шаман покосился на призывно раскрывшуюся дырку люка, припомнил, наверное, свой позорный провал на

поприще отворения этих заговоренных дверей (надо же, у себя на Тихри с этим нехитрым делом он сызмальства справлялся) и решительно затряс бородашкой.

Глядя на него, и Травяной рыцарь предпочел жесткое ложе родной земли сомнительному уюту чужого дома, вытянувшись во весь свой неправдоподобный рост и закинув руку за голову. Через несколько секунд он, полуприкрыв глаза, уже дышал мощно и ровно.

Мона Сэниа, неслышно проходя мимо, невольно задержалась над спящим великаном. Смягченное сном, его лицо уже не казалось таким грубым; сейчас в нем проступило то редкостное сочетание детскости и надежности, которое так и манит довериться этим лучшим качествам души до конца. Слабые доверяются безотлагательно. Она не была слабой, видят древние боги. Но до какой же степени она была отчаявшейся! И несмотря на верных своих собратьев по оружию, как она была одинока...

Она уже хотела нагнуться к задремавшему великану, как тот сделал едва уловимое движение рукой и цепко обхватил ее щиколотку. Только надежная тренировка инопланетной воительницы предупредила естественный вскрик и заставила разом сосредоточиться. И вовремя: вторая рука рыцаря чуть приподнялась, указывая вверх.

Ах, вот оно что. Заметил-таки сову, несмотря на полупущенные густые ресницы. Мона Сэниа стряхнула с себя напряжение и с улыбкой подняла голову.

Сквозь верхнюю бойницу на нее глядели злобные прищуренные глаза.

IX. АНДЕЛИСОВА ПУСТЫНЬ

Если бы у принцессы был хотя бы миг на размышления, она призвала бы своих дружинников и указала на смертельную опасность, нависшую — нет, не над ними, а над тихрианами. Но этого мига не было, и сам собой из ее груди вырвался крик:

— Гуен! Гуен, чакыр!!!

Позолоченные солнцем размашистые крылья распахнулись во всю свою устрашающую ширь, Гуен взмыла вверх и вдруг со скоростью метеора ринулась куда-то в сторону города, пропав из виду. Оба тихрианина, еще не знакомые с этой достойной представительницей земной фауны, оцепенело глядели в шафранное небо.

Первым опомнился сибилло.

— Птенец джаяхуудлы? — постукивая зубами, проговорил он. — Или сам...

— Ага, птенчик, — заспанная рожица Таиры, незамедлительно откликнувшейся на сигнал нападения, показалась из люка. — Кого промышляем?

Она увидела выпрямившегося во весь рост Лронга и незамедлительно явила весь арсенал своего любопытства, спрыгнув на землю и подходя к великану почти вплотную. Затем она задрала вверх подбородок и звонко спросила:

— Эй ты, там, в вышине, ты свой?

Травяной рыцарь переместил свой взгляд с небес на юное создание, не достававшее ему до груди. Создание было облачено в один черненький свитерок, не прикрывавший даже коленок, но оба амулета — флакончик с мерцающей пылью — исправно несли свою декоративную вахту у нее на шее.

— Свой, свой, — досадливо проговорила принцесса. — Рыцарь Лроногирэхихауд-по-Рахихорд-над... забыла.

— И этого достаточно, — по-королевски кивнула девушка. — Рыцарь, ты женат?

— Вроде бы нет... — ошеломленно пожал плечами вопрошаемый.

— Я и не сомневалась. С таким-то безразмерным именем...

Рыцарь наклонил голову и посмотрел ей на макушку.

— Во время Невозможного Огня дети спят, — заметил он.

«Капля бальзама», — невольно подумала принцесса.

А над башней снова возникла устрашающая в выполнении своих прямых обязанностей Гуен. Традиционный бело-золотой размах, стремительное падение вниз, в глу-

бину руин — и заячий вскрик соглядатая, покрываемый сатанинским хохотом плотоядного удовлетворения.

— Гуен, маленькая моя, не входи в раж! — крикнула Таира.

Травяной рыцарь неодобрительно покрутил головой и полез наверх, цепляясь за осыпающуюся кладку.

— Э-э, как там тебя, Хирвахорд, вернись! Гуен тебя не знает, так что подрать может основательно. Она ведь не только сова, но и гарпия.

— Да, — подтвердила принцесса, — вы еще, так сказать, ей не представлены. Пы и Флейж, заберитесь-ка наверх и что там осталось — сюда.

Не прошло и минуты, как Пы уже спускался по осыпи, водрузив себе на плечи обмякшее тело. Флейж следовал за ним с расчехленным десинтором. Очутившись внизу, они прислонили так и не пришедшего в себя лазутчика к упругой стенке малого кораблика. Лоб его был залит кровью, черная волосяная повязка и валики бровей набухли и стали рыжими — Гуен била по голове.

— Было при нем, — сказал Флейж, протягивая моне Сэниа сдвоенную плетеную корзиночку. Крышка над одной половинкой была приоткрыта, в другой части, запертой, виднелось что-то желтое, как лимон. Сибилло задрал бороденку и поглядел на Гуен, уже занявшую свой пост и теперь наводившую красоту, расчесывая клювом свои роскошные штаны.

Два крошечных канареечных перышка закружились, опадая.

— Ага, — с удовлетворением произнес сибилло. — Согодатай успел послать мольв-стрелу. Между прочим, на Тихри нет птицы, способной догнать княжескую вестницу.

— Теперь есть, — хихикнула Таира. — И не только догнать, но и поужинать. Вот жалко только, что она проглотила и донесение, надо бы его прочитать. Кстати, Гуен, это — свои. Охраняй их, как всех нас, ррыжик-ррыжик!

Гуен наклонила голову и замерла, вперив в тихриан стоячий колдовской взгляд. Кажется, она была не в восторге от расширения круга своих обязанностей.

— Кроме этого, — сказала принцесса, кончиком сапога указывая на пленника. — Где-то я его...

Она наклонилась и сильным рывком подняла лазутчика на ноги. Он зашевелился, приоткрыл глаза и в смертельном ужасе заверещал.

— Ты, это ты!.. — крикнула принцесса и резко оттолкнула стражника от себя. Он качнулся — и исчез.

Шаман подобрался, осторожно помахал рукой в том месте, где только что находилось вполне осязаемое тело.

— Зачем ты наградила этого недостойного даром невидимости и неощутимости? — обиженно проговорил он. — Разве сибилло не заслужило этих более подходящих ему свойств, о всемогущая?

Мона Сэниа недобро усмехнулась одними уголками потрескавшихся от усталости, но все же прекрасных губ:

— Не завидуй, колдун. Все качества этого скота сейчас вместе с ним в ледяной яме, где бродят снежные тролли.

Оба тихрианина отшатнулись и одновременно сцепили согнутые мизинцы — вероятно, ритуальный охранительный жест.

— А ты жестока, непредначертанная... — еле слышно прошептал рыцарь Травяного Плаща.

— Нет. Сегодня на глазах у меня он убил ребенка. Пришиб одним ударом, просто так. Эта девочка ничего ему не сделала, она только пела...

— Пела? — переспросил шаман. — Свинуха ледащая. Они всегда поют по темным углам, корку просят.

— Это перебежчики с дороги Свиньи, — пояснил Лронг. — Там беззаконие и вечный голод. Их сначала отлавливали и назад возвращали, но они только полнили свою дорогу рассказами о нашем благоденствии. Тогда Полуденный Князь повелел бросать их в каменные колодцы и землей засыпать, чтобы милосердные анделисы им не помогли.

— Ну, а у этой мясо молодое, лакомое — ее, видно, в кокон запеленали.

Принцессу передернуло — она припомнила слова шамана о том, что он заплатил «за два кокона для своего шуру-

шетра». Древние боги, да что же она должна сделать, чтобы и ее крошечный Юхани не превратился бы в такой кокон?

— Рыцарь, — проговорила она, молитвенно складывая руки на груди, — время бежит, а мы ни на шаг не приблизились к моему сыну...

— Я думаю об этом непрестанно. В городе его нет, иначе я услышал бы разговоры о таком чуде, как белоголовый ребенок. Говорят, правда, что Полуденный Князь отдал приказ свозить к нему в зверинец всех диковинных детей, но тогда ты, сибилло, должен был бы повстречать на своем пути шурушетра с княжеским возничим.

— Сибилло не встречало шурушетра.

— А разве эти ваши шуру-муру-как-там бегают только по дорогам? — спросила Таира, кутаясь в плащ, который накинул на нее Скюз.

— Они скользят не *по* дороге, а *над* нею, — поправил девушку шаман. — Ты сметлива, дитя. Могло быть и такое, особенно сейчас, когда весь орешник уже вырублен и поля просторны. Но кто и откуда пошлет шурушетра не по дороге?

— А кому понадобилось красть ребенка? — парировал Сорк.

— И все-таки надо прежде всего убедиться, что принц не спрятан где-то в городе, — твердо сказал Эрм.

— Ты лучше других знаешь этот город — как его там?..

— Его наименование — Жемчужный Орешник, а зовут его попросту Перловик. Что ж, во дворце спокойно, я недавно выносил оттуда усопшего в водяных корчах. У караван-озера никто не суетится, ничего не прячет, ничем не похвастается. Наши не удержались бы.

— Это точно, ваши таковские, — поддакнул шаман. — Да что там говорить, если в городе что-то прячут, то, значит, собираются вывезти — иначе зачем? А на чем вывезешь, ежели уйдет последний обоз?

— А как насчет колдовских штучек вроде ковра-самолета? — подала голос что-то очень уж молчаливая сегодня Таира.

— Неведомы сибилло такие словеса, неведомы. Нету ни чар, ни заклинаний, чтобы самолетаты!

— Дело серьезное, сибилло, — вмешался рассудительный Сорк, прекрасно видевший, что принцесса уже засомневалась в ведовских способностях этого явно провинциального колдуна. — Может, существует что-то, чему ты не обучен? Вон ты говорил, что почувствуешь приближающуюся опасность, — а лазутчика проглядел?

Шаман обиженно засопел:

— Громобой-тунец летит быстрее молвь-стрелы, но он один на всю дорогу, и запрягать его может только сам Полуденный Князь. Кстати, отец его, Отногул Солнцеликий, дозапрягался...

— Что, попался зело кусачий тунец? — поинтересовалась девушка, на долю которой всегда выпадали самые рискованные вопросы.

— Молния попалась отменно злая, лиловая... вроде твоих глаз, царственная дочь! — Это шаман расплачивался за недоверие к собственным способностям. — Приманить-то ее Отногул приманил, а вот запрячь без сибилловой помощи не смог.

— А ты смог бы?

— Сибилло придает силу, а не проявляет суетность... Что же касемо лазутчика, то уж больно черна эта башня, так и светится замогильным светом, глаза внутренние застит. Сибилло тут пораскинуло мозгами и решило, что негоже оставаться на запоганенном месте. Ежели ваш девятиглавый дом и впрямь летает, стоило бы убраться отсюда.

— А куда, уважаемый? — с надеждой спросила принцесса.

Старец поймал губами белую прядку, свисавшую от надбровных дуг до бороды, принялся жевать — то ли перебирал варианты, то ли просто держал паузу, набивая цену каждому своему слову.

— Есть одно тайное место, куда ни один из нас не смеет ступить, — хлопнул себя по колену Лронг. Сибилло зло глянул на него: стало очевидно, что про это место он знал не хуже Травяного рыцаря. — Анделисова Пустынь.

— Пустыня? — переспросили сразу несколько голосов.

— Пустынь. Место отдохновения духов полуночи, — ворчливо пояснил шаман. — Зачарованный сад, куда не смеет ступить ни одна нога.

— Ага, — сказала Таира, — ботанический сад, вход по спецприглашениям. Но за садом ведь надо ухаживать? Или это делают безногие?

— У тебя в голове вместо мозга — шустрый зверек, — неодобрительно заметил явно компетентный в области анатомии рыцарь. — За садом смотрит Вековая Чернавка.

— Тоже из злыдней? — снова не удержалась девушка.

— Почему — тоже? Анделисы суть духи добра, последняя надежда страждущих и дарители сладостного успокоения безнадежным. Как был бы страшен последний отрезок жизни, если бы не упование на благость анделисов? Разве в твоём мире, дитя, конец жизни не озарен светлым чаяньём?

— Химиотерапией он озарен, но ваша цивилизация до этого не дошла. Вернемся к Чернавке. Это что, жрица?

— Фу, как не стыдно, дитя! Вековая Чернавка вкушает лишь ту малую толику пищи, которая необходима для поддержания сил. Готовится к тому часу, когда ее оставят одну. Надолго ведь не напасешься...

Джасперяне переглянулись: если с приближением холодов эти варвары откочевывали в более теплые места и бросали на произвол судьбы несчастную женщину, то у нее был мотив для похищения ребенка хотя бы в качестве выкупа за свою жизнь.

— Укажи, где этот сад! — тоном, не допускающим возражений, повелела принцесса.

— Это нетрудно сделать, — пожал плечами рыцарь. — Иди так, чтобы солнце светило тебе в правое ухо, пересеки Большую Дорогу Света, пройди весь город, и очутишься в поле ореховых пней. Тропинка, по которой ходит за провизией Вековая Чернавка, не широка, но протоптана основательно, не ошибешься.

— Разве ты откажешься сопровождать меня?

— К Анделисовой Пустыни? Но это — нарушение моего обета...

— Ты забыла, безжалостная повелительница, что отец рыцаря Лроногирэхихауда заключен в княжескую темницу, и он вынужден был надеть Травяной Плащ, как символ своего обета, потому что это — единственная плата за прокорм узника. Если нарушить обет, то клеть заваливают сеном, и заключенный умирает без еды, питья и анделиса.

— Делов-то! — вмешалась, как всегда, Таира. — Попроси наших мальчиков, и они твоего папу в два счета откуда хочешь вытащат. Не проблема.

— Рыцарь, — торжественно проговорила мона Сэниа. — Если ты сможешь мне найти сына...

— Ой, только не надо торговать добром за добро! — бесцеремонно оборвала ее девушка. — Помоги, и все.

Рыцарь впервые посмотрел на нее с уважением.

— Моя младшая сестра права, — сделав над собой усилие, проговорила мона Сэниа. — Я даю тебе королевское слово, что приложу все усилия к тому, чтобы твой отец уже к утру был свободен — и ты, соответственно, тоже.

Глаза рыцаря под стрельчатыми густыми ресницами, лежащимися такой иссиня-черной тенью на серые щеки, что это невольно воскрешало в памяти что-то траурное, вроде кипарисовых ветвей на пепелище, — эти глаза как-то странно вспыхнули и погасли.

— Благодарю тебя, царственная гостья, но мой отец стар, и он не проживет и половины этого срока.

Мона Сэниа и Таира недоуменно переглянулись.

— Знаешь что, — предположила девушка, — наверное, он тебя не так понял. Я уже давно заметила, что у них тут «утро» и «весна» обозначаются одним словом.

— Летим! — приказала принцесса, не тратя больше ни секунды на объяснения. — В любом случае после Анделисовой Пустыни — твой отец.

Тихриане с некоторой опаской забрались в «девятиглавый дом», и, пока они осматривались, корабль уже завис над дорогой.

— Куда теперь? — спросила мона Сэниа, глядя сквозь прозрачный пол.

— Ищи черное кольцо негорючих сосен, за ним будет красная полоса пятилистника медового, внутри — водяное кольцо; только всего этого ты из-за сосен не разглядишь. — Сибилло и не предполагал, что они находятся на значительной высоте, откуда все это было видно как на ладони.

— Вон, южнее, — негромко подсказал Скюз. — Садимся с внешней стороны?

— Естественно.

Приземления тихриане тоже не ощутили, и, когда круглая дыра люка разверзлась перед ними, они едва не потеряли дар речи, увидав перед собой стену кольчатых стволов и где-то за ними — непроходимо частый краснолистный кустарник.

Спрыгнув на утопанную почву, они увидели город вдалеке, окутанный преддождевым туманом.

— Ну, дела... — сибилло прямо-таки обвис, став ниже ростом. — Вы и анделисов не опасаетесь?

— Встретимся — увидим, — коротко бросила принцесса. — Кстати, как они выглядят?

Шаман замялся — то ли стыдился своего незнания, то ли, как уже за ним замечалось, придерживал информацию.

— Те, которых они излечивают и обратно в мир выпускают, говорят, что у них два рукава, — неуверенно проговорил Лронг. — Накрывают красным — возвращают силы молодые, самые счастливые минуты, всю сладость жизни в одном глотке воздуха... А уж не поможет — укрывают черным рукавом, и страдалец без мук и сожаления уходит в полуночный край. Кроме этого, никто ничего ни разу и не вспомнил. Ни разу. За все времена.

— Так. Два рукава, — подытожила принцесса. — А Чернавка?

— Ну, эту на рынке встречали. В черном с красной оторочкой, маска на лице углем чернена. У здешней вроде горбик.

— Нет у нее горба, — возразил рыцарь, — это ее печаль пригибает. Жизнь была сладкая, ни трудов особых, ни дорог, сиди в своей Пустыни да орешки щелкай, благо на базаре всё даром дают и ни о чем не спрашивают.

— Даже об анделисах? Она ведь их должна видеть по должности.

— Вот потому-то Вечной Чернавке нельзя задавать ни одного вопроса. Даже если она помирать станет. Закон. И войти к ней нельзя.

— Ну, мы пришли сюда именно за этим, — сухо возразила мона Сэниа. — Флейж — налево, Скюз — направо, обойти сад кругом. Может быть, Чернавка гуляет...

— И я! — подскочила Таира, уже успевшая натянуть штаны и сапоги. — Ноги затекают, ну честное слово...

— Ступай со Скюзом. Но бесшумно.

Они двинулись в обход сада, если только так можно было назвать кольцо пирамидальных сосен с кольчатыми бамбуковыми стволами. Они росли так часто, что между ними не пролез бы и вездесущий гуки-куки.

— Тропинка, — прошептала Таира. — А вот и воротца. Заглянем?

— У меня приказ... — юноша смотрел на нее влюбленными глазами, как, впрочем, почти все дружинники, но пока еще слово командора было сильнее каприза огненно-кудрой чаровницы.

— Клянусь всеми побрякушками Джаспера, — девушка для большей убедительности схватилась за амулет с серебряными пылинками, — ты просто трусишь!

— Таира!.. — Он перехватил ее руку — и в этот миг флакон отделился от резной втулочки, которая осталась на шнурке.

Серебристая пыль вылетела, стремительно увеличиваясь в объеме, снежным вихрем закрутилась вокруг девушки, превращаясь в маленький искрящийся смерч, и так же бесшумно растворилась, исчезая.

Но и девушки, стоявшей на тропинке, тоже не было.

— Комарье, что ли, в глазах мельтешит?

Ее голос прозвучал совсем рядом, может быть, слегка скрадываемый едва уловимым шелестом.

— Я не вижу тебя... — ошеломленно прошептал Скюз.

— Да ты что? Протяни руку — вот же я!

— Ты невидима!

— Я же сама себя вижу. Это, наверное, у тебя что-то с глазами, от переутомления. Дай-ка руку.

Он неуверенно протянул руку и наткнулся на холодную, покалывающую щетинку.

— Странно, — уже совсем другим голосом проговорила девушка, — между нами точно стенка, и ледяные иголочки колются...

Из-за деревьев показался запыхавшийся Флейж.

— А где наш рыжий чертенок? — спросил он, приближаясь и останавливаясь по другую сторону тропинки. Скюз только пожал плечами и продолжал оторопело глядеть на полуоткрытые воротца.

— Руки по швам, джентльмены, и не двигаться до моего возвращения, — раздался оттуда такой знакомый голос. — Шевельнетесь — худо будет. Я теперь тоже сибило!

Камешек на тропинке подпрыгнул и откатился в сторону. Шагов слышно не было.

Некоторое время они молчали, застыв по обе стороны от входа, как статуи Гога и Магога.

— Надо сообщить принцессе, — прошептал наконец Флейж. — Это что-то новенькое...

— Подождем, — еще тише отозвался Скюз. — Если она действительно невидимка, то лучшего для разведки не придумаешь.

— Что значит — действительно? Мы же оба ее не видели.

— Чернавка могла наслать на нас чары. Хотя... ты-то у меня перед глазами, как столб. Даже не просвечиваешь.

— Ну, слава древним богам, значит, хоть ты-то здоров!

Они перебрасывались словами через узенькую тропинку, напрягаясь всё больше и больше от одной и той же мысли: если *там* что-нибудь случится, то как помочь

невидимке? Но сразу за воротами начиналась плотная кустарниковая преграда, так что в середину Пустыни прямого хода не было. Не исключено, что там еще и маленький лабиринт.

Пока оба мысленно прикидывали, как в таком случае поднять корабль и подвесить его над столь плотно засаженным и, вероятно, застроенным массивом, воротца качнулись, торопливые шажки пролетели над тропинкой и замерли, предоставив место легкому, но хорошо слышному дыханию.

— Двинулись обратно, — скомандовал всегда чуточку капризный голос. — Ничего там нет. И про детей не слышали. Вот только как мне теперь снова обрести человеческий вид?

— А каким образом ты его потеряла? — поинтересовался Флейж.

— Открыла бутылочку со снежинками. Ну, которую кто-то из вас подарил...

— Закрой обратно! — крикнули хором оба джасперянина.

— Пожа...

Раздался тихий шелест, словно взлет снегового буранчика, и девушка с узеньким флакончиком в руке появилась под бамбуковой сосной, как привидение.

— Давайте в темпе на корабль! — сердито крикнула она.

— Да в чем дело? Ты же сказала, что там ничего нет.

— Ну, во-первых, там эта самая Чернавка, а во-вторых, теперь нам освободить папашу нашего Лоэнгринга — раз плюнуть.

— Лронга.

— Ну, Скюз, не придирайся! И вообще, кто меня будет транспортировать? Не пешком же идти!

Транспортировали оба.

— Ю-ю там нет, — лаконично доложила девушка. — Чернавка о белоголовом ребенке слыхом не слыхала. А теперь давайте быстренько в тюрьму, потому что — смотрите!..

Посмотреть было на что. Нельзя даже было определить, кто потрясен больше — джасперяне или тихриане.

— Ну, так кто со мной?

Пауза была естественной и продолжительной.

— Думайте быстрее, человек же за решеткой!

Мона Сэниа подошла к ней и спокойно сняла амулет с ее груди. Это не было королевским жестом — просто у ребенка появился и набирал силу синдром неудержимости, а на чужой планете это к добру не приводит.

— Кто из вас знаком с расположением темницы? — обратилась она к тихрианам.

— Сибилло где не побывало...

— А ты, рыцарь?

— Я только знаю, что она находится в соседнем городе. Это недалеко. Каравану — четыре перехода, а вот если шурушетра раздобыть, то, думаю, до угашения Невозможного Огня домчаться можно.

— Шурушетра мы спроворим! — как-то чересчур поспешно откликнулся сибилло. — Только он больше двоих не осилит, да и то придется выбирать, кто не больно мясист.

— Тогда выбор определен условиями: едут двое, сибилло и Ких, как самый легкий из нас. Сибилло, ты найдешь предлог, чтобы посетить темницу? Да? Прекрасно. Ких пойдет следом, невидимый. Ты только должен указать ему на отца нашего рыцаря и удалиться, остальное уже не твоя забота. Как только Ких отправит сюда старика, он так же незримо присоединится к тебе, и вы в тот же миг будете здесь.

— А скакун мой? Его ж на деньги не купишь!

— И скакуна доставим. Киху нужно только хорошенько запомнить окрестности тюрьмы. Городок небольшой?

— Раз темница есть, значит, изрядный. Ракушечником называется, камень такой белый, в нем колодцы долбить ладно.

— О колодцах потом, — нетерпеливо оборвала его принцесса.

Сибилло насупился:

— Так о темнице же...

Тогда на эту крошечную реплику никто не обратил внимания. Джасперяне преобразились: воскрес прежний дух блистательных и — главное — несущих исключительно добро рыцарских деяний, сопутствовавший им во время путешествия по мирам созвездия Костлявого Кентавра. Хроническое бессилие в поисках ненаследного принца словно пригибало их к земле, и теперь, получив возможность совершить акт милосердия, они воспрянули духом и телом.

Один сибилло сидел на пятках, как сын.

— Досточтимый сибилло, — обратился к нему Флейж, — раз уж ты сам вызвался помочь рыцарю Лронгу, то соблаговоли поднять... то есть не позволишь ли перенести тебя на спину твоему многоногому скакуну? Я видел его с крыши дворца и сделаю это так же бережно, как перенес бы любимую девушку.

— Сибилло уже не помнит, как носят на руках девушек, — буркнул себе в усы шаман. — Сибилло обещало предоставить шурушетра, и только.

Ну, вот и первое препятствие — этот старый пень нашел время набивать себе цену.

— Ну, дедулечка, ну пожалуйста. — Таира опустилась на колени и обвила его плечи нежными совсем не по-детски руками. — Ты же у нас самый справедливый, самый всемогущий... — Вероятно, она владела тем врожденным даром уговора, которым обладает большинство земных женщин, когда результат важнее произносимых слов. — Я тебе подарю все свои бусы для твоей прекрасной бороды — хочешь? Я подарю тебе этот амулет, когда мы здесь все дела закончим, — не желаешь? Ах, желаешь. Чудненько. Ну, что еще тебе, старый ко... уважаемый аксакал? Если хочешь, я позволю тебе поносить себя на руках — я легонькая...

Невинный взмах ресниц в сторону Скюза, сопровождающий эти слова, был совершенно неописуем.

Рыцарь Лронг устрасяюще шевельнул бровями и откашлялся, намереваясь вмешаться. Но шаману, похоже, уже хватило.

— Сибилло согласен принять твои дары, о дитя, чья кожа благоухает, как похлебка из восьми трав и ягод. Сибилло выполнит все, что решили без его соизволения. Но не раньше, чем ты расскажешь о том, что видела, побывав в недоступном для всех жителей Тихри священном месте. Ты расскажешь и забудешь, иначе тебя опустят в самый глубокий колодец, где ты умрешь без еды, питья и анделиса. И ты забудешь все, что слышал, Травяной рыцарь!

— Ну расскажу я все тебе, когда вернетесь, что время терять?

— Сибилло желает, чтобы его уши были первыми.

«Ну, старый козел, я тебе бусы для твоей сивой бороденки в серной кислоте намочу!» — мысленно пообещала Таира, как-то не представив себе, где она возьмет на Тихри это химическое соединение.

— Отправляйся не мешкая, — повелела принцесса голосом, не терпящим возражений. — Волшебной силой, данной мне древними богами, я каждое слово, слетевшее с уст моей младшей сестры, направляю прямо в твои досточтимые уши. Ступай, Флейж.

Названный дружинник плотнее надвинул на лоб свой изумрудно-оранжевый обруч, взял за руку худощавого Киха и, сделав маленький шажок в сторону, исчез. Если бы отсюда была видна крыша дворца, то две закутанные в плащи фигуры, возникшие у самой ее кромки, говорили бы о том, что операция по освобождению рыцарственного узника началась удачно.

— Держи этого самолюбивого хрыча в беспрекословном повиновении, — посоветовал Флейж младшему собрату. — В случае чего пригрози ему ямой с ледяными троллями. А вон и твой экипаж. Ужин переваривает.

Шуруштр опустился на брюхо, так что сочленения его сложившихся под острым углом ног поднимались высоко над туловищем. Возле устрашающих челюстей валялись ошметки какой-то одежды.

— М-да, — заметил Ких, — боюсь, что в повиновении придется прежде всего держать эту зверюгу.

— Не робей, дружинник Асмуре. У тебя два десинтора и на крайний случай — шаг назад для исчезновения.

— Ну, ободрил...

Шурушетр зевнул — словно клацнул железный сундук.

— Ну, я пошел за стариканом.

Когда он снова появился, уже с шаманом, последний попытался изобразить возмущение тем неподобающим ему местом, на котором они очутились, но один взгляд сверху на собственное чудовище заставил его примолкнуть.

— Сибилло никогда не думало... — пробормотал он.

— Тебя прямо на спинку, уважаемый? — спросил Ких.

— Только подальше от морды. А сам сразу заползай в полость, чтоб животины тебя не учуяла и не взволновалась.

Флейж еще некоторое время постоял на крыше, наблюдая за тем, как шаман подталкивает Киха, заползающего в наспинную сумку, нашаривает что-то вроде вожжей, отчего на морде у страшилища захлопывается подобие капкана, и концы этих ремней обвязывает вокруг собственной... гм... талии. Вероятно, чтобы ветром не сдуло.

Затем до его слуха донесся понукающий вскрик, и исполинский сумчатый паук, разом поднявшийся на гладких, словно отполированных и так и не сосчитанных ногах, помчался по городу, набирая крейсерскую скорость.

Туда, где в рыжем зареве никогда не угасающего заката должен пламенеть изначально белокаменный городок с игрушечным названием Ракушечник.

А оставшиеся возле Анделисовой Пустыни расположились на свежих пенках, приготовившись слушать рассказ Таиры и ожидая только сигнала от Киха.

Наконец до них долетело: «Мы в пути».

Девушка глубоко вздохнула, словно заранее выражая сочувствие своим слушателям, — рассказчица она была, честно говоря, никудышная.

— Ну, во-первых, мы здесь можем спокойно оставаться до того момента, когда погаснет этот маяк, — она кивнула в сторону города, над которым подымался видный даже отсюда ствол полосатого дыма, похожего на хвост кошачьего лемура. — Я спрашивала Чернавку, она говорит, что до того анделисы не появятся. А ей я приказала до следующего дыма из своей Пустыни не высовываться... Флейж, ну что ты все время на меня руками машешь?

— Я отсылаю твои слова нашим путешественникам, как и было договорено.

— Мешает же. Так. На чем я остановилась? А, войти проще простого, по тропочке. За красными кустами вода стоячая, лягушачья канавка. Мостик полудохлый. Слева от мостика чернавкина халупа, забита почище нашего корабля — все какие-то мешочки, шкурки, тряпки... Сама спит на пороге. Хотя нет, она не спала, прямо в небо глядела. И никакой маски. Старенькая, но не до такой степени, как... Флейж, отойди подальше, ну сил нет переносить твои опухалы.

— Ты сказала, что осмелилась задавать вопросы Вечной Деве? — ошеломленно переспросил Лронг.

— А что такого? Я только поинтересовалась, у себя ли анделисы. Она как подскочит, головой о иритолоку... Хорошо, я невидимая была, иначе она в меня вцепилась бы. Ну, я тогда ей сказала, что я — повелительница всех Чернавок и здесь, так сказать, с инспекцией.

— А ты не догадалась спросить, как выглядят анделисы? — простодушно вставил Пы.

— Ага, чтобы она поняла, что я — самозванка? Пришлось так, мимоходом полюбопытствовать, а кто из них был накануне.

— Ну, и?...

— Она ответила: тот, что в голубой короне.

— А ребенок, ты искала ребенка? — не выдержала мона Сэниа.

— Да негде там искать. Домик забит под завязку, он слева. Справа штук двадцать квадратных кирпичей прямо на земле, как могилки. Яма глубокая, но такая маленькая

по диаметру, что туда разве что тыкву засунуть можно. В ней — шест с черпаком, значит, еще глубже копать будут. Клад, что ли, там прятать собираются?

— Не клад, — сказал рыцарь. — На стенах ничего не было нарисовано?

— Абсолютно. Ну, вот и все.

— А что в самой середине?

— Да ничего, беседка какая-то нелепая. Круглые перильца, колечком, мне по пояс. Словно стойка в баре для лилипутов. Над перильцами — вроде навеса, держится он на спутанных голых ветках. Только впечатление такое, как будто из них этот навес не строили, а ветки сами собой росли так, чтобы получились контуры башенок, лесенок, подвесных мостиков... Все удивительно легкое, не для человека. И видно насквозь — ничего не спрячешь.

— Они действительно росли сами, только их надо было направлять — ремешками подвязывать или просто руками держать, — пояснил рыцарь, определенно сведущий в местной флоре. — Это ненаясыть, хищная трава. Если семечко в воду бросить, оно вот такой веткой, в твою руку, солнцекудрая, и устремится вверх. От дыма до дыма в мой рост вымахает. Ежели с полдюжины рабов приспособить, за два-три приема можно из нескольких семечек любой воздушный замок соорудить. А как вода кончается, ветки каменеют.

— Как просто! — восхитилась Таира. — Такая силища — и от обыкновенной воды! А с собой можно взять несколько семечек?

Рыцарь как-то неопределенно пожал плечами и принялся рассматривать свои сандалии. Он чего-то недоговаривал.

— Тут уважаемый сибилло говорит, — раздался приглушенный голос Киха, — что он согласен продать тебе семена ненаясыти, только... а? О, древние боги! Он уточняет, что она растет только тогда, когда в воду добавляют человеческую кровь.

Мона Сэниа пронзительно вскрикнула, как птица, у которой на глазах разоряют гнездо. И без того кошмары

варварских жертвоприношений преследовали ее денно и нощно, а тут еще и это...

Травяной рыцарь подался вперед и положил руку ей на голову так естественно, как сделал бы самый чуткий из королевских лекарей:

— Не терзай себя понапрасну, госпожа моих снов, никто не причинит вреда твоему светлому сыну — напротив, его будут беречь, как величайшее сокровище...

— Мне это уже говорили, — вздохнула принцесса. — Не помогает. А рука у тебя добрая, утишающая боль.

Дронг смущенно улыбнулся и убрал руку.

— Мы не дослушали рассказ той, которую ты называешь своей младшей сестрой, — тактично заметил он.

Мона Сэниа встревоженно глянула на него — что-то он слишком наблюдателен для варвара. Попросила:

— Продолжай, Таира.

— А нечего продолжать. Это все. — Губы капризно дрогнули. Могли хотя бы доброе слово сказать...

— Боюсь, что это не все, — прошептал Травяной рыцарь. — На тебе теперь проклятие анделисов. Так что береги себя, дитя.

— Наш старец тут тоже пророчит, — раздался голос Киха. — Пересказать?

— Не стоит, — весело крикнула Таира. — Спокойной ночи, дедуля, ты ведь еще не отдыхал. Не очень трясет тебя на твоём «коси-сене»?

— Он говорит, — продолжал младший дружинник, понижая голос, словно досадуя на то, что они не могут поговорить с глазу на глаз, — что ты не должна разлучаться с тем, кто тебя любит. Иначе — беда.

— Это во все времена было бедой, — вздохнула девушка. — Шекспира читать надо.

Она поднялась со своего места и демонстративно усеялась у ног принцессы. Семь пар влюбленных глаз глядели на нее безнадежно и одинаково.

Впрочем, нет. Не одинаково.

— Вот что, — сказала мона Сэниа. — Считайте, что на дворе ночь. Эрм на вахте, остальным — отдыхать. Ких,

разбудишь нас, когда будешь подъезжать к этому Устричнику.

— Да, принцесса. А мой уже спит, укачало. Он тоже велел будить, когда проедем Синюю Каланчу.

— А ничего похожего не заметно?

— Болота...

Между тем из незаметно сгустившихся облаков начал накрапывать дождь. Мимо бесшумными прыжками пронеслись гуки-куки в поисках укрытия.

— Последуй за нами, рыцарь Лронг, — сказала принцесса. — Я не сомневаюсь в твоей походной выносливости, но если нам придется по тревоге подымать корабль, то хорошо, если все будут на борту.

Очутившись в командорской каюте, великан не проявил ни малейшего любопытства, а просто присел на пол, заботясь только о том, чтобы занять как можно меньше места. Он безоговорочно верил хозяевам этого диковинного дома и, не сомневаясь в скорой встрече с отцом, спокойно ждал. Вот чего он не мог, так это спать.

Впрочем, ему и не дали бы.

Едва наступила тишина, как из-за штабеля упаковок послышался шепот:

— Слушай, Зеленый рыцарь, ты не спишь?

— Что тебе, дитя?

— Во-первых, я тебе не дитя. А что это была за яма там, в Пустыни?

— Это последний приют Вечной Чернавки. Когда уйдет хвостовой обоз и вместо дождя с неба слетит цепенящий пух, она еще некоторое время продержится со своими припасами и под накопленными шкурами. Но холод станет нестерпимым, и рано или поздно ей придется занять свое место рядом с теми, кто блюл это пристанище духов до нее.

Из-за коробок показались покрасневший нос и расширившиеся от ужаса глаза:

— Так она что, сама в эту могилу спрыгнет? И так, стоймя, будет долго-долго умирать? А как же твои добрейшие анделисы?

— Их уже не будет здесь к тому времени. И Чернавки знают об этом, выбирая себе судьбу. Всю жизнь они проводят в довольстве, не плетясь за телегой, но в конце — острый камень, который они ставят на край ямы и обвязывают ремешком, прежде чем прыгнуть вниз...

— А твои хваленые духи? — не унималась девушка.

— Ты считаешь, что милосердно было бы ее спасти, чтобы она замерзала еще раз? Она же не способна себя прокормить, и в чужой караван ее никто не возмет. Для того чтобы анделисы творили добро, нужны непреложные законы, которые их охраняли бы. Это — один из законов: анделису — анделисово.

— Не-е-ет, у вас даже не средневековые, у вас пещерный век. Осудить женщину...

— Ты невнимательна, дитя. Я говорил, что стать Чернавкой можно только добровольно. Когда с приходом тепла город наполняется жителями, устраивается Великий Утренний Выбор.

— Ага, у нас в сказках тоже выбирают красавицу на завтрак какому-нибудь дракону.

— А у нас из всех желающих выбирают самую безобразную.

— Вот это номер! А почему?

— Так надежнее. Только последняя уродина, которой и надеяться-то не на что, будет хранить верность своему завету всю жизнь. А теперь спи.

— Ну, спасибо, ты меня убаюкал. Хорошо еще, что я сказала напоследок этой Чернавке, что если она хочет, то может идти на все четыре стороны, я в таком случае лишаю ее высокого звания. Ее ж никто не знает в лицо, и притом не такая уж она и безобразная, на мой взгляд.

На этот раз безмерное удивление, как эстафета, перешло к Травяному рыцарю:

— Я и не предполагал, что твое маленькое сердечко может быть... — он поискал нужное слово в своем не слишком-то богатом лексиконе; подходящего не нашлось, поэтому он закончил смущенно: — может быть таким большим.

— Какое есть, — сухо проговорила Таира. — Я действительно дура набитая. Надо было взять ее с собой, а потом — к нам, на Землю. Прокормили бы. Ну, это мы со временем поправим. Отыщем Ю-ю и вернемся за этой Чернавкой.

— Спи, доброе дитя. Конечно, вернемся. И еще я хотел тебе все время сказать, да мешали: утречком сбегай к источнику и помой голову.

— Что-о-о?..

— Смой золотую пыль с волос, говорю. За это у нас тоже...

— А у нас рыжий цвет — самый модный!

— У нас он тоже чуть было не стал самым модным, да вот наш Полуденный Князь запретил красить волосы в огненный цвет. За это бреют и лупят. Одним и тем же мечом.

— Его что, рыжая собачка укусила?

Травяной рыцарь почесал правую бровь:

— Сибилло, конечно, лучше меня знает все эти предсказания, но я припоминаю, что давным-давно какая-то выжившая из ума хрычовка напроорочила, что придет на эту дорогу несравненной красоты женщина с солнечными волосами... И будет это во времена самого мудрого и прекрасного властителя. Не знаю уж, как там было с предыдущими князьями, но дед и отец нашего с лица были того... сказать непристойно. А вот теперешний, Оцмар Великодивный, как-то посмотрелся в зеркало и вдруг решил, что это — про него. Все дамы, естественно, в тот же день покрасились соком лисьей смоковницы. Так что если бы и объявилась на нашей дороге предвещанная красавица, ее было бы не отличить среди тьмы поддельных.

— Слушай, Зеленый рыцарь, а вдруг это я?

— Спи, дитя. Там говорилось о женщине, а ты — еще ребенок.

В командорском шатре возникла какая-то многозначительная и, возможно, зловещая пауза. Лронг почесал другую бровь — а надо ли говорить? Потом еще тише произнес:

— Не след тебе встречаться с Полуденным Князем. У него побывало просто сонмище разных девушек — от побирушек до стоялых караванниц. А где они сейчас?

— Ну, и где?

— Кто в реке, кто в пропасти, кто на суку смоковном...

— Тоже мне царица Тамара в брюках! Такой лютый?

— Нет. Просто ни одна ему не оказалась нужна, а он — говорят, прекраснее его нет мужчины ни на одной из дорог Тихри.

И снова повисло молчание, как непроницаемый полог, за которым рождалось будущее.

Х. РАЗБОЙНИК С ДОРОГИ ОЦМАРА

А многоногая тварь, не зная ни голода, ни усталости, продолжала мчаться над вечерней дорогой подобно чудовищному снаряду, выпущенному прямо на солнце. Оно словно чуточку поднялось, а может, это только казалось, потому что кругом уже не было видно ни гор, ни остатков рощ — одни болота, покрытые кисейным туманом. Там, где местность слегка подымалась, попадались заночевывавшие караваны, пыльные и недвижные; гигантский паук, семена по обочинам, пролетал над ними с такой скоростью, что невозможно было рассмотреть, кто и как там устроился на ночлег. Но, похоже, спали просто вповалку — люди, тягловые единороги и прыгучие гуки-куки, не осмеливавшиеся отходить от каравана, как они это позволяли себе в городе.

Причина их осторожности стала понятна, когда из голубоватых приболотных озерц стали выпрыгивать на дорогу их дикие собратья на широких перепончатых лапах. Паук, чуть сбавив темп, мгновенным движением выбросил в сторону одну из своих суставчатых лап; вероятно, на конце ее была какая-то присоска, потому что травянисто-зеленый зверь как будто прилип к ней. Пауцище, не сбилаясь с дороги, поднес жертву к устрашающим своим жвалам и захряпал ими по прутьям намордника — нет, пола-

комиться по ходу движения ему не улыбалось. Тогда он подкинул оглушенную тушку вверх, и она шлепнулась точно к отверстию наспинной сумки.

Полусонный Ких, не ожидавший такого подарка, заорал от неожиданности и омерзения. Сибилло выпутался из длиннющей шерсти, устилавшей изнутри ездовую полость, и они вместе скинули вниз нежелательный груз.

— Дай-ка меч, — сказал шаман, позевывая.

Ких вытащил боевой кинжал, протянул старцу. Тот с безразличным видом потыркал своего скакуна прямо в загривок — кинжал позеленел, лезвие уходило по рукоятку в кожистый панцирь, видневшийся между толстыми, как кошачий хвост, шерстинами. Результата не последовало — паук или не почувствовал, или проигнорировал наказание.

— Короток, — флегматично констатировал сибилло, обтирая лезвие и возвращая оружие юноше. — Негодный меч.

— У тебя что, нет своего?

— Пачкать не хотелось, — сказал сибилло и снова задремал.

Между тем из болота начали выступать каменистые пригорки; многие из них были увенчаны какими-то странными конструкциями, напоминающими исполинские кости. Белые и причудливые, они предостерегающе указывали вверх заостренными концами. То ли это каменные остовы каких-то разоренных сооружений, то ли причуды выветривания... Киху припомнилась старинная легенда о том, как из косточки убитой для забавы ящерицы выросли кости дракона, которые потом стали обрастать плотью бессмысленно загубленного зверья.

Он протер глаза, чтобы не уснуть под собственные воспоминания. Их живой экипаж чуть покачивался, как на рессорах; в забитой шерстью полости пахло медом и травами — видно, шаман держал ее в чистоте. Интересно, есть у него свой дом, или он прямо здесь и ночует? Ких крепче намотал на левую руку гибкую волосину — если неосторожно высунуться, то ведь сдует, ско-

рость бешеная, и время от времени поворачивал голову то налево, то направо, опасаясь пропустить обещанную башню. Вперед, между паучьих глаз, он глядеть не решался — встречный ветер сек по глазам, застилая их слезами.

Синюю Каланчу он все-таки чуть не пропустил. Это было невзрачное строение без окон и дверей, торчащее на болоте, как фиалка. Ких потянул старца за ногу:

— Приехали, уважаемый. Нам сходить?

Шаман выпростал нечесаную голову из полости, равнодушно проследил за убегающей назад башенкой и, позевывая, велел:

— Ну, теперь дым карауль.

— А нам разве не сюда?

— Сказал! Это — трупарня, чтобы мертвяков даром в город не тащить. Последний обоз пойдет — сожгут. Сибилло однажды само тут чуть не сгорело... С тех пор завязало.

Он принялся сладострастно чесать себя под левой грудью, потом под правой. Совершив таким образом утренний туалет, он вздохнул и сказал:

— Проголодалось. Зря гуку лапчатого выкинули.

— Вон же дым! Ты ж уважаемый, тебя в городе на-кормят.

— Это как пить дать. Но не сразу.

Город вставал из болотного марева неохотно. Ощетинившийся бесчисленными башенками, как и Орешник, он походил издалека на распыленную ежовую шкурку. Сигнальный дым не торчал вздернутым кошачьим хвостом, а сразу же расплывался, смешиваясь с набухшими влагой облаками. Солнце проглядывало сквозь них едва заметным бледным пятнышком, наводя невыразимую тоску.

— Нам прямо в тюрьму? — спросил Ких.

— В тюрьму не бывает прямо, — возразил шаман и взялся за привязанные к поясу вожжи.

Повинуясь его движениям, паук замедлил ход и свернул с дороги, огибая окраины Ракушечника слева.

— Послушай, достопочтенный, — Ких решил задать вопрос, мучивший его всю дорогу. — Вот мы едем освобождать этого... как его? А может, его за дело посадили?

— Имени он лишен. А сидит в темнице не за дело. Когда наш Полуденный Князь еще малышом был, они его похитили.

— Древние боги! Это у вас что, виной не считается?

— Не тебе судить, вьюнош. Может, ни дороги, ни городов на ней уже не было бы, если б они этого не сделали. О, темница. Сейчас въедем.

Ких покрутил головой, но ожидаемых крепостных стен с зарешеченными окнами не обнаружил. Вместо этого они очутились перед просторным навесом, опирающимся на многочисленные и, как тут повелось, беспорядочно разбросанные там и сям каменные столбы. Ближе к углам располагались четыре больших колодца с воротами и дремавшими в упряжи единорогами. В самой середине на кошме вповалку валялось человек двадцать; судя по тому, что к ближайшей колонне были прислонены здоровенные копья, это были стражи. Один дремал, по-птичьи сидя на краешке колодезного сруба.

— А теперь исчезни, — строго велел сибилло, доставая из мешочка свой бутафорский нос, который делал его сразу на порядок внушительнее. — Двигай, куда и сибилло, не мешкай, но и под ноги никому не угоразди. Соображай.

Ких шумно вздохнул, словно собирался прыгнуть в воду, и выдернул пробку из сосудика со снежинками. Белый буранчик закрутился вокруг него, мягко отпихнул шамана, который недовольно поморщился и потер обожженный холодом локоть. Шуруштр между тем годогнул лапы и, на брюхе въехав под навес, замер.

— Кто посмел?!.. — страж с традиционным для всех миров воплем ринулся к ним, но вовремя продрал глаза и рухнул на колени:

— Сибилло, делло-уэлло!

С кошмы вскакивали, расхватывая копья, но навстречу шаману уже трусил дородный смотритель, кутаясь в ноч-

ной балахон. Он поймал гостя за локоть, подвел к кошме и шуганул оттуда еще не проснувшихся.

Но шаман расслаживаться не пожелал.

— У тебя ли безымянный лиходея, коего содержит рыцарь Травяного Плаща Лроногирэхихауд-по-Рахихорд-над-Хумусгигрейтос?

Смотритель замялся — узник был зело выгоден.

— Ответствуй сибилле, как самому Полуденному Князю!

— Кормим, кормим, себе так не варим, как им, — в этом темнилище только стоялые караванники, вот в этом, не изволите ли убедиться сразу после дыма...

Как же, себе так не варят. Обедками со своего стола кормят, и то хорошо. А что касается убеждения, то тут уж бывалый смотритель и не сомневается — ни до угашения Невозможного Огня, ни после празднолюбивый колдун ни в какое темнилище не сунется. Порасспрашивает, и вся недолга. Потом будет хвастать, что облазал тут все вдоль и поперек.

Но на сей раз попечитель тихрианских лиходеев ошибся.

— Сибилло явило себя посреди дыма, чтобы накласть заклятие, в прах обращающее! Веди.

У смотрителя от грудины вниз по животу прошла волна.

— Не вели казнить, великомудрый...

— Сказано — веди! Сибилло оберегает кровь и кость княжескую.

Оно, конечно, сибилле и полагается безусыпно о Полуденном Князе печься, но смотрителю была ближе собственная шкура.

— До угашения Невозможного Огня не смею, о повелитель незримых сил! За такое вон туда полагается! — Смотритель одними бровями указал на самый дальний из колодцев. Он-то прекрасно понимал, что хоть сибилло, хоть сами анделисы тут с три короба наговорят, а донесут-то на него. И — туда...

— Заморожу, послушник! — проревел диким голосом Ких и двинулся на смотрителя таким образом, чтобы край

защитного поля, делавшего его невидимым, мазнул того по руке.

Смотритель тонюсенько взвыл и рухнул на землю:

— Заморозь, сожги — не могу!!!

Сибилло сунул руку под свой полосатый плащ и принялся чесаться. Несмотря на неожиданную помощь весьма находчивого пришельца, что-то не срабатывало. А если дожидаться конца запретного времени, то дошлый смотритель еще пошлет за солнцезаконниками на предмет проверки его полномочий.

— Запущу в темнилище духа невидимого — он тебе всех твоих знатных узников переморозит! — не вполне уверенно пообещал сибилло, уже прикидывая, как сподручнее напустить на стражей хмарь-туман, чтобы втихаря задействовать допотопный механизм, с помощью которого громадная бадья спускалась в колодец.

Но помощь пришла с совершенно неожиданной стороны.

— О, старейший из древних, — возопил младший страж, — я едва заступил на караул, а Невозможный Огонь уже уташен!

Шаман едва удержался от того, чтобы не выскочить наружу для проверки этого сенсационного сообщения. По его прикидкам, время этому наступить никак не могло.

Разве что на стражей кто-то напустил морок. Но кто?

— Продрыхли, окаянные! — голос его обрел прежнюю уверенность. — Спускай бадью, ты, глава лоботрясов. Один поеду, пожалею тебя, горемыку, — а то и ты прахом обернешься. Рогатов подымай.

Стражи забегали, тупыми концами копий выводя единорогов из сонного состояния. Ворот заскрипел, саженная бадья призывно закачалась вровень с краем сруба. Сибилло, услужливо поддерживаемый смотрителем (чтоб ты туда провалился и там навек остался, колдун шелудивый!), забрался туда не без опаски и воздел руки:

— Падите ниц все, кроме погонялы! — повелел он, давая возможность Киху занять место рядом с ним. — Кто стоит на ногах, обратись в белый прах; слушай, тварь,

слово-гарь: белый кот — окорот, пестрый бык — невпротык, серый пес — кровосос... Опускай, не мешкай!

Бадья пошла вниз, донося до распростертых стражников уже едва внятное бормотанье:

— Шепталá, шепталá, через мост Чернавка шла, темно-серое журчанье, сизых песен заклинанье... Эй, наверху, а ты знаешь, где остановиться?

Бадья замерла, даже не покачиваясь. Ких напряг зрение, пытаясь хоть что-нибудь рассмотреть в почти полном мраке. Наконец узрел перед собой поперечные брусья решетки. Прямо за ней на полу белела какая-то посудина. Шаман запустил туда руку и выудил кусок чего-то копченого. Принюхался, отъел малость.

— А тебя недурно кормят, лиходея Рахихорд.

В глубине, за брусьями, вроде что-то шевельнулось.

— Изыди, обезьяна стоеросовая, — послышался тихий, но твердый голос. — Еще вшей мне напустишь.

— Спеси в тебе не поубавилось, лиходея трехстоялый!

— Ты-то знаешь, что я невиновен. Ан не заступился.

— Зато вот освободить пришло. Обещало и пришло. Поздновато, конечно, и не без уговору. А уговор будет такой: перво-наперво ты поможешь сибилло отыскать белого ребенка.

— Я всем детям помогал. Без разбору цвета.

«Кончай торговаться!» — шепнул обеспокоенный Ких.

— А не уговоримся, так я тебя в прах обращу, — пообещал шаман. — Тонь, сонь, оберегонь, заклинателя не тронь; для рогата есть огонь, для заката —дохлый конь...

— На хрена жрецу супонь, — донесся из темноты насмешливый голос. — Ты несешь околесицу вместо заклинаний, образица допотопная!

— Сам знаю. Это для тех ушей, что сверху. А ты что ж, хочешь и впрямь прахом стать? Вместо этого сибилло уготовило тебе встречу с сыном.

— Нет у меня сына. Извели моих сыновей. И внуков тоже.

— А, договоришься с тобой! Ломай, вьюнош, решетку.

— Так придется ж защиту невидимую снять? — подал голос Ких.

— А какая разница тут, в темноте?

В зловонной глубине кто-то шарахнулся в сторону.

— Что, насобачился-таки духа с собой привести? — В слабом голосе звучал не страх, а гадливость.

— Ломай, ломай, — поторопил шаман, уже не обращая внимания на пререкания узника. — Хватай его в охапку и жди, пока сибилло не вознесется к свету солнечному и не услышишь ты слов: «Белый прах, черный прах!». Тогда уноси его, но не ранее. А возвращаться тебе следует к водопойной колоде, сибилло там тебя ждать будет. Да накинь на себя покрывало причудливое, нездешнее, чтобы тебя за простого смерда не приняли. Ну, обогрей тебя солнце полуденное!

Ких принял это благословение как сигнал к действию и, заткнув на ощупь магический флакон, перенес ногу через край бадьи и пнул внушительные брусья решетки. Трухлявое дерево рассыпалось легко и беззвучно — действительно, стоило ли заботиться о прочности ограждения, если за ним чернела пустота бездонного колодца? Ких задержал дыхание, едва не отшатнувшись от пахнувшего навстречу смрада, и прыгнул наугад во влажный мрак подземной норы.

За спиной скрипнула, подымаясь, бадья, и донесся приглушенный голос шамана: «...на подрубленных мостах... на затопленных кустах...» Ких вытянул вперед руки, нащаривая притаившегося где-то узника, — сверху на ладонь шлепнулось что-то многоногое и побежало под обшлаг, щекоча кожу. Он брезгливо стряхнул тюремную тварь, и тут его пальцы наткнулись на что-то жесткое. Кость. А кожи на ней вроде и нет.

Цепкие клешни точным движением схватили его за горло, задышающийся голос пробормотал:

— Не дамся... Не возьмешь, смрадь нечистая...

Юноша легко сорвал этот живой ошейник, одной рукой обхватил узника за костлявые плечи, другой попытался зажать ему рот — из-за непредвиденной борьбы

он никак не мог расслышать бормотание шамана, уже едва уловимое. Под руками трещало и расплзлось ветхое одеяние заключенного, он выгибался, набирая полную грудь воздуха для последнего крика, не переставая отбиваться с непредставимой для такого истощенного тела яростью, так что на какой-то миг ему даже удалось освободиться от железного захвата молодого дружинника. Метнувшись к разломанной решетке, он почти наполовину свесился в черный зев колодца и завопил срывающимся голосом:

— Это я тебя проклинаю, ведьмак двупольный с отмороженным дрыном, порождение свиньи пещерной, копытом зачатый и калом кротовым вскормленный, это я плюю на тебя, брехун змееустый, подстилка княжья, подсрач...

Ких заткнул ему рот с величайшим сожалением — необъяснимая неприязнь всех дружинников к этому замшелому шаману как нельзя лучше коррелировала с пламенным монологом непримиримого узника. Но необходимость тишины вынуждала юношу изо всех сил напрягать слух, чтобы различить условленный сигнал к отбытию. Тишина заполнила колодец, но и сверху не доносилось больше ни звука.

Юноша прождал несколько минут — ничего. Или за проклятиями заключенного нужные слова попросту затерялись, или шаман, прикованный к месту неслышанным доселе словесным фейерверком, потерял дар речи. Впрочем, могло случиться и вовсе неожиданное и непредсказуемое. Ких прислушался к замершему под его руками узнику и вдруг с ужасом понял, что тот не дышит. И, уже не помышляя ни о каких условных сигналах, он прижал к себе обвисшее невесомое тело и прыгнул в колодец, проходя через магическое *ничто*.

И в тот же миг почувствовал под собой шелестящую сухость осенней травы. Он еще бережно опускал свою ношу, а к нему из разом открывшихся люков уже спрыгивали оставшиеся на корабле дружинники. Тяжело и неумело вывалился оттуда и Лронг — перед ним расступились, и он, опустившись рядом с недвижимым телом, с

бесконечной нежностью принялся распутывать седые пряди, совершенно скрывавшие лицо бывшего узника, и отводить их назад. Лицо, понемногу открывавшееся, поражало тем сочетанием мудрости, значимости и, несмотря на предельную истощенность, безграничного могущества, которое скорее было свойственно легендарным рыцарям, чем реальным людям.

Что-то мягкое и шелковистое ткнулось под локоть Лронгу — Травяной рыцарь поднял руку, и из-под нее высунулась рыжекудрая головка Таиры и ее ладошки, сложенные лодочкой, полные свежей воды. Первые же прохладные капли подействовали на неподвижное лицо как сказочная животворная влага: выпуклые веки дрогнули, сухая трещина рта разошлась с хриплым вздохом, и пронзительные, совсем не старческие глаза уставились в неизбежно вечернее небо.

Не глядя на сына, а узнавая его каким-то неведомым чутьем, старый рыцарь поднял руку и легко коснулся травяной накидки. Это не было жестом слепца или безмолвной просьбой немого — нет, это было благословение. Потом рука опустилась, но глаза еще долго-долго и неотрывно глядели на шафрановые лепестки облаков, уносящихся к невидимому для него городу.

— Слишком много света, — прошептал старый рыцарь Рахихорд, и глаза его, переполненные золотым сиянием, закрылись.

Он умер.

Таира зажала рот мокрыми еще ладошками, чтобы не разрыдаться во весь голос, вынырнула из-под Лронговой руки и, так же безошибочно, не глядя, найдя голубой плащ Скюза, уткнулась в него и впервые за все эти дни совсем по-детски расплакалась. Ошеломленный этим простым и естественным порывом, юноша не смел шевельнуться, скованный ледяным взглядом принцессы. О чем думала она, стоя над телом незнакомого ей тихрианина? Никто не дерзнул бы не то что спросить об этом — даже мысленно попытаться заглянуть в пасмурное сонмище ее дум.

А между тем перед ее глазами стоял, как живой, Гаррель, мальчик-паж, любивший ее до самозабвения, но ни единым жестом, ни даже взмахом ресниц не позволявший себе обнаружить свои чувства. Неписанный закон звездной дружины Асмуре требовал от всех ее членов сдержанности, доходившей до аскетизма, и если на родном Джаспере все — или почти все — юные воины уже занесли на свой счет немало побед, коими могли бы похвастаться в тесном мужском кругу, то теперь, снова ступив на прозрачный пол звездного корабля, они должны были бы вернуться в жесткие рамки отрешенности от любых чувств, кроме воинского долга и беспредельной преданности своей повелительнице, своему командору.

И вот теперь эта непрошенная пигалица, рыжий смазливый воробей, которую проклятые крэги непостижимым образом связали с ее собственной судьбой, поломала все жесткие и, как оказалось, такие непрочные ограждения, отделявшие ее воинов от всех соблазнов Вселенной. Как будто проявляя лишь гостеприимство и заботу о младшем товарище, они с момента ее появления не спускали с незваной гостьи влюбленных взглядов; и даже сейчас, когда мудрейший и опытнейший из тихриан, на кого она надеялась как на самого надежного советчика в своих поисках, лежит у их ног, безвозвратно теряя теплоту жизни, они глядят не на него — на счастливчика Скуюза, одаренного благосклонностью этой юной гурии.

Мона Сэниа вдруг поймала себя на том, что если бы не безмолвная скорбь Лронга, то молчание, повисшее над тесным кружком джасперян, можно было бы счесть двусмысленным. Хотя — почему? Любой посторонний усмотрел бы в ее остановившемся взгляде, в ее сжатых до посинения губах только неистовую ревность преждевременно постаревшей, потерявшей былую красоту женщины к юной, еще не ведающей до конца силы своего очарования спутнице.

Лицо принцессы исказилось мрачной усмешкой. Ревность. Как бы не так! Если бы кто-то мог предположить, как мало волновало ее внимание окружающих к собствен-

ной внешности! Потеряв своего Юрга, она потеряла так много, что не думала уже о мизерных крохах почитания и восхищения, которыми одаривали ее в прежнем походе верные ее воины. Нет, негодуя на каждый взгляд, брошенный ими в чужую сторону, она цепенела от яростной мысли, что вот эта секунда отнята от поисков ее малыша, ее Юхани. Если бы не дикий, необъяснимый приказ крэгов — заслужить возвращения сына *вместе*, она давно уже вышвырнула бы эту девчонку вкупе с ее чудовищной птицей обратно на окаянный остров, на котором осталась половина ее собственной жизни.

Она прикрыла глаза, подыскивая слова, которыми можно было бы, не выдавая гнева, отослать Скюза вместе с девчонкой на корабль, но в этот миг Травяной рыцарь поднял голову.

— Благодарю тебя за твои слезы, дитя, — проговорил он, обращаясь к Таире, — но теперь пусть твое золотое сердечко отдохнет от горя, которое ты разделила со мной. Рыцарь, уведи ее.

И Скюз, ни секунды не колеблясь, словно он получил королевский приказ, поднял на руки и понес к кораблю — нет, не в командорский шатер, а в свой маленький уютный кораблик, один из восьми, опоясывавших центральный огромный кокон гирляндой чуть приплюснутых шаров.

— Прими и мое сочувствие, Лронг, — как можно мягче проговорила наконец принцесса. — Если хочешь, я перенесу тебя вместе с телом покойного рыцаря прямо в анделахаллу, в которой мы с тобой побывали.

— Благодарю, — сдержанно поклонился Лронг, — но не сейчас. Прежде всего я должен найти траву-нетленник. А ты пока можешь помолиться над телом моего отца.

— А кому я должна молиться?

— Молиться можно только солнцу, — несколько удивленно отвечал Травяной рыцарь.

Все взгляды невольно обратились к чуть подернутому вечной закатной дымкой неподвижному светилу, и в тот же миг Ких, спохватившись, ойкнул и ударил себя по лбу:

— Мы же забыли про сибилло!

Лронг покачал головой:

— Тогда поторопись — он лукав и мстителен.

— Флейж, сопровождай его! — велела принцесса.

Ких обхватил своего товарища за плечи, рванулся вперед — и в следующий миг они уже стояли под щелястым навесом тюремного двора.

Стражники, заходясь оглушительным, неестественным храпом, лежали кто где, словно одурманенные мгновенным наваждением. Единороги, намертво прикованные к воротам, валялись кверху копытами. Полосатый дым вздымался невысоким столбом и расплывался кольчатым облаком.

Но ни сибилло, ни его сквернообразного шурушетра не было нигде.

ХІ. МОЛВЬ-СТРЕЛА

Мона Сэниа сидела на сухой траве совсем не в молитвенной позе, опустив подбородок на скрепленные руки и устремив взор ничего не видящих в действительности глаз прямо на солнце. Неслышно подошел Лронг с пучком курчавой синеватой травы, заткнутой за пояс, и невольно замер, пораженный способностью этой загадочной женщины не бояться прямого взгляда на божественное светило. Как раз в эту минуту облака разошлись, и ничем не замутненные лучи, казалось, согрели безжизненное тело, распростертое у ног принцессы.

— Благодарю тебя, всесильная, — прошептал Травяной Рыцарь, — теперь я спокоен — ты вымолила у солнца малую толику света, которая вечно будет сопровождать моего отца на ледяном пути...

— Да, да, — рассеянно откликнулась она. — Подожди немного, я сейчас.

Она нырнула в привычно раскрывшийся люк и тут же показалась обратно с каким-то пушистым белым свертком. Она встряхнула его, и почти невесомый белоснежный

ковер — дар землян ее Юхани — раскинулся на пыльной траве. Нечаянно забытая в нем маленькая погремушка в виде серебристо-голубой звездочки, неуверенно звякнув, откатилась к ногам великана. Мона Сэниа вздрогнула и инстинктивно отвернулась, чтобы не выдать чрезмерности своего отчаяния.

Когда она снова нашла в себе силы повернуться к Травяному Рыцарю, усопший узник уже лежал на ковре, усыпанный сизыми завитками нетленника. Лронг коснулся лбом его сложенных иссохших рук, потом резко выпрямился и запахнул края белого полотнища.

— Я готов, — просто сказал он, поднимая на руки запеленутое тело. — Невозможный Огонь вот-вот погаснет, значит, анделисы уже покинули Травяной Приют.

— Идем, — просто сказала мона Сэниа, приближаясь к нему и с трудом дотягиваясь до его плеча.

— Постойте! — зазвенел голосок Таиры, и девушка, спрыгнув на землю, побежала к ним от корабля, протягивая что-то на ладони. — Я не знаю, как это у вас, но у нас на Земле когда-то полагалось заказывать молитвы... от-пе-вать. Кажется, так. А у тебя, Лронг, наверное, нечем заплатить. Вот, возьми!

И она протянула ему сияющую жемчужину — подарок шамана. Травяной Рыцарь несколько секунд стоял неподвижно, глядя на заплаканное личико с маленьким подбородком и высокими скулами, на котором размазанные дорожки слез не приглушили розового свечения, точно такого же, как и у драгоценного шарика, перекатившегося на его громадную серую ладонь, но жесткий профиль чуждедальной принцессы нетерпеливо заслонил от него огненный ворох растрепанных до неприличия волос, и непостижимое чародейство мгновенного переноса через *ничто* растворило перед ним душистый полумрак анделаллы.

Здесь ничего не изменилось — всё было точно таким же, как и несколько часов назад.

— Скорее обратно! — крикнул Лронг, поспешно опуская свою ношу на ворох увядающей травы. — Анделисы

еще не посещали этот Приют, они могут появиться тут в любой миг!

— Но почему...

— Не медли!

Пришлось не медлить.

Отирая мгновенно выступивший на лбу липкий пот, Лронг перевел дыхание и прислонился спиной к упругой обшивке корабля. Ему вдруг пришло на ум, что он уже воспринимает этот летающий девятиглавый терем почти как собственный дом, а суровых, хоть и молодых воинов в странной, наглухо застегнутой одежде — как собственных братьев, давным-давно загубленных по воле проклятого властителя, который сам именовал себя Оцмаром Великодивным, но чье имя чаще упоминалось — разумеется, в темных углах, подальше от чужих ушей — Оцмаром...

Он не успел произнести про себя то оскорбительное и не всем понятное прозвище, за которое даже не заточали в колодезную темницу, а скоренько и бесхлопотно, связав по рукам и ногам, закапывали в землю живьем. Смуглая сухая ладонь легла на его запястье, и требовательный голос повторил:

— Но почему мы не можем встретиться с этими анделисами?

— Они не хотят этого. А их желание — закон.

— Но если они ни с кем из тихриан не встречаются, то кто же знает их истинные желания?

— Спроси об этом сибилло, моя повелительница. Я просто не знаю. Так было всегда, и это первый и наиглавнейший закон Тихри. Любой, кто преступит его, будет проклят, как это случилось не так уж давно с тем, кто правит на нашей дороге.

Мона Сэниа уже привыкла к тому, что свою страну аборигены почему-то называли «дорогой».

— Ты говоришь о Полуденном Князе? — переспросила она.

Травяной Рыцарь кивнул.

— А нельзя ли поподробнее?

Лронг оглядел сгрудившихся вокруг него дружинников, пожевал губами, словно прикидывая — говорить или все-таки не стоит? Может, и не стоило, но на чужой дороге трудно тем, кто не знает ее колдобин. Скрипнув влажной спиной по обшивке корабля, он опустился на землю и свесил громадные лапищи между колен. Никто не последовал этому примеру — все остальные приготовились слушать его стоя.

— Собственно говоря, история эта короткая, потому как известны только ее начало — и то, к чему все пришло, а это, сами понимаете, еще не конец. Так вот, еще при отце нынешнего князя Отногуле Солнцеликом на нашу дорогу снизошло довольство и сытая благодать. Может быть, урожаи были обильнее, чем прежде, а может, сосед по левой дороге, Аннихитра, еще не лишился рассудка и не пытался тревожить наши границы разбойничьими набегами. Так или иначе, жить стало спокойнее, столицы княжеские становились все богаче, а где богатство — там разврат и беспутство. Отногул уже был староват, а сибилло при нем состоял вот этот, которого при дворе не стеснялись в глаза называть пнем замшелым. Одним словом, когда появился наконец у Отногула поздний наследник, те из княжеских приспешников, что были помудрее, своих чад убрали от двора подальше. Но наследный княжич, ясное дело, рос при отце — и при всех его шлюхах, колдунах и фиглярах. Ничего удивительного, что при всеобщем баловстве он уже к пяти годам обнаружил свой характер, преломить который не под силу было даже его собственному отцу. Говорят, мальчишка и дюжины слов не знал, только «хочу!» — и пальцем в желаемое. Получал, естественно, все. Но однажды он захотел... анделиса.

— А как же он мог показать на него пальцем, если анделиса никто не видел? — не удержалась Таира.

— Мальчик уже в пять лет прекрасно сидел в седле, и как-то путь его пролег мимо анделахаллы. Он спросил, что это за странная конура без окон, — ему, на беду, объяснили. Он потребовал анделисов с разноцветными

рукавами, — не зная, что такое почтение, он на всю дорогу смотрел как на сборище игрушек для себя. Но тут он впервые наткнулся на глухое неповиновение. Он приказывал — но его повеление не выполняли. Кого-то он там, говорят, не то собственноручно задушил, не то зарубил... Не помогло. Да тут еще и старый князь вмешался, впервые стал наставлениями донимать. Княжич терпел-терпел, а потом дождался Невозможного Огня, проскользнул мимо стражи, а может, и подкупил ее. Одним словом, он добрался до Травяного Приюта, когда там как раз появились анделисы. Что там произошло, никто не ведает, — говорить о том запрещено и по сей день, но только нашли молодого наследника без памяти среди мертвых тел, и на груди у него... я бы не поверил, если бы этого не видел мой отец, — на груди у мальчика означился след «поцелуя анделиса»!

Великан замолчал, переводя дыхание после столь длинной речи. Слушатели же пребывали в легком недоумении.

— Прости, благородный рыцарь, — решила наконец принцесса, — но смысл этого иносказания нам неясен.

Дронг поднял голову и пристально посмотрел на нее:

— Может быть, у вас это называется как-то по-другому, но, по тихрианским легендам, анделис, целуя человека, переносит в него каплю собственной крови. И с этого мига в человеческой крови зарождается бесплотный и незримый анделис, который подчиняет себе того, кто до самой смерти будет уже только видимостью, оболочкой. Неистовый дух поселится в нем, подчиняя его какой-то одной цели и делая его несокрушимым в своей одержимости.

— Ну, у нас это не называется никак, потому что у нас просто нет анделисов, — констатировал Эрромиорг. — А одержимые встречаются во всех мирах, и от них везде одна беда.

— А говорили — анделисы добрые, — недоуменно протянула Таира. — Что ж плохого, если кто-то с таким хорошим духом в печенках будет наводить порядок на вашей земле?

Великан как-то встревоженно глянул на нее из-под кудлатых бровей, покачал головой:

— Ты еще слишком молода, дитя, и не знаешь, что у каждого солнечного луча есть тень, как у каждой весны — зима. Они разделены временем или расстоянием, но лишь для поверхностного взора. Неистовая доброта — такое же зло, как и иссушающее летнее солнце, не затеняемое время от времени живительными тучами. И потом, добро, творимое только для себя, нередко оборачивается горем ближнему.

— Ха! — вскрикнула девушка. — Задача решается элементарно: нужно только всем анделисам войти в людей, и все будут хором творить добро. Глазом не моргнете, как у вас будет рай на земле... то есть на Тихри.

— К сожалению, твоя легкая и беззаботная мысль витает далеко от истины, златокудрое дитя. Непреложный закон гласит, что анделис, отдавший каплю своей крови, неминуемо погибает...

— Жалко, — искренне вырвалось у Таиры. — Я думала, все духи бессмертны. А что еще? Ты не договорил.

— Да, есть и еще... Тот, кто отмечен «поцелуем анделиса», может сотворить немало добра. В сущности, Полуценный Князь так и поступал, когда набирал пограничную стражу, возводил дома для смердов, раздавал погорельцам снесь, наводил новые мосты и закладывал бесчисленные фундаменты под следующую весну. Да что говорить — Дорога Оцмара стала самой богатой и безопасной на всей Тихри... Это так. Но вся беда в том, что тот, кто носит на себе знак анделисова проклятья, может нечаянно встретить женщину, в теле которой, так же как и у него, будет жить невидимый анделис. И это напасть безмерная, потому что не будет преград, которые удержали бы их от нечестивого союза!

— Здрасьте вам, — снова не удержалась Таира, — два товарища по несчастью — и почему бы им не сочетаться, особенно если законным браком?

— Потому, что от соития двоих проклятых, несущих на себе «поцелуй анделиса», рождаются самые жуткие

твари, когда-либо обитавшие на нашей Тихри. Ледяные локки, джаяхуудлы, шурушеты, смрадные сёкосои — всё это детища подобных браков. Возможно, и ядоточивые хамай — отдаленное их потомство. Легко себе представить, что стало бы с нашей дорогой, если бы ее начал заселять таким сатанинским отродьем не кто-нибудь, а собственный князь!

Дружинники незаметно переглянулись. Рассказ Травяного Рыцаря был чертовски увлекателен, но раздражала неуловимость той грани, которая разделяла в нем реальную историю княжеской вотчины Оцмара и нагромождение легенд и суеверий, к которым тут, наверное, относились вполне серьезно; но для джасперян, озабоченных поисками собственного ненаследного принца, знакомство с местным фольклором было, мягко говоря, несколько несвоевременным.

Острее всех это чувствовала сама принцесса. Хотя их появление на Тихри и началось со знакомства именно с вышеупомянутым отродьем, всё равно трезвый разум безоговорочно разносил людей и нелюдь на разные стороны бытия: человеческую и магическую. На каждой заселенной планете встречалось и то и другое в самой различной пропорции. Они враждовали, сосуществовали, сутяжничили, побирались друг у друга и, в сущности, друг друга питали. Но на деле почти никогда не заключали брачных союзов, а если это и случалось, то, как правило, приходили к трагическому финалу стремительно и бесповоротно.

— По тому, как процветает твоя земля, — принцесса дипломатично покривила душой — нищета это была, не расцвет, — можно заключить, что всё обошлось. И потом, твой Полуденный Князь так далеко, что его история вряд ли поможет или помешает нам в отыскании ребенка.

— Да, он далеко, — глухо подтвердил великан. — Но его руки дотягиваются до любого, каким бы расстоянием и временем он ни был бы отделен от княжьего двора. Сегодня эти руки дотянулись до моего отца.

— Прости, — быстро проговорила мона Сэниа, осознавая жестокость своей бестактности. — Я никак не дума-

ла, что твой отец мог быть замешан в дворцовых интригах...

— Он и не был замешан. Он был слишком мудр и великодушен. Но те, кто окружал старого Отногула, кто подтирал рукавами его тарелки и заплетал в косички хвосты его рогов, благородством не отличались. Узнав о случившемся, они, долго не рассуждая, решили выкрасть наследника. И выкрали.

Мона Сэниа едва удержалась от того, чтобы пожать плечами, — обыкновенный дворцовый заговор, что ж тут такого?

— Но вот тут мой отец не остался в стороне. Он поднял верные Отногулу отряды и освободил мальчика. Заговорщики даже не успели объявить кого-нибудь новым князем, как уже все было кончено. Отногул расправился с ними жестоко, но иначе было и нельзя: его здоровье от всех волнений окончательно пошатнулось, и в любой миг он мог отправиться в княжескую анделахаллу. Оставлять же сына в перебесившейся своре не стал бы никто на его месте. И свору по его приказу перебили.

Огромные и неуклюжие пальцы Травяного Рыцаря подбирали с земли травинки и соломинки, которые превращались в тугой жгутик. Таира следила за их движениями с преувеличенной сосредоточенностью, высунув кончик языка. Скюз, видя такое внимание, невольно покусывал губы.

— Последние годы старого князя были самыми безмятежными, — как говорят у нас, на ласковом солнце и телеги не скрипят. На дороге Отногула ничего не скрипело. Но вот анделисы унесли его душу по ледяному пути в бессолнечные долины мрака, и священная звезда княжеской власти перешла в руки мальчика.

— А старый Отногул умер своей смертью? — как бы невзначай бросил Сорк.

Великан покачал головой:

— Это может знать только солнце — оно видит все от начала дороги до ее исхода. Князь, как всегда, запрягал свою колесницу, но молния вырвалась и поразила его.

Было ли это случайностью? Если кто-то и виновен, то он наверняка унесет свою тайну в ледяной край.

— Молния — это лошадь, то есть единорог? — спросила Таира.

— Молния — это молния. Иногда князю помогал придворный колдун, но тут его почему-то не оказалось, и первое, что сделал молодой правитель, — сослал сибиллу сюда, на самый кончик хвоста нашей дороги. И тогда мне посчастливилось: от скуки он решил взять себе ученика, а так как я был самым младшим сыном, которому никогда не достался бы отцовский караван, я попросился к опальному чародею на испытание. Тот признал меня ни к чему не годным — ни к волшебю, ни к предсказаниям, но согласился научить меня простейшему врачеванию. Думаю, что тут он польстился на сытный стол моего отца, — ведь за освобождение сына Отногул сделал его трехстоялым караванником с жалованьем алыми перлами и кормлением с восьми полей...

Несмотря на серьезность и в какой-то степени трагичность повествования, Таира едва удержалась, чтобы не фыркнуть. Она заслонила рот ладошкой и шепнула стоявшему сзади Скюзу:

— Трехстоялый — это что, стоящий на трех ногах?

Рассказчик то ли услышал, то ли догадался о смысле ее вопроса:

— Когда наши караваны останавливаются, то согнать их с места могут только солнцезаконники, получившие недоброе предзнаменование, или стражи по доносу. А вот стоялых караванников никто не смеет поторопить. Трехстоялый — это самый вельможный из всех, он имеет право стоять на одном месте три раза по тому сроку, который потребен женщине, чтобы выносить ребенка от зачатия до рождения. Три преджизни.

— Впервые встречаю такую меру времени, — задумчиво проговорила мона Сэниа. — Похоже, что к человеческой жизни у вас когда-то относились с уважением.

— Отголоски старого, доброго матриархата, — предположила Таира.

— Жизнь человека уважают у нас и сейчас, — возразил Лронг, — и недешево ценили тогда, когда молодой князь (он сначала рьяно, как и следовало ожидать от проклятого анделисами, взялся за дело) начал строить, разглаживать дорогу, переправлять в весенний край не-сметные запасы еды. Но через пять-шесть преджизней стало ясно, что он строит не только дома и мосты, — целые сонмы смердов, оторванных от своих караванов, были согнаны на восход...

— Прости, уважаемый, — как бы мимоходом спросил Сорк, — а не покажешь ли, где это восход?

— Это знает каждый ребенок, — нетерпеливо отмахнулся Лронг, никак не выказывая удивления перед таким наивным вопросом. — Мы все идем на восход — а иначе куда же?

И он своей огромной рукой твердо указал на запад.

— А! — только и сказал Сорк, похоже, у него на этот счет зародилась какая-то мысль.

— Да, так вот. Оказалось, что в весеннем краю строятся диковинные дворцы, с воздушными мостками, висячими садами, бесчисленными башенками и воротцами... Сказочные чертоги, в которых невозможно жить — заблудишься. Но ничего, молодой властитель имеет право на такую блажь, хотя, видит солнце, слишком много хлопот для будущей столицы, ведь и ей положен предел в пятистояние. Но еще дальше на восход князь велел насыпать громадную гору — в основе лежал природный холм, который он приказал поднять в высоту и придать ему вид громадной невиданной твари наподобие лягушки болотной, обратившей свою морду на солнце. Князь собственноручно начертал план сооружения на высушенной коже молодого гуки-куки, с тем чтобы на голове этого земляного гада, словно корона, поднялся маленький пятибашенный замок.

— Твой принц — романтичный юноша, — заметила Таира. — Сколько ему было, когда он взошел на престол?

— Шестьнавосемь преджизней, — отвечал Лронг, не подозревая, что вызовет всеобщее недоумение столь диковинным числительным.

Таира через плечо оглянулась на Скюза — юноша, уже привыкший к загадкам чужих миров, сориентировался на ходу и незаметно показал ей восемь пальцев, а затем еще шесть. Она сердито насупилась — о шайтаний хвост, неужели сама не могла додуматься, что тихриане, у которых всего четыре пальца, не смогут считать на десятки!

— Молодец, — шепнула она своему спутнику, — возьми с полки пирожок.

Теперь недоумевать пришлось Скюзу, но девушка не снизила до разъяснения смысла любимых прабабушкиных поговорок.

— Мой рассказ подходит к концу, — со вздохом продолжил Травяной Рыцарь. — За все добрые деяния народ моей дороги вознес молодого правителя до небес, дивясь его мудрости и благостному вдохновению. И за всем этим как-то прошло мимо всех, что мало-помалу ласковый и приветливый юноша принялся уничтожать все семейства, хоть как-то причастные к его похищению, от мала до велика. Не только знатные караванники, заподозренные в соучастии, — лекари и стража, челядь и даже уличные ворожеи, нечаянно оказавшиеся в тот день у княжеского дворца, все друг за другом представляли перед княжеским судом то за путешествие без фирмана супротив солнца, то за оставление поста, то за недонесение о воровстве, то за несбывшееся предсказание... Ты говорила о ценности жизни, о мудрая моя повелительница, — да, никого из них не раздвоили, кроме моего старшего брата, но сослали на весенние поля, где приходится работать по колено в талой воде и под палящим солнцем, которое за одну преджизнь успевает превратить кожу в сплошной бородавчатый нарост... Углубившись в учение, я ни о чем таком не слышал, пока до меня не дошла весть, что отец собирается на княжий суд. Нет, его ни в чем не обвиняли — он сам обратился за справедливостью. Оказалось, что, когда наш караван перешел на новое стояние, нам предоставили не восемь, а только четыре поля на кормление; затем — два, а потом — ни одного. Отец продавал

накопленное поколениями добро, чтобы удержать своих людей от разбоя, но долго так продолжаться не могло. Он отправился к Полуденному Князю, но вместо зала Правосудия его привели в длинный пустой коридор. На противоположном его конце виднелась ниша, а в ней, освещенная яркими четырехсвечниками, — клетка с детенышем гуки-куки. Некоторое время отец терпеливо ждал, как вдруг зверек отчаянно заверещал, и тогда стало видно, что сверху в клетку опускаются длинные сверкающие лезвия...

Таира невольно вскрикнула.

— Может, не надо?.. — тихонько проговорил Скюз.

— Продолжай, — холодно велела принцесса. — А ты, девочка, можешь удалиться.

Таира вздернула подбородок и не тронулась с места.

— Мой отец бросился вперед, — продолжал Лронг, — но орудия чьей-то злой воли продолжали делать свое дело. Когда он добежал и хотел уже было взломать решетку, несчастный детеныш был уже мертв. И тут откуда-то сверху раздался голос: «Что же ты не поторопился, рыцарь Рахихорд? Что же ты не поторопился?..»

— Голос? — переспросила девушка. — А может, это был вовсе и не князь?

Великан только печально усмехнулся:

— Мой отец, не выносивший жестокости и понявший, что княжеского правосудия он не добьется, бросился из дворца, вскочил на своего рогата и помчался назад, в тот город, где он оставил свой караван. Тут его и схватили — за то, что ехал по Великой Дороге, оборотясь спиной к солнцу без специального на то фирмана. А старший мой брат, даже не ради мести, а из справедливости, как он ее понимал, с небольшим отрядом напал на княжеский монетный амбар, выгреб оттуда все сокровища и, не взяв себе ни мелкой белой жемчужинки, все раздал своим людям... Которые и выдали его, как только кончились деньги. Так что и отец, и брат добились-таки княжьего правосудия... и получили его сполна.

Наступила очень долгая тишина.

— Я не привык к таким длинным речам, — проговорил наконец Лронг внезапно осевшим голосом. — С твоего разрешения, я хотел бы удалиться. Невозможный Огонь погас, и мне нужно обойти немало домов, чтобы в них не осталось никого, брошенного без еды, воды и анделахаллы.

— А кроме тебя это некому сделать? — сухо спросила принцесса.

— Послушников Травяного Приюта всегда мало, — устало проговорил великан, подымаясь на ноги.

— Но тебе ведь теперь незачем соблюдать свой обет, — возразила она.

Великан как-то странно глянул на нее и поднялся на ноги.

— Постой, — вмешалась Таира, — ты ведь ничего не ел со вчерашнего дня!

Он благодарно улыбнулся ей и размашистым шагом направился к городу, легко переступая через орешниковые пеньки.

— Всем отдыхать, пока не придет сообщение из Ракушечника, — распорядилась принцесса.

— Пошли, — легко взмахнув ладонью, словно стирая пыль с невидимой полочки, сказала Таира, не обращаясь персонально ни к кому из присутствующих и поворачиваясь лицом к кораблю. Скюз, ни секунды не помедлив, последовал за ней. — Ты говорил, что можешь не только сам перелететь в любое место, но и забросить туда одну вещь...

— Куда и какую? — послушно отозвался юноша.

— Письмо. Нужно написать папе, чтобы он не волновался, что я жива-здорова, под надежным присмотром и вернусь к первому сентября.

— А что значит — первое сентября?

— Вот счастливчик — он не знает! Совсем коротенькую записку, легонькую как перышко! — прибавила она уже совсем другим, просительным тоном.

— Проблем нет, — ответила за юношу мона Сэниа. — Мы все хорошо помним ваш остров и давно могли бы перебросить туда и письмо... и тебя, если пожелаешь.

— Нет, — мотнула головой девушка, и ее яркие каштановые волосы взлетели, как крылья жар-птицы. — Я нужна здесь, чтобы найти Ю-ю.

— Но поверит ли твой отец, что писала именно ты? — засомневался Скуоз. — Письмо, пришедшее таким необычным для вашего мира способом... Не лучше ли нам вдвоем на несколько минут вернуться на твой остров?

— Нет, — твердо сказала девушка. — Хватит с меня всяких штучек с вашими перелетами. Очутимся где-нибудь на Сатурне. Я просто подпишу письмо так, как называет меня отец, — этого ведь никто, кроме нас и прабабушки, не знает.

— У тебя есть второе имя? — удивилась мона Сэниа. — И как же называет тебя твой уважаемый отец?

— Царевна Будур, — сказала девушка, ныряя в люк маленького Скуозова кораблика.

Принцесса проводила ее задумчивым взглядом. «А я не ошиблась, — сделала она комплимент самой себе, — есть и у меня что-то от сибиллы. В ней действительно течет королевская кровь».

Между тем Ких и Флейж, не зная усталости, обследовали кабаки и притоны Ракушечника. Шурушэтра они уже отыскали, — если это был именно сибиллов паук. Что-то вроде амфитеатра с почти отвесными ступенчатыми стенами ограждало овальный участок совершенно вытоптанной земли, на которой разлеглись пять или шесть чудовищных тварей. Различить их было совершенно невозможно, как и сосчитать, — они буквально сплелись в один клубок и ожесточенно грызли свои намордники в братском порыве отъесть хотя бы одну ногу у ближнего своего. Оставалось только надеяться, что сибилло догадался пристроить свое достаточно экстравагантное средство передвижения на эту стоянку.

Шамана обнаружили в третьем от входа в амфитеатр кабаке. В первом и втором наблюдались штабеля мертвецки пьяных жителей славного города, обладателя четырехколодезной тюрьмы, и валяющаяся в изнеможении при-

слуга, — видно было, что сибилло решило наплевать на запреты и перемещалось от одного питейного заведения к другому, не дожидаясь угашения Невозможного Огня.

В третьем слышался нестройный многоголосый гул, который возникает тогда, когда говорящие, не слушая друг друга, пытаются перекричать соседа в садистском стремлении излить на собутыльника свою душу. Джасперяне, в просторных плащах с капюшонами, позаимствованными на тюремном дворе у так и не пробудившихся стражников, с лицами и руками, вымазанными глиной пополам с сажей, бесшумно приблизились к столу и, переведя калибраторы своих десинторов на нижнее парализующее деление, без хлопот лишили присутствующих возможности вмешиваться в ход событий. Обездвиженных таким образом пропойц они без лишней суеты вынесли во внутренний дворик и сложили в свойственном этому городу порядке.

Теперь за столом остался один только шаман в одиночестве, которое трудно было назвать гордым. Усы и брови без единого бантика отмокали в суповой чаше, откуда несло дрожжами и гнилыми персиками; морщинистые серые груди возлежали на блюде со свекольным салатом.

— Эй, твоя сибиллова светлость, — сказал Флейж, подсаживаясь рядом на лавку, не слишком, впрочем, близко, чтобы не замараться. — Не пора ли сменить это свиное пойло на благородные вина из погребов принцессы Джаспера?

— Это пойло... с от мороженным... — Сибилло сделал попытку освободить чашу от присутствия собственных усов и, не перенеся тягот этого предприятия, повалился боком на лавку.

Ких сбегал во дворик и вернулся с кувшином воды. Выплеснув ее на страдальца и смыв таким образом помой с его торса, он наклонился, проверяя его дыхание. Старик еле слышно бормотал, повторяя одно и то же: «Ведьмак двуполый... копытом зачатый... подстилка княжья...»

Вот, оказывается, в чем было дело: спесивый ведун не мог пережить поношения, да еще прилюдного. В комнате

возник некто толстопузый, похоже, хозяин заведения. «Расплатись», — шепнул Флейж, и Ких начал перебирать мешочки, висевшие на поясе старика, в поисках жемчужин, которые со всей очевидностью служили здесь деньгами. Но как только шаман почувствовал на своем кошельке чужую руку, он разом поднялся и, дикими глазами озираясь по сторонам, поднял палец:

— Одну! — И снова повалился.

Ких швырнул кабатчику шарик покрупнее, чтобы загладить возможные недоразумения, и мимолетом подумал, что если их пребывание на этой смрадной планете затянется, то придется им повторить подвиг Лронгова брата. Исключая финал, естественно.

Флейж между тем нашел на столе что-то вроде капустного листа и с его помощью принялся приводить шамана в чувство, небожно, но хлестко охаживая его по щекам.

— Принцесса желает тебя видеть, достопочтенный, — проговорил он, когда щелочки мутных глаз снова приоткрылись. — Еду и питье мы гарантируем.

— Сибилло остается, — замотал головой старик. — Сибилло лаяли паскудно и облыжно. Он слышал.

Костяной палец ткнулся в подбородок Киху.

— Ничего я не слышал, — твердо сказал Ких. — А что слышал, того не понял. А что понял, того не запомнил.

— Рахихорд охальник неутомимый, он тебе напомнит!

— Нету Рахихорда. Отошел в мир иной.

— Что-о-о?

— Скончался. — Для пущей убедительности Ких сложил руки на груди и возвел взор к загаженному потолку. — Почил вечным сном. Приказал долго жить. Отправился к предкам, черт тебя подери, старый хрыч!

— Рахихордушко! — тоненьким голоском взвыл старик и брякнулся головой о стол, на что тот отозвался сочувственным эхом.

Флейж и Ких переглянулись — дело запахло серьезными телесными повреждениями.

— Дедуле пора на что-нибудь мягкое, — сказал Ких, твердо охватывая старческие ребра и делая шаг назад.

Ощутив дружескую поддержку, шаман отреагировал на нее по-своему.

— Наливай поминальную! — скомандовал он, делая попытку еще раз боднуть столешницу и вместо этого ткнувшись носом в колкую стерню.

Одного взгляда на корабль, в тени которого он столь неощутимо для себя очутился, и на чернеющую поодаль Анделисову Пустынь было достаточно, чтобы вызвать у него похвальное желание протрезветь. Он схватился за голову, зажмурился и забормотал замысловатое заклинание против винного дурмана, причем половина слов не имела смыслового эквивалента на языке Джаспера.

— Где его отпрыск? — сурово спросил шаман, совершенно очевидно именуя так рыцаря Лроногирэхихауда.

Ких пожал плечами. Тишина вокруг корабля свидетельствовала о том, что бессонная ночь не прошла даром, — дружинники набирались сил в своих отсеках, благо на то был приказ принцессы. Она появилась первая — как всегда, одетая со всей тщательностью, с первого же мига после пробуждения готовая к любым стремительным действиям.

— Так, — отрывисто бросила она, увидев шамана. — Этот здесь. Теперь нужно вернуть Лронга. Мы все время кого-то ищем, кого угодно, только не...

Она мотнула головой, так что тихонечко зазвенел аметистовый обруч, и отвернулась к стене корабля.

— И его найдем, — уверенно проговорил Флейж. — В городе только четыре анделахаллы...

— А мы знаем местоположение только одной!

Шаман встрепенулся, всем своим видом выражая желание посодействовать. Похоже, он чувствовал себя виноватым, что было отнюдь не свойственно его натуре.

— Вознеси сибилло на самую высокую башню, и оно откроет тебе все закоулки этого паскудного городишки, — пообещал он.

Мона Сэниа мгновенно приняла решение:

— Скюз, остаешься на вахте, вместе с Гуен прогуляете крэггов. Ких и Флейж, к той анделахалле, что возле нашей

прежней стоянки. Один дежурит у двери, другой осматривает близлежащие дома и улицы. С Травяным Рыцарем не препираться, прямо доставить сюда. Остальные — со мной, на крышу дворца. Я все время буду там. Похоже, придется снова обратиться к красноризцам.

Шаман открыл было рот, вероятно, чтобы возразить, но принцесса, нетерпеливо отмахнувшись от него, бросила через плечо Скюзу:

— Держи все люки закрытыми... И не буди без надобности девочку.

По тому, с какой смущенной торопливостью склонилась в послушном кивке светловолосая голова юноши, можно было предположить, что последнее распоряжение принцессы вряд ли будет выполнено.

Но у нее не было времени на то, чтобы обращать внимание на подобные мелочи.

А отыскать Травяного Рыцаря оказалось далеко не таким простым делом, как обнаружить хмельного колдуна. Дружинники, разосланные ко всем анделахаллам, на которые указал им с дворцовой крыши шаман, понемногу собирались возле принцессы, которая тщетно всматривалась в глубину узеньких улочек, разбегавшихся от дворца. Некоторые из них были многолюдны, и время от времени ей чудилось, что она различает знакомый плащ, сплетенный из длиннолиственных трав, и размашистую походку великана. Тогда Ких, закутавшись в снежную пелерину, делавшую его невидимым, мчался в указанное ею место, но каждый раз возвращался разочарованным. Шаман сидел под одним из грибков, украшавших крышу, скрестив ноги и слегка покачиваясь, — все тужился что-то припомнить из своих кабацких походов. Но не получалось.

— Что скажешь, Эрм? — не выдержала наконец мона Сэниа.

— Если принцесса позволит, то можно предположить, что рыцарь, завершив свой труд, направился к нам. Тогда его надо искать на пути от любой из анделахалл к Анде-

лисовой Пустыни. Хотя первую, пожалуй, можно исключить.

— Логично. Ких, ты устал, передай амулет Борбу, пусть начнет с северной части города. Поторопись, Борб. А я вызову Кукушонка.

Она прикрыла ладонями лиловые глазки офита, вызывая в памяти маленькую каюту-кораблик Скюза. Позвала шепотом, подняв узкую ладонь, чтобы призвать всех к молчанию — ответ ведь тоже мог едва слышаться. Ничего. Она снова прикрыла виски, сосредоточиваясь. Центральный шатер. Периметр малых корабликов. Крыша. Окрестности.

Ее голос, похоже, не долетал. Золото на его пути? Не должно бы... Она уже хотела было обратиться к шаману, но в этот миг другой голос, звенящий восторгом, уже позабытым в этом мире нескончаемых потерь, разнесся над дворцовой крышей.

— Принцесса! Я нашел их! Мы у пруда...

«Их»?! Сердце у нее отчаянно трепыхнулось — и остановилось. Их... Все еще оборачивались к дальней части города, лежащей за большой дорогой, а она уже была там, над прозрачным ключевым водоемом, с бесчисленными лучиками водопойных желобков, отходящих от него, так что сверху он был похож на голубую ромашку; зависнув на какой-то миг над водой, она успела окинуть взглядом всю базарную площадь и углядеть неуклюжую громаду в соломенной накидке, которая могла быть только Лронгом, возле него — кого-то в белом одеянии. И еще — подросток, сидящий на корточках. И только.

Она опустилась за купой деревьев с начисто обрубленными сучьями и замерла, облокотившись на корявый изгиб растрескавшейся от сухостоя ветви. Осенний паучок — крошечная копия шурушетра — побежал по рукаву полускафандра, и не было сил его согнать, несмотря на отвращение. Чуда не произошло, да и не могло произойти. Просто так ей Юхани не отдадут. И даже не поставят условий. Заслужить. Но как?

Седой тихрианин, сидевший у ног Лронга, бессильно привалившись к плитняковому ограждению водоема, запрокинул голову, так что алые закатные лучи оживили его пергаментное лицо, и мона Сэниа вдруг ощутила зудящее беспокойство, которое обычно возникает раньше, чем трезвый рассудок фиксирует невероятность происходящего. Она знала этот иссохший лик, ей было хорошо знакомо белое облачение, и совершенно неправдоподобной казалась ей маленькая серебристо-голубая погремушка, висевшая, точно орденская звезда, на плетеном травяном шнурке.

— Я нашел их здесь, когда они отдыхали на пути к нашему кораблю, — произнес совсем рядом невидимый Борб. — Старик и мальчик, отравленный хамеей. Лронг говорит, что нашел их возле анделахаллы. Больше он ничего не говорит, только плачет от радости.

Плакать от радости. Да. Мона Сэниа стиснула зубы, чтобы ничего не ответить. Эмоции варваров. От радости надлежит смеяться.

— Они знают, что ты здесь? — сказала она, справившись со своим отчаянием. Плакать-то пристало ей, потому что она ждала совсем другого.

— Естественно! Я хотел сразу же переправить их к кораблю, да засомневался — Ких говорил, что старый рыцарь жестоко переругался с нашим чудотворцем, как бы его снова не хватил удар...

— У рыцарей, как видишь, нервы железные. Но воскресил его, насколько я понимаю, какой-то другой колдун.

— Лронг говорит — это анделисы. Когда они накрывают умершего красным рукавом...

— Сейчас не время обсуждать магические свойства их гардероба. Ты берешь старика, я — Лронга. Мальчишка нам не нужен. Ну, давай!..

Возле корабля было как-то непривычно тихо. Принцесса, отпустив руку Травяного Рыцаря, тревожно огляделась и тут только заметила Скюза и Таиру, сидевших на земле. Самый светлокожий, как все естественные блондины, юноша сейчас был в буквальном смысле слова белее по-

лотна. Таира, зашивавшая на нем штанину, подранную на колене, наклонилась и, перекусив нитку, тихонечко что-то забормотала — похоже, ругалась совсем плохими земными словами. Завидев принцессу, Скюз оттолкнул руку девушки и, перекатившись по траве, оказался стоящим на коленях.

— Мне нет прощения, — проговорил он с неподдельным отчаянием. — Я не уберег крэгов...

— И Кукушонка? — вскрикнула мона Сэниа.

— Нет, он на корабле. Я выпустил его первым, а потом запер в шатре, на всякий случай, чтобы он охранял ее... — Он кивнул на сопевшую от ярости Таиру.

— Меня не охранять надо было, а будить! — крикнула она. — Вздумал командовать Гуен, чуть без штанов не остался, и можно сказать, повезло...

Она подняла руку — на ладонке белел пух.

— Все было спокойно, в небе ни птицы, ни ветерка, — продолжал оправдываться Скюз. — Я выпустил всех разом. И вдруг, как будто прямо из воздуха, появлялась стая... Крупная белая саранча с зубастыми клювами. Величиной с голубя. Крэги, словно сговорившись, ринулись в ее середину, и стая сгустилась, так что ничего не стало видно. Я крикнул Гуен, чтобы она была осторожна — не поранила ненароком какого-нибудь крэга. И стая помчалась прочь... Я несколько раз взлетал, но стоило мне очутиться внутри этого птичьего клубка — и я словно попадал в котел с кипящей лапшой. Мельканье, стрекот... Я гнался за ними до самой кромки леса, но это уже сплошные джунгли. Стая нырнула туда и исчезла.

Мона Сэниа вопросительно глянула на Лронга.

— Да, — подтвердил Травяной Рыцарь, — граница владений Аннихитры. И эта нечисть, похоже, от него — у нас я ни разу ничего подобного не встречал.

— Мне пришлось вернуться, потому что я испугался за... за весь корабль. Это были твари не нашего мира...

Мона Сэниа молчала, покусывая губы и взвешивая все услышанное. В заданных крэгами условиях беречь при-

ходило в первую очередь Таиру как залог возвращения Юхани. Собственно говоря, она потому и глядела сквозь пальцы на так не к месту вспыхнувшие нежные чувства ее несравненного стрелка, чьи голубые, как незабудки, глаза с трехсот шагов безошибочно метили в сердце врага, что первая любовь всегда имеет два плюса: во-первых, у влюбленного всегда начищены сапоги, а во-вторых, к возлюбленной не надо приставлять дополнительную охрану.

— Ты все сделал правильно, — проговорила принцесса. — Присутствие Таиры ничего не изменило бы, так как она не обладает нашим даром мгновенного перемещения. Позвать надо было нас.

Но по тому смятенному взгляду, который Скюз бросил на девушку, мона Сэниа поняла, что в неразберихе этого нападения он был способен думать только о безопасности своей избранницы, потому что где одна стая, там могут появиться и две, и больше.

— Никуда крэги не денутся, — жестко сказала она. — Каждому из них нужна, в конце концов, собственная планета, и тут мы еще поторгуемся. Тихриане не могут путешествовать по всем звездным мирам, так что крэги просчитались, бежав от нас. А сейчас... сейчас у меня просьба к тебе, рыцарь Рахихорд. Мы чужие на Тихри и попали сюда против своей воли. Что и как, расскажет тебе твой сын. Я же прошу тебя, пока мы не найдем моего малыша, забыть свои распри с сибилло. Мне нужна каждая кроха помощи...

— Да он просто выживший из ума шут. — Голос бывшего узника был тих, но тверд. — Он и в молодости был просто полубезьяной. Так что не надейся на него... как тебя величать, светлолицая?

— Принцесса Сэниа, — быстро подсказал ему сын.

Старец пошевелил спутанными бровями:

— Забудь о сибилло, принцесса, погляди лучше на небо, которого я был лишен столько преджизней... Алые перья от края до края предвещают на завтра бурю. Почему ведун не предупредил тебя?

— Мой корабль не боится бурь. Сибилло предусмотрел это. Но если ты советуешь, то мы перелетим в другое место, хотя бы в Ракушечник.

— Нет, нет! — вскочила на ноги Таира. — Нам нужно оставаться здесь.

— Это еще почему? — Принцесса нахмурилась: девочка начала позволять себе командовать всем кораблем.

— Потому что... Я назначила здесь встречу. Возле Анделисовой Пустыни.

— Кому?! — вскрикнули разом юноша и принцесса.

— Полуденному Князю. Я послала ему молвь-стрелу.

ХII. ОЦМАР ПОВАПЛЕННЫЙ

Известие о пропаже крѣгов не произвело такого эффекта, как это сообщение.

— Кто тебе позволил? — В голосе принцессы впервые послышался истинно королевский гнев.

Но коса нашла на камень:

— А кто мне запретит?

— Пока здесь нет остальных...

Но остальные были уже здесь — и сибилло с ними. Почувствовав крайнюю напряженность обстановки и увидев незнакомую согбенную фигуру в белом, Эрм бросился к принцессе, на ходу обнажая меч:

— Что происходит?

Принцесса молчала, сжав губы и устремив испепеляющий взгляд на строптивую девчонку. Пожалуй, впервые в своей жизни она не знала, как вести себя дальше. К счастью, раздался спокойный старческий голос:

— Ничего особенного, о дух нездешнего воина. Просто я воскрес, ты появился на пустом месте, а вот эта малышка-светлячок только что вызвала сюда самого Оцмара.

— Зачем? Если угодно будет принцессе, мы сами прибудем к нему во дворец.

— Вот взрослые мужики, а не понимаете, — фыркнула девушка. — Одно дело — мы целой делегацией. Здравсьте,

мол. Не соблаговолите ли помочь? И совсем другое — получить послание: девушка с волосами цвета заходящего солнца согласна увидеться с ним возле Анделисовой Пустыни, что под городом Орешником. Вот так: согласна. А могла бы и не согласиться.

— Да уж, — проворчал старый рыцарь, — умишка у тебя в голове действительно как у светлячка. Как только князь получит твое послание, он тут же направит молвь-стрелу обратно с приказом схватить тебя и доставить к нему тихим обозом, связанную по рукам и ногам.

— Ага, связать. Как бы его самого не повязали. Нашим, — она кивнула на стоящих вокруг дружинников, — это проще пареной репы. Только он прискачет, вот увидите. Ему обещана встреча с рыжей, а он явно из любознательных.

— Что-то я не слышал о таком, — покачал серебристой головой Рахихорд. — И кто ему мог наобещать невозможного?

— Сибилло пообещало, — скромно вздохнул шаман. — Сибилло вещий сон был. Это когда ты уже там пребывал...

— Вещий сон! — Бесцветные губы старца скривились на пепельном лице. — Да тебе отродясь ничего, кроме жареного каплуна, и не снилось. Впрочем, когда я там, как ты изволил выразиться, пребывал, мне тоже снилась обильная снедь. Ты, младший, меня на прокорме держал? Плакали твои денежки...

Старец был настроен благодушно и необидчиво — видимо, с прошлой жизнью он оставил суетные счеты.

— Был вещий сон! — не отступалось сибилло, отдувая от губ струящиеся по лицу пряди бровей. — Не иначе, анделисы благодетные наслади.

— И какая тебе от него была благодеть? Ведь точно надеялся: подвесишь перед молодым князем, как перед рогатом-сосунком, морковку рыженькую — и вернет он тебя из ссылки предзакатной. А? Вижу, вернул. Как же.

— Вы опять ссоритесь, — утихомирила стариков Таира. — Может, и вернет. Как наше свидание обернется.

— Как ты решилась? — тихо прошептал Скюз.

— Да мы тут до одури будем обыскивать каждый заштатный городишко! А князь — он владыка: прикажет, и найдут Ю-юшеньку.

Шаман вдруг хлопнул себя по лбу, так что подскочила камилавка с надетым на нее офитом:

— Вспомнило сибилло, вспомнило! Говорил за столом один водонос при солнцезаконниках, что приказ им был: найти и доставить Полуденному Князю белого ребенка. А кто найдет, тому награда великая. Искать бросились, да без толку...

— Ну, что я вам говорила? — Девушка победоносно вздернула свой точеный носик. — Обращаться следует сразу в высшую инстанцию.

Мона Сэниа, словно окаменев, неподвижно глядела в одну точку. Не может этого быть. Старый болтун набивает себе цену. Сперва была байка про вещий сон, теперь — про княжеский указ... Появился Рахихорд, который и знатнее, и мудрее, а может быть, и старше, и вот шаману потребовалось утвердить свое положение. Из княжеского дворца он был изгнан, некоторое время удалось побыть приживальщиком при доме Рахихорда, но и тут не повезло. Теперь прибился к джасперянам — так нет же, появился претендент на роль старейшего...

— Когда был получен приказ? — спросила она отрывисто.

Сибилло зашевелил пальцами, подсчитывая:

— Огней два всемь назад... или чуть поболее.

— То есть больше двух недель? Невероятно! Тогда я была еще...

Она осеклась, задохнувшись от неудержимых воспоминаний. Джаспер. Дерзкие планы побега. Сказки о далекой всемогущей Земле, планете обетованной. Причмокивающий во сне Юхани в серебряной королевской колыбельке. И руки ее Юрга, ее командора, ее благородного эрла...

— Этого не может быть, — твердо произнес Эрм, который, как старший из дружинников, имел право слова

вслед за принцессой. — Тогда на вашей земле еще никто не мог знать, что мы сюда прибудем. Мы сами не знали об этом.

— Но князь видел вещие сны...

Принцесса отмахнулась от него, как от надоедливой мухи.

— А вот тут мой содорожник не врет, — совершенно неожиданно подал голос в его защиту Рахихорд. — Мальчишка сызмальства был посещаем видениями. Рисовал их на стенах, что мог — потом возводил в камне. Было. И у ведуна нашего бывает, только у него от разжижения мозгов. А у князя...

Он вдруг запнулся, словно решил не говорить лишнего.

— Я поведал нашим гостям историю Оцмара, как ты мне рассказывал, отец, — почтительно вставил Лронг.

— А, — только и произнес Рахихорд.

— Ну вот видите, все сходится на вашем князе, — подытожила Таира. — Может быть, в этом и заключалось мое, так сказать, тайное предназначение — направить вас к главе государства... или атаману, как вам больше понравится. Мне кажется, вы оба не испытываете ни малейшей симпатии к своему повелителю.

— Смотри, светлячок, сама не загорись к нему нежной страстью, — совершенно серьезно предупредил старый рыцарь.

— Ну, а если?.. — Девушка метнула на Скюза взгляд, достойный истинной дочери Евы.

— А тогда узнаешь, почему его прозвали Оцмаром Повапленным! — запальчиво выкрикнул шаман.

И прикусил язык. Но было поздно.

— А ты никак на мое место захотел, пустослов плешивый? — захихикал Рахихорд. — И то: келейка у меня была сухая, раз в день объедками потчевали... Отдохнешь там годик-другой.

У шамана водянистые глазки вдруг обрели глубину и блеск кошачьих зрачков:

— Тыфу, брехун залежалый, накличешь! Привык мечом махать, а как силы не стало, языком лягаешь!

Таире вдруг показалось, что слово «год» употребляется здесь в каком-то ином значении, чем на Земле. Она, как всегда, хотела уже вмешаться в перебранку старцев, но за нее это сделал Лронг:

— Ты утомлен, отец. Позволь напоить тебя отваром подрёмника и отнести в летающий дом?

— Сдались мне твои поносные травки! Сейчас бы кубок доброго вина!..

— Ой, это я вам мигом! — Таира порхнула в люк, даже не спросив разрешения их семейного лекаря. В захламленном до предела корабле найти заповедный сосуд с инопланетным нектаром оказалось не так-то просто, и когда она вернулась, у корабля оставались одни старики.

— Где народ? — осведомилась она.

— Дозорные спать пошли, двое доблестных витязей на мечах состязаются, остальных озаботила закуска, — быстро доложил шаман, потирая ладони при виде вина.

Таира прислушалась — действительно, из-за бурого кустарника доносился лязг металла.

— А на вашей дороге, я гляжу, по лишнему пальцу в руке, — с завистливыми интонациями заметил старый воин. — Это и для захвата сподручно, и меч в кисти тверже...

— И еще бы водички, — перебил его шаман. — А то как бы с отвычки... Осрамится доблестный рыцарь Рахихорд.

— Что-то не видно здесь воды, — засомневалась девушка. — А уж что касается срама, то кому-то лучше помолчать.

— Мала ты старшим выговаривать, светлячок, — снова стал на защиту сотрапезника Рахихорд. — А за водой во-он туда сбегай, Анделисову Пустынь всегда на ручье возводят, чтобы Чернавкам сподручнее было. Обеги кругом — найдешь.

— Ой, и правда! — Таира схватила объемистую чашу и вприпрыжку помчалась к черному массиву плотно стоящих деревьев. Ручей она там, внутри, видела, но сейчас без талисмана, обеспечивающего скрытность, заходить на

запретную территорию что-то не хотелось. С какой же стороны сподручнее обойти?

В узком — едва ногу просунешь — просвете между стволами виднелись карминно-красные заросли кустарника. Что-то заставило девушку взглянуться пристальнее, и она чуть не вскрикнула: полускрытое яркой листвой, прямо перед ней чернело бесформенное пятно маски, и до неправдоподобия светлые глаза сверкали в ее косых про-
резях, приковывая к себе. Долго, очень долго эти глаза не мигая глядели на Таиру, потом приглушенный маской голос торопливо произнес:

— Он солгал.

И всё исчезло — и глаза, и маска. Даже листья не шевельнулись. Девушка подождала еще немного, потом направилась вдоль живой ограды в глубокой задумчивости. Наткнулась на ручей. Вода была красноватая, железистая. Набрала. Побрела обратно, к своим старикам. Кто же из них солгал? Рихихорд? Да он ничего особенного не говорил, только колдуна вышучивал. А сам колдун? Ну, этот, похоже, врет беспрестанно, но что же такого важного было в его словоблудии, о чем стоило предупреждать?

Она обогнула девятикупольный массив корабля и незаметно приблизилась к тому месту, где на охапках сухой травы возлежали старцы. Говорил шаман:

— ...с мечом в руке — да разве это страх? Ткнут тебя, и уплывешь в ночной мрак на вечное отдохновение. И в темнице тяготно, но не боязно, смерть придет — как заснешь... Одним сибиллам ведом подлинный ужас, потому как нет у них надежды на спасение в могиле. Да и кары вам, людишкам смертным, разве придумаешь? Раздвоить — так это миг один, зажарить аль утопить — подолее, но разве сравнишь это с муками сибилло заточенного?

— Врешь, не заточали тебя.

— А то знаешь? Прапрадедов твоих тогда под солнцем еще не грелось, когда меня Кана-Костопривка заточила. Наследника ей, вишь, захотелось, кабанихе старой, всем двором утряханной! Ни одно заклинание ее не пробрало.

«Если врет, то до чего убедительно!» — подумала Таира.

— Ну, бросили меня в придорожный колодец каменный; пока караваны шли, меня еще потчевали — кто подающим куском, а кто и калом рогатым. А как прихолодилось, кормиться стало нечем. Тогда я принялось ступени в каменной стенке выгрызать, да только зуб поломало. Он и сейчас там лежит, как ночь опускается — чую, ноет он от холода... Ты не думай, что у меня только тело мое бессмертно, — каждая частичка моя, хоть зуб, хоть волос, нетленны, и ежели я хоть ресницу на дороге уроню — потом век свой буду глазом дергать, когда на нее наступят. Вот так.

«А ведь со своими он не придуривает, мол “сибилло уронило...” По-человечески говорит, без этого третьего лица. Значит, это он только перед нами выпендривался, — отметила девушка. — Насчет бессмертия он, конечно, заливает, как всегда, но даже мудрый Рахихорд, похоже, клюнул. Хотя — а вдруг правда?...»

А «бессмертный» продолжал:

— Только ты мою тайну храни, Рахихордушка, тебе еще долго жить да править, сам меня не обидь и никому воли не давай. Потому как нет на всех дорогах под солнцем существа жалче, чем сибилло, — денно и ночью боится оно раздвоения и усечения. Ибо каждая часть его будет болью томиться, пока кто-нибудь воедино все косточки не соберет.

— А кому это надобно — кости сибилловы подбирать? Их гуки-куки обгложут, и поминай как звали! — недоверчиво предположил Рахихорд.

— Что от губ моих уцелеет, то и гуков заклянет, чтоб кости собрали, — логично заключил шаман.

Таира подумала, что пора ей уже и появляться, но старый рыцарь, стосковавшийся по общению, не унимался:

— Так тебя что, и из колодца гуки-куки вызволили?

— Ну а кто же? Как весна пришла, унюхал я стаю, выбрал четверых поздоровее и принялся им хвосты рас-

тить. Когда хвосты вытянулись непомерно, приманил я гуков к колодцу, задами посадил и хвосты сплел. А вот вылезти еле сил достало, феи подсобили. Потому как за всю зиму-ночь треклятую крошки во рту не было, от холода лютого сон-угомон не шел, от голода лед грыз... Что там говорят: кожа да кости. Кости стужей истончились, кожи не стало — одна прозрачная пленочка... Ой, люто мне было так, что заточения я страшусь, аки казни.

— То-то на колдовство ты стал скуп — для себя силы припасашь? — поинтересовался Рахихорд.

— Да много ли я умею! Когда я родился, заклинаний было ведомо — на руках пальцев хватит, чтобы перечесть. А когда колдовство да ведовство в силу пошло, у меня уже память отшибло. Так что нонешние сибиллы передо мной, почитай, что князи перед смердами. Это я тебе тоже по секрету великому говорю. Вот так. Да где ж пичуга наша с водичкой? Не иначе, орехи в траве подбирает...

— А вот и я! — поспешила явиться девушка, чтобы не дать старикам предположить наиболее вероятное. — Разбавлять будете один к трем, как древние греки?

— Сибилло разберется. — Шаман тут же вернулся к своим излюбленным оборотам. — Оно на своем веку чего не пивало...

— Может, вам ягод каких-нибудь поискать, мяса-то вчерашнего не осталось.

— Не знаю, как на твоей дороге, а на нашей после первой не закусывают, — наставительно заметил шаман.

— Не порти ребенка, — оборвал его старый рыцарь. — Наливай лучше. А на закуску птичку в поднебесье заговори.

Но не успел незадачливый заклинатель и рта раскрыть, как на земле возле него появилась громадная корзина, наполненная дымящимися пирогами. Еще миг — и сетка величиной с добрый гамак, набитая полосатыми и крапчатыми плодами. Хлюпнул содержимым запечатанный бурдюк. Кильватерным строем пошли оловянные блюда с жареным мясом.

— А уж прибеднялся-то! — укоризненно протянул Рахихорд, ткнув шамана в бок острым старческим локтем.

Таира хихикнула — она-то понимала, что это кто-то из дружинников обчищал дворцовую кухню. Сибилло выхватил из корзины пирог, разломил его и половину протянул Рахихорду, но сам, прежде чем есть, плюнул на палец и стал подбирать им крошки, просыпавшиеся на колени. У девушки засосало где-то под сердцем — надумать да наврать можно с три короба, но вот это инстинктивное движение перед полными корзинами еды — оно в подсознании, так может поступать только тот, кто действительно умирал от голода. Несчастный Кощей...

— Дедуля, давай я тебе брови да усы подберу, есть ведь мешают, — сказала она, движимая острой жалостью.

— А и прибери сибиллу неухоженного, — с готовностью согласился шаман, доставая из очередного мешочка фантастически грязный гребешок. — Только ежели волосок какой упадет — сюда схорони, в кисет.

— Не волнуйся, дедушка. А долго моя молвь-стрела будет до князя добираться?

— Твоя — до ближней подставы, потом другая полетит, третья... Невозможный Огонь им не указ, так что за два междымья управятся, а то так и скорее. Не опасуйся.

Девушка догадалась, что «междымье» — это время от одного сигнального огня до другого. Потом властителю на сборы, да обратная дорога... Получалось многовато.

— А нельзя как-нибудь наколдовать, чтобы побыстрее? — спросила она, отрывая от носового платка узкие ленточки.

— Отчего же нельзя? — с готовностью отозвался сибилло. — Только недешево это обойдется...

Вся жалость к нему тут же улетучилась.

— Ну, знаешь, я ведь твою бороденку тоже даром чесать не обязана! — И гребешок полетел в траву.

— Ой, подыми, подыми, там уж и так два зуба выломано, а новый-то на перл лазоревый потянет!

— Это у тебя два зуба выломаны. Будешь заклинать?

— Ох, принуждают сибилло, приневоливают... Подбери гребень, девка нечестивая, да в ручье помой!

— Если я его в ручье помою, то вся живность, что эту воду пьет, передохнет. А жаль.

Тем временем старый рыцарь буквально помирал со смеху, слушая эту перебранку. Кончилось тем, что он зашелся кашлем, едва не подавившись тонко слоившимся печевом.

— Позволь, многостоялый караванник, я тебя по спинке похлопаю, — учтиво обратилась к нему Таира, чтобы подчеркнуть разницу в отношении к ним.

— А чадо учено! — изумился Рахихорд. — Ежели бы ты, юница, не была так ребячлива в словах и деяниях, посватал бы тебя за своего младшего.

— Как же! — желчно отозвался шаман. — Пойдет Царевна Будур за твоего голодранца!

— Царевна Будур, так и быть, прежде всего приведет тебя в божеский вид, — примирительно проговорила девушка, — а уж потом самостоятельно распорядится своей судьбой.

Но до последнего дело не дошло — прямо в подол белого ковра, преобразованного в плащ посредством дырки для головы, шлепнулся румяный окорок, и тут же в трех шагах от всей этой горы яств появилась мона Сэниа с Лронгом за руку.

— Ну будет тебе, будет, — говорил растроганный Рахихорд в полной уверенности, что все эти разносолы — плоды сибилловых заклинаний. — Мне теперь и малого куска довольно, отвык...

При виде появившихся прямо из воздуха воинов он поперхнулся и замолк.

— Твой талисман, — сказал Травяной Рыцарь, протягивая шаману сухого крабика, залитого прозрачной смолой.

— Видать, пригодился?

— Еще как! Целую корзину двойных лепешек напекли, сам видишь. А пока хлопотали, я выспрашивал, а принцесса, невидимым заговором обереженная, слушала.

Мона Сэниа присела возле полной корзины, машинально отломил кусочек пирога. Остальные дружинники сочли это за приглашение к столу и тоже расположились вокруг старцев. Творенья тихрианских кулинаров были оценены по достоинству, и только принцесса крошила свой кусок истончившимися нервными пальцами.

— Приказ о белом ребенке действительно был, — проговорила она через силу. — Примерно месяц тому назад. Так что к Юхани он никакого отношения не имеет.

— Еще как имеет, — возразила Таира. — Он ведь не отменен. Скорее всего, кто-то уже нашел твоего малыша, и теперь Ю-ю или у князя, или по дороге к нему. Надо ждать. Кстати, дедуля, ты обещал поторопить события!

Шаман недовольно фыркнул, утерся жирной лапой, но поднялся беспрекословно.

— Уедини сибилло! — сурово приказал он принцессе. — Сибилло камлать сподобится.

Мона Сэниа удивленно глянула на Таиру, но та кивнула, и шаман без лишних расспросов был препровожден в командорский шатер.

— Может, он действительно как-то подгонит моего желтого попугайчика, — ответила девушка на немой вопрос принцессы. — Во всяком случае, я осталась без носового платка. Пал жертвой элементарного взяточничества. А кстати, и обо всем остальном: я как-то не подумала, что солнцеволосой диве не очень-то подходят застиранные портки. Там, где колбасу брали, какой-нибудь юбочки не завалилось?

— Солнцезаконники как раз обоз снаряжают, там полно алых шелков да тафты... Для сибиллы, как и для Вечной Чернавки, ни в чем отказа не будет, — заверил ее Лронг.

— Терпеть не могу красное! Благородные рыцари, во что у вас наряжаются девочки из приличной семьи?

Рахихорд засмеялся:

— Ты все равно не сойдешь за тихрианку, светлячок. Во всяком случае, как только раскроешь свой рот. А для златокосой князевы избранницы лучшим покрывалом

были бы ее волосы. Попроси сибилло, оно мигом отрастит их тебе до самой земли.

— Ну спасибо за совет — расчесывай их потом каждое утро по полтора часа! И потом, это будет не оригинально: в собственные волосы одевались и леди Годива, и святая Инесса. Обе, кстати, плохо кончили. Если существовали.

— А по-моему, лучше всего в купальнике! — сорвалось с языка у простодушного Пы.

Все невольно посмотрели на Скюза — за такую реплику ведь и по шее схлопотать недолго. Но юноша сидел не подымая головы. После своей оплошности с крѣгами он хотя и получил формальное прощение от принцессы, но буквально не находил себе места, стараясь отыскать хоть какой-нибудь способ загладить свою вину.

— А я, — почтительно склонился перед принцессой Лронг, — прошу у тебя защиты для моего отца. Если Полуденный Князь действительно прибудет и увидит его, беглого узника, то...

— Не бойся, мой верный друг, — рассеянно проговорила мона Сэниа, — это проще простого. Он не увидит твоего отца.

Она сняла с шеи сверкающий искорками амулет и надела его на старого рыцаря. Тот хотел поблагодарить, но сделал слишком глубокий вдох и снова зашелся натужным кашлем.

— Воздух... слишком... сладок... — с трудом переводя дыхание, пояснил он.

— Нельзя ему под открытым небом после стольких лет заточения, — тоном опытного терапевта поставила диагноз Таира. — Скюз, отнесите рыцаря в наш кораблик, да, кстати, выпустите Гуен, а то мы пообедали, а она...

Лронг вопросительно глянул на принцессу, та кивнула. Они со Скюзом подняли старика и понесли на корабль, стараясь не наступать на края его импровизированного плаща, волочащегося по земле. Таира вскарабкалась на высокий пень и, звонко крикнув: «Гуен!» — подождала, пока ее любимица не опустится на плечо.

И тут раздался гром.

— Вроде бы из ясного неба, — проговорила она, всматриваясь в закатную даль. — Доннерветтер, да это же Тунгусский метеорит!

Словно отделившись от солнца, прямо на них мчался сгусток огня, оставляя за собой пелену волнообразного грохота. Все оцепенев глядели на это чудо, и ни один не бросился к кораблю, словно у всех разом отключился инстинкт самосохранения. По мере того как это злое небесное тело приближалось, его свечение становилось ослепительно оранжевым, желтым, белым, и, наконец, звездно-голубым.

А потом вдруг погасло.

Диковинный летательный аппарат, более всего напоминающий гигантскую рыбу, бесшумно описал круг над темной купой анделисовых сосен и мягко приземлился между Пустынью и кораблем джасперян. На замерших людей пахнуло жаром. Гуен, намертво вцепившаяся в жесткое плечо многострадальной куртки, чуть спружинила на мощных лапах, готовясь к стартовому толчку.

— погоди, — сказала Таира, поднимая руку, чтобы погладить глянцевые перья. — Рано.

Хвост «рыбы» вдруг развернулся серебристым четырехлепестковым цветком, и из-за этих чешуйчатых полукружий вышел человек.

Не более секунды понадобилось ему на то, чтобы охватить взглядом всю местность, а потом он, спотыкаясь и протягивая вперед руку, как слепой, двинулся к Таире, все еще стоявшей на своем древесном пьедестале. Он подошел совсем близко, опустил на колени и, коснувшись рукой земли между корнями срубленного орешника, поднес к губам испачканную ладонь и благоговейно поцеловал ее.

— Я благословляю пыль дороги, что привела тебя ко мне, — проговорил он высоким, завораживающим своей красотой голосом. — И я благословляю свои сны, в которых я не видел тебя, потому что иначе я бы умер, не дождавшись этой встречи... Я благословляю тебя, делла-уэлла, за то, что ты снизошла к моим мольбам и явилась, чтобы завершить течение дней моих.

А вот это было уже слишком. В красноречии этот сказочный принц мог бы дать сто очков форы Низами и Руставели, вместе взятым, которых она, честно говоря, не переносила, — но надо как-то спускаться с этого пня. Не прыгать же ему на голову?

— Подай мне руку, Полуденный владыка, чтобы я могла стать с тобой лицом к лицу, — сказала она.

Он задохнулся, запрокидывая голову, и отступил назад:

— Это слишком мучительно — коснуться тебя. Но если ты пожелаала...

— Да нет, это я для приличия. Гуен, домой!

Птица взмыла вверх, так что от толчка девушка не удержала равновесия и спрыгнула на траву. Теперь они стояли совсем близко, разглядывая друг друга. Прежде всего девушку поразила молодость владетельного князя — он явно был младше любого из дружинников. И на тихрианина не очень-то похож. Кожа светлее, чем у всех аборигенов, никаких усов и бороды, подбритые брови изогнуты так причудливо, словно над уже готовым лицом потрудился неведомый мастер, доведя его до совершенства легкими прикосновениями гения. На это лицо хотелось смотреть без конца. «Так, я уже одурела, предупреждали же», — подумала Таира, с трудом опуская глаза. Во всем остальном не было ничего особенного, говорящего о высоком сане юноши, — прямая вязаная рубашка, очень темная, цвета колодезного мха, спускалась гораздо ниже колен, перехваченная широким чешуйчатым поясом из тусклой посеребренной кожи. Такие же сапоги. И единственное украшение — лучистое солнышко из невиданного голубого металла на такой же цепи.

Совершенно черные глаза, в которых мерцали изумрудные блики — отсвет одежды, — вопросительно глядели на девушку.

— Приказывай, делла-уэлла, — прошептал князь. — Я здесь.

Таира услышала за спиной шорох шагов — это, конечно, была мона Сэниа. Сейчас она все испортит.

— Державный властитель, — поторопилась девушка, с трудом припоминая из уроков истории, как следует обращаться к царствующим особам. — Если ты так милостив, то подари мне обещание выполнить три мои маленькие просьбы.

— Не три, делла-уэлла. Столько, сколько пылинок на моей дорожке!

— Пока остановимся на трех. Во-первых, покажи мне свой чудесный корабль. Во-вторых, прости всех, кого ты несправедливо осудил. А в-третьих, найди мне белого ребенка. Можешь?

— Все твои желания уже выполнены, делла-уэлла. Корабль перед тобой — владей им. Все узники — все, дабы не судить их заново, — с этой минуты прощены и свободны. А белый ребенок найден и ждет тебя в моем Пятилучье.

За спиной Таиры послышался судорожный вздох, словно принцесса хотела что-то крикнуть и зажала себе рот рукой.

— Пятилучье — это твоя столица, мой высокочтимый гость?

Впервые тонкое прекрасное лицо, освещенное изнутри опьянением восторга, дрогнуло и приобрело выражение легкой надменности, что, впрочем, нисколько его не портило:

— Столица князя — там, где он находится. Сейчас она здесь. А Пятилучье — это город-дворец, который я строил для тебя по видениям моих грез. И назвал его Пятилучьем, потому что в том единственном сне, в котором ты явилась мне, делла-уэлла, над твоей головой сияло пять солнечных лучей.

— Минуточку, минуточку. Кто-то совсем недавно благословлял сны, в которых я отсутствовала. Или нет?..

— Ты сидела на каменном троне, делла-уэлла, огражденная злыми травами, но твои черты были скрыты густой вуалью.

— Ну ладно, — кивнула Таира. — Объяснения приняты. А как насчет твоего сверхзвукового корабля?

— Он перед тобой.

Девушка, высунув от излишка любопытства кончик языка, приблизилась к летающей колеснице. Не то ракета, не то рыбина, вот и чешуей покрыта в довершение сходства. Ни двигателей, ни иллюминаторов. Только сзади круглая дыра, обрамленная развернувшимися в четыре лепестка клиньями хвостового оперения. Да, аэродинамикой тут и не пахнет, одна магия. И за дырой, в которую можно войти только пригнувшись, — жаркая чернота.

— Ты велишь доставить белого ребенка сюда или мы сами полетим за ним? — спросила Таира, уже начинавшая тревожиться оттого, что все складывалось слишком уж гладко.

— Я хотел подарить тебе не только диковинное дитя — весь город в придачу! Ты не устроишься войти в мое леталище, делла-уэлла?

— На чем только твоя делла-уэлла не летала! Но сомной еще и свита, князь. Как мой корабль, который последует за твоим, сможет отыскать Пятилучье?

— Его не спутаешь ни с одним городом Тихри, — высокомерно обронил Оцмар.

— Тогда летим!

И тут же за спиной девушка услышала предостерегающее покашливание.

— Ах да, пресветлый князь, — спохватилась она. — Позволь представить тебе владетельную принцессу мону Сэниа с далекой земли, именуемой Джаспер. Она летит с нами.

Только сейчас молодой князь обратил внимание на то, что они не одни. Он бросил небрежный, истинно королевский взгляд через плечо на стройную фигуру, закутанную в черный плащ, — по-видимому, для того, чтобы было незаметно, как судорожно стиснуты ее руки, — и вдруг резким, хищным движением повернулся к ней. Таира оторопела: вот это да, ну прямо бойцовый кот, завидевший на крыше своего соперника! Вся шерсть дыбом.

— Зачем ты здесь, равная мне? — прохрипел Оцмар. — Чтобы напомнить мне, кто я? Но не было мига, в который я больше ощущал бы это, чем сейчас!

Таире стало страшно — шаткое согласие, которое ей удалось установить между этим царственным самодуром и собой, рушилось на глазах, и она не понимала отчего.

— Ты ошибся, повелитель лучшей в мире из дорог! Это мать-белого ребенка, и она ничем тебе не угрожает!

— Она угрожает тебе, делла-уэлла, — печально проговорил Оцмар. — Она — исчадь ада, и, когда не станет меня, кто тебя защитит от ее чар?

— Но послушай...

— Только шевельни ресницами, делла-уэлла, — оборвал ее Оцмар, — и она исчезнет с лица моей земли!

Ну нет, просительный тон тут явно не подходил — надо было действовать с позиций всемогущества.

— Неужели ты думаешь, князь, что я сама не смогла бы убрать того, кто мне угрожает? — надменно произнесла она. — Ну, смотри же. Мона Сэниа, исчезни на время, потребное на самый дальний полет стрелы!

Принцесса, ни секунды не колеблясь, шагнула назад — и пропала. Никто из джасперян не сомневался, что она находится не далее чем на собственном корабле, и тем не менее в воздухе разлилась леденящая тишина, словно все следили за полетом реальной стрелы.

Раздался общий вздох — принцесса появилась на прежнем месте.

— Вот так, — не без злорадства констатировала Таира. — Мы летим или что?

Интуиция ее не подвела — с властелином этой страны следовало говорить не только на его языке, но и в его тональности. И все-таки он не сдавался:

— Разве ты не знаешь, делла-уэлла...

— Ты хочешь сказать, князь, что моей голове хватает солнечного золота, но недостает мозгов? Тогда, может быть, я не стою твоего монаршего внимания и ты вернешься в свое Пятилучье один? Ах, нет? Тогда мы летим втроем: мона Сэниа — моя... — Она на миг запнулась:

назвать принцессу сестрой — слишком слабая мотивация, но тогда что же придумать... — Она — моё сибилло, и я не расстанусь с ней ни-ког-да.

Он поднес руку к вороту своей зеленой рубашки, словно ему было душно:

— Твоя воля, делла-уэлла...

Делла-уэлла выпатила нижнюю губку в неподражаемой гримасе — ну наконец-то. Шагнула к чернеющему жерлу «леталища». В последний миг обернулась и отыскивала глазами Скюза. Ну конечно, зубы стиснуты, в каждой руке по десинтору. Джульетта отбывает с Парисом. Реакция адекватная. Она улыбнулась и наградила его взглядом, от которого совсем недавно он воспарил бы к самому тихрианскому солнцу.

— Таира, не медли, — послышался сдавленный шепот принцессы.

Девушка подавила вздох — приключения, конечно, штука увлекательная, но где же место для личной жизни? И, пропустив вперед мону Сэниа, нырнула в глубину тихрианского корабля. Она услышала, как сзади туда запрыгнул Оцмар и уселся на пол, на какую-то хрустящую подстилку, даже не коснувшись края одежд своей деллы-уэллы. Коротко кинул:

— Кадьян, домой.

И — удар чудовищной перегрузки.

ХIII. ПЯТИЛУЧЬЕ

— Шесть «же», — сказала Таира, выпрыгивая следом за Оцмаром из корабля и тыльной стороной ладони утирая кровь, липкой струйкой бежавшую из носа.

— Не ругайся, — шепнула за ее спиной мона Сэниа. — Ты во дворце.

Что они в настоящем дворце — вернее, на его террасе, было ясно с первого взгляда. Таира обернулась, чтобы удостовериться в невредимости принцессы, — да, у той закалка была покрепче. А следом за ней на шероховатый

плитняковый пол спрыгнул невысокий горбун с каким-то необычным лицом. Горб у него тоже был необыкновенный — не сзади, а спереди. И руки ниже колен.

Оцмар с низким поклоном обернулся к Таире и вдруг увидел кровь на ее лице. Не говоря ни слова, он шагнул к горбуну и изо всей силы ударил его ногой.

— Ты что?! — заорала Таира. — Он же меньше тебя! Никогда не смей так поступать при мне!

— Только за то, что он слышал, как ты сейчас говорила со мной, я должен был бы отрезать ему уши, — заметил Оцмар.

Горбун, отползавший в угол, замер, вжимаясь в пол.

— Свинские замашки, — пробормотала девушка. — Рабовладелец. Вели, чтобы мокрое полотенце принесли!

Вероятно, их подслушивали, потому что стоило князю хлопнуть в ладоши, как тут же примчалась какая-то серебристая гурия с влажным полотенцем. Таира одним концом вытерла кровь с лица, другим, присев над горбуном, смочила ему лоб. Теперь ей стало ясно, что ей показалось таким чудным — его прическа. Брови, зачесанные книзу, были подстрижены на уровне середины глаз, а волосы, спускавшиеся на лоб, — до бровей. Так же, с квадратной выемкой посередине, были выстрижены усы.

— Ты — Кадьян? — спросила она. — Надо признаться, навигатор из тебя хреновый.

— Лучше бы Великодивный князь приказал меня раздвоить, чем слышать от тебя, госпожа, немилостивое слово. — Голос у горбуна был приятный, бархатистый.

— Ну и удались, а то еще не то услышишь под горячую руку. Светлейший повелитель дозволяет? — Надо было не перегнуть палку, распоряжаясь в чужих апартаментах.

— Удались, — кивнул повелитель. — И приготовь парчовое кресло. Да пошли узнать, распустился ли пуховый цветок?

Горбун кивнул и выскользнул вон, змеясь по полу как уж, с непредставимой для его фигуры гибкостью.

— Мне кажется, белому ребенку больше подходит мягкая колыбелька, чем царапучая парча, — осторожно напомнила Таира.

— Не беспокойся, делла-уэлла, у него нежнейшие кормилицы, которые не спускают его с рук. Но еще не расцвел нагорный цветок и не прибыла твоя волшебная птица, чтобы осенить его тенью своих крыльев. Ты получишь белого ребенка так, как я видел это в своих вещих снах.

— И долго ждать? — осведомилась девушка, чувствуя, с каким трудом сдерживается принцесса, чтобы не ринуться на поиски по всем покоям необозримого города-дворца.

— О нет, — заверил ее Оцмар. — Я ведь и сам слишком долго мечтал о том, чтобы подарить тебе эту сказку. А пока позволь мне проводить тебя в твои покои.

— Ну давай, — сказала Таира. — Заодно дворец посмотрим.

Она подошла к перилам, ограждающим террасу, и невольно отшатнулась — под ней была буквально пропасть, этажей десять, не меньше. Прямо от перил начиналась узенькая полоска виадука с весьма ненадежным на вид ограждением; поддерживаемый изящной аркой, он упирался в совершенно глухую стену ступенчатой башни. Еще несколько таких же висячих мостков виднелось ниже — некоторые из них обрывались прямо над зеленеющей глубиной двора. Террасные сады на самой различной высоте дотягивали свои душистые ветки до балюстрады, на которую не без некоторого страха опиралась сейчас девушка. Это даже не была инстинктивная боязнь высоты — просто во всем этом изящном переплетении хрупких конструкций было что-то аномальное, словно создавались они не для этого мира, а для какого-то другого, с меньшей силой тяжести и большим бесстрашием его обитателей.

— А для чего эти мостики, если они никуда не ведут? — обернулась она к Оцмару.

— Я люблю гулять по ним, делла-уэлла, потому что они — как человеческая жизнь: одни заканчиваются глу-

хой стеной, другие — обрывом в пропасть, а одна-единственная дорога ведет к сказке, предназначенной только мне. Сейчас ты увидишь ее. Но прежде... Идем.

В его голосе звучала такая величаявая грусть, что девушка беспрекословно последовала за ним. Миновав анфиладу янтарных покоев, они спустились по пологой лестнице, огражденной черными свечами кипарисов, и по висячему мостку пошли над поросшим диковинными цветами, более похожими на водоросли, ущельем, сохранившимся в своем первоизданном виде. Подкрашенный кармином дым подымался откуда-то снизу, и солнечные лучи, проходя сквозь него, тоже приобретали чуточку злоеший пурпурный оттенок. Несмотря на сквозное пространство, здесь не чувствовалось ни ветерка, и пухлые ватные облачка флегматично замерли под стрельчатыми арками и над ними, не закрывая, впрочем, гряды белых меловых холмов, ограждавших ущелье с севера. Таира глянула вверх — чуть выше тянулся еще один воздушный мост, по которому бесшумно двигались люди в красном и черном, а правее, на вершине скалистого утеса, неподвижно застыла величественная крылатая фигура, в скорбной задумчивости взирающая прямо на солнце.

— Это и есть анделис? — невольно вырвалось у девушки.

— Не знаю, — признался Оцмар. — Я увидел все это в одном из своих снов и приказал извять из разного камня, соединив потом воедино. Говорят, у настоящих анделисов два рукава — черный и красный, но этот дух явился мне в белых одеждах. Однако поторопись, делла-уэлла, горный цветок распускается не надолго, а потом его разносит ветер.

Они дошли до массива, где уже невозможно было определить, когда кончается один терем и начинается другой, еще более причудливый, — иногда они располагались просто друг на друге, и обитатели этого, наверное, отличали их только по разноцветным изразцам, которыми были облицованы стены, башни, купола. Здесь смешались византийские базилики и минареты, античные храмы и

вавилонские зиккураты, и во всем этом не чувствовалось безвкусицы, потому что это была сказка.

Наконец они нырнули в узкий дверной проем и двинулись чуть ли не в полной темноте по тесному коридору, где даже двоим было бы не разойтись. Деревянная обшивка стен и пола делала их движение почти бесшумным, и если бы не громадные жуки-светляки, то здесь царила бы непроглядная тьма. По всему чувствовалось, что этот проход не предназначался для посторонних. Наконец коридор круто свернул вправо, и перед ними затеплилась ровным светом щель, в которую можно было протиснуться только боком. Оцмар привычным движением скользнул в нее и тут же отступил влево, освобождая проход для девушки. Она последовала за князем, протиснувшись через столь необычную дверь, и застыла на месте: дальше идти было некуда.

Крошечная круглая комнатка, не более четырех шагов в поперечнике, была освещена серебристым мерцанием дымчатых шаров, лежащих, как апельсины, в громоздкой хрустальной вазе, стоящей прямо на полу в самом центре ротонды. И ничего другого здесь не было, если не считать женского портрета, висящего прямо напротив входа.

Портрет этот тоже был необычен: сначала он притягивал взгляд просто потому, что больше смотреть было не на что, но потом от него уже нельзя было отвести глаз. Тонкие черты нежного и в то же время в чем-то непреклонного лица были полускрыты едва угадываемой вуалью, уложенной поверх волос причудливыми складками. Диковинный нимб из отчетливых белых цветков осенял это лицо, ни в коей мере не делая его святым. Но — священным.

— Это моя мать, — прошептал Оцмар. — Я смутно ее помню, и дорисовывать то, чего не сохранила моя память, я счел святотатством. Поэтому она под вуалью. Но я все время жду, что в каком-нибудь из моих снов она сбросит этот покров...

— Чем больше я смотрю на нее, — так же вполголоса отозвалась девушка, — тем больше понимаю, какая раз-

ница между красивым — и Прекрасным... Она умерла молодой?

— Я означил число ее преджизней вот этими бессмертнымиками.

Таира прищурилась, считая про себя: их было двадцать девять... и еще проглядывал краешек.

— Ее убили? — спросила Таира и тут же пожалела о своей неуместной любознательности.

— Она умерла от горя, когда узнала о том, что случилось со мной, — каким-то неестественно ровным, словно обесцвеченным голосом проговорил Оцмар.

— Ты унаследовал ее красоту, князь, — сказала Таира, чтобы хоть как-то его утешить. — Видно, тебе передалось все лучшее, что было в ней.

— Она была полонянкой, перепроданной Аннихитре Полуглавному с Дороги Строфионов. Аннихитре не хватало жемчуга на свои безумства, и он уступил рабыню моему отцу.

— Значит, люди разных дорог торгуют между собой?

— Люди — нет. Только князья. — Голос Оцмара приобрел неприятный холодок, — да, действительно, ни о чем постороннем здесь говорить не следовало. Тем более о торговле.

— Послушай, а почему анделисы не воскресили ее?

. При упоминании об анделисах рука владетельного князя рванулась к поясу, словно пытаясь отыскать там оружие. Но он сразу же овладел собой и сделал что-то, отчего светящаяся ваза вместе с низенькой круглой столешницей поплыли вверх, а из образовавшегося отверстия хлынул в комнатку дневной свет.

— Я представил тебя моей матери, чего не делал ни с одной другой женщиной, — сказал царственный юноша. — Теперь идем.

Он шагнул в открывшуюся дыру и начал спускаться по невидимой отсюда винтовой лесенке. Не колеблясь, его спутницы последовали за ним и скоро очутились на площадке широкой лестницы, которая, плавно изгибаясь, вела к исполинским воротам. Таира с удивлением отмети-

ла, что и лестница, и все остальное сделаны из дерева. У нее еще мелькнула опасливая мысль — а вдруг пожар? Но тут Оцмар, шедший впереди и уже спустившийся на несколько ступенек, остановился и коротко сказал:

— Обернись.

Она поворотилась назад и чуть не вскрикнула от восхищения: на задней стене лестничной площадки висели три удивительные картины. Еще прежде, чем она рассмотрела каждую из них, ее поразила та же невыразимая гармония сказочности и реальности, которой веяло от всего этого города-дворца.

На левом полотне — впрочем, это мог быть и картон, и фреска, но это было неважно — на фоне тусклого солнца четко очерчивался силуэт «лягушачьей» горы, которую она уже видела, когда вылезала из княжеского вездехота. Три фигуры в монашеских черно-белых одеяниях, казалось, проплывали у ее подножия покорно и в то же время настороженно к какой-то неведомой цели, на которую так же внимательно и недоверчиво глядела голова исполинского изваяния.

На средней картине всё было предельно ясно — голенький малыш, сидящий на вершине холма, тянулся к одуванчику, а над ним парила Гуен, освещенная солнцем снизу так, что ее силуэт казался кофейным на фоне желтовато-закатного неба.

А вот на третьей картине, величественно опираясь на тонкий посох, стояла незнакомая царевна в сияющей короне, осененная крыльями сидящей за ней птицы. Но это уже была не Гуен — птичка размахом своих крыльев могла сравниться со здоровенным птеродактилем.

— Но ведь это не я! — изумилась Таира.

— Нет, не ты, делла-уэлла. И не твоё сибилло. Но это был вещий сон, и когда-нибудь эта увенчанная золотом дева встанет на пути одного из нас.

— Ну так, естественно, на твоём! — убежденно сказала Таира. — Это и будет женщина с волосами цвета солнца. А я — это так, прелюдия. У меня свое солнышко...

— Таира! — предостерегающе прошептала мона Сэниа, которая до сих пор следовала за ними покорно и бесшумно, как бесплотная тень.

Действительно, до возвращения Юхани совершенно не обязательно было посвящать владетельного князя в свои сердечные тайны. А после возвращения — тем более.

— Нет, — с бесконечной печалью проговорил Оцмар. — Ты — моя делла-уэлла. Другой не будет.

Он смотрел на нее с нижней ступеньки влажными оленными глазами, и ей вдруг стало стыдно за полноту своего счастья. Словно она одна сытая была среди голодных. Вон Сэнни — совершенно высохла от горя по своему Юхани. Этот князюшка, которого кто-то осчастливил бредовым предсказанием. И только ей — одной-единственной девочке на Земле! — выпало черт знает сколько приключений... и голубоглазый Лель в придачу.

На нижней площадке, чуть прихрамывая, появился Кадьян.

— Что там? — не оборачиваясь, спросил князь, хотя шагов горбуна совершенно не было слышно на теплом деревянном настиле.

— Пора, Великодивный.

Сразу же за воротами их ожидал кукольный домик, весь резной и пахнущий самшитом. Двери и окна походили на большие замочные скважины — ни створок, ни стекол. Внутри — широкие лавки с разложенными на них черно-белыми одеяниями, подозрительно смахивающими на рясы доминиканцев. Оцмар взял одно из них и обратился к Таире:

— Готова ли твоя птица сопровождать нас?

Девушка в замешательстве подняла глаза на принцессу: Гуен была на корабле, а где он — неизвестно.

— Владетельный князь, — проговорила мона Сэниа, чеканя каждое слово, — заклинание, вызывающее волшебную птицу, не должно касаться посторонних ушей.

Оцмар поклонился Таире так, словно это требование прозвучало из ее уст, и вышел наружу. Было видно, как он отходит к расписным воротам, чтобы ни один звук,

случайно вылетевший из узенького окошечка, не был им нечаянно подслушан.

Мона Сэниа бросилась к Таире и схватила ее за плечи тонкими жесткими пальцами.

— Жди меня, я только на корабль — и обратно, — зашептала она торопливо, и лицо девушки вспыхнуло от неистового жара ее дыхания. — С тобой ничего не случится, с тобой ничего не может случиться!..

И ее уже не было в полумраке игрушечного домика. Девушка пожалала плечами, подошла к окошечку, смахивающему на бойницу. Да что с ней может случиться? Она под защитой властелина всего этого необозримого дворцового комплекса и еще какой-то дороги в придачу. Вон он, под аркой явно декоративных — или ритуальных — ворот, исписанных витиеватыми знаками. Отдает приказания кому-то, отсюда невидимому. Уже балахон натянул. Любой другой в таком одеянии был бы уморителен, как пингвин. Только не этот. Собственно говоря, а что на него все взъелись: сибиллу сослал за скудоумие, старика Рахихорда посадил за возможное участие в заговоре. Имел право — средневековый монарх с врожденным синдромом абсолютизма. Кстати, в европейской истории уже был прецедент: Ричард Третий. Во время лихой гражданской резни с умильным ботаническим названием, когда крошили в капусту за цветочек на шляпе, порешил, может быть и за дело, незадачливого противника. А потомок того, не будь дураком, навешал на покойного короля таких собак в своих летописях — и придушенные принцы, и отравленные короли, — что до сих пор им впору детей пугать. Мало того, изобразил Ричарда не только уродом, но еще и горбатым, а у того и всего-то одно плечо было выше другого, перетренировался в детстве с одноручным мечом при недостатке в организме калция.

А этого не зря прозвали Великодивным. Говорят, свел с ума всех местных дам. И мало того, что красив как бог, еще и голос, и врожденное благородство в движениях, и еще одно, на что обычно люди не обращают внимания и

что доступно лишь тому, кто, как она, воспитан в охотничьей семье, — запах. Каждое живое существо имеет свой собственный, так сказать, ароматический код — собакам это хорошо известно. Так вот, от Оцмара, от его теплой бархатистой кожи исходил прямо-таки опьяняющий дурман, легкий и неотразимый. Это счастье, что он близко не подходит и, похоже, не имеет намерения дотрагиваться, — иначе она за себя не ручалась бы. И если бы не ее синеглазый, но чересчур уж робкий космический Лель...

Мона Сэниа появилась так же непредсказуемо, как и исчезла.

— Ты еще не одета? — крикнула она. — Да что же ты... Гуен в небе, только кликни, корабль во внутреннем дворе — отсюда не разобрать, в каком именно, но нам это не важно. Быстрее!

Натягивая на бегу пингвиньи балахоны, они вылетели на площадку, мощенную деревянными плитками с выжженным узором. Оцмар посмотрел на них внимательно и печально.

— Ты сгораешь от нетерпения, делла-уэлла, — проговорил он с укором. — Не так я хотел подарить тебе эту сказку. Идем.

Таира думала, что они сейчас спустятся к подножию «лягушачьей» горы, но вместо этого они прошли под античным портиком и свернули на очередной мостик, нависший над маковками и куполами расположенных ниже теремов. И вдруг у девушки перехватило дыхание: мостик упирался в вершину высокого холма, псросшего травой, и там, протягивая ручонки к чудом не облетевшему на ветру одуванчику, сидел светлокожий ребенок.

— Эти нагорные цветы Кадьян доставил мне с Дороги Строфионов... — говорил Полуденный Князь, но его уже никто не слушал.

Оттолкнув их, мона Сэниа мчалась по дощатому настилу, едва касаясь его, и Таира бежала следом, уже вскидывая руки, словно хотела упереться в невидимую стену и остановиться на половине пути.

Потому что на осенней поблекшей траве сидел уродец, макроцефал с неестественно громадной головой и цветом кожи, как у заспиртованных экспонатов Кунсткамеры. И по всему было видно, что он раза в два старше Юхани.

Таира подошла к замершей, как соляной столп, принцессе и взяла ее за руку:

— Не расстраивайся, Сэнни, это просто альбинос, такое бывает. Нашли этого, значит, найдут и твоего. Обязательно. Оцмар, миленький, мы доставим тебе сколько угодно жемчуга, найди другого белого ребенка! Настоящего...

— Не проси меня ни о чем, делла-уэлла, — приказывай. И я благодарен тебе, потому что ты продлила число дней моих, наполнив их смыслом и целью. А что касается перлов — все, какие есть в моей сокровищнице, уже принадлежат тебе. Не нужно ничего доставлять, их у тебя и так больше, чем у любой властительницы Тихри.

— О господи, да зачем они мне? Жемчуга носили в романах Голсуорси, да и то только по праздникам.

— Пожелай, делла-уэлла, и с этого мига вся твоя жизнь станет бесконечным праздником!

— Да ты что, издеваешься? Человек же заболел от горя!

— Ничего, — холодно проговорил князь, — сибиллы не умирают. Даже от горя. Хотя горюют они только тогда, когда теряют место при своем господине.

— Слушай, — шепнула Таира принцессе, — а может, пошлем его подальше и вернемся на корабль, а то его манеры меня несколько раздражают...

— Нет.

Нет так нет. Ей решать. Таира обернулась к Оцмару:

— Ладно, праздник отложим на неопределенное время, а сейчас нам хотелось бы отдохнуть в узком кругу.

— Как ты пожелаешь, моя повелительница. Но по дороге я хотел бы показать тебе то, что поможет нам отыскать второго ребенка.

— Вот с этого и надо было начинать!

И снова лестницы, ворота, галереи... Один раз им пришлось пройти несколько шагов над черным бездонным колодцем — хозяин дворца почему-то счел необходимым любезно сообщить, что таких колодцев в этом городе множество... Таира наградила его взглядом, от которого он поперхнулся. Наконец они достигли каменной пирамидальной башни, сложенной из золотистых, удивительно легких на вид кубов, расписанных детскими картинками. Вверху курился дымок — вероятно, пресловутый Невозможный Огонь. Но похоже было, что княжеского дворца эти временные сигналы не касались.

А внутри было прохладно и зелено. Пахло морем, и девочки лет десяти-двенадцати доставали что-то из громадного чеканного чана, подносили к губам и опускали в другие чаны, поменьше. Вдоль стен стояли берестяные короба, полные отборного жемчуга.

Таира, чье любопытство всегда перевешивало все остальные чувства, на цыпочках приблизилась и заглянула в серебряный садок. Чернокудрая девочка в белой рубашонке, лукаво улынувшись, наклонилась и бережно выудила из воды крупного трепанга. Поднесла к губам, и раздался едва слышный щелчок — на верхушке водяного червя раскрылся малиновый, жадно трепещущий цветок.

В воздухе запахло анисовым леденцом.

Девочка вытянула губы трубочкой, и из них выскользнул не то камешек, не то орешек — прямо в середину цветка. Он тут же захлопнулся, и детские руки переместили моллюска в чан с алой эмалевой инкрустацией по ободку.

Девочка снова улыбнулась — как видно, здешние дети совершенно не боялись пришельцев из чуждадных земель.

— И долго этот орешек будет превращаться в жемчужину? — не удержалась Таира.

— Два междымья, повелительница, — учтиво, но без смущения отвечала девочка.

— Сюда допускаются дети только из самых знатных семейств, — заметил Оцмар. — Все верхние этажи башни

заполнены мешками с жемчугом, и этого хватит, чтобы купить всех детей моей дороги. А этому строению не страшны ни разбойничий налет, ни небесный гром. Не говоря уж о пожарах и наводнениях.

— Надо будет попробовать иерихонские трубы, — не удержалась Таира. — Нет, нет, не обращай внимания — это я так, к слову.

Они повернули обратно. Мона Сэниа двигалась как заведенный механизм — сокровищница князя ее ни в чем не убедила. Зато Таира с жадностью рассматривала стенные росписи, едва удерживаясь от того, чтобы не высказать свой восторг, — свято выполняла завет прабабули, утверждавший, что мужчин ни в коем случае нельзя перехваливать. И все-таки на очередном повороте тенистой галереи она не удержалась и вскрикнула:

— Шайтан меня заberi — да ведь это Кукушонок!

Мона Сэниа словно очнулась, и глаза ее вспыхнули лиловым огнем: тонким черным угольком на побеленной стене были старательно выписаны два крѳа, и если один из них был совершенно однозначно ее Кукушонком, то другой, юный и белоснежный, был ей совершенно незнаком. Но и это было не главное: в левом нижнем углу картины, запрокинув голову и указывая пальцем на диковинных птиц, поднимался по узорчатым ступеням не кто иной, как Юхани!

Он был изображен неотчетливо и, несомненно, старше своего возраста, словно художник увидел его в недалеком будущем, — но это был точно он!

— Но почему он темнокожий? — вдруг прошептала мона Сэниа.

— Это просто так кажется, у него белая рубашонка, и он на фоне белых облаков. Если бы все это было в цвете, то он был бы таким же, как мы с тобой! Оцмар, ты не помнишь, на кого было похоже это дитя — на вас или на нас?

Царственный художник честно покачал головой:

— Я рисовал так, как видел во сне, — смутно... Но точно помню, что меня поразило то, что на его руке — пять пальцев.

— Вот видишь, Сэнни, вот видишь! Это сбудется!

— А если — без нас?

— Как это — без нас? Крэгов на этой планете, кроме наших, не водится, значит, Юхани на Джаспере... или на Земле. А без нас ему туда просто не попасть. Это элементарно. Оцмар, ты гений, я не хотела тебе говорить, но художник ты изумительный! Хочешь на Земле персональную выставку?

— Я хочу, чтобы ты была счастлива, делла-уэлла. Но идем, мне еще нужно отдать приказ солнцезаконникам, чтобы они отменили все молитвы, кроме просьбы найти вашего ребенка.

— У тебя, честное слово, золотое сердце, и что это тебя... — Она вовремя прикусила язык, потому что чуть было не ляпнула: «Что это тебя зовут Повапленным?» — Я хотела сказать — кого это они собираются просить?

— Солнце, делла-уэлла.

— А кому они молятся?

— Солнцу, делла-уэлла.

Они шли по бесконечной эспланаде между двух рядов молоденьких пирамидальных деревьев с кольчатыми стволами, и клонящееся к закату, но ни на йоту не опустившееся за все это время солнце освещало их сзади, и так же двигались перед ними их стрельчатые тени — Таира с Оцмаром рядом, мона Сэниа — чуть поотстав. Непонятно, как это получалось, но никто ни разу не перешел перед ними дорогу. Девушка оглянулась через плечо на тихрианское светило:

— Послушай, князь, а что, если ты разгонишь всех своих солнцепоклонников — они же дармоеды, молись не молись, а солнышко у вас все равно висит на одном месте.

— О нет, делла-уэлла, оно уходит, незаметно и неотвратно, и ты права: все мои толпы жрецов совершенно бесполезны, потому что с незапамятных времен они молят солнце остановиться, но оно обреченно скользит к востоку, и все человечество Тихри — бесчисленные караваны — движется следом за ним.

Таира невольно подергала себя за мочку уха, к которому был подвешен колокольчик транслятора, — да что за путаница с переводом терминов «восток» и «запад»? Поэтому последние слова князя как-то не сразу дошли до ее сознания.

— То есть наступают холода — вы откочевываете в теплые земли, это что-то там связанное с эклиптикой, но астрономия у нас только в одиннадцатом классе, я тебе объяснить не смогу...

— Нет, — прервал ее Оцмар, — мы не откочевываем. Мы все время движемся на восток. Всю свою жизнь. Солнце обходит нашу Тихри за восемь раз по восемь преджизней, даже чуть дольше, и бывает так, что человек в глубокой старости снова попадает в тот город, где он появился на солнечный свет. Поэтому все новорожденные отмечаются особым знаком на Прощальных Воротах, под которыми проходят караваны, покидая города.

Таира оглянулась на принцессу, жадно слушавшую бесстрастный голос князя, — ее-то все подробности жизни на Тихри, проклятой планете, не желавшей отдавать украденного сына, наполняли неизбывным ужасом: а вдруг Юхани брошен в оставленном поселении?

То же самое пришло на ум и девушке:

— А если кого-то, больного или малолетнего, забудут где-нибудь под кустом и уедут?..

— Это исключено, делла-уэлла. Для того и зажигают Невозможный Огонь, чтобы анделисы, — (он произнес это слово с трудом), — могли слышать дыхание каждой твари. Если они заметят человека, они передадут весть об этом феям, а уж феи приведут к нужному месту кого-нибудь из травяных послушников. Я знаю, о ком ты думаешь, и сейчас разошлю приказ остановить все караваны, пока не будет найден тот, кто предназначен тебе в подарок. Я направляю гонцов к князьям соседних дорог... Сюда, моя повелительница, это последняя лестница перед покоями, приготовленными для тебя.

— Ну почему для меня? Найдешь другую, покрасивше, помоем она волосы хной...

— Ты хочешь знать, почему именно ты? Хорошо, через некоторое время ты поймешь это сама. А эти покои — впрочем, как и весь город — я начал строить, когда мне открылся смысл моей жизни. Видишь ли, быть хорошим правителем оказалось слишком просто: надо было разогнать всех старых советников и прорицателей, оставить одного верного слугу и утроить жалование войскам. На весенние работы я стал ссылать не только преступников и перебежчиков с других дорог, но и тех, кто небрежен в постройках и заготовках на следующий год, когда, завершив полный круг, сюда снова придут дети и внуки нынешних тихриан. Мой Кадьян закупил столько горькой соли у разбойников с Дороги Свины, что теперь я могу иметь неограниченные запасы перлов. Да, он связан с татями, похитчиками, но на той дороге все вор на воре.

— А ты полностью доверяешь Кадьяну? — спросила как бы невзначай Таира.

— Он волен брать сокровищ сколько угодно — и не замечено, чтобы они убывали. Все мои рабыни и мальчики в его распоряжении — так ведь не усердствует. Знаешь, почему я ему верю? Как-то он мне признался, что служит мне, потому что ему интересно. Он находил травы и минералы для моих красок, он придумывал хитроумные приспособления, чтобы возводить над пропастями легкие мосты, привидевшиеся мне во сне, он научился призывать молнии в мою летающую рыбину, он говорит, что при желании мог бы даже переделать свое уродливое тело, но ему этого просто не нужно. Не прогоняй его, когда станешь после меня правительницей моей дороги...

— Оцмар, прекрати! Надоело повторять, что я не собираюсь никем править. Не хватало мне головной боли!

Он понял ее буквально:

— Не пугайся власти, делла-уэлла, я же сказал, что быть хорошим правителем, когда на твоей дороге установлен разумный порядок, совсем нетрудно. Если бы я захотел, я смог бы легко завоевать и соседние дороги — их жители, прослышав про наше благоденствие, не стали бы

упорно сопротивляться. Но я почувствовал, что мне этого не нужно. Мне вообще стало ничего не нужно, и я решил уйти из жизни. Но как раз тогда Кадьян и принес мне весть о странном предсказании, которое сделал изгнанный мною сибилло. Я отправил его в закатный край за то, что он по нерадивости или слабоумию не предупредил моего отца о том, что после его смерти некоторые из вельмож, осыпанных благодеяниями, составят заговор против его сына. Я не захотел казнить его — сибиллы бессмертны, если только не сжечь их и не развеять пепел по ветру. Я даже не заточил его. И вот он послал мне весть о грядущей встрече с солнцеволосой девой... И моя жизнь обрела смысл. Я начал строить город-дворец в дар той, которую даже не видел во сне...

— Ну прямо принц Рюдель! — восхитилась Таира. — У нас про тебя уже написано: «Люблю я любовью безбрежную, нежную, как смерть, безнадежную; люблю мою грёзу прекрасную, принцессу мою светлоокую, мечту дорогую, неясную, далекую...» Это не про меня, князь. Так что поищи светлоокую принцессу на какой-нибудь соседней дороге, как твой отец.

Неизвестно, как звучали бессмертные строки Ростана в ушах тихрианина, но, видно, транслятор на этот раз не подвел — Оцмар отступил на шаг и замер, полузакрыв глаза. Лицо его побледнело так, что впервые стало заметно, что ресницы у него растут в два ряда: один — стрельчатый, а другой — пушистый... Ох, если бы не Скюз, бесстрашный и застенчивый Скюз...

— Не может быть, чтобы твой принц любил так же, как я, — прошептал он едва слышно.

— Успокойся, он вовсе не мой, и его вообще не существовало, — Рюделя вместе со всеми его песнями придумал один человек.

— Тогда найди в сокровищнице самый ценный дар и отошли этому человеку...

Таира решила не уточнять, как давно почил ее любимый поэт, — в истории французской литературы она была не сильна.

— Там видно будет, — сказала она. — Сперва покончим с нашими поисками.

— Сперва... — Он задохнулся и не смог договорить. Только взмахом руки указал на двустворчатую дверь, зловещим полукружьем чернеющую в глухой стене. Девушка легко вбежала по последним ступенькам, и створки бесшумно разошлись. Таира и принцесса переступили порог, и створки за ними мягко захлопнулись. Девушка, несколько удивленная тем, что их владетельный гид на этот раз не последовал за ними, обернулась — деревянная дверь была глухой. Никаких створок. И по всему видно, что пытаться ее отворить — дело бесполезное.

Таира только пожала плечами — знал бы творец всех этих секретов, на что способны джасперяне!

— Сориентируемся, — коротко бросила она принцессе.

Но это было легче сказать, чем сделать. Они находились в углу комнаты, своими размерами больше напоминающей тронный зал, хаотично заставленный всевозможной драгоценной мебелью и утварью. Было очевидно, что Оцмар собрал здесь творенья мастеров не только своей, но и сопредельных дорог. Самым приятным открытием был приличных размеров бассейн, ничем не огражденный и устроенный вровень с полом; наиболее настораживающим оказалась необозримой ширины постель с обманчиво одинокой подушкой. Одного взгляда было достаточно, чтобы удостовериться в том, что на ней никто в обозримом прошлом не спал. Вазы с фруктами напоминали о желательности обеденного перерыва, и пушистые крылатые зверьки, запрыгивая в комнату через широкое, во всю стену, окно, стремительно порхали от одного столика к другому, привычно воруя пропитание.

— А вот и ты, — проговорила принцесса, указывая на картину, висящую над изголовьем.

Она или не она, это еще был вопрос, но картина была именно та, о которой рассказывал Полуденный Князь: девушка под вуалью, сидящая на диковинном троне. Справа и слева, обрамляя ее, расположились серебряные раковины, образующие подобие Бахчисарайских фонтанов.

— Не знаю, как ты, а я бы окунулась, — заметила Таира. — Пока мы одни.

Но они уже не были одни. То тут, то там планочки наборного паркета начинали вращаться, раздвигаясь как лепестки диафрагмы, и снизу, точно дежурные призраки на театральной сцене, поднимались серебристо-серые воздушные создания с покорностью в движениях и потупленными взорами. Но когда их глаза ненароком подымались, в них сверкало жгучее любопытство. Они помогли снять пингвиньи балахоны и, разделившись на две молчаливые стайки, подвели принцессу к глубокому парчовому, как и было обещано, креслу, а Таиру — к точной копии изображенного на картине не то трона, не то скамьи подсудимого, потому что черный бархатный табурет был огражден изразцовым полуколымом и еще рядом ощерившихся кактусов. «Злые травы» — это Оцмар точно подметил. Всё это до мельчайшей детали соответствовало картине, висевшей над изголовьем, и точно такое же, как и нарисованное, расшитое жемчугами платье ожидало Таиру.

Кресло это стояло у самого ограждения оконного проема, через которое в комнату вливался золотой солнечный свет.

— Мне предложен маскарадный костюм. — Девушка просто информировала принцессу, — о том, чтобы не примерить такое великолепие, и речи быть не могло.

Легкие пальцы серокожих прислужниц умело освобождали ее от пыльной куртки.

— Только я, с вашего разрешения, прежде всего ополоснусь. — Она осталась в одном крошечном купальничке телесного цвета, отделанном золотистой тесьмой. — Э-э, походное снаряжение не трогать!

Она свернула одежду и сапожки в тугой узелок и, едва касаясь босыми ногами теплого пола, помчалась, полетела через весь этот зал к принцессе, держа перед грудью узелок с одеждой, как баскетбольный мяч.

— Лови! — крикнула она на бегу, посылая натренированным движением скомканную одежду прямо на колени моне Сэниа, через головы не успевших расступиться

непрощенных горничных. — Закинь на корабль, а то еще выбросят на помойку!

— Стоит ли раскрывать перед всеми... — начала принцесса, полулежавшая на жесткой парче, больше напоминавшей змеиную кожу.

— Подумаешь! Одним чудом больше. Но если ты настаиваешь...

Она огляделась и увидела еще одну огромную картину, задернутую бархатной шторой так, что виднелся только уголок посеребренной рамы. Скинув походную одежду, в которой приходилось оставаться даже ночью, она почувствовала себя почти невесомой и сейчас была готова прыгать, как на батуте, и петь по-птичьи, и наделать тысячу легчайших радужных глупостей, эфемерных и прелестных, как мыльные пузырики детства; переполнение сказочностью этих покоев, одурью безграничного поклонения темнокожего властелина этой страны и вообще непроходимым неправдоподобием всего происходящего приводило ее в состояние той иллюзорной эйфории, когда спишь и осознаешь, что всё это — во сне, а потому доступно любое чудо...

Но чудес на ум что-то не приходило, и пришлось ограничиться простейшей детской уловкой.

— Ой, что это?! — вскрикнула она, указывая пальцем на бархатную штору. — Да кидай скорее... — это уже шепотом.

Узелок полетел через непредставимое *ничто* — на пол командорского шатра, сопровождаемый едва слышным: «Мы в безопасности...»

— Сэнни, да на тебе лица нет! — вдруг вскрикнула она, бросаясь к принцессе. — Плохо, да? Эта длинная экскурсия... Ну, я тебя сперва покормлю хотя бы фруктами, и ты у меня поспишь. А весь этот кордебалет я сейчас шугану.

Она схватила с приземистой столешницы поднос с какими-то серебристыми рожками-стручками, особо популярными у летучих зверьков, и высыпала их прямо на черный принцессин плащ. Потом вспорхнула на освобо-

дившийся импровизированный пьедестал и, вскинув руки над головой, захлопала в ладоши:

— Минуточку внимания! Я, Царевна Будур, повелеваю вам... — и поперхнулась.

Сжимая в кулаке край бархатного занавеса, на нее безумными глазами смотрел Оцмар.

XIV. ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ

Она медленно опустила руки и смущенно переступила с ноги на ногу. Она не то чтобы испугалась или смутилась нескромностью своего костюма — нет, в ней на миг вспыхнуло то магическое внутреннее зрение, которое изредка дает возможность людям заглянуть в свое будущее. И она поняла, что такой невесомо-счастливой, как минуту назад, ей не быть уже никогда.

Босые ступни примерзли к черепаховой столешнице.

— Ну вот, — проговорила она, стараясь хотя бы сохранить капризный тон прежней Царевны Будур, — ты все испортил. Разве порядочные люди подглядывают за женщинами, которые раздеваются?

Но он, казалось, даже не слышал ее голоса.

— Ты спрашивала меня, делла-уэлла, почему именно ты? — Он судорожно рванул занавес, и за ним открылось чудовищных размеров зеркало, чуть затуманенное небрежностью полировки. — Смотри же!

Раздался короткий свист, словно подозвали собаку, и тотчас же весь сонм пепельно-воздушных прислужниц сбросил свои одеяния. И девушка увидела себя, залитую медвяными предзакатными лучами, — живой взметнувшийся огонь меж задымленных холодных угольков, пламенная птица Феникс среди серых вóробьев... Ну почему, почему Скюз не видит ее сейчас — такую?

Но вместо младенчески-голубых очей джасперянина на нее глядели цепенящие ужасом глаза хищника, в глубине которых мерцали фосфорические блики, и ей не пришлось на ум сравнить их с плотоядным огнем тигриного или

волчьего взгляда, потому что она знала: нет во Вселенной страшнее хищника, чем человек.

«Никогда не показывай зверю, что ты его боишься, — всплыли в памяти наставления отца. — Не можешь нападать — обороняйся без страха. Страх — всегда брешь в защите».

— Я хочу увидеть, князь, как они танцуют! — Это просто счастье, что она не успела выдворить «этот кордебалет». Пока вокруг такое сонмище обнаженных гурий, бояться нечего.

Теперь, похоже, Оцмар ее услышал — он бросил одно коротенькое непонятное слово, и обнаженные пепельнокожие красавицы закружились в нестройном танце. Приблизившись к девушке, все еще стоявшей на своем пьедестале из боязни оказаться с Оцмаром лицом к лицу, они склонялись, касаясь лбом колена, и, устремившись к окну, вспархивали на резные перильца, заменявшие подоконник, и стремительно ускользали по невидимой отсюда наружной лестнице. Ничего себе танец. И хламидки свои не подобрали, если придется бежать, можно поскользнуться.

— Мне нестерпимо знать, что кто-то, кроме меня, осмеливается глядеть на тебя, делла-уэлла, — даже солнце, которому принадлежит всё живое! — В его высоком, срывающемся голосе звенела такая страстная ненасытность, что девушка невольно съежилась и присела на шероховатый черепаховый панцирь столешницы, обхватив колени руками. Увидела в зеркале собственное отражение, горько усмехнулась: ну прямо персик на эшафоте. И — то ли зеркало мутнело, то ли в комнате сгущалась нерукотворная мгла, но теперь загорелое тело девушки не светилось, подобно юному взлетному огню, а тускло рдело бессильным угольком.

В этой неотвратимо надвигающейся пелене мрака было столько чужой, удушающей воли, что она сорвалась с места и бросилась к окну с отчаянным криком: «Гуен, Гуен!» — и с размаху ударилась в упругую поверхность тяжелого полупрозрачного занавеса, наглухо замыкающего оконный проем. Смутные контуры города-дворца уга-

дывались за его янтарно-дымчатой и совершенно непроницаемой стеной, но теперь над всем этим хаосом башен, куполов и простирающих руки к солнцу белесых статуй навис начертанный на занавесе всадник с диковинным мечом, напоминающим хвост кометы, на бешеном единороге, вонзающем свой загнутый книзу рог в собственную грудь.

Девушка мягко развернулась, словно готовясь к прыжку. «Не загоняй зверя в угол, — говорил отец, — это утраивает его силы. Бей его, когда он на свободном пространстве».

Теперь загоняли в угол ее.

— Ну, и долго ты собираешься держать меня взаперти? — проговорила она тоном, не сулящим ничего хорошего.

— Ты не взаперти, делла-уэлла. Ты в своем городе и вольна распоряжаться всем, что дышит и что растет, что вырублено в скалах и выращено среди трав, что уловлено в струях ветра и что поднято с озерного дна...

— Спасибо, не надо. Если ты такой добрый, то найди мне белокожего малыша — и расстанемся по-хорошему. У меня тоже, знаешь, нервы на пределе.

— Подарки не возвращаются, делла-уэлла. Этот город — твой...

— Да что ты заладил — твой, твой... Не нужен мне, не нужен, не нужен! Гори он синим огнем!

Он дернул головой, словно его ударили по лицу, и, резко отвернувшись, прижался лбом к зеркалу. Тугая, напряженная тишина не просто повисла — она нарастала, как может нарастать только звук; никогда не испытывавшая приступов клаустрофобии, девушка задыхалась от гнетущего ощущения сдвигающихся стен. Она невольно повернулась к принцессе, как бы прося у нее поддержки, и натолкнулась на острый, почти ненавидящий взгляд. «Да что же ты делаешь, что ты творишь, капризная самолюбленная дура, — читалось в этом взгляде. — Сейчас он вышвырнет нас из дворца, и кто нам тогда поможет искать моего сына?»

Таира пожала плечами, встряхнулась, и с нее словно слетели колдовские чары. Ну, немного душно — потерпим. Паршивый полумрак, так это еще прабабушка как-то бросила мельком: мол, не позволяй мужчине гасить свет, это — прерогатива женщины... Тогда она не поняла. Теперь поняла — наполовину.

Она вздохнула, нагнулась и подняла чье-то кисейное покрывало. Хорошо, длинное — удалось завернуться, получилось что-то вроде сари. Жаль, никто не оставил тапочек. Скользнула к горемычному князю, замерла у него за спиной.

— Ну прости, Оцмар, я погорячилась. Настоящая Царевна Будур тоже, знаешь, была не сахар...

Сейчас он обернется и отчихвостит ее последними княжескими словами. И будет морально прав. Дареному городу в подвалы не смотрят. Она смиренно сложила руки на груди и опустила голову. Но из-под опущенных темно-каштановых, с золотыми кончиками ресниц все-таки зорко следила за тем, как он томительно-медленно поворачивается к ней, подняв руки то ли для проклятия, то ли для заклинания.

— Ты отвергла то, что я строил для тебя половину моей жизни... — Шепот его был бархатист и горяч, но в нем не было даже тени упрека. — Значит, этому городу не быть. Но остальное — твое. Ты — владычица Дороги Будур!

Над головой девушки что-то серебристо звякнуло, и тотчас по плечам и груди словно пробежала ледяная сококожица и под дымчатую кисею юркнула голубая многолучевая звездочка.

— Благодарю, князь, за царский подарок, — начала она, вежливо касаясь пальцами губ, лба и только что полученного талисмана, — да живешь сто лет и ты, и многочисленные твои сыновья, которых дарует тебе судьба...

Она еще произносила книжную цветистую фразу, каких уже давно не услышишь на Земле, а в душе уже прыгал солнечный зайчик: талисман!

Она забыла про свой волшебный флакончик со снежинками, мгновенно окутывающими завесой невидимости. Он сейчас у принцессы, нужно его забрать, и тогда ей сам черт не страшен!

— ...Все считают, что это — единственная частица голубого золота, — словно издалека доносился до нее голос Оцмара, нежный и торжественный, — и другого на Тихри больше нет. Но это не так, делла-уэлла. На вершине той горы, под которой растут горные пуховые цветы, принесенные Кадьяном, стоит башенка, очертаниями похожая на каменного короля с поднятой рукой. В подвалах этой башни, чей вход замурован, лежат слитки голубого золота. Оно — твое.

Дались ему эти подарки! Она чуть было не высказалась относительно того, что голубое золото ей нужно как и все остальные сокровища его допотопного княжества, но вовремя скосилась на принцессу, судорожно вцепившуюся в подлокотники кресла, и мысленно почесала в затылке, пытаясь сконструировать еще одну благодарственную фразу помахровее, на манер сладкого щебета Шахразады:

— Моя признательность, о щедрый властитель, не знает границ... Послушай, Оцмар, я иссякла. Скажи сам, как у вас тут принято благодарить за царственные дары?

— Тира!.. — предостерегающе воскликнула мона Сэниа.

Но девушка уже и сама поняла двусмысленность того положения, в которое она поставила себя этими словами. А что, если он сейчас скажет... Но она и представить себе не могла, как в действительности отзовется тревожный возглас принцессы: вороново крыло ярости смело всю нежность с лица Полуденного Князя, а голос приобрел голубую пронзительность обнаженного лезвия:

— Замолчи, злобная похотливая ведьма! Знай, что ты ошиблась, когда твоя алчба повлекла тебя ко мне из твоего проклятого далека... хотя, может быть, мы и были предназначены друг для друга. Но чудо, что выше судьбы, подарило мне солнечную мечту, имя которой — делла-уэлла, и не пытайся встать между нами!

Таира слушала весь этот бред в полной растерянности. Только что перед ней был юный Шахрияр, дарующий ей все волшебства «Тысячи и одной ночи», и вдруг — мгновенное преобразование в нечто драконоподобное... Хотя нет. Сейчас, когда она глядела на него без страха, уповая на защитный амулет, она признавалась себе, что и в безумной ярости он прекрасен. «Отступай, тихонечко, по полшажочка, но отступай немедленно, иначе тебе не выпутаться из жемчужной сетки его чар», — нудно талдычил внутренний голос. «Заткнись, — прикрикнула она на него, — я Царевна Будур, что хочу, то и делаю, и папа не узнает».

Но на полшага назад она все-таки отступила. И от Оцмара это движение не укрылось.

— Я отдал тебе все, чем владел, и ты уже уходишь? — проговорил он с бесконечной печалью, но все так же без тени упрека.

— Нет, нет! — пылко запротестовала она. — Просто... просто здесь так много диковинных вещей, которых я никогда не видела в своей стране...

Ей было мучительно неловко за свою неуклюжую ложь.

— Я отдал тебе все, — повторил он, и его голос зазвучал с такой полнотой, словно над ним был купол Домского собора. — Но у меня осталось еще одно, последнее, что я могу даровать тебе, — это моя любовь. Слушай!

Он вскинул руки, словно указывая на жемчужные раковины, в какой-то неуловимой последовательности расположенные друг под другом по обе стороны от изголовья огромной, как склеп, постели. Таира в растерянности пожала плечами, боясь снова солгать, — и тут она действительно услышала.

Это был чистый, прозрачный звук, словно игрушечный олененок цокнул по тонкому серебру кукольным копытцем. И еще. И еще. Звуки накладывались друг на друга, но не сливались; рассыпались трелями — замирали на миг, чтобы дать прозвучать тишине, они были слишком звонкими, чтобы быть рожденными водой, — и точно,

Таира пригляделась и чуть не ахнула: по трепещущим металлическим чашам прыгали капельки, отливающие зеркальными бликами.

Ртуть. Самородная ртуть. Сколько же времени провел этот всевластный мечтатель, пока самым примитивным способом проб и ошибок подобрал бесхитростную, как песня менестреля, мелодию? Ему что, никакой сибилло не сказал, что открытая ртуть — это самоубийство?

— Ты слышишь музыку, которая не снилась ни единому человеку под солнцем Тихри, — жарко шептал Оцмар.

Да уж. И под земным солнышком — тоже.

— Сколько бессонных часов я придумывал все, что сейчас подарю тебе! — не смолкал его завораживающий голос. — Я усыплю твою дорогу голубыми звездами — их не видел ни один смертный, они светят только уже умершим в том краю, который оставило солнце...

Ну да, они с этим умельцем Кадьяном наверняка изобрели какой-нибудь радиоактивный состав, светящийся в темноте. Прелестно!

— Я истолку горное стекло, смешаю его с медом и разноцветной росой, чтобы напоить тебя...

Садист. Битое стекло — это как раз то, чего ей не хватало в чашечку чая. Ну что за человек — что ни слово, то ровно половина восторга, а половина — жути.

— Я покрою твоё тело солнечной золотой пылью, не коснувшись тебя...

А вот этот длинный узкий ларец, напоминающий коробку для большой куклы, давно привлекал ее внимание. Оцмар нагнулся, раскрыл его и очень осторожно поднял со дна что-то живое, трепещущее, разбрызгивающее действительно солнечные блики... Да что же это? Если бы не плескучий непрерывный трепет, то она приняла бы это за махровое полотенце... Как замороженная, она на цыпочках двинулась вперед, к этому шафранному чуду.

— Сбрось свое рабское покрывало, делла-уэлла, чтобы тысячи светлячковых крыльев отдали свою золотую пыльцу твоему несказанно прекрасному, неприкасаемому телу...

Теперь она поняла, что это. Пушистые янтарные мотыльки были приклеены к длинному полотнищу заживо, и бесчисленное множество крошечных крылышек еще трепетало в бессильной попытке избежать медленного и мучительного умирания.

— Протяни хотя бы руки, делла-уэлла, — голос умолял, завораживал, подчинял, — и ты испытасешь дуновение нежности, которой не знала ни одна женщина мира!

Нежности? Она вскинула ресницы и словно впервые увидела неотвратно приближающееся, чуть запрокинутое лицо. Его ярость, его жадность казались ей недавно безумными. Но сейчас она поняла, что по-настоящему сумасшедшей была эта нежность, безысходная, как смертная мука. Потому что такая нежность способна убить ради того, чтобы не причинить мимолетной боли.

В своей короткой жизни ей то и дело приходилось слушаться, подчиняться, делать что-то по указке и под диктовку — неизбежности школьных лет. Но никогда она еще не находилась в полной и безраздельной власти другого человека, а тем более — безумца. Она вскинула руки, скорее от брезгливости, чем от страха — терпеть не могла насекомых, даже бабочек, — и тут щекочущая, дрожащая поверхность коснулась ее кожи. Она взвизгнула и ринулась в сторону, совершенно перестав ориентироваться во всем этом хаосе мебели, чаш и цветов; комната вдруг стала гораздо меньше — в первую секунду ей снова показалось, что сдвигаются стены, но затем она увидела, что от настоящих неподвижных стен отделились какие-то ломаные полупрозрачные поверхности, и вот они-то и перемещаются, создавая вокруг нее что-то вроде лабиринта, одновременно реального и эфемерного, точно компьютерное построение.

— Сэнни, мой амулет, скорее! — крикнула она, обращившись к тому углу, где стояло парчовое кресло. — Бросай!

— Я отдала... его... Рахихорду... — донесся из полумрака сдавленный голос, и Таира, взглядевшись, с ужасом увидела, что над креслом, в котором полулежала принцес-

са, медленно поднимаются, изгибаясь, не то змеи, не то кольчатые стебли.

— Держись! — крикнула она и ринулась на помощь, пытаясь обогнуть возникающие то тут, то там призрачные конструкции. Но они теснились на ее пути упрямо, словно по чьему-то расчету, и, чувствуя, что вырваться из их мерцающего хаоса — дело безнадежное, она поступила так, как делала всегда: пошла напролом. Упротие поверхности отбрасывали ее, но она билась всем телом, локтями, коленями, и неумело сооруженное сари слетело на пол, и гневный голос за спиной крикнул: «Довольно!» — и лабиринт растаял, но слепая ярость свободного существа, которое попытались заключить в клетку, не оставила Таиру, когда она в три прыжка преодолела оставшееся расстояние и голыми руками схватилась за то, что реяло над полулежавшей принцессой.

К счастью, это не были змеи — всего лишь золотые веревки. Весь блистающий узор, которым была заткана обивка парчового кресла, волшебным образом ожил и, отделившись от своей основы, теперь легко подымался вверх, колеблясь и сплетаясь в тонкие шелково-золотые жгуты. Один из них уже опутал ноги моны Сэниа, не давая ей подняться с кресла, другой ее опоясал, прижимая руки и туловище к спинке. Остальные нити, завитки и обрывки тесьмы колыхались, словно отыскивая друг друга, возле шеи. Таира рванула их на себя, но порвалось лишь несколько ниточек, а все остальное ускользало с леденящим шелестом...

— От моего Кадьяна не укрылось, что перед тем, как совершить таинство исчезновения, твоя сибилла обязательно делает один шаг, — прозвучал за спиной голос Оцмара. — Теперь она лишена этой возможности и не отнимет тебя от меня...

— Ну, это мы посмотрим, — скрипнула зубами Таира, нашаривая под плащом принцессы неразлучный десинтор. — На боевом?

— Д-да... только... — Мона Сэниа, похоже, задыхалась.

— Куда уж тут — только!

Она хорошо стреляла — не раз, когда нужно было вклепить какой-нибудь занемогшей зверюге ампулу со снотворным, отец брал ее с собой в заповедник. Но сейчас привычное оружие было ей не по руке, и тонкий жужжащий луч разряда, которым она с остервенением косила парчовые удавки, чуть было не опалил лицо связанной женщине. Наконец все ожившие охвостья, реявшие над креслом, валялись на полу, но с теми, которые уже держали мону Сэниа, было труднее. Таира попыталась подсунуть под тонкие путы ладонь — не проходила. Жечь прямо по телу было невозможно. И угораздило же ее снять свои замшевые лосины, на поясе которых всегда висел охотничий нож! Она в ярости оглянулась, прикидывая, из какой драгоценной вазы получатся осколки поострее, — и почувствовала на своем лице горячее дыхание.

— Не подходи! — запоздало крикнула она, отскакивая назад.

Он шел прямо на нее, торжественно и медленно, как подходят к награде, которую уже никто не сможет отнять. Дикарская, варварская радость была еще более безумна, чем его жадность, его страсть и его нежность.

— Не подходи!

Он засмеялся, продолжая надвигаться на нее, и в этом смехе уже не было ничего от нормального человека — только удовлетворенное вождение людоеда.

— Не подходи!!! — А вот и стена под голыми лопатками. — Не подходи, все равно не будет по-твоему!

— Будет! — крикнул он с такой силой, что в ответ зазвенели все серебряные раковины фонтанов. — Будет, делла-уэлла!

Словно сбитая с ног его криком, она сползла на пол, царапая лопатки по неровностям стены. Теперь отступить было уже некуда. Высокие чешуйчатые сапоги отгораживали от нее весь остальной мир. Ну что, цепляться за его ноги, молить о пощаде?

Мягким движением Оцмар опустился перед ней на колени. Лицо его было теперь так близко, что она могла бы пересчитать трещинки на пересохших губах.

— Это будет, делла-уэлла, — прошептал он, едва шевеля этими помертвелыми от ожидания губами. — Здесь. Сейчас.

И тогда она вскинула десинтор и нажала на спуск.

...Она открыла глаза, когда затихло жужжание десинторного разряда, — видно, сели батареи. Оцмар лежал перед нею в неловкой позе, не успев встать с колен. Таира вытянула шею, тревожно оглядывая его, — в полумраке его темно-зеленая одежда казалась черной, и на ней ничего не было заметно. Но вот на полу... Дура несчастная, раньше надо было жмуриться — тогда, может быть, и удалось бы промахнуться!

— Вот... видишь... — прошептал он с трудом, и с каждым его словом крошечный черный фонтанчик выбрызгивался откуда-то из плеча, — все сбылось... помоему.

Она затрясла головой, хотя совсем не поняла его слов; почему-то больше всего ее сейчас удивляло, что кровь у него почти черная, а ведь это артериальное кровотечение, перебита плечевая артерия, и каждая минута дорога.

— Помогите! — закричала она. — Кто-нибудь! Помогите!

Раздался протяжный скрип, и из-за спинки парчового кресла поднялась приземистая фигура и не спеша двинулась к ним. Кадьян. Таира вскочила, метнулась ему наперерез, вцепилась в рукав:

— Скорее! Его нужно к анделисам! Они помогают, они воскрешают даже мертвых...

— Нет, — донеслось сзади еле слышно, но твердо. — Здесь. Если... если анделисы... оживят... в другой раз мне... может... и не посчастливится...

Таира оцепенела — только сейчас до нее начал доходить смысл его слов. Так, значит, *вот этого* он и хотел здесь и сейчас? Кадьян осторожно освободился от ее пальцев, почтительно поклонился, косясь на голубую звезду, и, прихрамывая, направился к своему князю. Поднял его легко, так же неторопливо перенес на кровать. Замер, словно ожидая чего-то, — хотя чего тут еще

было ждать? Потом с каким-то нечеловеческим бесстрашием произнес:

— Ты умираешь, Полуденный Князь.

Эти слова словно разбудили Оцмара:

— Да. Город этот... сжечь. Он... не нужен. То, что ты принес сюда... по моему приказу, — в Берестяной... колодец... это и будет жертв... — он закашлялся, захлебываясь кровью, — жертвенным даром... солнцу.

Кадьян поклонился и отступил на шаг. Господи, да неужели они все так и дадут ему умереть? Таира на цыпочках приблизилась к высокому ложу, положила руки на закапанное кровью покрывало. Еще более истончившееся за эти несколько минут лицо обернулось к ней:

— Я сейчас сделал тебе... последний подарок, делла-уэлла... я спас тебя от самого... самого страшного горя... в твоей... жизни...

Она ткнулась лицом в покрывало, чтобы вытереть слезы:

— Зачем ты все это подстроил? Зачем, Оцмар? Ведь я могла бы полюбить тебя... — И в этот миг она верила тому, что говорила.

— Но тогда ты не смогла бы убить меня, делла-уэлла... — произнес он с неожиданной силой, и лицо его начало угасать. — Будь благословенна... неприкасаемая...

И тогда она поняла, что еще должна сделать.

— Дай нож, Кадьян! — приказала она, царственным жестом протягивая раскрытую ладонь в его сторону и не сомневаясь в исполнении своей воли.

Холодная рукоятка коснулась ее. Нож был заточен на славу — густые пряди ее солнечных волос сыпались на постель, едва лезвие касалось их; она собирала их горстями и осторожно укладывала на подушке вокруг головы Оцмара, осеняя ее золотым нимбом, на костенеющие сжатые руки, на невидимое пятно крови, напитавшей одежду. Кадьян стоял поодаль, ждал — не осуждающе, не насмешливо, не покорно.

Просто терпеливо и безразлично.

— Все, — устало проговорила Таира. — Идем отсюда. Сейчас развяжем...

И осеклась. На том месте, где только что возвышалось парчовое кресло, ничего не было.

XV. КТО?

— Как ты посмел? — крикнула Таира, ничуть не сомневаясь, чьих это рук дело.

— Я выполнил приказ моего князя, властительница Будур.

— Я тебе не Будур! Сейчас же верни ее обратно!

— Она на пути в Берестяной колодец, и повернуть обратно на этой дороге нельзя.

— Это еще почему?

— Узко, — коротко ответил он.

Как ни странно, но этому простому объяснению она поверила.

— Что же делать? — спросила она растерянно, мгновенно превращаясь в маленькую девочку.

По комнате, еле слышный за капельной немолчной мелодией, прошел неуловимый шелест.

— Выполнять волю покойного князя.

Кадьян, почти не нагибаясь, подцепил длинной, как у гиббона, рукой пару светильников и ловко швырнул их прямо на постель. Таира укусила себя за палец, чтобы не закричать, — разлившееся по покрывалу масло вспыхнуло бездымным огнем, подбираясь к еще не остывшему телу. Кадьян двинулся в обход всей комнаты, опрокидывая светильники ногами или швыряя их в занавеси и гобелены.

В треске разгорающегося пожара снова слышался шелестящий шепот.

— Что это? — вскрикнула девушка.

— Это голос покойного князя. Он велит беречь тебя...

И ей почудилось, что нежный голос одним дыханием, почти беззвучно заканчивает: «...тебя, делла-уэлла...»

— Возьми свое платье, владычица нашей дороги, — голосом, до тошноты равнодушным, сметающим любое волшебство, посоветовал Кадьян. Это безразличие было до того заразительно, что она чуть было не возразила, что на пожаре один черт — что в платье, что голой; но с горящей постели послышался легкий треск — это занялись тихим пламенем ее собственные золотые волосы, и бессознательный, животный ужас перед огненной стихией погнал ее к оконному проему.

Но на пути как раз было тронное — а может быть, лобное — место, огражденное изразцовой конусообразной стеночкой, через которую было перекинута шитое жемчугами и самоцветами платье. Она машинально взяла его и в тот же миг пол под ней зашевелился, точно шкура потревоженного животного, и она почувствовала, что скользит куда-то вниз по узкой, светящейся желтоватым светом трубе.

Она не успела даже закричать, как под ногами спружинила надувная подушка. Сквозь желатиновую поверхность упругих стенок стало видно, что она попала в комнату, где полным-полно народа. Прелестно! И не повернуться, чтобы быстренько натянуть на себя эту изукрашенную хламиду. Всё Кадьяновы штучки: лифт этот дурацкий, когда во дворце полно лестниц, теперь выставление ее напоказ всему народу чуть ли не в чем мать родила — ну, понятно, подрыв авторитета правительницы. Самому захотелось на трон, или что тут у них при караванном образе жизни. Попадись он...

И точно в ответ на ее гневные мысли соседняя тускло-серая колонна покрылась вертикальными трещинами и вдруг раскрылась, как бутон лилии или точнее — банан. Кадьян ловко спрыгнул на пол с амортизирующего устройства — увертлив, шайтан бесхвостый, как обезьяна, — и по его энергичным жестам было видно, что он рассыпает вокруг себя десятки приказов. Стражники, прислужницы — все стремительно расхватывали какие-то короткие палки и выбегали вон, не обратив на Таиру ни малейшего внимания. Или янтарная колонна, внутри которой она

находилась, тоже была непрозрачна снаружи? Тогда имеются опасения, что милейший Кадьян попросту тут ее и забудет...

Но он не забыл. Разогнав всю челядь, он наконец обратился к узилищу, в котором изнывала от неопределенности своего положения новоиспеченная властительница их бесконечной дороги. Беззвучное шевеление губ — видимо, заклинания, — и стеночки мягко распались, так что она осталась торчать на небольшом и крайне шатком возвышении, точно пестик огромного цветка.

— Прекрати свои фоку... — начала она на самых высоких тонах, но тут под коленки ей весьма ощутимо ударило что-то бархатистое, и она, не удержав равновесия, шлепнулась на подставленное кем-то сзади сиденье.

— Не пугайся, моя госпожа, — нам, возможно, придется пройти через огонь, — проговорил Кадьян таким равнодушно-унылым голосом, что после этого не возникло ни малейшего желания пугаться.

Даже наоборот.

— Не принимай меня за... — И снова ей не дали договорить — со всех сторон мелькнули какие-то черные шторы, и она почувствовала себя в наглухо закрытом портшезе, который подняли и, судя по дробной тряске, весьма резво понесли.

— Останови сейчас же! — крикнула она, безрезультатно рассыпая по стенкам удары весьма энергичных кулачков. — Стой, тебе говорят! Не смей спасать меня, пока не вытащишь Сэнни!

Носилки качались уже равномерно — видимо, натренированные бегуны пошли в ногу. Криков они или не слышали, или им было велено не обращать на них ни малейшего внимания.

— Да стойте же! Стойте! Всех перевешаю!

Темп бега заметно ускорился.

Девушка похолодела, когда поняла, что это — не следствие ее монарших посулов, а опасность неудержимо распространяющегося пожара. Она вспомнила палки в руках разбегающихся слуг — да это же были факелы! Прожа-

ренная солнцем смолистая древесина вспыхнет, как пакля, а Сэнни где-то в самом сердце этого дворцового лабиринта!

— Да послушайте же! Оцмар умер! Я теперь ваша госпожа! Я вам при-ка-зы-ва-ю!!!

Носильщики разом остановились, портшез опустился с легким толчком, и земля под ним закачалась. Таира догадалась, что ее крошечная тюремная каморка плывет, и не на плоту, а на быстроходной лодке, — отчетливо ощущались толчки дружных весел. За городом они или под ним? Сколько длится их путешествие? Да четверть часа, не меньше. За такое время... Она сжала в комок драгоценное платье, проклиная себя за то, что бросила где-то возле княжеского погребального ложа такой необходимый сейчас нож. Бархатистые стенки портшеза не пропускали звуков — из слоновьей шкуры они, что ли? — и было ясно, что ни ногтями, ни зубами их не продерешь. Кругом ничего твердого — травяная подушка, и все. Хотя бы не быть босиком — на сапогах или туфлях бывают металлические пряжки...

И тут ее осенило. Платье! Наряд, расшитый самоцветами! Если хоть один имеет острые грани... Пальцы судорожно ощупывали невидимые в кромешной темноте драгоценности. Есть! Маленькая, но жесткая металлическая оправа, алмазное острие. Только бы не подделка, только бы...

Резкий толчок отбросил ее назад, руки разжались. Пришлось снова в лихорадочном темпе искать нужный камень, а носилки между тем подняли, и снова началось движение — теперь вверх по чуть заметному, но постоянному склону. Ага, вот. Ободрать жемчуг, который мешает зажать ткань в кулаке, чтобы выступала только самая верхушка накладного украшения... Так. Камень со скрипом проехался по диагонали боковой стеночки. Неужели ничего? Она послюнила палец и попыталась нащарить в темноте след пореза. Не порез... но царапина. Ощутимая, хотя и не глубокая. Она оперлась коленями о плетеное сиденье и принялась изо всех сил резать

шкуру, стараясь попадать по одному и тому же месту. В маленькой кабинке стало жарко, от постоянной качки к горлу подступала тошнота. Проклятая оболочка ее микротюрмы, словно заговоренная, не уступала — руки онемели, а результатом была только маленькая бороздка. Девушка сменила руку и продолжала работу с неослабевающей яростью, запрещая себе думать о том, что прошло уже не менее получаса. Несколько раз характерный сбой покачивания показывал, что носильщики меняются, продолжая неуклонно двигаться в гору. Теперь ей не нужно было искать направление разреза — камень скользил по бороздке, которая углублялась раз от раза. Вниз — вверх. Вниз — вверх. Вниз...

Легкий запах гари проник в кабинку. Таира чуть не завопила от радости — значит, еще немного. Сильнее. Сильнее...

Носилки закачались и рухнули без всякого бережения. Теперь до нее доносились звуки и тяжелый топот — если бы не ожесточенность криков, можно было бы подумать, что вокруг ее укрытия пляшут захмелевшие великаны. Что узилище превратилось в убежище, она уже не сомневалась; несколько раз по портшезу били чем-то тяжелым, затем он качнулся и завалился набок — счастье, что не той стороной вниз, где наметился разрез. Шум понемногу стихал, сверху на носилки что-то рухнуло, и наступила тишина.

Она начала догадываться, в чем дело. Судя по движению вверх, они поднимались по склону знаменитой «лягушечьей» горы, на вершине которой было спрятано голубое золото — ее, кстати, по праву дарения и в силу приобретенного титула. Стража этой сокровищницы, вероятно, не разобралась в ситуации... А, неважно. Только бы вылезти, в этой западне уже почти не осталось воздуха. Еще несколько отчаянных движений, и невообразимая смесь гари и воня ворвалась внутрь кабинки. Радуюсь тому, что на ней почти ничего не надето, Таира втиснулась в узкий разрез, извиваясь как ящерица, высунулась по пояс — и замерла.

Носилки лежали на склоне обрывистой горы, а внизу, под кучерявой пеленой не желавшего подниматься дыма, полыхало Пятилучье. Уже не сохранилось ни одного висячего мостка, вместо куполов вихрились огненные смерчи, и только кое-где сверкающие изразцовый облицовкой минареты тянулись к небу, словно еще надеясь взлететь над этим адом. Девушка почувствовала, что задыхается больше от слез, чем от дыма, потому что никакой надежды на спасение из этого пекла не было и быть не могло, а главное — все это было чудовищно бессмысленно...

Размазывая по лицу слезы пополам с копотью, она вдруг почувствовала, как что-то касается ее головы. Она с трудом повернулась, чтобы поглядеть вверх, — с крыши ее носилок свешивалась четырехпалая рука. Она прижалась к земле и окончательно выползла наружу, цепляясь за какие-то волосатые стебли, чтобы не покатиться вниз по обрыву. Попыталась подняться на ноги и поскользнулась. А когда всмотрелась в то, что было у нее под ногами, то испытала приступ самой безобразной и неудержимой тошноты. Потому что это были внутренности тихрианина, чей труп был заброшен на валяющийся у самого обрыва портшез. Еще одно тело, исполосованное не мечом, а огнем, валялось в двух шагах. Дальше — целая груда, и не тел, а обезображенных обрубков. Бессмысленная жестокость. Еще более бессмысленная, чем уничтожение города, — там, по крайней мере, была последняя воля умирающего князя. И — странное дело — у нее почему-то не возникало ненависти к Оцмару.

Он был безумен, он был болен неизлечимой любовью к ней, позвавшей его так бездумно на погибель и ему, и Сэнни, и, может быть, маленькому Юхани. Но Кадьян — хитроумный, расчетливый Кадьян, который все понимал и в любой момент мог вмешаться, не допустить — да просто не передать последнее Оцмарово повеление... Ну, попадись он ей — а она сделает все, чтобы он ей таки попался...

И точно в ответ на ее беззвучное проклятие, едва заметный бугорок, поросший травой, начал вдруг подымать-

ся, будто под ним вызревал гигантский гриб; достигнув человеческого роста, он плавно двинулся, словно поплыл, прямо к Таире, и она уже видела, что это — Кадьян, встряхивающийся как собака, выскочившая из воды, так что травяные брызги разлетаются изумрудным ореолом и тут же испаряются, не долетев до земли.

Больше всего ее изумило то, что он шел, нисколько не прихрамывая, а спокойно и даже величаво.

Он остановился перед девушкой и оглядел склон, усеянный обезображенными телами. Покачал головой.

— Лихие у тебя воины, повелительница, — произнес он каким-то странным голосом, в котором смешивались и осуждение, и зависть.

Она разом забыла все, что хотела ему наговорить. Чтобы это сделали джасперяне? Ратные братья ее Скюза?..

— Врешь. Зачем только?

— Когда я служу своему повелителю, я служу верно, — проговорил он своим обычным безразличным тоном, словно сообщал ей о каком-то пустячном деле. — Я видел одежды твоих стражников. На Тихри подобных нет.

— И сколько же их было?

— Один.

— А лицо? Ну хоть какие-нибудь приметы? — допытывалась она.

— У него не было лица.

Она вспомнила, что отливающие металлическим блеском куртки джасперян, которые они называли почему-то скафандрами, имели капюшоны с дымчатыми щитками — то ли от солнца, то ли от дождя. Все сходилось.

— И ты все видел? — спросила она упавшим голосом. — Своими глазами?

Он понял ее вопрос буквально.

— Я видел все глазами травы, под которой мне пришлось укрыться. Он возник прямо из воздуха и напал на тех, что несли тебя, повелительница. В одной руке у него был огонь, в другой — железо. Он разрезал их на куски,

безоружных. Стражники, приняв его за дракона в человеческом обличе, попадали ниц; он поднял одного из них и, указывая на носилки, произнес одно-единственное слово: «Кто?» — «Властительница Будур», — еле слышно пролепетал обреченный. Тогда твой воин ударом ноги опрокинул носилки, распорол своего пленника сверху донизу и, отшвырнув его, принялся добивать всех. Потом шагнул к обрыву, прыгнул вниз — и тут же исчез.

— Так, может быть, это и был какой-нибудь дракон? — ухватилась она за последнюю ниточку надежды. — У вас тут полным-полно всяких магов и прочей чертовщины! Что, если кто-то принял вид нашего... моего ратника?

Кадьян покачал головой:

— Сибилло в расцвете сил сможет, пожалуй, принять облик того, кого он видел. Но и только. Он повторит вид, но не поступки. Ты подумала о жалком старом ведьмаке, которого ты пригрела? Он ни на что не способен, кроме ужаса перед заточением. Это страшно, но поверь мне, госпожа: стать таким вот остервенелым убийцей может лишь тот, на ком проклятие анделиса.

И тут притихшая было ненависть снова вспыхнула в душе девушки:

— Ну а ты? Ты сам, верный Кадьян? Разве ты не мог это сделать? Ты же сжег целый город, сколько человек сгорело заживо...

— Я? — равнодушно переспросил он. — А зачем? Что касается города, то его сожгла воля покойного князя. Твоя предсмертная воля, повелительница, будет выполнена столь же неукоснительно. А за своих подданных не беспокойся, в Пятилучье никто не жил, здесь только служили Полуденному Князю, и этой челяди было не так уж много. Вон они, бегут по всем пяти дорогам. Феи вывели всех.

— Но они же все потеряли...

— Твой Жемчужный Двор — каменную башню, неприступную для огня и воды, — пожар не тронет. К тому же она расположена за городской стеной. Даже если ты выдашь каждому из своих слуг втрое от того, что они

утратили, казна уменьшится на каких-нибудь восемь коробов среднего перла.

Ее покорило от этих трезвых расчетов над пылающей могилой ее Оцмара... И Сэнни.

— А сейчас ты захочешь вернуться в свой летающий дом, — неожиданно проговорил он, направляясь к носилкам.

Она оторопела от его проницательности, потому что эта мысль еще только-только затепливалась в ее мозгу. А он достал нож — успел-таки подобрать тогда, в покоях Оцмара! — и, прошептав над лезвием какое-то заклинание, взрезал обшивку непроницаемой на вид кабинки. Вытащил скомканное платье. Таира поехала — только сейчас она ощутила пронизывающий ветер.

— Соблаговоли надеть, повелительница. Тебе помочь?

— Нет уж. Сама.

Он пошел по склону, внимательно приглядываясь к изуродованным телам. Наконец нашел то, что искал, и принялся стаскивать с трупа сапоги.

— Ты что, с ума сошел? Оставь сейчас же!

— До вершины еще далеко, госпожа.

Ненависть пополам с подозрительностью, чуть приглушаемая его трезвыми рассуждениями, вспыхивала по любому мало-мальски пригодному поводу.

— До вершины? Где спрятано голубое золото, да?

Он снова посмотрел на нее с тем бесконечным равнодушием, какого и в помине не было, когда он в первый раз появился вместе с Оцмаром. Потом принялся спокойно, словно и не было трех шагов до обрыва, под которым горел целый город, кромсать на длинные полосы свой плащ.

— Позволь твою ногу, госпожа. — Он опустился на колено и принялся деловито обматывать ее ступни плотной материей; делал он это так бесстрастно, что она невольно подчинилась. — На вершине не только голубое золото. Там Гротун.

Она почему-то подумала, что так называться может только какой-нибудь легендарный рыцарский меч.

— Оружие?..

— Мой корабль. В народе его называют Громобоем, а Полуденный Князь окрестил его Тунцом. — Она отметила про себя: он как-то совершенно естественно произнес: «Мой корабль». — Идем, госпожа моя. Твой летающий дом не мог оставаться в пламени, и нам предстоит искать его новое пристанище.

При упоминании о «летающем доме» у нее прямо-таки все заныло внутри — только бы добраться, как до спасительной норы, до этого девятикупольного убежища, укрыться за дымчатой полупрозрачностью его теплых стен, забиться в какой-нибудь закуток между бесчисленными коробками, ящиками и сундучками, уткнуться в шелковистую шкуру неземного зверя — и забыть, хотя бы на минуточку забыть обо всех этих кошмарах...

Но ее окружал только гул пожарища, и смрад, и задымленное небо... И две птицы, стремительно мчащиеся к ней сквозь пепельную пелену.

Первая птица резко взмыла вверх и исчезла. Вторая приближалась.

— Гуен! — крикнула девушка, не веря своим глазам. — Гуен, сюда! — Громадная, когда-то белоснежная птица легла на одно крыло и описала над ними задумчивый круг. — Гуен, не бросай меня!

Сова косила страшным немигающим глазом, не решаясь спуститься. Таира вдруг поняла, что отпугивает ее питомицу — блеск самоцветов на ее платье.

— Кадьян, — начала она, — сбрось с носилок...

И в этот миг словно беззвучный взрыв отбросил от нее тихрианина. Полыхнул металлический отблеск далекого пламени, и в полушаге от девушки возникла высокая фигура в закопченном полускафандре. Кадьян, упавший на четвереньки, выхватил нож и сжался, как пружина, готовясь броситься на защиту своей новой владычицы.

— Девочка, ты в порядке? — Щиток забрала откинувшись, и суровое лицо Эрма блеснуло улыбкой облегчения. — Я знал, что твоя птица разыщет вас. Принцесса здесь? Невредима?

Таира бросилась к нему и уткнулась в скрипучую ткань джасперянской одежды.

— Поздно, поздно, поздно... — повторяла она, захлебываясь слезами. — Берестяной колодец... Ее в жертву принесли-и-и...

Он схватил ее за плечи так, что жемчуг и камешки посыпались им под ноги:

— Этого не может быть! Почему она не исчезла?

— Ее связали...

Он закусил губы так, что их не стало видно. Продолжая держать девушку на весу — ноги ее не доставали до земли, — он приблизился к обрыву и заглянул вниз:

— Где этот колодец?

— Где-то там... Вон, этот с челочкой, он знает.

Эрм круто обернулся — на склоне ничего, кроме останков несчастных носильщиков, не было. Несколько травяных бугорков. Не шарить же под каждым!

— Его рук дело? — мрачно проговорил Эрм, указывая на трупы.

Она затрясла головой, не желая сейчас вдаваться в подробности и без того загадочного побоища.

— Где наш корабль? — пролепетала она. — Я домой хочу!

— Вон за той башней. — Он кивнул на черное облако, за которым едва-едва угадывались контуры ступенчатого зиккурата.

Он слегка прижал ее к себе, а потом вдруг с силой отбросил, так, что она не успела даже вскрикнуть, а только зажмурилась. И тут же ступни ее, обмотанные кусками Кадьянова плаща, несильно ударились о гладкий пол.

Командорский шатер. Она дома.

Не веря своим глазам — ее впервые вот так, без предупреждения, взяли и швырнули через *ничто*. Она оглянулась и вдруг заметила узелок с собственной одеждой, которую она сняла в княжеских покоях. Она вспомнила свой легкий, воздушный бег, когда босые ступни едва касались пола, и усталая Сэнни улыбалась ей с предательского кресла, которое через несколько минут захлестнуло

ее своим ожившим узором, и Оцмар, наверное, уже смотрел тогда на нее, розовую как фламинго...

Узелок с одеждой — вот и все, что уцелело от этой сказки.

И пустой девятиглавый дом.

Она присела на пол, чтобы размотать тряпки на ногах, и тут в овальном проеме, ведущем в одну из малых кают, увидела силуэты троих тихриан.

Они стояли, прижавшись лбами к прозрачной стенке корабля, и глядели на дальнее пожарище — наверное, окаменев от ужаса. Просто счастье, что им не довелось побывать на том обрыве, на котором она сама стояла минуту назад!

Совсем недавно они были счастливы — отец и сын, обретшие друг друга, отставной шаман, пригретый какими-то залетными кудесниками из чужедальних земель... Теперь они глядели, как горит их Пятилучье, самый прекрасный город на Тихри. И, самое страшное, ничегошеньки не понимали — то ли это война, то ли поджог, то ли небесный огонь.

Неслышно ступая, она приблизилась к ним. Нужно было отыскать какие-то слова, чтобы утешить их, но как это было сделать, если она сама была во всем виновата! Она оперлась руками о края проема, ведущего в малую каюту, и в этот миг услышала зычный, как во время битвы, голос Рахихорда:

— Если это правда, то пусть она останется в этом пламени!

Девушка замерла на месте. Откуда они знали? И уже успели осудить... И тут на смену горечи пришел ужас. На корабле никого из своих, и она одна против этих троих туземцев, которые не простят ей ни своего князя, но своей столицы. Успеть бы юркнуть за все эти коробки...

И тут Рахихорд, словно почувствовав ее у себя за спиной, медленно обернулся.

— А, это ты, светлячок, — проговорил он уже своим обычным стариковским голосом, — молчи о том, что слышала. Молчи... а если сможешь, то забудь. Пусть твои братья чтят ее память. Она была не виновата.

— Тот, другой, тоже невиновен, — глухо произнес Травяной Рыцарь. — И тем не менее нужно разгадать, кто он.

— Сибилло почует, — самодовольно пообещал шаман. — Если только этот мотылек залетный раньше времени не проговорится.

У Таиры голова пошла кругом. Она так стремилась на корабль, чтобы хоть на минуточку забыть о всей этой чудовищной фантазмагории, и — нате вам! У этой троицы наготове еще какая-то зловещая тайна. Из огня да в полымя.

— Прекратите! — закричала она, сжимая кулачками виски. — Не смейте говорить о Сэнни! Она ни в чем не виновата. Это Оцмар приказал поджечь город. Перед смертью. И Сэнни — в жертву... Чтобы вместе сгореть... Господи! Так же не бывает!..

Все трое глядели на нее в немом изумлении.

— Полуденный Князь почил? — осторожно, с какой-то кошачьей повадкой переспросил шаман. — Кто же теперь...

— Не о том речь, — перебил его Рахихорд. — Вечно ты, старый лизоблюд, суетишься. Нам оказали гостеприимство и подмогу. И мы должны отплатить добром за добро. Чужедальние воины могут и не знать, что такое — проклятие анделисов...

— Я рассказывал, — быстро поднял голову Лронг. — Им такое было неведомо.

— Да о чем вы, о чем? У меня просто голова раскалывается, я ни-че-го не понимаю!

Сибилло шагнул к ней и неожиданно ткнул сложенными щепотью пальцами прямо в переносицу. В голове словно что-то плеснулось, как рыбка, и стало вдруг спокойно-спокойно, а в носу зашипало от острого запаха перечной мяты.

— Так-то, — удовлетворенно проговорил шаман — видно, чудеса удавались ему не очень часто. — А теперь слушай. Сибилло сразу это учуяло, а потом и добрейший Лронг высказал вслух, не подумавши. Та, что называла

тебя своей сестрой, была поражена проклятием анделиса. Не спорь, солнцеекая, на своем веку сибилло не раз встречало этих несчастных. Их срок недолог, потому что в своем безудержном, неистовом стремлении достичь своей цели они перестают разумно мыслить и готовы смести с дороги весь мир...

— И весь мир платит им тем же, — мрачно заключил Рахихорд.

— Да какой такой цели? Сэнни только хотела вернуть своего сына, и все. Если бы у вас отняли единственного ребенка, вы бы еще не так взбеленились.

— У каждого своя цель, — покачал головой Рахихорд. — У одних это — власть, у других — страсть к завоеваниям, у немногих — любовь... Да, такого желают не только проклятые. Но тот, кто отмечен поцелуем анделиса, жесток и неудержим, как кипящая лава, что извергается из огненных гор, негасимых даже в краю мрака и льда. Они безжалостны... Скажи, светлячок, а почему ты здесь, среди могучих воинов? Разве не пристало тебе пребывать в караване твоих родных? Ты — еще дитя, и бесчеловечно удерживать тебя на смертельно опасной тропе...

— Ха, меня бы удержали! Да я сама попросилась сюда, ну, не на Тихри, а на корабль. Чтобы оберегать их вместе с Гуен. А потом и речи не могло быть о том, чтобы я вернулась, — ведь какой-то там голос изрек, что мы вместе — понимаете, вместе! — должны заслужить, чтобы Ю-Юшеньку отдали. Так что Сэнни меня вовсе не удерживала, она только думала о своем сыне...

— А она подумала о твоём отце? — сурово спросил Рахихорд.

— Ну я же ему написала, что все в порядке... А теперь я одна должна что-то делать, только вот ума не приложу что. И проклятие кончилось, если только оно было.

— Не кончилось, — сказал Лронг, точно камень уронил. — Кто-то из ваших воинов... Скажи, сибилло, проклятие анделиса может передаваться другому?

— Сибилло о таком не слыхало...

— Не слыхало, не слыхало... Память у тебя отбило, трухлявый пенё! — рывкнул на него старый рыцарь. — И довольно об этом. Нечего путать дитя в наши заботы. Забудь обо всем, что слышала, светлячок.

— Я уже не дитя. Мне нужно знать, что нам угрожает.

— Нет, светлячок, — проговорил Рахихорд с отеческой нежностью. — Ты лучезарна и любима. Твое дело — светить нам, а не сражаться с духами зла...

Таира почувствовала, как натягивается кожа у нее на скулах.

— Рыцарь Рахихорд, — она выговаривала каждое слово медленно, почти по слогам, — я, властительница этой дороги, приказываю тебе говорить!

Она опустила руку за вырез платья и достала пригревшуюся там голубую звезду.

Девушка и глазом моргнуть не успела, как все трое уже были перед ней на коленях. Она, разумеется, ожидала какой-то реакции на свое сообщение, но чтобы так восторженно и так подобоострастно... Ей стало не по себе. Она и всего-то хотела, чтобы к ней перестали относиться как к сопливой девчонке.

— Довольно, встаньте, — повелела она и разозлилась окончательно, поймав себя на онегинской цитате. — То есть сядьте где стоите. И теперь вы забудете о том, что я вам сказала. Воины этого корабля потеряли свою принцессу, своего командора... Не годится объявлять им сейчас о том, что я приобрела новый титул, столь высокий в вашей стране.

Оба рыцаря подняли на нее глаза с безмерным уважением. Ну хоть чего-то она добилась. Только сибилло ничегошеньки не понял и хлопал сивыми ресницами.

— А теперь расскажите мне о том, что произошло, только коротко. Там, — она кивнула на пожарище, одновременно убирая под платье знак своей власти, — делать больше нечего. Сейчас все начнут возвращаться.

— Слушаюсь, сиятельная властительница... — начал было Рахихорд.

— Я же просила — без церемоний!

— Я не могу сказать, как мы очутились во дворе Пятилучья. Тебе это ведомо лучше меня. Красоты великого города восхитили всех, так что и воины твои, и мой сын с сибиллой переходили из одной малой каморы в другую, обозревая дивный вид...

— Короче, — попросила Таира.

— Я на какое-то время остался тут один. И вдруг появился воин с закрытым лицом. Он сорвал с меня амулет, подаренный принцессой, шагнул прочь — и исчез. Я некоторое время размышлял, стоит ли сообщать кому-нибудь о приключившемся, но тут поднялась тревога. Я слышал топот, звон оружия, а потом все стихло — мы остались на корабле одни...

— А потом — запах дыма, — подсказал Лронг. Таира кивнула ему, и он продолжал: — Я нашел одну дверь открытой и выбрался на широкий двор. Город уже занялся в нескольких местах, и стражники с факелами мчались по галереям. Кое-где сновали феи, собирая людей и уводя их за собой. И вдруг что-то круглое упало сверху и покатилося по брусчатке двора. Это была голова. Без ушей и без носа. Я посмотрел наверх — в надлестничной лоджии кипела схватка, один здешний воин против десятка дворцовых стражников, и столько же было им уже повержено. Я схватил чей-то меч и бросился ему на помощь, но не пробежал и половины лестницы, как он оглянулся, увидел меня — и исчез.

— Ну и что? — не поняла девушка.

— Когда я поднялся до лоджии, там уже никого не было в живых. И — клянусь утренним солнцем! — это не был бой. Это была зверская резня и такое издевательство над трупами, что потом никто не мог бы быть воскрешен ангелисами... Ни один тихрианин не совершил бы подобного. Счастье того, кто не видел...

— Я видела, — упавшим голосом отозвалась Таира. — Я видела то же самое.

— Сейчас он вместе со всеми вернется сюда, — закончил за сына Рахихорд, — неотличимый от остальных, не-

удержимо стремящийся к какой-то неведомой нам цели, и его не остановит ни честь, ни совесть, ни любимая женщина, ни лучший друг.

— Ну, с любимыми женщинами здесь не густо, а вот чтобы друг... — Она запнулась и похолодела. Лучший друг. Пылкий, безрассудный Флейж, самодовольный красавец с изумрудно-оранжевым обручем на лбу, — лучший друг ее Скюз. Если все это натворил Флейж, то Скюз первым станет на его пути.

— Молчите, — приказала она, — молчите, пока мы точно не удостоверимся и... Постойте-ка! Ты говорил, сибилло, что за свою долгую жизнь не раз встречал одержимых проклятием. Так неужели никто не попытался найти противоядия?

— Было, было... Но только ни разу сибилло не слышало, чтобы кто-то был спасен. В Солнечной Книге Заклятий сказано об этом так туманно...

— Ладно, ты говори, что там сказано, а мы уж сами разберемся в этом заклятошном тумане!

— Это было так давно, когда один из великих князей соблаговолил прочитать сибилле все заклинания. Сибилло уже не помнит и восьмой части...

— Ну хоть самое начало! — умоляла она.

Сибилло качался, сидя на пятках и выщипывая волоски из своей облезлой пелерины.

— А где книга-то? — встряхнул его Рахихорд.

— Где ж ей быть — в огне, вестимо... Нет, ни строчечки... Ни буковки...

Его узкие слезящиеся глазки глядели на девушку с таким раболепным страхом, что она не выдержала и отвернулась.

— Мы его найдем, — сказала она твердо. — Во-первых, у него амулет. Во-вторых, можно на девяносто пять процентов предположить, чего он будет добиваться — власти. На корабле нет командора. Тот, кто захочет...

— Разве это власть... — задумчиво, как бы про себя проговорил Рахихорд.

— С малого начинают, — отпарировала Таира.

— Или он исчезнет в поисках равной себе, тянет ведь их, они нутром чувят! — Шаман обрадовался возможности хоть в чем-то проявить свою осведомленность и, стало быть, полезность.

Девушка вдруг замерла, вглядываясь в массивную стройность ступенчатой башни, расписанной красно-зелеными полудетскими картинками. Четко вырисовываясь на фоне горящего города, она возвышалась даже над клубами жирного, тяжелого дыма, как символ нерушимости и не-тленности. И так же неискоренимо в ее памяти было каждое слово, произнесенное Оцмаром. «Зачем ты здесь, равная мне? — обратился он к мне Сэниа вместо приветствия, и голос его был страшен. — Чтобы напомнить мне, кто я?»

— Он признал ее равной себе с первого взгляда... — проговорила она очень тихо, как бы про себя, но все поняли, о ком речь. — Но почему он возненавидел ее? Почему он ее оскорблял, называя...

Но язык не повернулся повторить слова Полуденного Князя: «Злобная, похотливая ведьма! Ты ошиблась, когда твоя алчба повлекла тебя ко мне из твоего проклятого далека, хотя, может быть, мы и были предназначены друг для друга!...»

— И за это она убила его? — тихо, тоже как бы про себя спросил Лронг.

— Нет, — сказала она просто. — Его убила я.

Они отшатнулись от нее — все трое, ненавидевшие своего повелителя и, наверное, не раз желавшие его смерти. Но она не могла позволить, чтобы хотя бы легкая тень лжи легла на память Сэнни.

— Он был хорошим правителем, — после долгого молчания проговорил Рахихорд. — Скоропалительный на месть — по молодости; с безвинными жесток — по необходимости, которая частенько давит на властителей этого мира. Ты еще не знаешь этого, юная госпожа нашей дороги. Мир и порядок царили на сей земле, и не было народа, который не завидовал бы нашему...

— А твоя семья? — запальчиво крикнула Таира.

— Я говорил о народе.

— А его бессердечность? Не вы ли мне рассказывали, сколько женщин он загубил?

— Они сами уходили из солнечного мира, потому что не могли добиться его любви, — укоризненно проговорил старый рыцарь.

— А тебя, златокудрая, он любил больше света белого, — напевно протянул шаман, и она поняла, что вот так сейчас начнут слагать песни о великой любви молодого князя. — Тебя, предначертанную...

— Вот именно! И он меня... То есть он хотел...

Она мучительно покраснела, потому что не могла объяснить этим троим мужчинам, каково это — почти голой быть прижатой к углу, когда под лопатками — шершавая стена, а в руке — оружие. Она вспомнила это с ужасающей, одурманивающей четкостью — и вдруг поняла, что сейчас она не выстрелила бы.

— Бедный светлячок, — проговорил Рахихорд, сложив руки на груди, так что они невольно сжались на маленькой серебристой погремушке. — Ты не могла знать, а вот сибилло, старый осел, мог бы догадаться. Я освобождал мальчика, когда его захватили мятежные вассалы. Они ведь тоже боялись за свою землю, потому что неистовый в своих желаниях властитель, достигнув поры мужества, мог найти равную себе — отмеченную, как и он, поцелуем анделиса, и на нашей дороге родились бы чудовища, каких не видел даже ледяной край... Оцмар не мог подарить тебе ничего, кроме бесконечной нежности. Потому что они не просто захватили его в плен — они лишили его мужеской благодати.

XVI. НЕОПЛАКАННЫЕ ЗВЕРИ

Стиснутая тонкими, врезающимися в тело путами так, что дышать было почти невозможно, мона Сэниа не сразу поняла, что кресло под ней плавно опускается. Она заметила это только тогда, когда над ней бесшумно сошлись

створки потолочного люка. Она оказалась в темноте. Позвать своих дружинников? Это нетрудно, и ее голос явственно прозвучит в командорской каюте ее спасительного корабля. Но как объяснить, где она находится? Надо подождать, пока ее отнесут в какую-то берестяную дыру, — она не сомневалась, что слова этого чернокожего фантазера с его бредовыми затеями относятся именно к ней. Но никто не появлялся, а кресло слегка накренилось вперед и плавно заскользило по широкой спирали, ввинчиваясь в темноту. Ее охватило злорадное веселье: этим варварам и в голову не пришло, что они толкнули ее на путь избавления: сейчас ее импровизированные санки наберут скорость, и нужно только представить себе спасительное *ничто*, через которое они промчатся, чтобы в следующий миг очутиться уже на корабле.

Она резко опустила голову, чтобы сосредоточиться, и этого небольшого движения хватило, чтобы кресло потеряло устойчивость, наклонилось... Если бы скорость была поболее, она просто размозжила бы себе голову. Но сейчас перед глазами вспыхнул сноп бенгальских огней, и она потеряла сознание.

Временами она на несколько мгновений приходила в себя, и тогда ей чудились то светящиеся в темноте стрельчатые ворота, то золотые статуи с солнечным диском вместо головы, между которыми она проплывала, чуть покачиваясь, словно летучий змей нес ее в ночных беззвездных небесах. Она собралась с силами и крикнула: «Дружина моя, ко мне! Я в подземелье!» — а может быть, это был только шепот; но ее услышали, и статуи ожили и тонкими шестами, на которые они опирались, разом ударили по спинке кресла, так что оно закружилось волчком, и она, теряя снова сознание от этой бешеной круговерти, поняла, что действительно плывет, только непонятно — куда, а скорее всего — кружится на месте, неотвратимо погружаясь в подземный водоворот.

Она окончательно пришла в себя оттого, что всякое движение прекратилось. Было по-прежнему темно и очень сыро; мокрые локти и брызги на лице говорили о том, что

плавание ей не почудилось. Она вслушалась в темноту: где-то внизу без плеска, но с глухим рокотом, как это бывает при стремительном течении по очень гладкому руслу, шумела вода; ровность этого гула позволяла надеяться, что она не прибывает. Вряд ли ее ложе случайно наткнулось на какую-то преграду или отмель — оно стояло недвижно, как вкопанное, и достаточно высоко над водой, чтобы это было случайностью.

Попытка пошевелить руками — а вдруг влажные пути ослабли? — успеха не имела. Неужели это и есть конец ее пути? Нет. Слишком нелепо. Все нелепо — а особенно сочетание воды и того, что было названо Берестяным колодцем. Она мучительно всматривалась в темноту... Нет. То, обо что ударялась вода, не могло быть мягкой древесной корой. Это камень. Что-то было не так. Она прищурилась и вдруг поняла, что темнота перестала быть непроглядной. Какие-то едва мерцающие волны плыли перед глазами, а горло щекотал едва уловимый дух драгоценной благовонной смолы. Она подняла глаза и увидела тусклый светящийся комочек, более всего похожий на большой одуванчик, тлеющий медным, с какой-то прозеленью светом. Он кружился прямо над нею в бездонной вышине не то колодца, не то башни; догадаться об этом было нетрудно по слабым отблескам стен. Затем появилась еще одна светящаяся точка, и в их мертвенном кружении мона Сэниа прочла наконец разгадку уготованной ей участи: это была горящая пакля. Не успевшая намокнуть одежда будет очень медленно тлеть на ней — так недалеко от воды!

— Ко мне! На помощь! Я в Берестяном колодце! — кричала она, уже понимая, что слышать ее некому, — поднятые ее первым призывом, джасперяне наверняка уже переворачивают весь дворец, отыскивая вход в подземелье. Но никому из них не придет в голову пуститься вплавь по погруженным во тьму каналам...

А излучающие золотое сияние шары приближались; их было уже около десятка, и каждый раз, когда они касались стен колодца, те занимались ответным огнем — но

зловещий поджигатель удалялся, и отблеск разгорающегося пожара тут же затухал. Постепенно к рокоту воды прибавилось нарастающее жужжание; светящиеся шары, снизившись настолько, что до них можно было бы дотянуться рукой — если бы не проклятые веревки! — зависли над связанной женщиной, и она с некоторым облегчением разглядела наконец, что это — громадные светляки, не иначе как спасающиеся от разгорающегося снаружи пожара. Их мерцание сливалось, образуя светящееся облачко, позволяющее рассмотреть эту необычную темницу.

Башня, естественным образом переходящая в подземный колодец, была непредставимо высока; абсолютно гладкие стены, без единой щелки, возможно, и сужались сверху, но здесь, у основания, между ними было шагов семь-восемь. Вот и все. Внизу — невидимая, но ощутимая по влажному дуновению вода.

Оставалось совершенно необъяснимым, почему этот мерцающий трубообразный склеп был назван берестяным. Если только не допустить... А ведь это скорее всего. Просто это другой колодец.

Не берестяной. Золотой.

Теперь она могла сколько угодно кричать, звать на помощь — все было бесполезно. Даже если бы она разорвала свои путы, ни перенестись отсюда хотя бы на один шаг, ни послать прощальное слово она уже не могла. Золото, которое спасло их в подземельях Джаспера, теперь надежно укрыло ее в мерцающей могиле. Круговерть воды, занесшая ее совсем не в то место, которое ей предназначалось, сделало свое дело, а пожар, горький запах которого уже затруднял дыхание, не позволил ее тюремщикам исправить эту ошибку.

Теперь она была отрезана от всего мира — мира этой окаянной Тихри, в котором круглой сиротой оставался ее крошечный Юхани. Она не сумела найти его, и теперь, даже если ему посчастливится выжить, он будет обречен на пожизненное скитание по пыльной дороге, ведущей к солнцу чужой земли, пригретый в варварском караване или еще хуже — в зверинце здешнего убогого князька.

Мысль эта была так нестерпима, что слезы отчаяния покатались по ее щекам, падая на руки, где уже высохли капли подземной реки...

Что-то шевельнулось у нее под плащом. Она вскрикнула — естественный для женщины ужас перед обитателями подземелий, которые на всех планетах имеют почти одинаковый вид. Она, оплакивая разлуку с сыном, не думала о себе, равнодушно готовая задохнуться в дыму или стать погребенной под развалинами этой башни. Но стать жертвой крыс, спасающихся от пожара...

Задержав дыхание, она тихонько опустила глаза — на ее коленях, уютно угнездившись в складках плаща, старательно вылизывал себе шерстку маленький, как белочка, зверек. Она твердо знала, что никогда в жизни не встречалась с такими большеглазыми пушистыми созданиями; но в то же самое время это существо откуда-то ей было знакомо. В переливчатом мерцании светляков она всматривалась в теплую палевую шкурку, кольчатый роскошный хвост, трепещущие вибриссы с бусинками на концах...

И вдруг вспомнила. Этот зверек был точной копией той игрушки, которую она подарила несчастному ребенку, убитому стражником. Только этот, живой, был раза в два крупнее, и, что странно, шерсть его была совершенно сухой — значит, он выбрался не из воды. Изумление ее было настолько велико, что она невольно прошептала:

— Откуда?..

Он встрепенулся и уставился на нее изумленными темно-синими глазами. Потом крошечная пасть раскрылась, и послышались цокающие и шипящие звуки, и, к не меньшему удивлению, мона Сэниа прекрасно поняла, что он сказал:

— Ты воскресила меня, потому что меня коснулась слеза жалости. Я — один из Неоплаканых зверей.

— Не... кем не оплаканых?

— Никем. Разве ты не знаешь, что после того, как люди истребили множество звериных семей, не оставив о них ни памяти, ни сожаления, последний волшебник Ёт-Хриёр-ёт

отправился на поиски еще уцелевших обитателей когда-то дремучих лесов нашей земли. И если он находил последнего из своей породы, он относил его в свою пещеру — последнюю пещеру на склоне еще не скрытой последней горы. А когда он почувствовал, что оставляет этот мир, то он взял с собой дыхание каждого из нас, завещав, что воскресить нас могут только слезы, пролитые не о себе. Но в нашем мире разучились плакать... Ёт-Хриёр-ёт говорил, что ледяной разум несовместим с горячими слезами.

— Как же тебя зовут?

— Шоёо. Я — последний из породы скользящих шоёо.

— Бедный Шоёо! Здесь тоже запахло смертью.

— Да, — печально отозвался Шоёо. — И волшебников тут нет.

Наступило молчание, нарушаемое лишь рокотом воды да жужжанием все прибывающих светляков. Зверек дышал бесшумно.

— Скажи, малыш, — прошептала она с едва затеплившейся надеждой, — острые ли у тебя зубы?

— Я грызу орехи, — облизнувшись при сладком воспоминании, отвечал Шоёо.

— Тогда мы еще можем подумать о спасении. Видишь эту веревку? Перегрызи ее!

Шоёо, не перебирая лапками, на брюшке скользнул вверх и вцепился зубами в тонкий золотистый шнур. Рванул — с ходу не получилось. Мелко дрожа, принялся вгрызаться в неподдающееся вервие. У принцессы мелькнула в голове леденящая мысль, что оно укреплено каким-нибудь заклятием.

— Шоёо, постарайся, другой возможности у нас нет...

Он переменил позу, вцепившись задними лапками в тугой жгут и помогая себе коготками передних. Что-то тоненько зазвенело, точно порвалась струна, и дышать стало немного легче.

— Получается?

— Да, только медленно, — тяжело дыша, отвечал Шоёо. — И вот еще: если я догрызу все до конца, у меня сотрутся зубы и я умру от голода.

— Не бойся, малыш, мы что-нибудь придумаем! Только перегрызи веревку, а там...

Лопнула еще одна невидимая струнка.

— Больно... — прошептал зверек.

— Шоёо, я прошу не о себе — если меня не будет в живых, скорее всего, погибнет и мой маленький сын. Я буду последней в своем роду, Шоёо...

Зверек выгнулся дугой, теперь он дышал не бесшумно, а с остервенением — так рвут на клочки смертельного врага. Трудно было представить, что прелестный невесомый в своей пушистости зверек способен на такую ярость.

Тоненько тенькали рвущиеся золотые нити. Клуб дыма ворвался в верхнюю часть башни, светляки разом спикировали вниз и теперь мельтешили где-то над самой водой. Сразу стало темнее.

— Шоёо, если ты не поторопишься, мы просто задохнемся!

Разом лопнуло еще несколько нитей, и мона Сэниа, закусив губы, рванулась изо всех сил. Зверек с писком упал обратно ей на колени, истончившийся шнур врезался в тело — и лопнул. Не давая себе ни секунды на то, чтобы хоть немножко размять затекшие руки, она выхватила из-за пояса кинжал и начала пилить путы на ногах. Только сейчас она поняла, каким же мучением было ее освобождение для крошечного создания! Еще немного усилий... Все. Ноги тоже были свободны. Теперь — как повезет. Если и трубы, по которым утекает отсюда вода, покрыты хотя бы тонким слоем позолоты — это конец. Но если золото только на внутренней стороне башни, то надежда оставалась. Слабенькая, но все же. Она скинула плащ, сунула притихшего Шоёо за пазуху и, набрав побольше смрадного, прогорклого воздуха, бросилась вниз, сквозь мерцающее облачко светляков.

Вода приняла ее почти без всплеска и сразу потащила куда-то вправо, не давая погрузиться на самое дно. Там уже не было канала — только узкое жерло тоннеля, в которое ее втянуло, как еловую шишку. Выбросив руки вперед, она сильным толчком послала свое тело как

можно дальше от непроходимой для нее башни. Бессознательно подлаживаясь в такт ударам сердца, она отсчитывала гребки: раз... два... три... четыре... пять — через *ничто!*

Когда последний из дружинников возвратился в командорский шатер, неся на своем плаще чешуйки неостывшего пепла, Эрм первый преклонил колени, и все последовали его примеру. Так и застыли они, стиснув свои мечи, остриями вонзенные в пол, в безмолвном обряде поминовения. Они не оплакали лорда Асмурса, оставшегося на заре их походов в безвестной могиле Серьги Кентавра, и сейчас, опершись лбом о сжатые руки, каждый из них думал о двух командорах.

Это кольцо коленопреклоненных воинов было таким отчужденным в своей скорби, что ни Таира, ни тихриане, как ни горевали по погибшей, не осмелились войти в командорский шатер и разделить с джасперянами их суровый обряд поминовения. Сквозь овальный дверной проем девушка глядела на согбенные фигуры в наглухо застегнутых полускафандрах и не могла заставить себя думать о том, что под одним из них спрятан похищенный амулет. Ощущение нереальности происходящего, не покидающее ее ни на минуту, стало просто нестерпимым, и шелковистое, туго обтягивающее ее платье приобрело вдруг нежную влажность человеческих ладоней; и неповторимый, различимый только ею запах то ли горных цветов с Дороги Строфионов, то ли... И голос. Не слышимый никому голос: «Побереги ее, деллу-уэллу...»

Раздался громкий всплеск — именно таким был звук, с которым ее ручные морские котики выпрыгивали на борт бассейна. Сейчас она не удивилась бы ничему, даже появлению в командорском шатре обитателей земных океанов. И уже без малейшего изумления она поняла, что фигура в тусклом полускафандре, возникшая прямо на полу, в частоколе обнаженных мечей, — это принцесса, несомненно живая, но вот только надо посмотреть, насколько невинная.

Таира заставила себя встряхнуться, сбрасывая дурман наваждения, и метнулась к еще не вышедшим из оцепенения дружинникам. Первое, что ей бросилось в глаза, была лужа, которая расплзалась вокруг тела, затекая под острия мечей.

— Да вы что, остолбенели? — крикнула она, расталкивая их и наклоняясь над принцессой. — Помогите перевернуть на спину... Да теплых вещей, одеял! И подогретого вина!

И тогда наконец поднялась необходимая чудовищная суета.

— Так, принесли? А теперь все мужчины — вон!

Откуда-то сверху слетел Кукушонок и принялся помогать девушке расстегивать скафандр, умело орудуя твердым клювом.

— Ой, — вдруг отпрянул он, потряхивая хохолком, — а это еще кто?

— Ой, — как эхо, послышалось в ответ, — а ты сам — тоже Неоплаканный?

Мокрый дрожащий зверек, которого она приняла было за котенка, выполз из складок одежды. Они с Кукушонком разглядывали друг друга в каком-то радостном изумлении.

— Один момент, — пробормотала Таира, ломая ногти на непривычной застежке. — Сначала люди... звери жизнеспособнее.

— Я бы не сказал, — тихонечко прошептал Шоёо.

Словно разбуженная его голосом, мона Сэниа приоткрыла глаза. Она безразлично, словно не узнавая, поглядела на зверька, потом ее взгляд остановился на Таире, став сразу каким-то холодным и оценивающим.

— Ты теперь... — проговорила она каким-то простуженным слабым голосом.

— Слушай, не надо об этом, — прервала ее девушка. — Пусть никто не знает!

— Разошли гонцов, — холодно приказала принцесса. — Ищи!

И она снова закрыла глаза.

Некоторое время спустя Таира появилась на орешниковой поляне, куда — чтобы не привлекать внимания тех, кто бредет по пролегающей недалеко отсюда дороге, — вынужден был укрыться после пожара корабль джасперян.

— Дайте ей отдохнуть, — сказала она, подходя к дружинникам, расположившимся на уже отцветшей, но еще душистой траве. — С тех пор как мы очутились здесь, она, наверное, и двух часов не проспала. Или нет?

Напряженные лица были хмуры. Одинаково хмуры. Свои защитные одежды они оставили в каютах, и, естественно, ни на одном из них не видно было амулета, который мог бы его выдать. Кое-кто обтирал кожистыми, похожими на табак листьями свой меч. И это не улика — тот, кого хотели найти тихриане, наверняка явился с безупречно чистым оружием. Недаром они предупреждали, что проклятие анделиса делает свою жертву не только необузданной, но и дьявольски хитрой. Ну ладно, договорились же не показывать вида — нужно поговорить о чем-нибудь нейтральном. А аксакалы пусть поглядывают со стороны.

— Да, между прочим, у нас прибавление семейства, — с огромным усилием переходя на беззаботный тон, проговорила она. — Как тебя величать, говорящая зверушка?

— Шоёо.

— А почему ты такой грустный? Или мне кажется?

— Нет, не кажется. Я голодный.

— Ну, это мы поправим. Чего тебе хочется, зверушкаторушка?

— Орешка...

— Скюз, слышал? И на мою долю.

— Я тоже разомнусь, — словно и не было безнадежного метания в пламени пожара, заявил Флейж.

Костяная лапа неминуемого несчастья сдавила горло.

— Прелестно! Ты — сюда, а ты — туда. Чтобы разненьких.

Она вдруг каким-то сторонним зрением отметила, что распоряжается джасперянами так же легко и властно, как

если бы и они были ее подданными. Вот что значит ощущать на своем теле воистину королевское платье. И знак власти, между прочим.

— Это бесполезно, — еще тише пробормотал пригревшийся на ее руках Шоёо. — Я перегрыз золотую веревку...

Она осторожно двумя пальцами приподняла мордочку зверька — так и есть, крошечная пасть, показавшаяся ей очаровательно-розовой, вся в крови. Она задумчиво поглядела на троих тихриан, расположившихся поодаль, и решительным шагом направилась к ним. Так вот как освободилась Сэнни! А открыв глаза, даже не обмолвилась о том, чего не могла не заметить...

— Достопочтенный сибилло, — не терпящим возражения тоном проговорила она, — ты как-то шутики ради удлинил мои волосы — помнишь? Так вот, отрасти этому верному доброму Шоёо его зубы.

— Тварь сия не тихрианского естества, сибилло не уверено... — завел он плаксивым речитативом.

— Заточу. — В ее спокойном тоне даже не было угрозы — просто непреложное решение выполнить обещанное.

Во взгляде старого рыцаря Рахихорда блеснуло неподдельное восхищение. Но она тихонечко, одними бровями и ресницами повела в сторону молчаливых воинов, понуро замерших в резной тени орешниковых ветвей, — мол, смотреть не на меня. На них. И повнимательнее. Потом протянула сибилле несчастного зверька, повернулась на пятках, так что расшитое драгоценностями платье раздулось колоколом, и поплыла, едва касаясь травы, к кораблю. Надо посмотреть, как там Сэнни. Тихриане при деле, дружинники в полной растерянности — одинаковой растерянности. Ведь все поиски надо начинать сначала, и никаких отправных точек. Единственное, в чем можно быть уверенным, это то, что Юхани не погиб в пламени, — ведь если бы он был во дворце, Оцмар не утаил бы этого перед смертью...

Она невольно оглянулась на страшный костер, полыхавший совсем близко, километрах в двух отсюда. Иногда сильный порыв ветра доносил до них такой жар, что каза-

лось — роща, обступившая их корабль зеленой подковой, тоже зардеется огнем. Легкие деревянные постройки, похоже, уже догорали; теперь очередь была за подвалами и подземельями, которым выгорать не один день; густой курчавый дым выливался из нетленных стен, сложенных из гигантских камней, точно из переполненной чаши, и густой смрадной пеленой растекался по окрестностям. Но обитатели дворца, и впрямь немногочисленные, уже успели отбежать на спасительное расстояние, и теперь единственными жертвами пожара были случайные молвь-стрелы, янтарными ракетами прочеркивающие над рощей и, не успев ни свернуть, ни утишить свой стремительный бездумный полет, влетавшие прямо в пламя.

И только — символ нерушимости княжеской власти — высилась ступенчатая башня, наполненная сокровищами, как раз между городской стеной и укрывающей корабль рощей, как бы напоминая Таире слова Кадьяна: «...каждому ты дашь втрое против утраченного...» Нет, не сейчас. Погорельцы немного потерпят, здесь нет холодных и страшных ночей. Сначала — поиски того, второго проклятого. После возвращения принцессы это стало первостепенной задачей, если не сказать — бедой. И как бы пригодился сейчас Кадьян с его проницательностью! Но у нее почему-то не было уверенности в том, что ей доведется увидеть это странное, уродливое создание еще раз. Во-первых, он знает, что она никогда не простит ему гибель принцессы, а ему ведь еще неизвестно, что она уцелела. И потом — его слова: «Если я служу, то служу честно». Выходит, он сам решает, служить ему или нет. С Оцмаром ему было, видите ли, интересно... А на нее он глядел уныло, как на куклу своего бывшего государя. И ни разу — как на женщину...

И словно в ответ на ее мысли, со стороны горящего города раздался грохот. Видно, огонь добрался до склада то ли пороха — если его здесь, по несчастью, изобрели, — то ли чего-то подобного. Над верхушкой зиккурата взмыл огненный сгусток, на секунду неподвижно завис и ринулся прямо к роще. Когда он закладывал крутой вираж над

головами не ожидавших такой напасти людей, она уже знала, что это. Гротун. Да, прошло как раз столько времени, чтобы добраться до вершины «лягушечей» горы. Но слишком мало, чтобы успеть хотя бы взглянуть на хранилище голубого золота...

Меняющая на глазах свой цвет огненная махина снизилась, скользнула брюхом по затлевшей траве и замерла. И джасперяне, и рыцарь Лронг схватились за оружие.

— Отставить. — Она повелительным жестом воздела руки. — Это мой слуга.

И она быстрым шагом направилась к остывающему Гротуну. Задний люк развернул свои лопасти, и горбун соскочил на землю. Надо было успеть поговорить с ним если не без посторонних глаз, то хотя бы без чужих ушей.

— А ты ведь мог не возвращаться, — надменно проговорила она. — Почему ты вернулся, Кадьян? Отвечай, только без всяких придворных изворотов. Попросту.

Он оглянулся на горящий город, и не без растерянности. Было видно, что подобной постановки вопроса он не ожидал.

— Я смотрел сверху на горящее Пятилучье, повелительница, — проговорил он наконец. — Значит, ты будешь строить новый город. Такой город, какие стоят на твоей земле. Если они столь же чудесны, как и корабль, на котором ты прилетела...

— Одним словом, тебе стало интересно, — закончила она за него. — Ведь так?

Он молча поклонился.

— А когда тебе станет неинтересно, ты просто покинешь меня, даже не предупредив?

— Я скажу тебе об этом, повелительница.

— Значит, ты не сможешь мне солгать? А если придется? Есть такое выражение: ложь во спасение. А?

— Тогда я просто промолчу.

— Прелестно! Тогда ответь мне, верный слуга Кадьян: а ты сам не отмечен поцелуем анделиса?

Он изумился так искренне, что она поверила ему прежде, чем услышала ответ:

— Нет, конечно. Иначе я был бы князем...

— Ты и сейчас мог бы им стать. Отобрать у меня, пока не поздно, знак власти, сослаться на завещание Оцмара — что проще?

— Это неинтересно — повелевать людьми.

И тут она поверила ему сразу и безоговорочно.

— Тогда еще вопрос: а если бы ты был... как у вас тут называют — проклятым, ты почувствовал бы, если бы кто-то из нас тоже был таким... замороженным?

— Сибиллы утверждают, что — да. Разгадал же Полуденный Князь ту... ту, которую...

— Ты чуть не отправил в огонь? Не беспокойся, она жива и здорова.

На это сообщение он только повел густыми, как сапожная щетка, бровями:

— Тебе и это удалось, повелительница?

Ей почему-то тоже не захотелось кривить перед ним душой. Опускаться ниже этого выродка, убийцы, средневекового палача? «А ты сама что, лучше?» — не удержался внутренний голос. Платье зашелестело, тихонько касаясь ее ног. Да, вышло по-твоему, Полуденный Князь, только ты не подумал, что это останется с твоей деллой-уэллой на всю ее жизнь...

— Ее спасла не я, — сухо проговорила она. — И мне очень не хотелось бы, чтобы вы столкнулись тут нос к носу. Убьет.

— Ослушаться моего повелителя я не мог, — проговорил он с прежним полнейшим равнодушием.

— Интересно, а если бы я приказала тебе убить... меня? Тоже послушался бы?

— Я служу честно.

— Ой, ты доведешь меня до заикания. И Сэнни может проснуться. Поэтому самый главный вопрос: скажи, тебе попадалась Солнечная Книга?

— Книга Заклятий? Разумеется.

— И там был способ, ну рецепт, как избавиться от этого анделисова наваждения?

— Да, повелительница.

— Так что же ты не спас своего князя?

— Слова туманны...

— Все-то вы ссылаетесь на туман! Надеюсь, книгу эту вы догадались хранить, как величайшее сокровище, в каменной башне?

— Покойный князь любил читать ее. Она всегда лежала в его спальне.

Таира схватилась за голову и прямо-таки замычала от досады:

— Хранить какие-то побрякушки, жемчуг, а книги...

Он опять посмотрел на нее с уважением, и это взбесило ее окончательно — дались ей его симпатии!

— У тебя что, не хватило ума забрать ее с собой?

— Зачем, повелительница? Я помню ее от корки до корки.

В какой-то миг ей захотелось даже встряхнуть его за плечи, но тут же она почувствовала, что прикоснуться к нему ей противно.

— Читай! — приказала она. — Медленно. Я буду запоминать.

Он опустил на колени, поднял на уровне груди ладони, словно держал открытую книгу, и размеренно, без всякого выражения процитировал:

«Когда стрела стрелу догонит на лету,
Когда гора в траве вернет себе свободу,
Пусть тот, кто за тебя готов гореть в аду,
Из ада принесет тебе живую воду».

Она изумленно раскрыла глаза:

— И всего-то? А я думала... Ну, насчет живой воды сибилло сообразит, а что касается ада — разве он у вас имеется?

— Есть такое место на земле Строфионов. Гротун знает туда дорогу.

— Чудно! Теперь только бы успеть. Ты пока иди, тебе тут дольше оставаться небезопасно. Что ты говорил о возмещении ущерба? Вот и займись. От моего имени. И

завтра будь вон за тем валуном в это же самое время. Только еще одно: ты можешь исчезнуть без традиционного грохота?

— Да, повелительница.

Она, не попрощавшись, повернулась и побежала к своим аксакалам, то и дело наступая босыми ногами на опавшие орехи. Надо было велеть Кадьяну... Она оглянулась — на том месте, где только что стоял коленопреклоненный горбун, уже никого не было. Исчез, как и было велено, бесшумно.

Шоёо, замороженный заклинаниями сибиллы, тихонечко дремал на коленях шамана, и его живая золотящаяся шерстка едва заметно колыхалась в такт дыханию. Но не было времени даже спросить, всё ли в порядке, — пришлось торопиться, пока не было рядом никого из джасперян.

— Я узнала, — чуточку задыхаясь от быстрого бега, проговорила она, опускаясь перед шаманом на траву. — Слушайте внимательно, это, правда, не заклинание, но что-то вроде пророчества...

Без выражения, чеканя каждое слово, она прочла им четыре строки, заученные ею с одного раза.

— Да, — прошептал изумленный шаман, — сибилло вспомнило... Истинно есть. Вспомнуто, дабы была уяснена суть. Но коловращение словес...

— Стоп, — прервала она его, хлопнув себя ладонью по коленке. — Времени в обрез. Если кто что-нибудь понял, пусть говорит вразумительно.

Шаман пристыженно потупился. Старый рыцарь откашлялся, отчего Шоёо испуганно вытаращил на него сонные глазки.

— Если позволишь сказать, то я вижу в сих заветных строках не менее четырех загадок. Во-первых, на нашей дороге давно уже не пускают стрел — это оружие разбойников и грабителей, да вот на Дороге Свиньи оно еще в ходу. Но соорудить нехитро, из одного лука я пушу стрелу со своей слабой рукой, а из другого — сын мой, рукой несоразмерно мощной. Догонит. Но не слишком ли просто?

— Иносказанны слова сии! — запальчиво выкрикнул шаман.

— Тише! Не привлекайте внимания. Что во-вторых?

— Гора. Нет на нашей дороге ни горы, ни бугра поросшего, чтоб был он кем-то захвачен.

— Может, о сопредельных землях речь? — неуверенно вставил Лронг.

— Тогда это не освобождение, а захват, — резонно заметила Таира. — Так, гора тоже под вопросом. Что в-третьих?

— Живая вода. Сомнительно...

— Пивало сибилло живую воду! — Шаман каждый раз бросался отстаивать свою точку зрения, точно насадка на кошку. — Отпаивали сибиллу, отхаживали. Как раз после заточения. Много было дано...

— Так, принимаем на веру, что живая вода существует. Но где?

— Это четвертый вопрос. Адом величают царство ночи, а она покрывает половину Тихри.

— А вот и опять не знаешь! — прямо-таки ликовал сибилло. — На Строфионовой Дороге, чуть поодаль от нее, четыре горы — Стеклянными зовутся, ибо пронзают прозрачными вершинами даже самые высокие облака. Посеред них — пятая, пониже, смрадный дым источает, а когда увидит пролетающих анделисов — огнем в них плюется. Так вот. За то Адовой и прозвана. Там, в ложбине меж Адовой и самой высокой из Стеклянных гор, источники бьют, и лишь один из них — живой. Сибилле многие истины...

— Понятно, — кивнула Таира. — Благодарю. Я бы на месте Оцмара всегда держала тебя при себе. Но остался пятый вопрос, не затронутый вами, — кто пойдет?..

— Я, — просто сказал Лронг.

Шаман вытянул губы трубочкой:

— У-у, герой какой! На рогате, что ль, поскачешь? А о том ты подумал, что Стеклянные горы уже за чертою ночи, и не менее чем трижды три преджизни? Даже если и долетишь туда на строфione крылатом, вмиг в хрустальный столб обратишься.

— Минуточку, минуточку. Строфионы — это народ?

— Птицы это бескрылые, — ответил помрачневший Лронг. — По Дороге Свины на кабанах ездят, у Анни-хитры Полуглавой — на горбатых котах, а у Лэла — на строфионах бескрылых. Правда, говорят, в княжеских стойлах один крылатый содержится — тамошний сибилло опахала ему приживил.

— Ладно, легенды мы сейчас оставим. Тем более что лететь за живой водой должен... Нет, не сейчас. И помните: мы говорили только о Шоёо.

Замечание было кстати: из орешниковой молодой поросли с медвежьим треском выламывался Флейж.

— Воду нашел! — заорал он, прижимая к груди полные горсти орехов. — Умываться, други мои!

Покрытые копотью дружинники, хмуро глядевшие на пылающий город, разом оживились. Как и на каждом корабле, чистота тут стояла на втором месте после доблести.

— Родничок небольшой, но чистый. — Флейж присел на корточки перед сибиллой, сунул орех за щеку, щелкнул. — Держи, зверюга, и помни мою доброту. Тира, Скюз уже там, у воды...

У нее отлегло от сердца — только сейчас почувствовала, как все это время непроизвольно прислушивалась к доносящимся из глубины рощи звукам.

— Подождет, — с капризным небрежением бросила она. — Мне с Эрмом перемолвиться надо.

Эрм слегка удивился, но потом махнул рукой товарищам — идите, мол, я вас догоню, тут детские секреты.

— Поосторожней — там эти гуки прыгучие шастают! — крикнул Флейж и как ни в чем не бывало продолжал лущить орешки. Таира почесала себе кончик носа — нет, в сыщики она определенно не годилась! — и, взяв Эрма за пуговицу, потащила его к кораблю. Тихриане с опаской поглядывали ей вслед, но она-то была уверена, что Эрм — единственный, на кого она могла положиться. Потому что тот, второй проклятый, уже знал, что в крытых носилках на склоне горы — она, а не принцесса. И

на кой черт ему было возвращаться за ней во второй раз? Какая-то тень подозрения мелькнула у нее — ведь если бы это был Эрм, то он мог пойти и на такую уловку: явиться как ни в чем не бывало вслед за Гуен, «спасти» заблудившуюся девочку...

Но она тут же отбросила это предположение. Во-первых, в адовом кострище, где метались джасперяне в поисках своего командора, не очень-то напридумываешь всяких уловок. А во-вторых, она держала Эрма за пуговицу камзола, и нужно было не мешкая на что-то решаться.

— Сядем-ка на порошке, — сказала она, подводя своего невольного спутника к отверстию, ведущему в один из малых корабликов. — А дальше ты будешь слушать меня и не требовать доказательств, потому что у меня нет на это времени. Сейчас нужно спасать принцессу... и одного из вас. Нет, не тебя. Скажи, ты можешь нарушить приказ, которого не было?

Если до этого он слушал ее с удивлением, то теперь оно перешло все границы.

— Ты хочешь сказать, что этот приказ только подразумевался?

— Вот именно. Я имею в виду отца маленького Юхани.

Лицо бывшего воина словно окаменело — он молча глядел на девушку, хотя уже догадался о том, что она скажет.

— Вы не раз хвалились, что можете перенести через свое *ничто* не только человека, но даже всадника с лошадью. Скажи, ты можешь прямо сейчас — сейчас, не откладывая ни на минуту, — отправиться на Землю и притащить с собой сюда Юрия Брагина?

— Принцесса не желает его не только видеть, но даже слышать о нем. — В его голосе зазвенели льдинки.

— Вот именно поэтому я и спросила, готов ли ты для ее спасения пойти против ее воли? Тем более что она не увидит его и не услышит о нем, пока сама этого не захочет?

Он глядел на нее во все глаза и не узнавал. Куда подевалась юная причудница, у которой и всех забот-то

было — посоперничать в своеаравии с самой принцессой? Собственно говоря, он знал только то, что владелец этого города-дворца умер, а женщины по чьему-то приказу были разлучены. Да, еще кто-то напал на стражников, окружавших носилки, и сотворил с ними такое, что показалось ему чудовищным даже в этой варварской земле. И тогда она была еще дрожащей девочкой, повторявшей только: «Домой, домой...»

— Сейчас мы пойдем к ручью, — продолжала она, и в ее тоне была непререкаемая властность, удивительно сочетающаяся с царственным нарядом, — где-нибудь за ним мы выберем укромное место, где будет ждать вас Лронг. Ты ведь помнишь берег озера, где стоял на Земле ваш корабль? Помнишь настолько отчетливо, что сможешь очутиться там в любой миг и тебе не понадобится для этого даже малый кораблик?

Он только кивнул.

— Сейчас никому ничего не объясняй. Я уж тут как-нибудь... отоврюсь.

— Но как я найду командора Юрга?

— А тебе не потребуется его искать — как только станет известно, что кто-то из джасперян появился на острове, это прогремит по всему миру. И он будет первым, кто примчится к тебе.

— И что я должен сказать ему?

— Только одно: чтобы прихватил с собой скафандр высокой защиты. Остальное — здесь. Идем. И по дороге — ни слова, нас могут услышать.

Она поднялась и с сомнением поглядела на свои босые ноги.

— Ой, еще секундочку — лес все-таки чужой...

Она впорхнула в отверстие люка, сразу превратившись в прежнюю легкокрылую девочку, которую тихриане так безошибочно окрестили «светлячком». Пробралась, стараясь ступать бесшумно, в командорский шатер.

Мона Сэниа была там же, где она ее уложила, — на пушистых шкурах, забывшаяся тяжелым сном.

На прежнем месте был и узелок с вещами, переброшенный сюда из чертогов Оцмара.

Только теперь сверху, на потертой замшевой куртке, отчетливо поблескивал мерцающий узкий флакончик — амулет.

Она совершенно не способна была ориентироваться во времени, как, впрочем, это частенько бывает с капризными людьми, для которых самое наиглавнейшее — их минутная прихоть, независимо от возможности исполнения ее в пространстве и времени. И свои часы она оставила, кажется, на бортике бассейна — там, на острове. Так что трудно было мысленно прикидывать: вот сейчас береговая охрана заметила человека на заповедном берегу. Посылают вертолет. Выясняют кто. Ого, какой радиотелебум! Юрий Михайлович мчится — вот только откуда? Может, уже и примчался. Достает где-то и через кого-то требуемый скафандр. Похоже на истину, ведь прошло часов пять. На острове, вероятно, ночь, а на пепелище Пятилущья — непонятно что, потому как сигнальный огонь зажигать и негде, и глупо. Да, похоже, что и здесь припозднилось, вон оба старика носами клюют, покачиваются, точно напевают про себя: «Когда стрела стрелу-у догонит на лету-у...»

У нее самой это коротенькое пророчество-заклятие не выходит из головы. Простота предельная. И решение где-то совсем на поверхности...

Она замотала головой, словно пыталась вытрясти из нее навязчивые мысли, как сосновые иголки — из волос. Она знала, что это надежный способ: заставить себя забыть, а потом разом вспомнить — как в жару да под ледяной душ. И — осеняет. Сейчас не получалось главного: забыть.

Она перевела взгляд со своих аксакалов, так и не согласившихся отправиться на покой в какую-нибудь каюту, на молчаливых дружинников, сгрудившихся вокруг костерка, за который сейчас под гаревой пеленой неутихающего пожара можно было не опасаться. Они

долго и хмуро перебрасывались скупыми, неслышными отсюда, от корабля, словами, потом и вовсе замкнулись в своих думах. Первое время ее восхищала их слепая преданность и безоговорочное повиновение своему командору. Потом безграничность этих качеств стала приводить ее в некоторое недоумение. Сейчас она ее попросту бесила. Вот проснется принцесса, сориентируется в обстановке, отдаст приказ — и они пойдут куда угодно, хоть в огонь, хоть в черную дыру. Но ни один не скажет: мы тут подумали и можем предложить тебе встречный вариант действий...

Да. Если на Тихри самое раннее средневековье, то на их хваленном Джаспере — не более чем позднее. Она закусила губу, чтобы не фыркнуть: вот уж никогда не думала, что ей впервые в жизни придется целоваться со средневековым рыцарем. Да еще инопланетным. Хотя... Говорят, рыцари только в романах были образцом благородства. А на самом деле — хам на хаме. Так что Скюз на реального рыцаря не тянул. Особенно после того, как упустил крэгов. До той злополучной поры он был самым метким стрелком, а потом стал последним растяпой. Во всяком случае, он так сам считал. Если бы сейчас, на пожаре, он отыскал принцессу и спас ее, плюс и минус компенсировались бы. Тоже рыцарская арифметика. А сейчас он с самой разнесчастной миной таскает валежник и даже не смеет поглядеть в сторону девушки. Ну, ничего. Вот доставят сюда Юрга, наведет он здесь полный порядок — тогда можно будет подумать, а не вернуть ли синеглазому Лелю прежний счастливый вид.

В том, что это исключительно в ее власти, она даже не сомневалась.

Теперь ей оставалось самое неприятное — ждать. Она зябко повела плечами и поерзала, устраиваясь поудобнее на своем порошке. Надо бы пробраться в Скюзову каюту за чем-нибудь тепленьким, но Сэнни должна была вот-вот проснуться, да и Лронг уже давно караулит за ледяным ключом, бьющим прямо из-под кустов орешника. Этому

ничего не пришлось объяснять, ни кто такой Юрг, ни зачем ему необходимо появиться здесь незамеченным. Как хорошо, что он с ними — огромный черный джинн из прабабушкиных сказок. Как хорошо, что теперь он свободен от своих обетов..., Травяной Рыцарь! И где-то теперь его смешная юбочка, сплетенная из стебельков?..

В глубине груди, куда опускается дыхание, булькнул серебряный пузырек. Догадка поднялась из глубин подсознания. «Когда гора в траве вернет себе свободу...» И уже совершенно четко, не затеняемая ни малейшим сомнением, встала перед глазами другая картина: стремительная, как белая молния, Гуен в погоне за канареечной тихрианской вестницей. И этот тоже — «Когда стрела стрелу догонит на лету».

Условия выподнены. Уже.

Она упруго оттолкнулась от нагретшегося порога, где промаялась в догадках столько времени, — и в тот же миг властная рука легла на ее плечо.

— Я думаю, сейчас не время для маскарада, — холодно проговорила принцесса. — Оденься по-походному.

Таира медленно повернулась и спокойно поглядела на нее снизу вверх, что нимало не создавало у нее ощущения подчиненности.

— Здесь мне повинуются. Я сниму его, когда в повиновении не будет нужды.

Надменные губы дрогнули, но, по-видимому, мона Сэниа достаточно быстро оценила обоснованность этого возражения.

— Все в сборе? — Ее глаза обежали кружок джасперя, как бы пересчитывая их, в какой-то неуловимый миг уголки губ чуть приподнялись, голова с легким вздохом запрокинулась — так подсчитывают свои силы перед новым боем. Похоже, подсчет был удовлетворительным.

Таира тоже повторила ее мимику, и совершенно невольно: она теперь знала, что не ошиблась — принцесса нашла глазами кого-то, и это был не Эрм. Она рассчитала правильно.

— Нет Эрма, — будничным тоном доложила девушка. — Я по... просила его последить за Кадьяном.

Этот вопрос у нее был продуман — только вот с языка чуть было не сорвалось неуместное «послала», что могло бы обернуться очередной кошкой, коих и без того достаточно пробегало между ними.

Но эта секундная заминка не ускользнула от чуткого внимания принцессы:

— Ты? По какому праву?

Девушка выпрямилась. Платье Оцмара поддерживало ее властными шелковистыми ладонями.

— Да черт побери, Сэнни, — по праву человека, который один раз качал на руках твоего Юхани! — Она старалась сдерживать свой голос, чтобы хоть дружинники, замершие у костерка, не услышали их перепалки. — Кадьяну я не доверяю, сама понимаешь. А без него пока не обойтись.

Но эта реплика словно и не коснулась слуха принцессы — она решительно направилась к костру.

— Все на корабль, — скомандовала она. — Не будем терять ни минуты. Хватит осматривать достопримечательности — мы будем просто жечь города, один за другим, как вот этот. На Оцмаровой дороге и на сопредельных — тоже. Когда вернется Кадьян? — бросила она через плечо.

— Ориентировочно — здешним утром, — неопределенно ответила Таира.

— До этого времени мы многое успеем.

— Я остаюсь.

— Что?!

— Я остаюсь на этом месте. Ждать Кадьяна, — кротко проговорила девушка, пряча руки за спиной.

— Скюз, на корабль ее! А вы, — принцесса резко обернулась к тихрианам, даже не замечая отсутствия Лронга, — вы, если хотите, пока можете остаться. А когда...

Слова замерли на ее губах — снеговой омут вихрился на том месте, где только что стояла Таира. А вот уже и ничего там не было.

— Найти ее! — вне себя от бешенства крикнула женщина.

— И не пытайся, — тихонечко прозвучало у самого корабля.

Независимо от того, слышали дружинники эту последнюю реплику или нет, они гурьбой ринулись выполнять этот вполне бессмысленный приказ. Таира, беззлобно усмехаясь, двинулась им навстречу, уже намечая себе промежуток между степенным, увереннодвигающимся по прямой Борбом и круто забирающим вправо к тихрианам ссутулившимся Флейжем.

Неощутимо проскользнув между ними, она заняла место у самого костра, прекрасно понимая, что уж тут-то ее искать никто не додумается.

Не додумались. Флейж, наклонившись над стариками, о чем-то тихо их расспрашивал. Они качали головами, едва заметно улыбались. Таиру вдруг осенило: да ведь они уже принимают ее за свою, она стала частицей их мира — маленькая повелительница, против которой бессильны могучие воины. Сказка продолжалась, только теперь у нее была новая роль, и пока с этой ролью она как минимум справлялась. А не справиться она просто не имела права — ведь все ниточки происходящего были в ее руках, она одна располагала полной информацией о том, что произошло и как все поправить. Теперь только бы никто не помешал...

Она подождала, пока Флейж отойдет, и, едва ступая, чтобы никто не заметил пригибающуюся под ее босыми ступнями траву, на цыпочках подобралась к старикам сзади. Наклонилась. Шоёо лежал на коленях шамана кверху сытым округлившимся животиком, и ей страшно захотелось погладить его по этой лоснящейся лайковой коже, но мерцающая ограда, видимая сейчас только ей самой, не позволяла дотронуться ни до чего. Счастье еще, что голос она пропускала.

— Ш-ш-ш, — тихонечко прошептала она, невольно прикладывая палец к губам, словно старцы могли увидеть этот жест. — Не подавайте вида, что вы меня слышите.

Оставайтесь здесь во что бы то ни стало. Если, конечно, лес не загорится. Ждите. Рано или поздно вернется Лронг, он принесет ту воду, которая требуется. Да, да, живую. Скажи, мудрый сибилло, ты сможешь придумать предлог, который заставит принцессу выпить эту воду?

— Сибилло сделает как надо, — не шевельнув губами, каким-то нутряным голосом возвестил шаман. — Но разве...

— Никаких «но». Дадите ей воду — и все. И тогда тебя, досточтимый сибилло, никто не посмеет изгнать из княжеского каравана. Только оставайтесь здесь и ждите. Ждите.

Сибилло так низко наклонил голову в знак повиновения, что сивые прядочки усов и бровей упали Шоёо на животик. Тот подпрыгнул на спине и тут же свернулся калачиком, защищая брюшко.

Таира хихикнула и отступила назад. Шоёо выпростал нос из пушистого хвоста и принюхался. Потом устался на то место, где, согласно запаху, должен был находиться человек. Чуткие ушки с шоколадной оторочкой напряглись. И Таира поняла, что, глядя сквозь нее, он заметил то, что пока не видно остальным.

Она обернулась — из-за замшелого валуна выглядывал Лронг и старался объяснить что-то своему отцу при помощи жестов, которые абсолютно не поддавались расшифровке.

XVII. ЭТО И ЕСТЬ АД

Юрг опомнился первый и, переведя дыхание, попытался расцепить смуглые руки, обхватившие его с такой силой, с какой только можно держаться за край шлюпки во время кораблекрушения.

— Дай на тебя посмотреть-то, — взмолился он. Таира подняла на него заплаканное лицо. — Только похорошела еще больше, черт бы тебя побрал, сумасшедшая девчонка! Представляешь, что там с отцом?

— Хорошо, что вы так быстро... — пробормотала она виновато.

— Быстро! Да мы со Стаменом не уходили с берега с тех пор, как там появилось письмо. Остановка была только за скафандром... Говори. Быстро и честно. Сэнни жива?

Он обхватил ладонями ее голову, заставив глядеть себе прямо в глаза. Она удивленно заморгала:

— Да жива, конечно. Кто бы посмел...

Эрм, стоявший чуть поодаль, смущенно кашлянул. Таира скосила на него глаза — ага, про Ю-Юшеньку он проговорился; это видно.

— Да, — подтвердил ее догадку Юрг. — Про сына я из него вытряс. Иначе я бы его просто убил и куда не попал. Но что за проклятье — не понимаю.

— Так никто не понимает, но если начать разбираться, то потеряем время, а сейчас в любой миг может произойти что-то непоправимое. Вы просто поверьте мне, Юрмихалыч, потому что есть вещи и пострашнее смерти! Сейчас главное — это побыстрее найти Кадьяна, он где-то недалеко, ушел пешком. Эрм, ты его видел, ты поможешь мне искать? Ах какая же я дура, что отпустила его! Надо было...

И в этот миг словно бесшумный порыв ветра пролетел над грядой валунов, но листья орешника, нависшие над камнями, не шелохнулись.

— Голос! — вскрикнул Эрм.

Голос прилетел откуда-то сверху и издалека, но был слышен отчетливо — властный, яростный, непререкаемый:

— Кадьян! Твоя повелительница призывает тебя! Княжеский слуга Кадьян! Вернись немедленно к своей...

Голос растворился в тишине замершей рои так же неожиданно, как и возник. Точно луч маяка. Юрг, потрясенный, только шевелил губами, повторяя отзвучавшие слова.

— Это не она... — невольно вырвалось у него. Он не мог поверить, что этот голос — ледяной, смертоносный, как удар, сталкивающий в пропасть, — мог слететь с губ его Сэнни.

— Она, она, — торопливо заверила его девушка. — И, надо сказать, она умница, додумалась призвать Кадьяна, чтобы не ждать утра. Это она, наверное, с верхушки Жемчужной башни. Одевайте скафандр. Скорее.

— А зачем ей... — Юрг уже расстегивал пряжки рюкзака, валявшегося в траве у их ног. — Зачем Кадьян? Кто это?

— Долго объяснять. Сейчас он будет вашим пилотом и проводником. И все. Ох... — Она схватила за голову. — Как же вы с ним общаться-то будете?

— А ты как общалась?

Она стремительно обернулась к Эрму:

— Дай-ка твою хрустальную цепочку... Вот, наденьте, и тоже без вопросов. Скорее. Если Кадьян слышал, то он мчится сюда. Он служит верно.

— А с каких пор Сэнни стала его повелительницей? Если я не ослышался, он — княжеский слуга?

— Это я, — смущенно забормотала девушка. — Не обращайтесь на это внимания. Ну что вы на меня уставились? Я — повелительница этой земли. Всего-навсего. Сейчас это даже очень-очень кстати. Вам что-нибудь застегнуть?

— Тут вот. И слева. Хорош. Ну и каникулы у тебя... Подружки помрут от зависти. — Он явно не принял всерьез ее слова.

— Было бы чем хвастаться... — помрачнела она. — Шлем успеется. Скафандр вообще только потому, что там будет дико холодно. И темно. Одним словом, тутошний ад. Но, кажется, без чертей. Готовы? Пошли к кораблю. Нет, не к нашему — к Громобою. Кадьян зовет его Гротуном.

— А на нашем нельзя?

— Юрмихалыч, парадом команду я! На нашем нельзя, дорогу знает только Гротун. И потом, Сэнни ведь ни о чем не догадывается, иначе... Страшно подумать. Прежде всего она не поверит. Ни один сумасшедший не поверит, что он болен, а это — это хуже безумия. Лронг, Эрм, не отставайте! Да, о чем я?

— ...Что Сэнни не знает.

— Да. Вы просто привозите живую воду, шаман спивает ее принцессе, и все в порядке.

— Все в порядке... — Он внезапно остановился и схватил ее за расшитый жемчугом рукав: — Вы что, не чувствуете? Что-то горит!

— Догорает, — флегматично отозвалась Таира. — Это мой дворец. Ну, ничего, Кадьян обещал построить новый. Давайте-ка поближе к опушке, Гротун подлетал сюда с севера. И не отвлекайтесь на мелочи.

— Тоже твоя работа? — голосом, не предвещавшим ничего доброго — во всяком случае, по возвращении на Землю, — спросил Юрг.

— Отчасти. Я же сказала — похвалиться будет нечем. Юрг только покачал головой, подхватил девушку на руки и перепрыгнул через ручей, вытекавший из рощи. Отсюда, с опушки, была видна курчавая, как шкура черного барана, пелена дыма, застилающая то, что оставалось еще от города-дворца. И над нею — верхушка пирамидальной башни, на которой сейчас, когда солнце не пробивалось сквозь мутную взвесь клубящегося пепла, неразличимы были красно-золотистые полудетские картинки, так пленявшие, наверное, воображение варваров.

— Прилягте в траву, Юрмихалыч, чтоб вас не засекли, — велела Таира. — А теперь взгляните туда, на вторую сверху ступеньку этой пирамиды. Видите черточку на краю, как деревце? Думаю, что это — Сэнни. Иначе ей голос послать было неоткуда.

Он распластался на земле, как и было велено, но порыв ветра качнул дымовую шапку, нависшую над останками дворца, и башню заволокло смрадной кисеей.

— Кто-то скачет, — впервые подал голос Лронг. — Один.

Эрм уставился на него в молчаливом изумлении — лишившись транслятора, он перестал понимать тихриан. Он знал, что так и должно быть, но все-таки внезапный языковой барьер поразил его, как неожиданная глухота.

Слева, от стен города, приближался всадник. Огибая рошу, он даже не взглянул на девятиглавый корабль джас-

перьян, а уверенно направился к тому месту, где за переплетением густолиственных ветвей и тянущихся выше человеческого роста папоротников прятался Гротун. Что-то странное было в посадке наездника — неуверенная грация, сочетающаяся с цепкостью чересчур согнутых коленей, сжимающих бока великолепного скакуна; замотанная от дыма каким-то шарфом голова была поднята легко и горделиво, как у арабского шейха, а руки судорожно цеплялись за смоляную гриву единорога. Скакун тоже был под стать наезднику — не тяговая скотина, как в караванах, а горячий трехрогий жеребец, у которого один бивень привычно прятался внизу, а два других украшали междуглазье.

На какой-то миг Таире показалось, что этот всадник — женщина; но круто осаженный рогат взвился на дыбы, всадник соскользнул с его спины и склонился перед девушкой. Взмахнул рукой, отбрасывая покрывало с лица. Это все-таки был Кадьян.

— Сейчас ты отправишься в то место, которое вы именуете Адом, — проговорила она поспешно, чтобы не потерять ни секунды драгоценного времени. — С тобой будет человек, прибывший из моего королевства. Имя его Юрг. Он должен добыть живую воду. Вернуться невредимым. Ты отвечаешь за него головой.

По лицу Кадьяна скользнула тень усмешки.

— Расскажешь ему, что и как. Ответишь на все вопросы честно и без обиняков.

Он снова поклонился:

— Я служу верно, повелительница. — На какую-то секунду он задумался, шаря глазами в траве.

— Что еще? Не медли!

— Мне надобен зверь. Любой.

— Лронг! Принеси Шоёо, только никому ни слова. Быстрее!

Она тревожно глянула в сторону башни — дым снова поредел, и было видно, как тоненькая былинка на краю исполинской золоченой ступени медленно перемещается к центру. Похоже, там была лестница, неразличимая отсю-

да. Только зачем лестница тому, кто перелетает через *ничто*?.. Тыфу, опять отвлеклась.

— И еще, Кадьян: из Гротуна не выходи. Юрг сам справится.

Примчался запыхавшийся Лронг с полусонным зверьком на руках.

— Благодарю тебя, Травяной Рыцарь. Юрг, возьми Шоёо — он последний в своем роду, помни это. Ну, да поможет тебе здешнее солнышко!

— Фонарь вернее, — бросил сквозь зубы Юрг, выуживая из рюкзака шлем. — Поберегите вещички, тут много полезного.

Ему все больше и больше казалось, что он согласился участвовать в каком-то детском спектакле. Еще не поздно было послать эту самостоятельность к чертям собачьим и ринуться к Сэнни, благо она рядом и не было между ними звездных далей...

— Юрг!!

Он встряхнулся и с сомнением глянул на тупорылый нелепый снаряд, в который забраться можно было только в полусогнутом состоянии. Кадьян уже возился где-то внутри.

— Кастрюля в эксплуатации проверена?

— Да, да, я сама летала. Ни пуха!

— К черту. — Он прижал зверька к животу и заполз в душистую темноту. Потянулся к поясу, чтобы включить нашлемный фонарь.

— Не надо, — послышался сухой голос Кадьяна.

— Не надо, так не надо... — Не хватало еще, чтобы этот обросший черной гривой австралопитек читал мысли! — Тогда поехали.

Сзади с капустным хрустом сошлись какие-то заслонки. И отчаянно заверещал Шоёо — навалилась перегрузка.

— Спрашивай, княжеский слуга Юрг! — донесся сквозь громовые раскаты голос Кадьяна, которому, похоже, никакие перегрузки были не страшны.

— Во-первых, никому я не слуга. Можешь называть меня «командор Юрг». А во-вторых...

— Почему же ты тогда служишь Царевне Будур?

Юрг потерял дар речи. Доиграться до такой степени, когда пропал ребенок...

— Вернемся — объясню. Что такое Ад?

Грохот преобразовался в равномерный и даже терпимый свист, тоскливая тягость непомерного ускорения исчезла, уступив место муторной качке.

— Увидишь, командор Юрг. Четыре стеклянные горы, одна огненная. Темнота и холод, несовместимый с жизнью.

— Ты там бывал?

— Да.

— А как же ты совместил?..

— Я был там очень давно, в самый полдень. Сейчас там только-только наступила полная мгла. Может быть, даже видны звезды.

У Юрга появилось желание почесать в затылке — что-то здесь не состыковывалось с нормальными представлениями о дне и ночи. Может быть, этот горбун не вполне владеет земной речью? А кстати, где это он так бойко научился говорить по-русски? Он чуть было не задал этот вопрос, но вовремя удержался. Не сейчас.

— Так. Где искомая вода?

— Ключей обычно восемь, но иногда один-два подмерзают. Они между горами.

— Ну, это, по-видимому, немалое пространство.

— А ты не ошибешься, командор Юрг. Чтобы ключи не замерзали, их греет своим телом Скудоумный дэв.

— Опасен?

— Кому как. Он загадывает загадки. Бессмысленные, потому что сам не знает на них ответа. Ты можешь сказать все, что угодно, только не произноси слова «да» и «нет».

— «Да» и «нет» не говорить, губки бантиком не строить... — пробормотал Юрг. — Нет, нет, ничего. Есть на нашей земле такая детская игра. Но я прилетел не играть. Если ты собираешься покончить со мной таким примитивным способом...

— Мне велено научить тебя действовать. Сейчас я на-
таскиваю тебя на дэва.

— Выбирай выражения! И так, дэв — это, вероятно,
чудовище. Ты его видел?

— Дважды, но это ничего не значит. Он меняет свой
вид. От скуки. И придумывает, чем бы ошарашить оче-
редного посетителя.

— Зачем? Если его загадки не имеют ответов, то, вы-
ходит, обречены все.

— Дэв не любит трусов. И дураков. Если ты слиш-
ком долго будешь чесать в затылке или сразу ляпнешь:
«Нет, не вразумлен», — он тебя попросту задавит своей
тушей.

— Что-то вроде защиты от дурака?

— Это ты здорово подметил, командор Юрг!

Юрг опомнился и потряс головой. Если бы не все, что
предшествовало этому полету, он сейчас мог бы поручить-
ся, что там, в темноте, сидит какой-то милый парень из
космодромной obsługi, во время ночных дежурств начи-
тавший «Тысячи и одной ночи».

— Далеко еще? — спросил он только для того, чтобы
еще раз услышать эту на редкость привычную, ничем не
примечательную русскую речь. С одной оговоркой — из
уст инопланетного туземца.

— Уже снижаемся. — Шоёо снова запищал. — Если
будешь возвращаться, стукни три раза, а то я тебя выпущу
и сразу затворюсь, там снаружи-то студено. На тебе шкур-
ка не больно тонка?

— Сгодится, проверена. Еще указания будут?

— Сейчас... — Под днище что-то глухо поддало, за-
скрипело. — Слава светящему, не на хрусталь сели, на
камень. Теперь так: бери эту крысу. Нож имеется?

— Зачем?

— А как живой источник угадаешь? Отрубишь зверю
голову, потом будешь поочередно во всех ключах, прило-
живши к тулову, водой кропить. Где прирастет — там
вода живая.

Да. Вот теперь это не был свой парень с космодрома.

— Так, — сказал он, — держи пушистика на руках, чтобы не замерз, и ответишь за каждый волосок. Слышал ведь — последний он в своем роду. Бывай.

— Но как же...

— А дэв на что?

Он замкнул створки лицевого щитка и включил подачу кислорода. Проверил на поясе мягкий контейнер для воды и небольшой джасперянский десинтор, оставшийся у него со времен последнего боя на Звездной Пристани. Гулко стукнул перчаткой в заднюю дверцу. Та послушно развернулась лепестками наружу, так что образовалась не очень-то широкая дыра. Он ловко ввернул в нее свое тело — и очутился свидетелем зрелища такой возвышенной, хотя и не лишенной мрачноватости красоты, что у него никогда не повернулся бы язык назвать это сказочное место Адом.

Прямо перед ним, километрах в трех, плевался сгустками пламени небольшой конусообразный вулкан, стройностью своих пропорций наводящий на мысль о золотом сечении. Каждые десять-двенадцать секунд с небольшим уклоном назад вырывался сноп искр, ослепительных до белизны. Все это отражалось в ледовых натеках, покрывающих игольчатые пики трех непомерно высоких гор, обступивших вулкан призрачным караулом. Юрг оглянулся — четвертая гора была у него за спиной, и ее вершина терялась в ночном беззвездном небе. За нею уходил в чернеющую даль едва угадываемый заледенелый кряж. Любоваться игрой огней, отраженных хрустальными пиками, можно было бы до бесконечности — вот только время поджигало.

Он двинулся вперед, осторожно ступая по шероховатому камню. Прямо перед ним было что-то вроде пруда, заполненного черной тусклой массой; белые снежные берега четко ограничивали чудовищный блин метров шестидесяти в поперечнике; огни, рассыпаемые щедрым светочем, он не отражал. Юрг включил фонарь и направил его на асфальтовую поверхность — та дернулась, точно потревоженная звериная шкура, тревожно запульсирова-

ла и вдруг взмыла вверх с непредставимой легкостью, слегка сжимаясь по окружности. Теперь блин висел над своим лежбищем пластом густого тумана не более метра толщиной, и белесые пятна бегали по его краю. Постепенно этот край начал стягиваться в одно место, точно напротив замершего в неподвижности Юрга, и светлые точки сложились в рисунок уродливого толстогубого лица.

Нарисованный рот распахнулся, из щели дохнуло потоком ледяных кристалликов.

— Зверь или человек? — слегка подвывая, спросил дэв.

— Человек! — Юрг перевел усилитель звука на полную мощность, дабы заранее внушить к себе уважение.

Глаза на изображении лица расширились, так что теперь занимали всю верхнюю половину дэвской морды. Вероятно, это означало крайнюю степень удивления.

— Тогда скажи, человек, одетый в шкуру серебряного зверя... Скажи: что есть белое посреди красного?

— Папа Римский среди своих кардиналов. — Командор не медлил ни доли секунды. — Услыхал? Ну и вали отсюда.

— Так поговорить хочется... — жалобно проблеял дэв.

— Это всегда пожалуйста! Только теперь вопросы буду задавать я, договорились?

Дэв засопел, наливаясь красным свечением — или это были отблески разбушевавшегося вулкана? Надо было ковать, пока горячо.

— Где источник живой воды?

— Ты задаешь вопрос, на который сам не знаешь ответа! — возмутился дэв.

— А ты со своими загадками? Ты что, знаешь, кто такой Папа Римский?

— Не-ет, — недоуменно протянул дэв.

— Насколько я понимаю, первый раунд ты проиграл — произнес запретное слово. Гони проигрыш, показывай, где источник! А потом, если пожелаешь, продолжим беседу на высоком дипломатическом уровне.

Темная студенистая оладья затрепетала по краям, точно скат, зашевеливший плавниками. И без того не пленяющее красотой лицо уродливо исказилось, растягиваясь по диагонали.

— Не могууу! — проревел дэв. — С одной стороны, я сотворен для того, чтобы хранить источник, а не отдавать его первому встречному, а с другой — это ж муки адавы, терпеть ночь за ночью, разговаривая только с самим собой!

— Ты же дэв всемогущий, ты на любое чудо способен, — ехидно заметил Юрг. — Ну что тебе стоит — если две твои стороны не способны прийти к согласию, то возьми и разорвись пополам; полблина пусть хранит свой волшебный завет, а со второй мы поболтаем всласть... После того как я наберу воды, естественно.

Гигантское круглое одеяло качнулось вверх и вниз, словно индийская пунка, так что резкий порыв ветра сбил Юрга с ног. Он мгновенно включил вакуумные присоски, чтобы не скатиться в какую-нибудь трещину. Воздушные удары участились, но и стали слабее — Скудоумный дэв толчками набирал высоту.

Юрг отключил держатели, подполз к краю выемки, в которой гнезился дэв, — неглубоко, примерно полтора человеческих роста. Спрыгнул. Луч фонаря едва проби-вался сквозь теплый туман, который укрывал Юрга с головой. Какие-то абсолютно белые растения путались под ногами, вверху же ничего не было видно, ни неба, ни словоохотливого чудища. Он глянул на нарукавный термомодатчик: плюс восемь, а ведь возле Кадыянова везделета было не менее минус пятидесяти. Значит, источники — или один из них — теплые. И кажется, он уже различал слабое журчание...

И в этот миг вверху раздался гулкий хлопок, словно лопнул объемистый воздушный шарик. Юрг безуспешно всматривался в легкий струйчатый туман у себя над головой, но по-прежнему все было подернуто красноватой мглой. Худо. Не выбираться же обратно на кромку! И тут в воздухе что-то замельтешило. Слева. Справа. Легкие

ошметки, точно осенние листья, негусто сыпались сверху и пропадали в тумане. Юрг попытался поймать хотя бы один — не удалось. Четыреста чертей, вместе с этим дебильным дэвом лопнула последняя надежда на информацию! Теперь придется переходить на древнейший метод проб и ошибок, и не медля — тепло в дэвовом гнезде стремительно улетучивалось. Если вода замерзнет, отыскать все восемь источников будет практически невозможно подо льдом, который мгновенно нарастет...

Он ринулся вперед, на журчащий звук. Окруженные облачками пара невысокие фонтанчики располагались правильной подковкой — один, два, три... все восемь. И ни малейшего индикатора на живительность. Придется жертвовать собственной брэнной плотью. Юрг пошевелил левым мизинцем, потом нашел на перчатке кнопку вакуумного замыкателя, предусмотренного на случай разгерметизации скафандра или еще какой беды вроде точечного заражения (варианты с дэвом, естественно, не предусматривались). Нажал. Палец, стиснутый у основания, заломило от щемящей боли. Кажется, подобное наказание предусматривалось для древних японских бандитов — вот только не припоминалось их название. Какое-то пронзительное словечко, родственное одновременно яку и Мукузани. Ну, с богом...

Зная, что никакой кинжал не возьмет серебристую синтериклоновую ткань перчатки, он вытащил из-за пояса джасперианский десинтор и, настроив его на нитяной луч, рубанул им точно посередине пальца.

Тихонечко взвыл — ну, японцы, и терпеливый же вы народ! Во всяком случае — были. Подхватил обрубок, приложил к произвольно дергающейся руке и поставил под струйки ближайшего ключа. Никакого эффекта. Пошел последовательно от одного фонтанчика к другому, тихонечко ужасаясь мысли, что все это зря и никакой живой воды в природе не существует. Хотя вот такому монстру, как этот Скудоумный дэв, местечко все-таки нашлось. А может, здесь собрались только обычные роднички, а волшебный нужно искать где-то поодаль...

Палец вдруг дернулся и прирос. Было это, кажется, на шестом - или седьмом фонтанчике. Юрг не долго думая раздвинул створки щитка и, зачерпнув из дымящейся ямочки у подножия источника, выпил целую пригоршню... ничего. Похуже нарзана, но ничего. А уж совсем хорошо пойдет вместо тоника после черносмородинового джина. Черт, емкость захватил только одну, кретин! Надо бы бурдюк...

Таира, плотно обхватив себя за плечи, стояла чуть покачиваясь и бездумно глядела в задымленное небо, где скрылся рыкающий, точно мифический зверь, Гротун. Все, что могла, она сделала. Хотя нет, не все: когда прибудет Лронг с водой (а она даже мысли не допускала, что Юргу может не повезти и никакой воды они с Кадьяном не добудут), ей нужно быть поблизости от шамана, если все его эзотерические завирушки не возымеют эффекта. Придется вмешиваться экспромтом, что-нибудь сочинять. Но и это она сделает. Обязательно. А потом — потом пусть уж они сами разбираются с оставшимися проблемами. Она свернется калачиком, как Шоёо, и — гори все синим огнем! — отключится. Потому что она больше не может, устала, устала, устала! И пусть ее возьмут на руки, и баюкают, и гладят по головке, и целуют в теплую ложбинку за ухом, и ничегошеньки больше не смеют...

Но для этого нужно было еще добраться до корабля. Он находился совсем рядом, так что сюда долетали голоса дружинников; придется еще сделать около полутора сотен шагов — снова шаги, снова россыпь камней под босыми, до крови сбитыми ступнями, и нельзя отвлекать ни Лронга, ни Эрма — им еще ждать возвращения Гротуна, который сейчас, наверное, подлетает к самому Аду.

«Юрг в настоящем Аду, а ты тут сопли распускаешь!» — прикрикнула она на себя. Ладно. Их корабль недалеко, а там, внутри, — сверток с мягкими сапожками. Вот не взяла их вместе с амулетом...

— Ждите, — коротко бросила она Лронгу с Эрмом, которые продолжали вглядываться в прорезь между орешниковыми ветвями. — Я пойду обуюсь. Если кто станет приставать о расспросами — Кадьян повез послание к Аннихитре. Про то, что он в кораблике не один, — сами понимаете...

Они понимали. И что идет она с трудом, тоже видели.

— Светлая властительница, позволь... — начал Лронг.

— Отсюда — ни шагу! — отрезала «светлая».

Она выбралась на опушку, там хоть не попадались под ноги старые треснувшие орехи. Глянула на верхушку башни — легкая фигурка была уже на середине невидимой отсюда лесенки. Ничего, услышит приближение Гротуна — спустится. Брошенный рогат с волочащимися поводьями презрительно фыркал, не решаясь щипать присыпанную пеплом траву. При виде девушки он злобно всхрипнул и, пританцовывая, начал оборачиваться к ней задом, примериваясь, как бы лягнуть чужака.

— Тебя еще тут не хватало, — устало проговорила Таира. — Брысь.

Она спокойно прошла мимо корабля, мимо замерших при ее появлении дружинников, мимо своих аксакалов, постаравшихся как можно незаметнее склонить головы в знак того, что они все помнят и готовы.

Когда входной люк остался позади, она бессильно опустилась на пол и дальше поползла, стараясь на ощупь найти свой сверток с одеждой и сапогами, благо корабль был пуст. Искать долго не пришлось — узелок по-прежнему лежал в уютном закутке между штабелем земных коробок и допотопными ларцами с амулетами и прочей шаманской утварью. Она подтянула его к себе и попыталась развязать тугой узел какой-то веревки, попавшейся ей под руку там, в сказочных чертогах Оцмара. Не получилось. Она нагнулась, помогая себе зубами, и во рту тут же появился отвратительный вкус металла. Так и есть, золотая тесьма вроде той, которой была связана мона Сэниа. Вот незадача! Но, кажется, в одном из этих сундуков было что-то режущее...

Ларец опрокинулся и раскрылся. Какие-то игрушки с нелепыми рукоятками — вероятно, ритуальные орудия для символических жертвоприношений. Лезвия поблескивали, как шоколадная фольга, ими и резать-то, наверное, невозможно... Она выбрала тот, что помассивнее, сжала в кулаке, досадуя на неудобство нелепой формы. Ну, ничего, только бы разрезать... И словно в ответ на эту мысль, рукоятка маленького кинжала дрогнула и как-то неуволимо изменилась, уютно устраиваясь в ладони. Смотрите-ка, а в деле он, по-видимому, хорош!

Рукоятка стала теплой и как бы слилась с ладонью. Таира даже уловила чуть ощутимую пульсацию, словно внутри кинжала забилось тревожное сердце. Надо обязательно испробовать это чудо в деле... И тут ее мысли прервали едва слышимые голоса. Они шли из одной каюты — она могла даже точно сказать, из какой именно, потому что она располагалась рядом с заветным пристанищем ее Скюза. Но голос — хриплый, молящий, иссушенный несдерживаемой страстью — это не мог быть голос Флейжа! Это вообще был совершенно незнакомый голос.

Она выпрямилась, растерянно прислушиваясь. Но вот второй голос, женский, произнес насмешливо и в то же время призывно: «Нет!...»

И это была мона Сэниа.

Девушка потрясла головой. Как же так? А очень просто: там, на башне, была вовсе не принцесса. Действительно, зачем бы ей карабкаться по ступенькам? Какой-нибудь солнцезаконник решил-таки возжечь Невозможный Огонь... Таира поднялась, чтобы бесшумно выбраться наружу. Голос, захлебывающийся бессвязными, неразличимыми в горячечной скороговорке словами, гнал ее вон, потому что он был не просто пламенным — он был непристойным. Но она услышала отчетливо произнесенное имя Юхани, и это ее остановило.

Вот оно что. Кто-то ценой возвращения Юхани добивался... Но кто, кроме дружинников и троих тихриан, вообще знал о Юхани? Ответ напрашивался сам собой:

только Кадьян. Значит, все-таки он — тот, второй проклятый, и, вместо того чтобы доставить Юрга к живому источнику, он каким-то образом вернулся, и вот-вот...

Ну, это мы еще посмотрим! Она с легкостью куницы переметнулась через штабель коробок и снова невольно замерла, увидев в проеме внутреннего люка силуэты принцессы и коленопреклоненного мужчины, обнимающего ее ноги.

— Сначала верни мне сына, тогда посмотрим, — мурлыкающим, сладостным до тошноты голосом говорила принцесса, — верни мне Юхани и разберись со своей куколкой...

— Да неужели ты не понимаешь, что она была мне нужна лишь для того, чтобы ты, моя королева, увидела во мне мужчину, а не просто преданного оруженосца!

До Таиры еще не дошел смысл этих слов, а рука уже судорожно сжалась, и клинок ответил наливающимся яростным жаром. Моя королева, видите ли! И это тогда, когда Юрг, может быть, горит заживо в этом Аду! И опоздай она со своими сапожками...

— Я сказала: сначала...

— Не торгуйся, любовь моя, это недостойно королевы! — Голос уже был едва слышим, бархатистый, завораживающий. — У тебя будет все — и сын, и власть, и вечная красота... Но сейчас — сейчас позабудь об этом...

«Сейчас — сейчас я этого гада пришибу, — с холодным бешенством поняла она. — И лучше всего — рукояткой. Как бы ухватить поудобнее...» Оружие в руке налилось свинцовой тяжестью.

И в этот миг прозвучало:

— Позабудь обо всем и будь моею, делла-уэлла...

Она закричала.

Это не было какое-то слово — просто отчаянный крик, который вырывается, когда внезапно видишь на краю пропасти человека.

Или — себя.

Он вскочил на ноги, и она наконец увидела его лицо — бумажно-белое лицо, и сузившиеся до щелок бесцветные глаза — глаза самого меткого стрелка.

— Ты, — процедил он сквозь зубы, — ты, приставучая рыжая тля...

Она вскинула руку, отгораживаясь от его слов, — и в тот же миг три лиловые молнии, свиваясь в ослепительный жгут, слетели с трехгранных лезвий и заполнили весь корабль беззвучной мертвенной вспышкой. Может быть, был гром. Она не слышала. Она вообще больше ничего не слышала. Она не ощутила хлесткого удара по щеке, только покачнулась, бессмысленно глядя перед собой на плавающее в каком-то сероватом облаке лицо принцессы с гневными ломкими губами, шевелящимися в потоке неслышимой брани.

Пепельное облако тихо оседало.

Она с усилием опустила голову и увидела под ногами лужицу серой пыли. И чуть поодаль — хрустальную цепочку. Не отдавая уже себе отчета, что и зачем она делает, девушка наклонилась и окунула ладони в этот летучий прах.

На полу остались отпечатки маленьких рук.

Она выпрямилась и пошла прочь, неся перед собою раскрытые ладони с тонкой серой пылью на них. Ей казалось, что она плывет в этой густой, звенящей тишине.

Дружинники, томившиеся в бездействии у своего костра, видели, как она, слегка споткнувшись на пороге, вышла из корабля, тихо и безучастно скользнула мимо них, неся на ладонях что-то невидимое, и исчезла в неподвижной зелени рощи, замершей в предгрозовом оцепенении.

XVIII. ЗЕМЛЯ РАВНИНЫ ПАЛАДИНОВ

— Где?! — Мона Сэниа, выросшая на пороге, стиснула руки так, что ногти впились в ладони.

— Тира? Кажется, пошла к роднику, — поднимаясь вместе со всеми на ноги, проговорил Флейж.

— Догнать, связать, доставить на корабль!

— Помедли, женщина! — раздался властный, хотя и негромкий голос — старый рыцарь Рахихорд, опираясь на самодельный посох, медленно подымался, чтобы стать с принцессой лицом к лицу. — Не забывай, что ты на нашей дороге — только гостя, а та, на которую ты собираешься поднять руку... Ты знаешь, кто она.

— Не становись на моем пути, старик! — в бешенстве крикнула принцесса. — Пока на этой вашей проклятой земле не отыщется мой сын...

Внезапный грохот заглушил ее слова. Огненная птица, прочертив полукруг над поляной, канула в глубину рощи.

— Вот только Кадьяна здесь и не хватало, — процедила мона Сэниа сквозь зубы. — Если и он откажется помогать мне...

И тут шаман, до сих пор тихохонько склонившийся над каким-то амулетом, только что выуженным из очередного мешочка, издал торжествующий вопль и, точно оттолкнувшись от подкидной доски, одним прыжком очутился в центре поляны.

— Получилось! Получилось! — Высокий, почти женский голос звенел на всю рощу. — Сибилло вспомнило! И видение было, было, было!

Принцесса, ошеломленная этим варварским ором, мрачно уставилась на него:

— Прекрати базар. Говори толком, в чем дело.

— Сибилло вспомнило заклинание из Солнечной Книги! Сибилло глядело в чашу видений, и сокровищница князей нашей дороги открылась ему!

— Мне не нужны сокровища.

— Сибилло знает. Но чаша видений открывает каждому свое. Это очень древняя мудрость: каждому свое! А тебе, повелительница чужедальней дороги, — добавил он уже не таким патетическим, а почти будничным тоном, — тебе твое, женское. Потому-то все женщины и не любят глядеть в волшебную чашу, что она открывает самое заветное желание. И тогда на дне, сверка-

ющем чистой влагой, является алая тряпка или смазливая мордочка безусого юнца. Ну как, достанет у тебя смелости поглядеть вот тут, при всех, в этот священный сосуд?

«Священный сосуд» был всего-навсего побуревшей от времени костяной чашечкой, выточенной, по-видимому, из бивня единорога и оправленной в тусклое олово. Но сейчас, покоясь на простертой ладони древнего шамана, величественного как друид, она неуловимо мерцала, завораживая воображение.

— В моем сердце и в моих думах — только сын, — отекала мона Сэниа. — Ты пытаешься очернить меня перед моими воинами, отставной чародей. Зачем?

— Не лукавь, повелительница славных воинов, — ведь ты сама знаешь, что такую лучезарную красоту, коей наделило тебя твое солнце, очернить невозможно. Подтверди мою правоту, достойный рыцарь! — обратился он к Рахихорду, взиравшему с восхищенным изумлением на столь высокое профессиональное мастерство.

— Истинно так! — склонился старец, подбирая полы своего пушистого белого одеяния.

— Тогда почему ты не хочешь увидеть на дне этой чаши отражение своего потерянного младенца — там, где он сейчас находится?

— Там, где он... — машинально повторила мона Сэниа. — Дай! Дай сюда!..

Она ринулась к чаше, но шаман, незаметно стрельнув глазами в глубину рощи, отвел руку:

— Не так скоро, госпожа моя. Не прочтены заклинания. И потом, надобна вода. Дстойный Рахихорд, вели своему сыну принесть свежайшей воды из родника, да чтобы ни чутеньки мути или песка ручейного... А, да вот и он. Не вода ли у тебя, травяной кудесник?

Запыхавшийся Лронг только кивнул.

— Лей сюда... немного, на один глоток... Отступи назад.

Он поднял чашу над головой — солнечный лучик ожил тусклое олово нехитрых инкрустаций.

— Глаз орла на самом дне —
 Это мне,
 Коготь рыси на краю —
 Отдаю;
 Жемчуг в стылой седине —
 Это мне,
 По ободью горький мед —
 Кто возьмет?

Речитатив напевного заклинания — то ли древнего, то ли сочиненного тут же, экспромтом, разливался по роще. Шаман царственным жестом протянул чашу принцессе:

— Образ в ясной глубине —
 Не по мне;
 Нарисуй его любя
 Для себя!

Она медленно, боясь расплескать хотя бы каплю, приняла чашу обеими руками и поднесла к губам.

— Выпей и взглядишь в середину доньшка, пока оно не высохло!

Она сделала торопливый глоток и наклонилась над костяным кубком. Все не дыша следили за ней, ожидая какого-то чуда. Но она наклонялась все ниже, ниже, пока чаша не выпала из ее рук, а она сама, скорчившись, не застыла на лесной траве. Что-то наливалось в ее теле смертной мукой — не она сама, а что-то постороннее; чужеродное, сросшееся с нею каждым нервом. Неощутимое прежде, это нечто сейчас умирало, наполняя ее болью, пронзительной до немоты. И она чувствовала, что умирает вместе с ним. Жизнь сочилась через каждую пору ее тела, уходя вместе с болью и оставляя невысказанную горечь о том, что ей никогда больше не целовать теплую головушку Юхани, никогда не видеть зеленых равнин Джаспера, никогда, никогда, никогда не почувствовать нежности рук, любимых с первого прикосновения...

А потом не было ничего, даже боли, а только удивительная легкость, какую испытывают только женщины после родовых мук, — блаженство невесомости и отрешения от любых страданий. И когда появились руки — те самые руки, которых почему-то так долго не было, она даже не удивилась...

— С ума вы тут посходили — так рисковать! — вполголоса ругался Юрг, тихонечко покачивая на руках задремавшую жену. — И в первую очередь вы, уважаемые обитатели этих райских куш. Ну разве можно было разыгрывать весь этот спектакль, не предупредив зрителей? Да еще секунда, и вас изрубили бы в капусту!

— Ты не просвещен, пришелец, — снисходительно усмехнулся шаман, — сибилло бессмертно.

Чувствуя себя героем дня, он никак не желал выходить из центра всеобщего внимания, не догадываясь о том, что, утратив снизошедшее на него вдохновение волхва, он снова стал похож на старого общипанного журавля. Рахихорд не упустил возможности вставить шпильку:

— Не распускай хвост, ведун подзакатный! А то как бы тебе не напомнили о всеожжении с распылением по ветру...

Моңа Сэниа открыла глаза и со вздохом выпрямилась. Они все еще ничего не знали про Скюза...

— Простите меня, что я прерываю вас, досточтимые старцы, но сейчас не время для мелочных пререканий. Я должна сообщить печальную весть. Дружина моя! Скюза, несравненного стрелка, больше нет. Не спрашивайте меня сейчас, как это произошло. Скажу только, что во всем, что случилось, виновата я одна. Флейж, перекрой все входы в твою каюту — она не должна открываться до нашего возвращения на Джаспер. Я сама еще многого не понимаю — я даже не знаю, от чего вы все сейчас спасли меня. Но времени на разговоры нет. Командор Юрг, я виновата и перед тобой: я так и не сумела отыскать нашего сына!

Голос ее, вернувший себе красоту и полноту звуков счастливых времен, но смягченный недавно перенесенным страданием, дрогнул и сорвался.

— Но я здесь, Сэнни, и я его найду, — просто сказал Юрг. — Тогда мы усядемся в кружок и разгадаем все загадки, потому что я чувствую, что каждый из нас владеет только частицей общей тайны. Ты права, сейчас у нас нет на это времени. Только одно: где девочка?

— У ручья, — сказал Флейж. — Она шла туда с перепачканными руками...

— Пойди за ней! — поспешно перебила его мона Сэниа, содрогаясь при одной мысли о сером прахе, который унесла на своих ладонях Таира. — Дай ей наплакаться вволю, а потом приведи сюда. Будь с ней чуток и не задавай никаких вопросов. Рыцарь Лронг! — обратилась она к тому, кто еще носил травяной плащ. — Я не знаю на Тихри человека добрее тебя. Помоги бедной девочке, и если не сможешь утешить — то хотя бы подели с ней ее горем.

Травяной Рыцарь поклонился в знак согласия и сделал это так почтительно, что принцесса поняла: Таира оставалась для него не «бедной девочкой».

— А теперь, — обратилась она к Юргу, — приказывай, муж мой, ибо время идет, а наш малыш все еще в неволе.

— Тогда, — сказал он, выуживая из рюкзака свой шлем, — мне нужен доброволец. Мы начнем с разведки, и мне необходим кто-то, кто будет переносить меня с одного места на другое, готовый сам в любой момент отступить на корабль. Я же, как видите, защищен всеми... гм... чарами Земли.

— Это буду я, — твердо сказала мона Сэниа. — Это мое право. И я теперь лучше других знаю, что нам может угрожать.

Он взглянул на свою жену и понял, что спорить бесполезно.

— Согласен, — кивнул он. — Итак, из слов Эрмы я понял, что вы спрашивали всех: стражников и просто-

людинов, детей и лекарей, кудесников и князей. Осталось одно... Скажите, — обернулся он к тихрианам, — где мы сейчас можем найти тех, кого вы называете анделисами?

Чернокожие аборигены подались вперед, смыкаясь плечами, словно заслоняя собой своих ангелов-хранителей.

— Чужеземцу неуместно тревожить анделисов! — взвизгнул сибилло.

— Тогда обратиться к ним сам, уважаемый, — предложил Юрг.

Шаман сразу сник.

— Я не хочу отправляться на поиски наугад, и вовсе не потому, что не уверен в результатах. Я их, всевидящих, найду как миленьких, — пообещал он не без зловещей нотки в голосе, — только боюсь, что от неожиданности могу быть неловок, и... Тогда мы с вами разделим вину за происшедшее поровну. Так вот. Их Пустынь за башней, в трех полетах стрелы, — пробормотал шаман, нервно ощипывая и без того плешистую двухцветную пелерину. — Но помните: на Тихри нет ничего святее...

— Вот-вот, — Юрг многозначительно поглядел на жену, — это-то и наводит меня на некоторые аналогии... Ты представляешь себе, где это?

— Да, я на несколько минут поднималась на вершину этой пирамиды, чтобы позвать Кадьяна. Три кольца — деревья, кустарник, вода. Так?

Шаман кивнул с таким усилием, точно на шее у него была надета петля.

— Они сейчас там?

Лронг сделал несколько шагов назад, высматривая в промежутке между ветвей тоненький столбик полосатого дыма.

— Невозможный Огонь еще горит, но его зажгли с большим опозданием. Нет, сейчас все анделисы врачуют немощных, оживляют умерших. Они творят высшее добро, на которое возлагает надежды каждый страждущий. Не забывайте об этом, люди безбожных дорог...

— Не забудем, — пообещал Юрг. — Мы только зададим вопрос. Ну что, полетели?

Он наклонился и достал из рюкзака какой-то странный предмет, назначение которого было невозможно угадать из-за плотного чехла.

Они сцепили руки и одновременно сделали шаг вперед.

И, словно озвучивая их исчезновение, над рощей прогремел раскат грома — огненный корабль Гротун, ведомый рукой Кадьяна, так и не появившегося на поляне у костра, уверенно пошел вдаль, повторяя тот путь, по которому он пролетал так недавно, направляясь за живую водой. Лронг и Эрм переглянулись, но никто не спросил их ни о чем, и им не было надобности повторять заученную ложь о том, что это княжеский вестник отправился с посланием на дорогу Аннихитры Полуглавого.

— Ну и где же их дом? — спросил Юрг.

Мона Сэниа недоуменно пожала плечами. По сравнению с изящной беседкой, окруженной ухоженным кустарником, как это было близ захолустного Орешника, эта Пустынь выглядела старой развалиной. Здесь не было правильного кольцевого канала, и вместо него естественный ручей, изгибаясь дугой, обрамлял выщербленные перильца кругового насеста. По другую сторону от ручья высилось одинокое дерево, к нижним ветвям которого был кое-как прикреплен обветшалый соломенный навес, а под ним — горизонтальная жердь. Видно, отдавая все буйство своего воображения созданию города-дворца, последний князь ни разу не вспомнил о тех, кого на его дороге называли «самым святым».

— Это не жилище, во всяком случае, в нашем понимании. Что, людей тут нет?

— У входа должна быть маленькая хибарка, — вполголоса отвечала мона Сэниа, — да вон она, за кустарником!

Крошечный домик выглядел поновее, чем все остальное, но все-таки производил впечатление нищенского

жилья: некрашенные дощатые стены без окошек, квадратная дверца, в которую нельзя пройти, а только проползти.

— Сгодится, — сказал Юрг, направляясь к домику. — Минут десять у нас еще есть в запасе?

Мона Сэниа оглянулась на хорошо видимую отсюда башню, омываемую поседевшими волнами дыма, — пожар, похоже, затухал.

— Сигнальный огонь еще горит, но они могут вернуться несколько раньше...

— Странно, что ни ты, ни кто-либо из вашей команды их так и не видел, — пробормотал Юрг. — С чего бы им, если они такие добренькие, прятаться?

— Традиции, — пожала плечами она.

— Послушай, Сэнни, а что, если мы наплюем на их традиции и приступим к действиям прямо сейчас, не теряя времени?

— Что делать? — просто отозвалась она.

— Прежде всего убрать обитателей этого домика, очень, кстати, подходящего... Сумеешь перекинуть куда-нибудь подальше от пожарища?

Короткий кивок:

— Там только одна женщина. Что-то вроде жрицы.

— Тогда начинаем.

Юрг распахнул дверцу домика и, включив нашлемный фонарь, заглянул внутрь. Потом засунул туда руку и легко, как спящую кошку, выудил сжавшуюся в комочек старушонку с чёрной маской в кулачке. Не долго думая, мона Сэниа приняла на руки почти невесомое тело и резким толчком отбросила от себя.

Старушонка исчезла.

— Пусть их там будет две, чтоб не скучали, — пробормотала она, представляя себе изумление обитательницы Орешниковой Пустыни при появлении конкурирующей особы. — Потом изыдем. Что дальше?

— Дальше, как только я дам сигнал, переместишься на безопасное расстояние, но так, чтобы видеть меня. Когда я подниму обе руки, вернешься ко мне. Ни в коем

случае ни во что не вмешиваться, потому что я в скафандре, а ты — без. Ну...

Он снял с правой руки перчатку, поднял лицевой щиток и крепко поцеловал жену.

— Что-то с левой не снимается, — буркнул он себе под нос и снова натянул перчатку. — Так. Прячемся.

Едва они успели заползти под алый самшитоподобный куст, как столбик полосатого дыма на верхушке пирамидальной башни исчез. И тотчас же раздался тот характерный шорох-свист, который производят крылья очень крупной птицы, планирующей над самой землей. Холодная перчатка предостерегающе легла на запястье принцессы. Но она уже и сама видела: узкокрылые черно-бело-красные птицы, напоминающие своей раскраской крупных дятлов, пронеслись над самыми кустами и опускались на кольцевой насест, обвивая щербатые перильца гибкими, как змеинная шкурка, крылами. Хищно нацеленные в середину кольца лакированные клювы были закрыты, но какой-то ком шорохов и свистов почти видимо клубился в центре их шаткого обиталища.

Юрг скосил глаза и поймал взгляд жены, как бы спрашивая: «Убедилась?» Она прикрыла ресницы, что могло означать только одно: «Да. Действуй». Он слегка отодвинулся, тихонько, чтобы не зашуршать, поднял свое странное оружие и нацелил его на тех, кого на Тихри называли анделисами, а на Джаспере — крэгами.

Прозвучал негромкий хлопок.

Тонкая, но способная удержать даже натиск бешеного жеребца сеть взметнулась над насестом и накрыла стаю. Хлопанье крыльев, клекот, отчаянные надсадные стоны — все это ничем не отличалось от звуков, сопровождающих переполох в курятнике. Сеть затягивалась все туже, сжимая бьющихся пленников в один перовой комок.

— Так, — произнес Юрг, выпрямляясь. — Теперь ненадолго исчезни — я собираюсь перегружать их в домик. Не ровен час, кто-нибудь вырвется...

— Я буду на башне.

Он проследил, пока на верхней ступени вытянутой ввысь пирамиды, приобретшей графитовый оттенок, не появилась хорошо различимая фигурка жены, и опустил щиток шлема.

— Ну, сволочь пернатая, пора на парковку, — пробормотал он, подтаскивая сеть к Чернавкиному домику. Бросил ее на землю, нимало не заботясь о комфорте пленников, и отправился к одинокому дереву. Придирчиво осмотрев сучья, он покачал головой и взялся за поднавесный шест. Обломав его о колено, он выбрал подходящий обрубок и вернулся обратно. Слегка приоткрыв дверцу домика и придерживая ее ногой, он начал переправлять крѣгов в импровизированную темницу. Захлопнув дверцу за последним из них, он подпер ее заготовленным колом и, не сдержавшись, поддал по дверце ногой и для полноты душевной посоветовал сидеть тихо и не звать на помощь.

Как он и ожидал, идея была подхвачена, и из домика понесся согласованный отчаянный щebet.

— Юрг, с севера еще четверо! — донесся до него точно посланный голос жены.

— Умница.

Свертывать и укладывать сеть было уже некогда, и он просто натянул ее над кольцевым насестом, подперев длинным концом жердины. На этот раз пернатые хозяева гнездилища не были так беспечны — неслышимая и незримая связь, которой обладали, по-видимому, крѣги всех планет, донесла до них сигнал тревоги. Но, к счастью, на боготворящей их Тихри они даже не подозревали о том, что такое обыкновенная сеть. А тем более — постороннее существо в их обиталище.

Четверка бешено сопротивляющихся «дятлов» отправилась к своим сородичам.

— Еще пятеро со стороны роши...

— Мерси.

Операция была повторена с неизменным успехом.

— Здешние крѣги были не то чтобы помельче, чем те, что обитали на Джаспере, но выглядели как-то легчевеснее. Тем не менее становилось очевидным, что нужно искать

запасное место для их заключения. Юрг был бы не против, если бы они передохли в полном составе, но он помнил слово, данное тихрианам.

— Юрг, стой! — донесся до него тревожный и недоуменный возглас моны Сэнна. — Мне передает Эрм...

Юрг замер — собственно говоря, он и так стоял в ожидании новых пленников, ничего не предпринимая против тех, что уже накопились в его импровизированном курятнике.

— Эрм передает... Он пересылает мне слова Кукушонка. Так... Так... Юрг, слушай: сейчас сюда прибудет Венценосный крэг. Вероятно, самый главный на Тихри. Он всегда прилетает к месту крупных катастроф, поэтому оказался как раз возле пожарища. Кажется, мы добились, Юрг...

Он поднял руки и похлопал над головой — мона Сэниа, чей лиловокаменный обруч делал ее зорче любого крэга, тотчас же оказалась подле него.

— На всякий случай, стань-ка за моей спиной, но так, чтобы легко можно было сделать шаг и убраться подальше, — попросил он. Она выполняла каждую его команду мгновенно и безропотно, как, может быть, не действовала еще ни в одном бою. С того мига, как она снова ощутила прикосновение его рук, она уже чувствовала себя половинкой единого целого — всесильного, стремительного, безошибочного.

— Ты сверху не видела больше ни одной стаи? — спросил он почему-то шепотом.

— Нет. Но они подбираются так незаметно, что...

В этот миг пепельная тень отделилась от расплывшейся пелены дыма и неспешно двинулась к ним, плавно огибая башню. Мона Сэниа предупреждающим жестом положила ладонь на холодное наплечье скафандра, и Юрг ответил понимающим кивком.

Да, это была еще та птичка.

Размах крыльев раза в полтора шире, чем у Гуен, не создавал впечатления массивности — Венценосный крэг, как и все его собратья, был практически невесом, и это

определяло характерную неповторимость его полета. Юргу почему-то подумалось, что если однажды он и почувствовал то, что называют «поступью судьбы», то это было вызвано зловещей музыкой Вагнера; и вот сейчас это выражение всплыло в памяти при виде этого приближающегося чудища, которое стоило бы назвать призраком, если бы не металлический отлив его иссиня-черных крыльев, какие бывают только у молодых, полных сил и здоровья воронов.

Юрг и Сэнни следили за его приближением не шевелясь — не в оцепенении, а в боевой настороженности. Сеть, которой Юрг на этот раз не успел воспользоваться, скользнула к их ногам, и оба, не сговариваясь, положили руки на свои десинторы.

— Переведи на парализатор, — шепнула мона Сэниа.

— Уже.

Крэг лег на одно крыло и в точном выраже спикировал прямо на перила насеста, оказавшись перед замершими людьми «лицом к лицу». И тут он сделал странное, совершенно не птичье движение — взмахнул крыльями крест-накрест и запахнулся в них, как в долгополый плащ. Щелкнули когти, справа и слева охватывая перильца. Теперь он был удивительно похож на закутанного в черную ризу величественного мыслителя, устремившего взгляд огромных, совершенно человеческих глаз куда-то поверх стоящих перед ним людей.

— А ведь на Тихри совсем нетрудно одерживать победы, не так ли? — неожиданно проговорил он бархатистым темно-лиловым басом.

Юрг, выжидающе глядя на него, не нашелся что ответить. Чертовски неприятно было смотреть на это существо снизу вверх.

— Этот мир слишком прост для вас. Он во всех своих ипостасях — и реальной, и магической — рассчитан на варваров.

Снова наступила пауза, в которой крэг слегка наклонил голову, точно пытаясь уловить хоть какой-нибудь звук из дощатой темницы. Но там словно все вымерло.

— Я хочу говорить с вами с глазу на глаз, — продолжал Венценосный крэг с той величавой простотой, которой так нелегко дать отпор. — Поэтому отпустите... этих.

Юрг пожал плечами:

— Ну, это нетрудно. — Он снова прикрыл лицо щитком, направился к домику и распахнул дверцу.

— Выметайтесь, — любезно предложил он.

Пленники последовали этому предложению в точности — они именно выметывались, круто взмывая вверх и уходя по плавной дуге точно на запад. В безукоризненной повторяемости их траекторий было что-то от мультипликационных звездолетиков. Тем не менее мона Сэниа все это время простояла в боевой изготовке, чтобы в любой момент быть способной как отпрыгнуть в спасительное *ничто*, так и разрядить в своего противника точно направленный десинтор.

Но домик опустел, и ничего не произошло.

— Это было слишком просто, чтобы затевать об этом дебаты, — продолжал Юрг не без бравады, возвращаясь на свое место. — И, как ты понимаешь, еще проще будет призвать сюда сотню добровольцев с Джаспера и повторить это богоугодное дело, пока на этой солнечной земле не будут переловлены все, подчеркиваю — все так называемые анделисы.

— Да, — согласился крэг и глазом не моргнув. — Это вопрос только времени. Но за это время в укромных, недосыгаемых уголках нами будут снесены десятки яиц. На дорогах Тихри начнется смятение, сотни аборигенов познают мучения смерти, не облегченной сладким забвением. Вы станете самыми ненавистными существами на этой планете. Зато солнцезаконники, которых тут не особо-то почитают ввиду их нерезультативности, несомненно переключатся на круглосуточные моления о возвращении анделисов. Последние, как вы сами понимаете, появятся — и доставленные с других планет, и новорожденные. Мы не привыкли отступать. Что же в итоге мы получим? Вам придется убраться как несостоявшимся агрессорам, а здесь неизмеримо возрастет престиж касты

жрецов. Что не очень желательно, ибо ими управлять труднее, чем светскими владыками. Или что-то не так?

Последовала пауза.

— Я уже не говорю о вашем сыне, — мягко, без какой-либо угрозы заключил крэг.

— Где он? — хрипло, с видимым усилием проговорил Юрг.

— Он здоров и невредим. А о его местонахождении мы поговорим в конце нашей беседы. Присаживайтесь, и я отвечу на те ваши вопросы, на которые сочту возможным.

Присаживаться было не на что, поэтому Юрг, поочередно переноса ноги через перила насеста и одновременно проверяя его на прочность, предпочел сесть точно напротив крэга, чтобы создать видимость равновесия. Шлем он снял, являя этим жестом знак доверия, но мона Сэниа, подойдя к нему сзади и опершись на его плечи, из рук десинтора не выпускала.

Только теперь, когда их разделяли какие-нибудь пять шагов, стало видно, почему этот громадный крэг носил титул Венценосного: на том месте, где у его сородичей поднимался красный или белый хохолок, поблескивал пучок голубовато-алмазных игл, при сильном освещении, вероятно, сияющих радужным блеском.

— Так я вас слушаю, — корректно поторопился пернатый венценосец.

— Хорошо, — сказала мона Сэниа. — Тогда ответь: зачем все это было нужно?

Крэг чуть-чуть наклонил голову и поглядел на нее с видимым сожалением:

— Из тебя, женщина, действительно получилась бы прекрасная королева твоего Джаспера, да. Мудрости любезна суть.

Мона Сэниа вдруг подумала, что здесь недостает старого рыцаря Рахихорда.

— Когда события на твоей планете приняли необратимый характер, — продолжал крэг, — мы начали отрабатывать механизм ответного воздействия.

— Кто это — мы?

— Синклит прокураторов. Нам необходимо было лицо, которое, обладая несомненным авторитетом, подтвердило бы правомочность нашего пребывания на Джаспере.

— Зачем вам Джаспер, если вы располагаете, как я понимаю, неограниченным числом уже покоренных планет? — настаивала мона Сэниа.

— Ответ настолько очевиден, что ты могла бы и не спрашивать. Джасперяне — единственные во Вселенной, кто владеет врожденным даром мгновенного перехода в любую другую точку мира. Я не говорю — иное пространство, ибо последнее не проверено. Так вот, упомянутым мною лицом оказалась ты, женщина. И я не жалею об этом, потому что моя долгая жизнь, признаюсь, достаточно однообразна, а ты — достойный противник... на твоём уровне.

— Благодарю, Венценосный. Значит, играя на моих материнских чувствах, вы собирались заставить меня вернуть все на исходные позиции — как было до тех пор, пока мы не побывали близ Чакры Кентавра...

— Пока ты, нарушив запрет, не приблизилась к Чакре Кентавра, — поправил ее крэг. — Нет, не так. Мы решили на некоторое время переместить тебя — желательно со спутниками — сюда на Тихри, дабы ты воочию убедилась в том, что, как и на Джаспере, объективно крэги приносят только добро. Вспомни о Черных Временах твоей планеты и признайся, что если бы не мы, то у поголовно ослепшего населения не было ни малейших шансов на выживание.

— И в память об этом подвиге вы ослепляли младенцев всех остальных поколений? — вставил Юрг.

Венценосный крэг немного помедлил, прежде чем дать ответ, в котором к интонациям неоспоримого превосходства примешивалась и изрядная толика горечи:

— Вы, люди, с потрясающей изобретательностью сочиняете небылицы, вера в которые обратно пропорциональна их правдоподобию. Неужели вы не понимаете, что только нам принадлежала бы заслуга полного избавления

жителей целой планеты от вечной слепоты? И не требовалось бы несметной армии, которую мы были вынуждены содержать на Джаспере. Нас и так бы боготворили, и чем меньше крэгов обитало бы на Равнине Паладинов, тем безогляднее было бы это обожествление... Нет. Мы не подозревали о том, что все — хотя не проверено, все ли? — младенцы зрячи, и поэтому на Синклите джасперианскому прокуратору было сурово... вы-го-во-рено.

По тому, как он произнес последнее слово, было очевидно, что мягкий термин, которым транслейтор перевел слова крэга, не соответствовал тяжести наказания.

Но это всколыхнуло в душе командора недобрые воспоминания:

— А ваша расправа с Юхани — вместо меня?

— Ну, — небрежно бросил крэг, — один человек... Припомни, что на твоей планете делали солдаты с жителями целых городов, когда те не сдавались? А с миллионами ни в чем не повинных людей, которые только мыслили иначе, чем верховный властитель или правящий Синклит?

— Но вы же претендуете на роль милосердных богов!

— Отнюдь нет. Обожествляют нас по доброй воле те, кому в силу их уровня развития вообще необходимы боги. Вы же должны признать, что крэги, в сущности, ничем не отличаются от людей. И только.

— Разве люди способны на то, что здесь называется «проклятием анделиса»? — Мона Сэниа невольно поднесла руку к тому месту, где до сегодняшнего утра между бровей привычно тлела искорка боли.

Но сейчас эта боль исчезла.

— Проклятием? — переспросил крэг. — Если я не ошибаюсь, это называется «поцелуем анделиса». Ну, относительно этого спроси своего мужа, какие опыты ставились на его Земле с тотальным воздействием на психику человека. Видите ли, нам был необходим убедительный механизм защиты, чтобы противостоять попыткам подчинения крэггов. За примерами ходить недалеко — вспомни, женщина, судьбу покойного Оцмара.

— Но это же был ребенок, который просто хотел владеть сказочной птицей! — воскликнула мона Сэниа, припомнив историю о недостигаемой синей птице, которую рассказывал ей Юрг в золотом подземелье их дворца на Джаспере. — Разве можно было карать его за это так жестоко?

— Разве мы карали? — удивился крэг. — Мы подарили ему неукротимую силу свершений. Получив возможность управлять его талантом, помноженным на наше могущество, мы ожидали от него, что он начнет объединение соседних дорог под своей властью. Но, как это часто бывает, стратегические планы, намечаемые Синклитом, при тактической разработке рушатся из-за вмешательства посторонних сил. Ты знаешь, что сделали с мальчиком. Это не помешало бы ему стать успешным завоевателем и мудрым правителем всей Тихри, но... Такая малость — старый, выживший из ума фигляр, не способный ни на что другое, как сочинять заманчивые сказки...

— И перед любовью несчастного Оцмара вы оказались бессильны? — с каким-то горестным удовлетворением спросила мона Сэниа.

— Да, — сухо признался венценосный прокуратор Тихри. — Поэтому мы редко позволяем себе экспериментировать с конструированием эмоционального комплекса. Обычно мы используем уже существующее сильное чувство, как это было с тобой. Твоя любовь к сыну позволила нам провести тебя по дороге Оцмара, где уже без всякого нашего вмешательства тебя убеждали в том, что мы — единственные светочи на этой несчастной планете, обреченной на вечные скитания и непреодолимое убожество. Вы ведь знаете, что кочевники не способны на развитие высокой технологической культуры, не так ли?

— Но вы все-таки пытались отнять у меня любовь к моему мужу?

Мона Сэниа услышала в собственном голосе такую беспощадность, что ей пришлось убрать пальцы с рукоятки десинтора.

— Нет, — прозвучало в ответ. — Все было несколько иначе. Прокуратор Джаспера, застигнутый врасплох вашим побегом, был вынужден пойти на крайнюю меру — он приказал твоему крэгу пожертвовать собой. Бесконечно жаль, ведь это было прелестное создание... И неукротимое в своей ненависти к землянам. Вот почему он вложил, не колеблясь, в нанесенный тебе удар каплю собственной крови.

— Разве у крэгов есть кровь?

— Всего одна капля. Лишаясь ее, крэг обречен. Вот почему то, что здесь называют «поцелуем анделиса», явление крайне редкое. И если бы крылатое чудовище, привезенное вами из созвездия Кентавра, не ранило одного из моих братьев, он никогда не решился бы нанести и твоему воину роковой для него удар.

— Так, значит, Скюз... — Мона Сэниа задохнулась.

— Да. Он, как и все твои спутники, почитал тебя не только как командира, но и как прекрасную, вожделенную женщину. Неистовство, заключенное в капле магической крови, сделало это чувство неукротимой страстью, помноженной на жажду могущества, — ведь каждый солдат мечтает стать, как это у вас называется... генералиссимусом. Другое дело — ты. Мы не смогли бы погасить твою любовь к землянину...

— Ну, спасибо и на этом, — вырвалось у Юрга.

— Но мы внушили тебе, что ты слишком безобразна, чтобы он сам продолжал любить тебя.

Юрг шумно вдохнул воздух, пропахший гарью; но мона Сэниа стиснула ему плечо.

— Потом, — быстро проговорила она.

— Таким образом, — как ни в чем не бывало продолжал крэг, — мы устранили твоего мужа, потому что вдвоем вы бы не удержались от того, чтобы начать наводить здесь разумный, с вашей точки зрения, порядок.

— А зачем вы привязали ко всему этому Таиру? Разве девочка...

Из аристократического, с легкой горбинкой клюва вырвался звук, похожий на смешок:

— Для того же самого — чтобы тебе не пришло в голову устроить здесь то же, что на Джаспере. Нам не нужны войны и прочие катаклизмы. А две женщины, связанные воедино, никогда не способны предпринять что-либо путное.

— Не успели, извини, — сказала мона Сэниа. — Но еще не вечер.

— Твоя дерзость в данной ситуации безрассудна, — мягко заметил крэг. — И если ты полагаешь, что все это, — он повел клювом в сторону догорающего Пятилучья, и игольчатая корона оделась облачком голубых искр, — имеет хоть какое-нибудь значение, то ты ошибаешься. Кочевники быстро забывают об ушедших в небытие городах... И правителях тоже.

— Но ведь туда же должна была отправиться и я. Как же с вашими стратегическими планами?

— А им ничего не грозило. Кадьян хоть и не по годам мудр, но он по годам дерзок и скоропалителен в своих решениях. Ему показалось, что ты ему угрожаешь...

— Я?!

— Его образу жизни. Оцмар, обретя свою мечту, продолжал бы возводить для нее воздушные замки. Другое дело — ты. Он с первого взгляда угадал твой характер и, не желая оставлять тебя рядом с князем, нашептал ему какое-то предсказание.

— Но если бы не чудо, я...

— Чудо? Ты полагаешь, что это было чудом — и когда погас сигнальный огонь над темницей Рахихорда, и когда он сам вернулся к жизни, и когда ты вместо Берестяного колодца попала в золотой, и когда на твоих коленях очутился Неоплаканный зверь, которого ты потеряла в Орешнике?..

Мона Сэниа глядела на него со все возрастающим изумлением, но у нее почему-то не появилось желания его поблагодарить.

— Значит, Кадьян — тоже проклятый?

— Нет, этого не потребовалось. Он и без того был достаточно мудр, чтобы добровольно сотрудничать с нами.

— Знаешь, это звучит как-то уж чересчур по-земному, — заметил Юрг.

— Это одинаково звучит на всех планетах. Просто он знал, чего мы хотим на Тихри, и ему было интересно. Поэтому он по нашему совету похитил младенца...

— Кадьян? — вырвалось у принцессы с такой ненавистью, что стало очевидно — малый приговорен.

— А ты не догадалась? Странно. Когда мы только запланировали твою переброску сюда, я сообщил Кадьяну, что его положение при правящей особе будет зависеть от ребенка со светлой кожей и белыми волосами. Он нашел такого альбиноса. Перед тем как вас заманили сюда, я снова предупредил его о том, что он может получить в свои руки еще более ценный экземпляр, и особо подчеркнул, что с ним нужно будет обращаться с предельным бережением. Он, насколько я понимаю, прибыл к выходу из ущелья всего за несколько мгновений до вашего появления, а улетел тогда, когда вы направились в царство тьмы. Поэтому вы и не услышали его Гротуна.

— Но мы обыскали ущелье...

— Желтый туман, медовый туман... Кадьян не просто мудр — он, по здешним меркам, просто гениален.

— И ему очень нравится то, что вы собираетесь учинить на Тихри, — подхватил Юрг. — А кстати, что именно вы собираетесь здесь устроить?

— Это сложный вопрос, для освещения которого пришлось бы перейти на другой мировоззренческий уровень. Боюсь, что для этого у вас неостанет времени, а у меня — желания.

— Тогда другой вопрос: вскоре после того, как Юхан оказался на Джаспере, в доме его вдовы на Земле...

— На это у вас тоже нет времени, — раздраженно оборвал его крэг. — И обсуждать происходящее на твоей планете можно только с разрешения ее недавно назначенного прокуратора. Так что вернемся к проблемам Джаспера, ибо я уполномочен говорить с вами именно об этом. А вас прошу иметь в виду, что Кадьян может с минуты на минуту прибыть туда, где спрятан ваш сын.

Мона Сэниа задохнулась.

— Я не могу торговать моим народом, — проговорила она хрипло. — Он сам должен выбрать, оставаться ли ему под владычеством крэгов или быть свободным.

— Быть свободным для народа — не значит ли это, что не всему народу, а каждому джасперянину в отдельности должно быть предоставлено право выбора, не так ли?

— Да, так.

— Ты можешь поклясться, что сделаешь все, чтобы эти слова стали для Джаспера законом?

— Клянусь.

— Так, — сказал Венценосный крэг. — Ничего другого от тебя и не требуется. Тебя провели твоим путем ради этой клятвы.

— Значит, ты теперь откроешь нам...

— Нет, не значит. Ты нанесла оскорбление крэгам, подняв свою дружину на борьбу с ними. Ты увела свой народ из сказочного времени грез, безоглядной верности крэгам, рыцарских подвигов на просторах неизведанных планет. Ты спросила, не хочу ли я вернуть Джаспер к тем временам, когда ты еще не приблизилась к Чакре Кентавра? Даже если бы я пожелал такого чуда, все крэги Вселенной не смогли бы этого сделать. Время не возвращается. Поэтому за содеянное тобой ты должна понести кару.

— Если ты вернешь сына моему мужу, я готова на все.

— Всего не потребуется, — с какой-то мелочной расчетливостью проговорил крэг. — Мы сделаем так: ты поклянешься... — Он расцепил когти, которыми кончалось правое крыло, и задумчиво почесал ими клюв. — Боюсь, что прокуратор Джаспера был неосмотрительно мягок, но он потребовал следующего: ты можешь вернуться на свою планету. Но не на Равнину Паладинов. Материк для тебя будет закрыт до нашего на то соизволения. Ты можешь поселиться на любом из островов — кажется, они называются Лютыми, но, за исключением двух-трех месяцев, погода там вполне сносная. Я там бывал. Все доходы с

твоего имени ты будешь получать от доверенного лица, так что нужды ты знать не будешь.

— А мой муж?

— Он твой муж — он разделит твою судьбу.

— Моя дружина?..

— О, эти вольны вернуться в свои замки. Разумеется, дав слово, что они будут рассказывать обо всем, происшедшем на Тихри, правду и одну только правду.

Юрг обернулся к жене:

— Поклянись. И быстрее.

Мона Сэниа подняла правую руку:

— Я, ненаследная принцесса Джаспера, клянусь: пока Синклит прокураторов не разрешит мне этого, ни я, ни мой супруг не ступим на землю Равнины Паладинов.

— Твое слово нерушимо, — сказал крэг, расправляя крылья.

ХІХ. ЗВЕЗДА ИЗ ГОЛУБОГО ЗОЛОТА

Пока он разминался, оттягивая к земле то одно, то другое крыло, точно засидевшаяся на насесте курица, две пары глаз и два дула десинторов неотрывно следили за его упражнениями. Было совершенно очевидно, что если он надумает обмануть своих слушателей, то далеко ему не уйти.

— Ты была совсем рядом со своим сыном, — бросил он наконец так небрежно, словно снисходил до разговора с существами низшего порядка. — Он в подземелье старой полуразрушенной башни, что на окраине Орешника. Поторопитесь.

И он прикрыл глаза, давая им понять, что Анделисова Пустынь — его вотчина и им следует покинуть ее первыми.

Юрг вопросительно поглядел на жену.

— Он не обманывает, — сказала мона Сэниа. — Он не способен нарушить данное слово.

Ее сильные пальцы обхватили руку мужа, и она ринулась вперед так стремительно, что, исчезая, слышала за собой хруст ломающихся перилец.

У подножия древней башни было тихо и пустынно — жители Орешника, покидая город, не склонны были разгуливать по его окрестностям. В каменной осыпи чернели остатки недавнего костра, размытые мелким дождем. Издалека, из-за городской стены, слышалось натужное ржание перегруженных рогов.

— Обойдем вокруг? — спросил Юрг, с сомнением оглядывая слежавшиеся груды щебня, под которыми вряд ли мог существовать какой-то вход.

— Не думаю, что это необходимо, — лаз, вероятно, наверху.

Она примерилась, выбирая участок парапета поустойчивее, и в новом прыжке через *ничто* оказалась на краю верхней площадки.

Похоже, что когда-то это было перекрытием между первым и вторым этажами; сейчас остаток стен был подорван и превращен в парапет, в котором то там, то здесь зияли образованные осыпью бреши. Но этот бастион вряд ли когда-нибудь использовался для обороны города: повсюду были навалены кучи каменных обломков, а в центре чернела дыра провала.

— Туда! — скомандовала мона Сэниа, бросаясь к нему.

— Нет, — остановил ее Юрг. — Я спущусь первым. Кадьян, может быть, уже там, а нас предупредили, что он гениален...

Держа десинтор в одной руке и наматывая на другую сеть, которую он успел подхватить в последнюю минуту, он начал бесшумно спускаться по крутой лесенке. Мона Сэниа последовала за ним, настороженно прислушиваясь к звукам, доносившимся извне. Почудилось ей — или действительно она различила шорох камней, осыпающихся под легкими шагами? Нет, она не ошиблась: кто-то или приближался к подножию башни со стороны города, или уже карабкался вверх по груде обломков, образующих незапланированный строителями контрфорс.

— Скорее, — шепнула она, направляя свой голос вниз. — Сюда идут.

Юрг спрыгнул на пол и подал руку жене. Они огляделись. Небольшое помещение, перерезанное по диагонали лестницей; на чисто выметенном полу лужа от недавнего дождя. Два солнечных прямоугольника на каменных плитах — подоконники косые, выступающие наружу, так что снизу, от подножия, окон и не заметить. Узкий проем, ведущий в соседнюю камеру.

Юрг, прижимаясь к стене, подобрался к двери и заглянул внутрь: там окон не было и в полумраке виднелась единственная скамья, на которой мирно похрапывал, подогнув громадные ноги, грузный стражник. Не теряя времени на обсуждение столь незначительной проблемы, Юрг влепил ему одиночный заряд парализатора, благо в режиме этого калибра десинтор бил беззвучно.

Стражник дернулся, пытаясь выпрямить ноги, и замер.

— Прибавь, — шепнула мона Сэниа. — С одного он способен закричать.

Юрг не без удовольствия повторил операцию. Предчувствие удачи и простота, с которой ему все давалось в этом варварском мире (прав был этот венценосный стервец, четырежды прав!), создавали ощущение легкого боевого опьянения. И оно вступало в явное противоречие с несколько озадачивающим фактом: никого, кроме оцепеневшего стражника, здесь не было и никакого хода вниз, в подземелье, на ровных плитах не прослеживалось.

Между тем наверху послышались цокающие шаги, и на верхней ступеньке лестницы показалась нога в башмаке на роговой подошве; затем другая, не очень уверенно нащупывающая следующую ступеньку. Красные шелковые шаровары прямо-таки затопили узкий ход наверх, но дожидаться, чем увенчается поток этих алых шелков, было небезопасно, поэтому Юрг быстрым движением увлек за собой жену, прячась в камерке стражника. Башмаки процокали до самого низа лестницы, и теперь можно было осторожно выглянуть — вошедший должен был находиться к ним спиной.

Фигура, высившаяся напротив одного из окошек, была и для этого мира более чем странной. Пышные бедра и тонкая талия, перехваченная черным поясом, а также при-

чудливый жемчужный убор, скрывавший всю голову, выдавал несомненно женщину, но короткие обнаженные руки непроизвольно поигрывали превосходно развитыми неженскими мускулами. Внимательно оглядев небо сквозь прорезь узкого щелястого окна, гость — или гостья — начал медленно оборачиваться. Обнаженная грудь, полновесные формы которой и тем паче сияющие драгоценные камни, венчавшие каждую округлость, привели бы в неописуемый восторг любого почитателя Лакшми, если бы не их отливающий графитом оттенок; жемчужная диадема и свисающая с нее серебряная сетка наподобие древнерусской бармицы, а также массивный ошейник заключали лицо пришедшей как бы в драгоценную раму; но нельзя сказать, что от этого оно приобрело хоть какую-то привлекательность. Первым делом бросалась в глаза его неестественная гладкость, каковая наблюдается у свежесбритой головы. Огромный прямоугольный безбровый лоб с забранными под диадему волосами что-то напоминал — Юргу пришел на ум экранчик портативного компьютера. В следующий миг он разглядел нарисованные серебряной краской дуги бровей, в третий миг раздался каркающий — не мужской, но и не женский — голос:

— Мейрю! Ты готова?

Башмак нащупал какую-то точку на полу; последовал удар каблуком, и тонкая плита у подножия лестницы приподнялась и отъехала в сторону. Снизу блеснул луч яркого света, и драгоценные камни, обрамлявшие лицо, заиграли зловещими огоньками.

— Да, мой господин, — донеслось снизу — юный голосок, в котором теплилась беззащитность раннего материнства.

— Давай его сюда!

— Да, мой господин.

Господин... Так вот почему это лицо показалось мне Сэниа таким знакомым!

— Кадьян! — вскрикнула она. — Сибилло Кадьян!

И первых же звуков ее голоса было достаточно, чтобы Юрг нажал на спуск. Жемчужные подвески зазвенели,

груди всколыхнулись, теряя розетки из драгоценных камней, и сибилло рухнул на пол, прикрывая собой дорогу вниз.

Мона Сэниа подбежала первой и резким ударом сапога отбросила сведенное судорогой тело в сторону; с трудом удержалась, чтобы не добавить еще. Кадьян остановившимися глазами глядел на нее, и в них не промелькнуло ни тени удивления тому, что она жива. Скорее всего, одурманенный слабой дозой парализатора, он вообще ее не узнал. Рассыпавшиеся при падении жемчужины его убора жалобно тенькали, скатываясь в дыру и прыгая по ступенькам невидимой отсюда лестницы.

— Свяжи-ка его на всякий случай, — кинула через плечо мона Сэниа, бросаясь следом за жемчужным потоком. — Мне еще нужно будет на прощание задать ему пару вопросов.

— Я смотрю, на него не очень-то подействовало, — заметил Юрг с развернутой сетью, наклоняясь над лежащим. — Хотя так и должно быть — высокий интеллект противостоит...

Холодный черный взгляд перехватил его глаза и приковал к себе. Юрг почувствовал, что его мозг стискивают цепкие когти захвата. Неподвижное лицо колдуна светлело на глазах — ни один мускул на нем не шевельнулся, и тем не менее было видно, каких чудовищных усилий стоит ему обретение способности говорить.

— Ос-та-но-ви... — донеслось из полураскрытых, но недвигающихся губ.

— Сэнни! — крикнул Юрг, поднимая предостерегающе руку. — Постой, он хочет о чем-то предупредить!

Мона Сэниа, уже спустившаяся на несколько ступенек, замерла, потом повернула голову на эти странные, шелестящие звуки. Теперь их лица были примерно на одном уровне, но Кадьян, не в силах обернуться к ней, продолжал говорить, медленно, почти по слогам, и каждое его слово подымалось к сумрачному своду внезапно потемневшей каменной каморы, как призрачная маленькая летучая мышь:

— Ты... жива. Интересно. Что ж, поторгуемся...

— Мне незачем торговаться с тобой, княжеский сибилло. Я и так знаю, что мой сын там, в подземелье.

— А ты... уверена... что узнаешь его?

Мона Сэниа оперлась пальцами о каменную плиту, готовая в любой момент выпрыгнуть обратно:

— Я — своего сына?!

— Вот именно... На мое счастье... я хорошо запомнил твоего... сосунка...

— Зачем? — невольно вырвалось у нее.

— Я предвидел... что-то подобное. Сними с меня чары, чтобы я мог... исчезнуть. Взамен я укажу тебе на твоего сына. Всех ты не сможешь... унести... Но поторопись — ты не сделаешь и дважды по восемь вздохов... как здесь будет... огненная голова...

Долгий взгляд в окно, за которым собрались злобные свинцовые тучи.

— Юрг! Скорее наверх, поставь веерную защиту — он вызвал шаровую молнию! — Она уже летела по ступенькам вниз, навстречу сыну, которого она просто не могла не узнать!..

Уютная светелка, озаренная теплым пламенем бесчисленных золотых светильников. Юная темнокожая кормилица, в полуобморочном оцепенении прижимающая к груди узелок с пожитками.

И на полу, устланном тусклыми коврами, не менее полусотни совершенно одинаковых ползающих, барахтающихся, сосущих свои пальцы младенцев.

Со ступенек скатилась еще одна жемчужина, ударилась о ковер и начала стремительно расти, приобретая теплую розоватость младенческого тельца. Через секунду еще один малыш повернулся на бочок, открывая ей улыбающееся личико ее Юхани.

«Ты не сделаешь и дважды...»

С трудом преодолевая отвращение, она наклонилась и дотронулась до крошечного оборотня, заранее содрогаясь от неминуемого ракушечного холода, которого ждала ее ладонь. Нет. Ничего подобного — рука ощутила влажную

теплоту. Кадьян был гениален. В отчаянье она обернулась к пребывающей в полубеспамятстве кормилице, но было совершенно очевидно, что она перестала понимать, что происходит, и помощи от нее ждать было бесполезно.

— Беги! — крикнула ей мона Сэниа.

Девушка вздрогнула и выронила узелок.

— Беги же!

Кормилица, не отрывая глаз от неожиданной гостьи, наклонилась и принялась шарить под ногами, словно пытается нащупать оброненный узелок.

— Брось все и беги, сейчас сюда придет смерть!

Девушка, как зачарованная, покачала головой и продолжала что-то искать. И вдруг мона Сэниа поняла: в этой массе розовых шевелящихся человеческих детенышей был один, которого эта темнокожая малышка кормила своей грудью все эти дни, и она не могла повернуться к нему спиной, когда на подлете была неощутимая, но и неминуемая смерть.

И вдруг... Померещилось? Нет. В копошении розовато-молочных телец промелькнуло что-то смуглое — загорелая спинка.

— Юхани! — крикнула она, бросаясь к самым ногам кормилицы и выхватывая из общей кучи того единственного, чья кожа с нежным кофейным оттенком заставила ее вспомнить странную картину с двумя крѣгами — там был нарисован Юхани, но он был и не белым, и не черным. Оцмар все-таки оказался ясновидцем и без пророчеств Кадьяна!

Прижимая к себе сына, она взлетела по лесенке, как-то совершенно позабыв о своем природном даре перемещения. Сейчас она даже не жаждала расправы над виновником своих бед — пусть просто увидит... И он увидел.

— Интересно... — пробормотал он.

— Солнце Тихри было милостиво к моему сыну, — сказала она так гордо, словно речь шла о каком-то божественном даре. — Солнце и Оцмар...

Сейчас в ее душе не было ни уголка, доступного мстительным чувствам.

— Бесполезно, — прошептал Кадьян. — Еще несколько мгновений...

Она вдруг почувствовала жужжащий гул в висках; кончики пальцев на руках и ногах свела покалывающая боль. Она еще крепче прижала к себе Юхани, не делая ни малейшей попытки уйти из-под надвигающегося грозового удара, — сейчас, когда они были наконец вместе, она уже не соглашалась на новую разлуку. Жить или умереть — но втроем.

И в тот же миг за окном полыхнула зеленовато-белая вспышка, пол качнулся, и известковая крошка посыпалась с темного свода. Но что бы там ни было, башня устояла, как это бывает с очень древними руинами.

Юрг, вне себя от беспокойства, скатился вниз по лестнице, едва не сбив с ног незаметную, как мышка, кормилицу, надумавшую таки выбраться отсюда вон.

— Вы еще здесь? — заорал он не своим голосом. — Что ты его удержишь голышом, гроза ведь!..

— Гроза... — Сэнни прикрыла глаза и вдруг начала смеяться. — Гроза, гроза...

Действительно, после всего, что произошло, бояться простуды было по меньшей мере забавно.

— Нашла время забавляться, — ворчливо проговорил он, отбирая у нее сына. — Конечно — нос холодный! Портки спустить с этого, что ли, — на пеленки?

Он задумчиво поглядел на притихшего колдуна — тот дышал ровно, постепенно приходя в себя и, не дай бог, обретая прежнюю боевую форму. Вопрос о применении кумачовых шаровар повис в воздухе, но в эту минуту, к счастью, на голову счастливого отца шлепнулся наспех связанный узелок, тут же рассыпавшийся ворохом тряпчечек самого разного калибра и назначения.

— Помочь? — спросила мона Сэниа, искоса поглядывая на то, с каким удовольствием ее супруг управляется с пеленками.

— Уж как-нибудь... Это, сама понимаешь, не веерную защиту против направленного разряда поставить... вот и все. Ну, что будем делать с пленным гадом?

— У меня к нему только один вопрос, — деловито проговорила мона Сэниа, присаживаясь на корточки и поигрывая десинтором. — Я хочу знать: чего в конечном счете добиваются анделисы здесь на Тихри?

Кадьян высокомерно повел нарисованной серебряной бровью и скривил губы. Наступило молчание.

— Ты не очень-то задавайся, сукин... — Юрг перевел взгляд на непотребно обнаженную грудь и поправился: — Сукино чадо. Не так уж ты и талантлив, как расписывал тебя твой венценосный покровитель. Скопировать ребенка не смог в точности.

Взгляд лежащего пленника остановился где-то между склонившимися над ним людьми и впал в некоторую бессмысленность. Темное лицо залоснилось, словно на нем выступил пот.

— Продал... — прошептал он еле слышно. — Прокуратор меня продал... Вот почему вы здесь...

— А ты думал! Таких, как ты, всегда в конце концов продают, больше с ними просто делать нечего.

Взгляд колдуна приобрел горестную влажность и, скользнув по потолку, остановился на брыкающемся в своих пеленках (кому же приятно потерять свободу!) маленьком Юхани.

— Я хотел вырастить из него будущего князя нашей дороги, — чуть ли не с нежностью вздохнул он. — У сибилл не бывает детей... И это не солнце, — продолжал он, лаская ведовским взором смуглое личико. — Его кормила темнокожая женщина нашего племени, так что он навсегда останется наполовину принцем Тихри и лишь наполовину...

— Тебя не об этом спрашивают, — резко оборвала его Сэниа, которую не привели в восторг отеческие воцеления колдуна.

— Да, — отозвался он почти смиренно, — Я помню. Анделисы меня продали — так почему я не могу отплатить им тем же?.. Вы бы меня развязали...

— Потерпишь, — жестко отрезал Юрг. Тон наивного хриstopродавца его отнюдь не разжалобил.

— Так спинке холодно, — проскулил сибилло.

Юрг передал притихшего карапуза жене, направился в соседнюю каморку и, побряхтывая от натуги, приволок бесчувственное тело стражника, которому в силу удвоенности дозы предстояло провести в полном параличе еще несколько часов. Приподняв сибиллу за плечи, он прислонил его к этой импровизированной диванной подушке.

— Так теплее? — спросил он не без лицемерной участливости.

Колдун не ответил и полуприкрыл глаза.

— Сравнительный анализ развития цивилизаций среднегалактического расселения показал, что все они остановились, не достигнув ноодоминантной фазы. — Голос, заполнивший сумеречную башню, поражал не только своей академической сдержанностью, но и удивительно знакомой басовой бархатистостью. — Чисто механически овладев такими планетами — или их коалициями, — мы не выходим за рамки горизонтального порога этой фазы.

Юрг и Сэнни потрясенно переглянулись.

— Тем не менее все без исключения цивилизации предоставляют нам примеры спонтанного проникновения в эту надпороговую область с установлением обратной связи. Интенсивность такого взаимодействия прямо пропорциональна однородности ментальной конкреции наблюдаемой ноосферы.

— Бред какой-то, — прошептал Юрг.

— Не бред, а паршивый подстрочник — транслейтору не хватает гибкости, — приложила палец к губам его жена, — тс-с-с, слушай...

— Совершенно очевидно, что, таким образом, исходной задачей становится поиск или создание цивилизации с абсолютно гомогенной и строго поляризованной ментальной подсистемой; нельзя исключить и искусственного воздействия для достижения требуемого результата. Представляется несущественным тот факт, что пока остается проблемой сама структура той ноосферной надсистемы,

которая на различных языках носит название «случай», «бог», «судьба» или «движущие силы природы». Главное — прослежен механизм управления и овладения этой надсистемой путем воздействия на нее единого ментального потока. Таким образом, становится очевидным, что необходимым и достаточным условием покорения Вселенной в целом является подчинение себе на каждой отдельной планете той имманентно присущей ей ноосферной надсистемы, которая...

Мона Сэниа вскинула руки к вискам, похолодевшим от нарастающего пчелиного жужжания. Мелкий дождичек серебристых иголок коснулся ладоней. Сибилло беззвучно шевелил губами... Она, не позволяя себе ни единого мига на осмысление происходящего, рванулась к мужу и, обхватив его за плечи, бросилась в спасительное *ничто*...

И очутилась на крыше храмового здания, возвышавшегося в самом центре Орешника. Когда она успела подумать именно об этом месте своего выхода из подпространства, она не смогла бы сказать; но совершенно очевидно, что ею двигал не только инстинкт, опознавший приближающуюся опасность, но и изрядная доля природного любопытства.

А опасность была прямо перед ними — гигантский конус надвигающегося торнадо, сопровождаемый ослепительным эскортом молний. Бешено вращающийся столб изогнулся вопросительным знаком, стряхивая со своей верхушки огненный шар невиданной супермолнии, стремительно падающей куда-то за городскую стену. Раздался оглушительный взрыв, пронизывающий пелену дождя столбом каменных обломков, и крыша под ногами зашаталась.

— Последний полет над Тихри! — весело крикнула мона Сэниа, увлекая за собой тех двоих, которые были для нее самыми дорогими существами во всей Вселенной.

— Не сглазь... — начал Юрг. — Что, уже?

— Уже, уже. Почти дома.

Воины славной дружины бежали к ним со всех концов поляны. Юрг выпрямился, расставив ноги, и высоко под-

нял над головой отчаянно верещавшего Юхани. Впрочем, визг был веселым — приветливая зелень рощи еще не дала ему ощутить привкуса недалекого пожарища. Мона Сэни сияющими глазами обвела столпившихся вокруг них собратьев по оружию. С удивлением отметила, что оружие то было расчехлено и взято наизготовку. И лица, освещенные на какое-то мгновение столь естественной радостью, сразу же стали настороженными и в какой-то степени даже виноватыми.

— В чем дело? — быстро спросила она. — И где девочка?

— Мы ее не нашли, — коротко ответил за всех Эрм, словно взял на себя большую часть вины.

— Как не нашли? Лронг!..

— Эти ушли. Все втроем.

— Куда? — Мона Сэни поняла, что вопрос был бессмысленным.

— Надо полагать, — пожал плечами Флейж, — к своим.

— Прилетел Кадьян, — с привычной для него сухостью доложил Сорк. — Они проговорили чуть более минуты. Потом Кадьян передал Лронгу какой-то сверточек и вернулся к своему летательному аппарату. Тихриане, не сказав нам ни слова, поднялись и ушли. Мы сочли себя не вправе их задерживать. Вскоре взлетел и Гротун. Мы возобновили поиски Таиры, но безрезультатно. Вот и все.

— Ну нет, не все, — сказал Юрг, передавая ребенка Эрму. — Сэнни, это был не последний полет над Тихри.

— Да, — сказала она, указывая на вершину башни, — сначала — туда.

У Юрга, никогда не боявшегося высоты, слегка захватило дух — они стояли на самом краю верхней площадки покрытой копотью пирамиды, и где-то очень далеко внизу в рваных плывущих прорехах дымной пелены просматривалась земля. Справа, огибая догорающий город, пестрым широким потоком текла заполненная людской массой дорога, к ней со всех сторон крошечными муравьиными

пятнышками двигались запоздалые путники, чтобы влиться в общее русло беглецов.

— Гляди! — крикнула мона Сэниа, указывая на пожелтевшее выкошенное поле, простиравшееся между дорогой и рощей. — Видишь? Это белый плащ Рахихорда! Скорее!

Спешить, собственно говоря, было некуда — старый рыцарь едва переставлял ноги, поддерживаемый с одной стороны мощными руками сына, а с другой — бесплотной на вид, но на деле жесткой и, когда надо, уверенной дланью шамана. Но взять себя на руки он Лронгу так и не позволил. Две человеческие фигуры, внезапно появившиеся перед ними на жесткой стерне, заставили их замереть на месте, но не удивиться.

— Достойный Рахихорд, добрейший Лронг, мудрый сибилло! — начала мона Сэниа, склоняясь перед ними. — Я не могла покинуть Тихри, не попрощавшись с вами и не принеся вам самую глубокую благодарность. Я нашла своего сына и возвращаюсь домой.

Она сделала паузу, в которой повис невысказанный вопрос.

— Благодарю тебя и радуюсь вместе с тобой, повелительница чуждедалных воинов, — проговорил Лронг с несвойственной ему величавостью. — Может быть, счастье обретения сына поможет тебе забыть о нашей общей утрате.

— Какой... утрате? — липкий ледяной язык лизнул по спине, под сердцем задрожала тоненькая колючка. Неминучесть.

— Светлячок, — сказал Рахихорд и заплакал.

Юрг шагнул вперед, опустился перед ним на колени и взял его немощные руки в свои:

— Расскажи... Расскажи мне все, как было; расскажи так, словно ты говоришь с ее отцом!

— Вы улетели, обретя друг друга и исполненные жажды новых свершений... А она осталась одна. И тогда она обратилась к Кадьяну.

Юрг заскрипел зубами, но промолчал.

— Вас же там не было! — невольно воскликнула мона Сэниа. — Откуда...

— Я велел Кадьяну рассказать правду, — продолжил за отца Лронг, — а он — верный слуга. И он рассказал. Наша светлая властительница пришла к нему, и слова ее были словами последнего повеления. «Еще день назад я вернулась бы на Землю самой счастливой девчонкой, — сказала она. — А теперь я не хочу возвращаться совсем. Но и здесь мне делать нечего. Я потеряла того, кто любил меня больше света белого, больше солнца красного...»

Юрг почувствовал, как у него перехватило горло, — вот такого Кадьян просто не способен был выдумать. Так могла сказать только девочка с далекой Земли...

— И еще, сказала она, не стало одного человека — Кадьян не спросил какого. И тогда она повелела ему открыть ей... — Он замолк, не решаясь или не находя сил продолжать.

— Говори, — прошептала мона Сэниа, видя, что у Травяного Рыцаря просто не поворачивается язык.

— Она велела ему сказать, какую смерть он выбрал бы для себя... И он засмеялся.

— Да, — хрипло проговорил Юрг. — Эта тварь считала себя бессмертной.

— И все-таки он ответил: говорят, что самая сладкая смерть — это заснуть и замерзнуть во сне. Ибо эти предсмертные сны обязательно сказочны и ведут в мир, где исполняются самые заветные желания. И тогда она сказала, что хочет заснуть таким сном. И чтобы он перенес ее в ледяную пещеру, где ее не найдет ни один человек — ни с Земли, ни с Тихри, ни с Джаспера.

— И он это сделал... — прошептала мона Сэниа.

— Да. Он служил верно.

Стылый туман, неотделимый от дымных полос, полз по жнивью, затопляя благодатную Дорогу Оцмара горечью утраты.

— Да черт побери! — закричал Юрг. — Мы здесь распускаем сопли, а она, может быть, еще жива!

— Нет, — едва слышно проговорил Лронг. — Кадьян передал мне вот это. — И он протянул на широкой, как сковорода, черной ладони нечто завернутое в детский носовой платок.

— Что это? — с ужасом проговорила мона Сэниа.

— Знак власти. — Он достал из перепачканной чем-то ткани ослепительно сияющую на чудом прорвавшемся лучике солнца уже знакомую принцессе голубую звезду. — Если этот знак попадет в чужие руки, он холоден, как горное стекло. Таким он и был, когда княжий слуга передал его мне. Это значило, что настоящий владелец звезды еще жив. Но потом он вдруг засиял и согрелся — верный признак того, что я стал его законным хозяином. И глаза бы мои на него не глядели... — добавил он, пытаясь упрятать всесильный амулет обратно.

— А это что? — спросил Юрг, не решаясь дотронуться руками до платка.

— Это — маленькое знамя, на котором изображен Неплаканый зверь и начертаны магические знаки.

Он развернул платок, на уголке которого был изображен крошечный бессмертный Микки-Маус и тонким угольком были приписаны слова: «Лронг, позаботься о Чернавке».

— Юрг, — неожиданно спросила мона Сэниа, — а сколько ей лет?

И он ответил:

— Пятнадцать.

И это было самым коротким и самым горестным надгробным словом, когда-либо прозвучавшим на Земле, на Тихри и на Джаспере.

— Все на корабль, — скомандовала принцесса. — Мы возвращаемся на зеленый Джаспер.

И эти слова, которых они ожидали с такой жадностью и надеждой, никого не сдвинули с места. Дружинники, сурово глядя на своего командора, молчали, потому что улететь — это значило бросить здесь *своего*. Пусть даже мертвого.

— Останусь я, — сказал Юрг. — Иначе я не смогу поглядеть в глаза Стамену. И я найду ее.

— Ты не знаешь Тихри, — возразила мона Сэниа. — Наложено заклятие, и ни один человек...

— Я это слышал, — оборвал ее Юрг. — Я остаюсь.

— Нет. Если ты в одиночку погибнешь в этих самых Стекланных горах, то уж точно не сможешь посмотреть в глаза ее отцу. Я сказала: мы возвращаемся. Думаю, найдется доброволец, который доставит тебя на Землю, где вы со Стаменом соберете все, чтобы ваша экспедиция была успешной. Ты рассказывал мне о чудесах техники своей планеты. Надеюсь, твои соотечественники на них не поскуются, а у моих достанет мужества, чтобы еще раз прилететь сюда. Или нет?

Все смотрели на нее молча, но теперь это было молчанием согласия. Она опустила голову и вздохнула:

— Мы летим на Джаспер...

И это прозвучало так странно, что Эрм позволил себе осторожно спросить:

— Что-то не так? Мы можем опять очутиться на неведомой планете?

— Нет, теперь нам это не угрожает. Но мы опустимся не на причале Звездной Гавани. И не на камнях ущелья Медового Тумана. Наш путь — на Лютые острова.

Последние слова были произнесены с такой жесткостью, что никто не решился расспрашивать о столь странном выборе точки завершения их маршрута. Тем более что на этих каменистых клочках суши после Черных Времен не селился ни один джасперянин, и, пожалуй, это было лучшим местом, где можно было бы без опаски выгрузить коробки с драгоценными офитами. Но не остаться там более ни на минуту.

Мона Сэниа обвела взглядом поблекшую под сероватым налетом рощу. Обернулась к догорающему городу-дворцу Оцмаровой мечты. В это время глухой огонь, выедающий подвалы, добрался наконец до подземной реки и серебряное облако пара, смешавшегося с пеплом, выметнулось из окружья городских стен и скрыло из глаз и

догорающие останки теремов, и нетленную пирамиду, хранилище княжеских сокровищ.

— Все, — сказала мона Сэниа. — На корабль.

В этой огромной каменной чаше, устланной бирюзовым ковром почему-то поголубевшего здесь бесцветника, не чувствовалось ни ветерка, хотя свое прозвание Лютых эти острова получили именно за сокрушительные ураганы, бушующие здесь каждую зиму. Но сейчас была поздняя весна, и буйная зелень свешивалась с краев неглубокого котлована — по всей видимости, кратера древнего вулкана. Корабль, опустившийся точно в центр этой естественной выемки, уже не был девятиглавым — только что они совершили обряд погребения, подняв малый кораблик с прахом Скюза над безбрежностью джасперянского океана и проводив его падение до самой поверхности воды.

Сейчас они все вместе стояли под весенним солнцем, оставляющим веселые серебристые пятнышки соли на их одежде, увлажненной морскими брызгами.

— Простимся, — сказала мона Сэниа. — Вы свободны и вольны рассказывать обо всем, что пережили, — правду и одну только правду. Это — единственное условие вашей безопасности, которое гарантировано мне... существами, которые до сих пор правят нашим Джаспером. Но войны не будет. Каждый человек волен выбрать, оставаться ли ему под сенью краговых крыльев или обрести зрение благодаря чудодейственным офитам, которые носите вы.

Она немного помолчала, шевеля носком сапога крошечные голубые соцветья. Сейчас ей предстояло признаться в своем поражении.

— Возвращайтесь домой. Ни к одному из вас я больше не обращусь ни как ваш командор, ни как принцесса Джаспера. Но если кто-нибудь захочет разделить со мной изгнание, он знает, где я теперь нахожусь. Потому что я дала слово, что моя нога не ступит на землю Равнины Паладинов, пока... Там будет видно, до какой поры.

— А твой замок? — спросил Эрм. — Он будет принадлежать... этим?

— Нет, он останется за мной, и мне понадобится управляющий.

Эрм низко поклонился, как бы говоря: почту за честь.

— Благодарю тебя, Эрромиорг из рода Оргов. После того как ты увидишься со своими родными и приведешь в порядок личные дела, отправляйся в замок Асмур и пришли нам немного еды и одежды.

— Я сделаю это незамедлительно, моя принцесса.

— И еще. Понадобится доброволец, чтобы перенести моего мужа, эрла Юргена, на его планету. Когда кто-нибудь из вас решит...

— Я готов это сделать хоть сейчас! — Разумеется, это был Флейж.

Пылкий Флейж, друг Скуза. Он сделает все возможное и невозможное, чтобы найти возлюбленную своего собрата... Вот только истинной причины его гибели он так и не узнает. Никогда.

Она твердо посмотрела прямо в глаза своего супруга:

— Да, сейчас. Ты помнишь берег Заповедного острова? — это уже Флейжу. Тот кивнул.

— В путь! — приказала она, поднимая руку в прощальном приветствии.

Теперь перед нею остались только шестеро. Надо приказать им... О древние боги, как же непросто перестать чувствовать себя командором!

— Пожалуйста, — тихо проговорила она, — я хочу остаться одна...

Вот и эти шестеро сделали шаг назад — и растаяли в весенней голубизне воздуха.

Она прижала к плечу смуглую головку сына, покрытую такими неожиданными для его цвета кожи золотистыми завитками. Малыш, усыпленный кристально чистым воздухом родной планеты, дышал ровно и бесшумно. Зато теперь отчетливо слышался гул океанских волн, разбивающихся о невидимые отсюда прибрежные скалы. Сколько же ей придется провести лет на этих камнях?

Позади остались бесконечные дороги убогой и волшебной Тихри, трое так не похожих друг на друга существ,

обратившихся в одинаковый серый прах, — Оцмар, Скюз и Кадьян. И ледяная пещера, недоступная людям Земли, Тихри и Джаспера.

Что же она получила взамен?

Право, которое она не уступила бы и ценой жизни, — право борьбы. Вот только бы знать, как это сделать, не нарушая данного слова... Юхани, пригревшийся под солнышком, причмокнул и засопел во сне. Вот и еще забота — как уберечь его в этой борьбе, которая будет беспощадной?

Она баюкала его в извечной и тщетной надежде всех матерей мира заслонить свое дитя от сполохов грядущих невзгод. Она никогда не щадила себя, самозабвенно бросааясь в гущу смертельных битв. Но сейчас она была готова с тем же неистовством возвести самые неприступные стены вокруг этого острова, чтобы оградить своего сына от подобных сражений.

Может быть, это ей и удалось бы.

Если бы ее малышу, так уютно устроившемуся у нее на руках, не предстояло в самом недалеком будущем стать тем, кого будут называть Принцем Трех Планет.

ВИД С ВЕРШИНЫ КИЛИМАНДЖАРО

Об авторе этой книги

Впервые имя Ольги Ларионовой прогремело в 1965 году, когда в третьем выпуске «Альманаха научной фантастики», выходившего в московском издательстве «Знание», появился ее дебютный роман «Леопард с вершины Килиманджаро». Роман был горячий, живой, новаторский — одна из первых в мировой фантастике попыток всерьез испытать человеческую психику на прочность.

...Земной звездолет в результате непредусмотренного эффекта попадает в будущее Земли и возвращается в свое время, неся с собой записи о датах смерти всех живущих на Земле. Каждый, кто пожелает, может узнать точное время своей смерти. Описанное в романе утопическое общество переживает серьезный этический кризис — но люди будущего оказываются достаточно тверды, чтобы противостоять мертвящему фатализму.

Ольга Николаевна Ларионова родилась в 1935 году в Ленинграде. Она окончила физфак ЛГУ, некоторое время работала инженером в Центральном НИИ металлургии и сварки, а в 1967 году стала профессиональным писателем, успев к тому времени завоевать репутацию одного из ведущих авторов отечественной фантастики шестидесятых годов — наравне с братьями Стругацкими, Анатолием Днепровым, Владимиром Савченко, Севером Гансовским и Георгием Гуревичем.

«Леопард...» не был первой публикацией Ольги Ларионовой. Дебютировала она годом раньше в сборнике «В мире фантастики и приключений» рассказом «Киска», а в 1965 году успела издать до выхода «Леопарда...» еще и рассказ «Пока ты работала...». В 1966—1968 годах Ларионова публиковала до четырех новых произведений в год. Среди них была повесть «Вахта „Арамиса“» (1966), блистательные рассказы «Планета, которая ничего не

может дать» (1967), «У моря, где край земли...» (1968) и другие вещи. Вместе с несколькими популярными фантастами Ларионова участвовала в написании повести-буриме «Летающие кочевники», публиковавшейся в журнале «Костер» (1968).

Итог этому периоду творчества писательницы подвел вышедший в Лениздате в 1971 году первый авторский сборник Ольги Ларионовой «ОСТРОВ МУЖЕСТВА», куда вошли роман «Леопард с вершины Килиманджаро» и ряд ранее публиковавшихся рассказов.

В последующие годы ведущие отечественные фантасты были практически лишены возможности издавать авторские книги — идеологическое руководство страны стало исключительно настроено относиться к любой нетривиальной литературе. Издание фантастики для удобства контроля со стороны власть предержащих постепенно стало прерогативой лишь четырех центральных издательств: «Молодая гвардия» издавала серию «Библиотека советской фантастики», «Знание» выпускало один-два раза в год сборники «НФ», «Мир» специализировался на зарубежной фантастике, а «Детская литература» издавала фантастику для детей и юношества. По сравнению с шестидесятыми годами количество новых книжных изданий резко сократилось. В этих условиях единственной отдушиной для отечественной фантастики стали научно-популярные журналы, которые вели постоянные рубрики НФ. Начиная с 1972-го и до 1980 года включительно все новые рассказы и повести Ларионовой выходили только в журналах. Из произведений этого периода можно особо выделить «Сказку королей» и «Подсадную утку» (оба произведения опубликованы в 1976 году). Единственный рассказ, попавший в сборник «Фантастика-79», выпущенный издательством «Молодая гвардия», был не только волонтаристски переименован — название «Солнце входит в знак Водолея» заменили на «Страницы альбома», — но даже своеобразно дописан редактором.

В 1981 году все тот же Лениздат выпускает второй сборник Ларионовой, «СКАЗКА КОРОЛЕЙ», ставший одной из лучших книг года. Помимо других произведений в сборнике были впервые собраны многие рассказы цикла, который позже назовут «чюрлёнисовским»: «Сказка королей», «Соната звезд. Аллегро», «Соната звезд. Анданте», «Солнце входит в знак Водолея», «Солнце входит в знак Близнецов». К этому же циклу относятся рассказы «Сотворение миров», «Соната ужа» и «Солнце входит в знак Девы».

В 1983 году в «молодогвардейской» серии «Библиотека советской фантастики» наконец-то появляется книга Ларионовой «ЗНАКИ ЗОДИАКА». А в 1985 году Ольга Ларионова публикует отдельным изданием «СОНАТУ МОРЯ», первую повесть из одноименной трилогии (полностью трилогия была выпущена в 1991 году ленинградским отделением «Детской литературы» под названием «ЛАБИРИНТ ДЛЯ ТРОГЛОДИТОВ»). Эта повесть приносит Ларионовой в 1987 году премию «Аэлита» — высшую награду отечественной фантастики, знак безусловного признания ее заслуг.

И в 1988 году Ларионова снова подтверждает свое право именоваться одним из ведущих авторов-фантастов. Журнал «Уральский следопыт» под названием «Звездочка-Во-Лбу» публикует ее блистательную повесть «ЧАКРА КЕНТАВРА», которую тут же издает в книге московское издательство МПИ.

«Чакра Кентавра», по признанию автора, писалась как литературная шутка. Ларионова сознательно свела в этой повести все штампы «космической оперы», однако вещь получилась на редкость цельной, значительной, насыщенной и метафоричной. «Чакра Кентавра» произвела настоящий фурор среди любителей фантастики и по результатам ежегодного опроса на приз «Великое кольцо» заняла одно из первых мест.

Итог десятилетия подвел сборник «ФОРМУЛА КОНТАКТА» (Лениздат, 1991), где впервые появились повести «Лгать до полуночи» и «Формула контакта» — сложные человеческие драмы, написанные с удивительной достоверностью и психологизмом, но сохранившие присущие всему творчеству Ольги Ларионовой лирические интонации.

В 1992 — 1995 годах никаких новых публикаций у Ларионовой не было: на книжном рынке безраздельно господствовали Гарри Гаррисон и Роджер Желязны, Дж. Р. Р. Толкин и Урсула Ле Гуин, а отечественные авторы на некоторое время практически лишились внимания издателей. В 1995 году картина наконец изменилась — и в декабре в издательстве «Параллель» вышел новый сборник Ольги Ларионовой «СОТВОРЕНИЕ МИРОВ», куда вошли трилогия «Соната моря» и весь «чюрленисовский» цикл.

А в начале 1996 года вышла книга, которую вы держите в руках.

Вот пока и вся история...

Сергей ПАНШИН

ОЛЬГА ЛАРИОНОВА

БИБЛИОГРАФИЯ

Книги:

1. ОСТРОВ МУЖЕСТВА: Роман, повесть, рассказы. — Л.: Лениздат, 1971.

Сод.: Леопард с вершины Килиманджаро; Планета, которая ничего не может дать; Обвинение; Развод по-марсиански; Остров мужества.

2. СКАЗКА КОРОЛЕЙ: Повести, рассказы. — Л.: Лениздат, 1981.

Сод.: Сказка королей; Кольцо Фэрнсуортов; Картель; Ненастоящему; Черная вода у лесопилки; Пока ты работа-ла...; У моря, где край земли...; Соната звезд. Аллегро; Соната звезд. Анданте; Солнце входит в знак Водолея; Солнце входит в знак Близнецов.

3. ЗНАКИ ЗОДИАКА: Рассказы. — М.: Молодая гвардия, 1983. — («Библиотека советской фантастики»).

Сод.: Сотворение миров; Дотянуть до океана; Вернись за своим Стором; Соната ужа; Планета, которая ничего не может дать; Где королевская охота; Подсадная утка; У моря, где край земли...

4. СОНАТА МОРЯ: Повесть. — Л.: Детская литература, 1985.

5. ЧАКРА КЕНТАВРА: Сборник. — М.: Изд-во МПИ, 1988.
Сод.: Соната ужа; Сотворение миров; Ненастоящему; Сказка королей; Чакра Кентавра.

6. ЧАКРА КЕНТАВРА: Сборник. — М.: Изд-во МПИ, 1989.
Сод.: Ненастоящему; Сказка королей; Чакра Кентавра.

7. ЛАБИРИНТ ДЛЯ ТРОГЛОДИТОВ: Трилогия. — Л.: Детская литература, 1991.

Сод.: *Соната моря; Клетчатый тапир; Лабиринт для троглодитов.*

8. ФОРМУЛА КОНТАКТА: Сборник. — Л.: Лениздат, 1991.

Сод.: *«Щелкунчик»; Соната ужа; Перун; Сотворение миров; Леять до полуночи; Солнце входит в знак Водолея; Вахта «Арамиса»; Формула контакта.*

9. СОТВОРЕНИЕ МИРОВ: Сборник. — Нижний Новгород: Параллель, 1995. — (Серия «Хрустальный шар»).

Сод.: *Соната моря; Клетчатый тапир; Лабиринт для троглодитов; Сказка королей; Соната ужа; Соната звезд. Аллегро; Соната звезд. Анданте; Солнце входит в знак Водолея; Солнце входит в знак Близнецов; Солнце входит в знак Девы; Столкновение миров; Перун; Картель; Где королевская охота; Сон в летний день.*

Публикации в журналах и сборниках:

1. КИСКА: Рассказ // В мире фантастики и приключений. — Л.: Лениздат, 1964.

2. ЛЕОПАРД С ВЕРШИНЫ КИЛИМАНДЖАРО: Роман // НФ. Вып. 3. — М.: Знание, 1965.

3. ПОКА ТЫ РАБОТАЛА...: Рассказ // Фантастика. Вып. 2. — М.: Мол. гвардия, 1965.

4. ВАХТА «АРАМИСА»: Повесть // Искатель. 1966. № 2. [Сокр.]

5. УТЕРЯНО В БУДУЩЕМ: Рассказ // Молодой Ленинград. — Л.: Советский писатель, 1966.

6. НА ЭТОМ САМОМ МЕСТЕ: Рассказ // Планета туманов. — Л.: Детская литература, 1967.

7. ПЕРЕБЕЖЧИК: Рассказ // Искатель. 1967. № 1. (Др. назв. «Вернись за своим Стором»).

8. ПЛАНЕТА, КОТОРАЯ НИЧЕГО НЕ МОЖЕТ ДАТЬ: Рассказ // НФ. Вып. 7. — М.: Знание, 1967.

9. РАЗВОД ПО-МАРСИАНСКИ: Рассказ // НФ. Вып. 6. — М.: Знание, 1967.

10. ЛЕТАЮЩИЕ КОЧЕВНИКИ: Повесть-буриме. Глава 2 // Костер. 1968. № 7.

11. ОСТРОВ МУЖЕСТВА: Рассказ // Вокруг света. 1968. № 11.
12. У МОРЯ, ГДЕ КРАЙ ЗЕМЛИ...: Рассказ // Вторжение в Персей. — Л.: Лениздат, 1968.
13. ОБВИНЕНИЕ: Рассказ // Аврора. 1969. № 5.
14. ДВОЙНАЯ ФАМИЛИЯ: Рассказ // Аврора. 1972. № 1.
15. КОЛЬЦО ФЭРНСУОРТОВ: Рассказ // Искатель. 1976. № 3.
16. ПОДСАДНАЯ УТКА: Рассказ // Знание — сила. 1976. № 2.
17. СКАЗКА КОРОЛЕЙ: Повесть // Уральский следопыт. 1976. № 3. [Сокр.]
18. ЧЕРНАЯ ВОДА У ЛЕСОПИЛЬНИ: Рассказ // Литературная Армения. 1976. № 10.
19. ГДЕ КОРОЛЕВСКАЯ ОХОТА: Рассказ // Аврора. 1977. № 3.
20. ДОТЯНУТЬ ДО ОКЕАНА: Рассказ // Наука и техника. 1977. № 2, 3.
21. «ЩЕЛКУНЧИК»: Рассказ // Искатель. 1978. № 2.
22. ВЫБОР: Рассказ // Аврора. 1979. № 1.
23. КАРТЕЛЬ: Рассказ // На севере дальнем. 1979. № 1.
24. ПОЗДРАВЛЕНИЕ: Рассказ // Юный техник. 1979. № 12.
25. СОНАТА УЖА: Рассказ // Знание — сила. 1979. № 8, 9.
26. СТРАНИЦЫ АЛЬБОМА: Рассказ // Фантастика-79. — М.: Молодая гвардия, 1979. (Др. название «Солнце входит в знак Близнецов»).
27. СОЛНЦЕ ВХОДИТ В ЗНАК ДЕВЫ: Рассказ // Фантастика-80. — М.: Молодая гвардия, 1981.
28. ЧЕРТОВА МЕТЕЛКА: Рассказ // Природа и человек. 1981. № 2.
29. ДЕКАПАРСЕК: Рассказ // Техника и наука. 1982. № 3.
30. СОНАТА МОРЯ: Повесть // Искатель. 1985. № 3.
31. ЛОМАНЫЙ ГРОШ: Рассказ // Юный техник. 1986. № 9.
32. ЗВЕЗДОЧКА-ВО-ЛБУ (Чакра Кентавра): Повесть // Уральский следопыт. 1988. №№ 1—4.
33. СОН В ЛЕТНИЙ ДЕНЬ: Рассказ // Эстафета разума. — Л.: Детская литература, 1988.

34. КЛЕТЧАТЫЙ ТАПИР: Повесть // Ларионова О. Клетчатый тапир. Амнуэль П. Капли звездного света. Романовский Б. Преступление в Медовом Раю. — М.: Молодая гвардия, 1989.

35. КРАТКИЙ ДЕЛОВОЙ ВИЗИТ: Рассказ // Дверь с той стороны. — Л.: Детская литература, 1990.

36. ПЕРУН: Повесть // Мистификация. — Л.: Лениздат, 1990.

Составил Борис МИЛОВИДОВ

СОДЕРЖАНИЕ

Чакра Кентавра (Эскиз композиции № 413) . .	7
Делла-Уэлла (Странствие королевны) .	171
<i>С.Паншин.</i> Вид с вершины Килиманджаро .	500
Библиография	503

Ларионова О.

Л 25 Венценосный крэг: Фантаст. роман. / Илл. Я. Ашмаиной.— М.: ТКО АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 1996.—512 с.: ил.— (Далекая Радуга).

ISBN 5-7921-0067-5.

Ольга Ларионова, лауреат премии «Аэлита», один из бесспорных классиков отечественной фантастики, автор знаменитого романа «Леопард с вершины Килиманджаро». Ее блистательная «космическая опера» «Чакра Кентавра», вышедшая в 1988 году, покорила читателей сразу и навсегда. В этой повести все было замечательно: и тема, и герои, и сюжет... и даже открытый финал, который просто требовал продолжения... Читатели долго ждали второй части — и вот, наконец, их терпение вознаграждено: в этом томе публикуется «Чакра Кентавра» и ее прямое продолжение «Делла-Уэлла».

Л 8820000000

ББК 84(2Рос-Рус)6

Литературно-художественное издание

Ларионова Ольга Николаевна

ВЕНЦЕНОСНЫЙ КРЭГ

Фантастический роман

Ответственный редактор С. В. Бережной

Редактор Л. И. Филиппов

Художественный редактор А. Е. Нечаев

Дизайн обложки А. А. Кудрявцев

Технический редактор А. С. Белокрылов

Корректоры Н. Ю. Богачева,

А. А. Борисенкова, Е. Д. Шнитникова

Подписано в печать с готовых диапозитивов 23.02.96. Формат
84×108¹/₃₂. Печать офсетная. Усл. печ. л. 26,9. Тираж 11 000 экз.
Заказ 292.

Издательство «АСТ». Лицензия ЛР № 060519.
143900, г. Балашиха Московской обл., ул. Фадеева, д. 8.

Издательство «Terra Fantastica» издательского дома «Корвус».
Лицензия ЛР № 040390. 190068, Санкт-Петербург, Вознесенский пр.,
д. 36.

При участии ТОО «Харвест». Лицензия ЛВ № 729.
220034, Минск, ул. В. Хоружей, 21—102.

Отпечатано с готовых диапозитивов заказчика в типографии изда-
тельства «Белорусский Дом печати». 220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.

Книги издательства
АСТ
в магазинах Москвы

“Московский дом книги”
ул. Новый Арбат, 8
290-45-07

“Библио-глобус”
ул. Мясницкая, 6
928-86-28

“Молодая Гвардия”
ул. Б. Полянка, 28
238-00-32

“Москва”
ул. Тверская, 8
229-64-83

“Столица”
ул. Чернышевского, д.44
917-58-87

Лучшая фантастика мира
в новых сериях издательства

АСТ

Фэнтези

серия

“ВЕК ДРАКОНА”

Русская фантастика

серия

“ДАЛЕКАЯ РАДУГА”

Военно-приключенческая фантастика

серия

“БОЕВОЙ ФЛОТ”

а также

“КООРДИНАТЫ ЧУДЕС”

Серия «Далекая Радуга»

Новая русская фантастика

Ольга Ларионова «Венценосный крэг»,

Сергей Иванов «Железный зверь»,

Далия Трускиновская «Королевская кровь»,

Ант Скаландис «Катализ»,

Елена Хаецкая «Завоеватели»,

а также произведения

Андрея Лазарчука, Т.Л.Олди,

Александра Рубана, Андрея Столярова

и других авторов.

Роман «Железный зверь» - это жесткий сюжет, насыщенный поединками, дворцовыми интригами и магическими перевоплощениями героев. Юный воин попадает в кипящий котел имперских страстей причудливого мира планеты Огранда. Юношеская влюбленность и плотская любовь, утонченность разума и сила мышц, древнее предательство и месть Будущему...

Все это - в романе замечательного писателя Сергея Иванова.

Ольга Ларионова - один из бесспорных классиков отечественной фантастики, автор знаменитого романа «Леопард с вершины Килиманджаро». Ее блистательная «Чакра Кентавра» покорила читателей сразу и навсегда. В этой повести все замечательно: и тема, и герои, и сюжет... и даже открытый финал. В этом томе публикуется «Чакра Кентавра» и ее прямое продолжение «Делла-Уэлла».